UNE ✦ SACRA

Скандинавская мифология

Калевала

✦ ✦ ✦

Элиас Лённрот (составитель), на основе народных песен

Л. П. Бельский (1888)

Сведения

Автор	Элиас Лённрот (составитель), на основе народных песен
Дата	древние песни; издание 1849 года
Язык оригинала	Финский
Версия	Л. П. Бельский (1888)
Издание	1
Перевод	Леонид Петрович Бельский
Источник	Викитека — Калевала, пер. Л. П. Бельского (1888)
Лицензия	CC BY-NC-SA 4.0 · оригинал: Public domain

О тексте:

«Калевала» — национальный эпос Финляндии. Врач и филолог Элиас Лённрот (1802–1884) провел многие годы в путешествиях по деревням Карелии и восточной Финляндии, записывая песни (руны), которые крестьяне все еще пели традиционным размером, и сплел их в единую поэму: первое издание вышло в 1835 году, а окончательное, насчитывающее 50 рун и около 22 800 строк, — в 1849 году. Произведение сыграло огромную роль в пробуждении финского языка и национального самосознания.

Поэма открывается сотворением мира из яиц птицы, опустившейся на колено Дочери Воздуха (Ильматар), и рождением старого мудреца Вяйнямёйнена, певца и чародея. В ней повествуется о его приключениях, а также о деяниях кузнеца Ильмаринена и веселого Лемминкяйнена; выковывании Сампо — волшебной мельницы, приносящей изобилие, — для хозяйки Похъёлы, северной страны; трагической судьбе Куллерво; похищении Сампо и битве с колдуньей Лоухи, прячущей солнце и месяц; и завершается она уходом Вяйнямёйнена, который оставляет своему народу кантеле и свои песни. Ее ритм вдохновил Лонгфелло на «Песнь о Гайавате», а сама поэма оказала влияние на Дж. Р. Р. Толкина и композитора Яна Сибелиуса.

Английский перевод выполнен Джоном Мартином Кроуфордом (1888), имитирующим размер оригинала. Имена даны в его написании (Wainamoinen, Lemminkainen, Kullerwoinen). Финский текст Лённрота (1849) разделен аналогичным образом: зачин и концовка представляют собой начальные строки 1-й руны и заключительные строки 50-й руны. Каждый отрывок пронумерован по его первой строке в руне.

Источник: https://ru.wikisource.org/wiki/Калевала_(Лённрот;_Бельский)

Условия использования этой версии см. в указанном выше источнике. Оформление этого файла принадлежит Une Sacra (CC BY-NC-SA 4.0); текст сохраняет лицензию, указанную выше.

Электронное издание подготовлено 26 ноября 2026 г. библиотекой Une Sacra, открытой библиотекой священных текстов. · UneSacra.com

Содержание

Руна I

Руна II

Руна III

Руна IV

Руна V

Руна VI

Руна VII

Руна VIII

Руна IX

Руна X

Руна XI

Руна XII

Руна XIII

Руна XIV

Руна XV

Руна XVI

Руна XVII

Руна XVIII

Руна XIX

Руна XX

Руна XXI

Руна XXII

Руна XXIII

Руна XXIV

Руна XXV

Руна XXVI

Руна XXVII

Руна XXVIII

Руна XXIX

Руна XXX

Руна XXXI

Руна XXXII

Руна XXXIII

Руна XXXIV

Руна XXXV

Руна XXXVI

Руна XXXVII

Руна XXXVIII

Руна XXXIX

Руна XL

Руна XLI

Руна XLII

Руна XLIII

Руна XLIV

Руна XLV

Руна XLVI

Руна XLVII

Руна XLVIII

Руна XLIX

Руна L

РУНА I

✦

1-6 Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.

7-10 На устах слова уж тают,
Разливаются речами,
На язык они стремятся,
Раскрывают мои зубы.

11-14 Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобой промолвим слово.

15-20 Наконец мы увидались,
С двух сторон теперь сошлися!
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу
На пространстве этом бедном,
В крае севера убогом.

21-24 Так давай свои мне руки,
Пальцы наши вместе сложим,
Песни славные споем мы,
Начиная с самых лучших;

25-28 Пусть друзья услышат пенье,
Пусть приветливо внимают
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе.

29-36 Я собрал все эти речи,
Эти песни, что держали
И на чреслах Вяйнямёйнен,
И в горниле Ильмаринен,
На секире Каукомъели,
И на стрелах Ёукахайнен,
В дальних северных полянах,
На просторах Калевалы.

37-40 Их певал отец мой прежде,
Топорище вырезая;
Мать меня им научила,
За своею прялкой сидя;

41-50 На полу тогда ребенком
У колен их я вертелся;
Был я крошкой и питался
Молоком еще, малютка,
Пели мне они о Сампо

И о чарах хитрой Лоухи,
И старело Сампо в песнях,
И от чар погибла Лоухи,
С песней Випунен скончался,
В битве умер Лемминкяйнен.

51-60 Слов других храню немало
И познаний, мне известных:
Я нарвал их на тропинке,
Их на вереске сломал я,
Их с кусточков отломил я,
Их набрал себе на ветках,
Их собрал себе я в травах,
Их я поднял на дороге,
Пастухом бродя по тропкам,
И на пастбищах мальчишкой,

61-64 Где луга богаты медом,
Где поляны золотые,
Вслед за Мурикки-коровой
И за пестрой идя Киммо.

65-70 Насказал мороз мне песен,
И нанес мне песен дождик,
Мне навеял песен ветер,
Принесли морские волны,
Мне слова сложили птицы,
Речи дали мне деревья.

71-78 Я в один клубок смотал их,
Их в одну связал я связку,
Положил клубок на санки,
Положил на сани связку
И к избе привез на санках,
На санях привез к овину
И в амбаре под стропила
В медном ларчике их спрятал.

79-81 Долго песни на морозе,
Долго скрытые лежали.
Не убрать ли их с мороза?

82-86 Песен с холода не взять ли?
Не внести ль ларец в жилище,
На скамью сундук поставить,
Под прекрасные стропила,
Под хорошей этой кровлей;

87-90 Не открыть ли ларчик песен,
Сундучок, словами полный,
За конец клубок не взять ли
И моток не распустить ли?

91-94 Песню славную спою я,
Зазвучит она приятно,
Если пива поднесут мне
И дадут ржаного хлеба.

95-102 Если ж мне не будет пива,
Не предложат молодого,
Стану петь и всухомятку
Иль спою с одной водою,
Чтобы вечер был веселым,
Чтобы день наш был украшен
И чтоб утренним весельем
Завтра день у нас начался.

103-110 Я, бывало, слышал речи,
Слышал, как слагались песни.
По одной идут к нам ночи,
Дни идут поодиночке
Был один и Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец
Девой выношен прекрасной,
Он от Ильматар родился.

111-116 Дочь воздушного пространства,
Стройное дитя творенья,
Долго девой оставалась,
Долгий век жила в девицах
Средь воздушного простора,
В растянувшихся равнинах.

117-122 Так жила — и заскучала,
Странной жизнь такая стала:
Постоянно жить одною

И девицей оставаться
В той большой стране воздушной,
Средь пустынного пространства.

123-126 И спустилась вниз девица,
В волны вод она склонилась,
На хребет прозрачный моря,
На равнины вод открытых;

127-130 Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны.

131-134 Ветром деву закачало,
Било волнами девицу,
Закачало в синем море,
На волнах с вершиной белой.

135-142 Ветер плод надул девице,
Полноту дало ей море.
И носила плод тяжелый,
Полноту свою со скорбью
Лет семьсот в себе девица,
Девять жизней человека
А родов не наступало,
Не зачатый — не рождался.

143-149 Мать воды, она металась
То к востоку, то на запад,
То на юг, а то на север
И ко всем небесным странам,
Тяжко мучимая болью,
Полнотой в тяжелом чреве
А родов не наступало.

150-154 Не зачатый — не рождался.
Тихо стала дева плакать,
Говорить слова такие:
«Горе мне, судьбой гонимой,
Мне, скиталице, бедняжке!

155-160 Разве многого достигла,
Что из воздуха я вышла,
Что меня гоняет буря,
Что волна меня качает
На морской воде обширной,
На равнинах вод открытых.

161-168 Лучше б в небе на просторе
Дочкой воздуха осталась,
Чем в пространствах этих чуждых
Стала матерью воды я:
Здесь лишь холод да мученья,
Тяжело мне оставаться,
Жить, томясь, в холодных водах,
По волнам блуждать бессменно.

169-172 О ты, Укко, бог верховный!
Ты, всего носитель неба!
Ты сойди на волны моря,
Поспеши скорей на помощь!

173-176 Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева!
Поспеши, не медли боле,
Я в нужде к тебе взываю!»

177-182 Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье
Вот летит красотка утка,
Воздух крыльями колышет,
Для гнезда местечка ищет,
Ищет места для жилища.

183-188 Мчится к западу, к востоку,
Мчится к югу и на север,
Но найти не может места,
Ни малейшего местечка,
Где бы свить гнездо сумела
И жилище приготовить.

189-194 Полетала, осмотрелась,
Призадумалась, сказала:
«Коль совью гнездо на ветре,

На волне жилье поставлю,
Мне гнездо развеет ветер,
Унесут жилище волны».

195-200 Мать воды то слово слышит,
Ильматар, творенья дева,
Подняла из волн колено,
Подняла плечо из моря,
Чтоб гнездо слепила утка,
Приготовила жилище.

201-204 Утка, та красотка птица,
Полетала, осмотрелась,
Увидала в синих волнах
Матери воды колено.

205-212 Приняла его за кочку
И сочла за дерн зеленый.
Полетала, осмотрелась,
На колено опустилась
И гнездо себе готовит,
Золотые сносит яйца:
Шесть яичек золотые,
А седьмое — из железа.

213-222 Вот наседкой села утка,
Греет круглое колено.
День сидит, сидит другой день,
Вот уж третий день проходит

Ильматар, творенья дева,
Мать воды, вдруг ощутила
Сильный жар в своем колене:
Кожа так на нем нагрелась,
Словно в пламени колено
И все жилы растопились.

223-228 Сильно двинула колено,
Члены сильно сотрясает
Покатились яйца в воду,
В волны вод они упали,
На куски разбились в море
И обломками распались.

229-234 Не погибли яйца в тине
И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращенью:
Из яйца, из нижней части,
Вышла мать — земля сырая;

235-238 Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;

239-242 Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,

Звезды сделались на небе;

243-248 Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились.
И вперед уходит время,
Год вперед бежит за годом,
При сиянье юном солнца,
В блеске месяца младого.

249-252 Мать воды плывет по морю,
Мать воды, творенья дева,
По водам, дремотой полным,
По водам морским туманным;

253-262 И под ней простерлись воды,
А над ней сияет небо.
Наконец, в году девятом,
На десятое уж лето,
Подняла главу из моря
И чело из вод обширных,
Начала творить творенья,
Создавать созданья стала
На хребте прозрачном моря,
На равнинах вод открытых.

263-266 Только руку простирала
Мыс за мысом воздвигался;
Где ногою становилась
Вырывала рыбам ямы;

267-270 Где ногою дна касалась
Вглубь глубины уходили.
Где земли касалась боком
Ровный берег появлялся;

271-274 Где земли ногой касалась
Там лососьи тони стали;
И куда главой склонялась
Бухты малые возникли.

275-280 Отплыла от суши дальше,
На волнах остановилась
Созидала скалы в море
И подводные утесы,
Где суда, наткнувшись, сядут,
Моряки найдут погибель.

281-288 Вот уж созданы утесы,
Скалы в море основались,
Уж столбы ветров воздвиглись,
Создались земные страны,
Камни ярко запестрели,
Встали в трещинах утесы,
Только вещий песнопевец
Вяйнямёйнен не рождался.

289-294 Старый, верный Вяйнямёйнен
В чреве матери блуждает,
Тридцать лет он там проводит,

Зим проводит ровно столько ж
На водах, дремотой полных,
На волнах морских туманных.

295-300 Он подумал, поразмыслил:
Как же быть и что же делать
На пространстве этом темном,
В неудобном, темном месте,
Где свет солнца не сияет,
Блеска месяца не видно.

301-304 Он сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Месяц, солнце золотое
И Медведица на небе!

305-308 Дайте выход поскорее
Из неведомой мне двери,
Из затворов непривычных
Очень тесного жилища!

309-314 Дайте вы свободу мужу,
Вы дитяти дайте волю,
Чтобы видеть месяц светлый,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба!»

315-322 Но не дал свободы месяц,
И не выпустило солнце.
Стало жить ему там тяжко,
Стала жизнь ему постыла:
Тронул крепости ворота,
Сдвинул пальцем безымянным,
Костяной замок открыл он
Малым пальцем левой ножки;

323-326 На руках ползет с порога,
На коленях через сени.
В море синее упал он,
Ухватил руками волны.

327-331 Отдан муж на милость моря,
Богатырь средь волн остался.
Пролежал пять лет он в море,
В нем пять лет и шесть качался,
И еще семь лет и восемь.

332-334 Наконец плывет на сушу,
На неведомую отмель,
На безлесный берег выплыл.

335-340 Приподнялся на колени,
Опирается руками.
Встал, чтоб видеть светлый месяц,

Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба.

341-344 Так родился Вяйнямёйнен,
Племени певцов удалых
Знаменитый прародитель,
Девой Ильматар рожденный.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА II

✦

1-4 Вот поднялся Вяйнямёйнен,
Стал ногами на прибрежье,
На омытый морем остров,
На равнину без деревьев.

5-8 Много лет затем он прожил,
Год за годом проживал он
Там на острове безлюдном,
На равнине без деревьев.

9-12 Он подумал, поразмыслил,
Долго голову ломал он:
Кто ему засеет землю,
Кто рассыпать может семя?

13-16 Пеллервойнен, сын поляны,
Это, Сампса, мальчик-крошка,
Он ему засеет землю,
Он рассыпать может семя!

17-20 Засевает он прилежно
Всю страну: холмы, болота,
Все открытые поляны,
Каменистые равнины.

21-24 На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,
На полянах сеет вереск,
Сеет кустики в долинах.

25-32 Сеет он по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуху во влажной,
На местах пониже — иву,
На святых местах — рябину,
На болотистых — ракиту,
На песчаных — можжевельник
И дубы у рек широких.

33-39 Высоко растут деревья.
Потянулись вверх побеги:
Ели с пестрою верхушкой,
Сосны с частыми ветвями,
Поднялись по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуха во влаге;

40-42 Также вырос можжевельник,
Ягоды его красивы,
Плод черемухи прекрасен.

43-46 Старый, верный Вяйнямёйнен
Поднялся: хотел он видеть,
Как у Сампсы сев удался,

Пеллервойнена работу.

47-50 Увидал он рост деревьев,
Их побегов рост веселый;
Только дуб взойти не может,
Божье дерево не всходит.

51-54 Дал упрямцу он свободу
Пусть свое узнает счастье;
Ждет затем подряд три ночи,
Столько ж дней он ожидает.

55-58 Так проходит вся неделя,
Посмотреть тогда идет он:
Все же дуб взойти не может,
Божье дерево не всходит.

59-66 Вот четыре Девы вышли,
Вышли пять девиц из моря.
Занялись они покосом,
Стали луг косить росистый
На мысочке, скрытом мглою,
На лесистом островочке
Косят луг, сгребают сено,
Все в одно сгребают место.

67-72 Тут из моря вышел Турсас,
Богатырь из волн поднялся.
Запалил огнем он сено,

Ярко сено запылало,
Все осыпалось золою,
Потянулось тучей дыма.

73-76 Вот зола застыла кучей,
Пепел лег сухой горою;
В пепел нежный лист кладет он,
Вместе с ним дубовый желудь.

77-86 Дуб из них былинкой вырос,
Стройно стал побег зеленый,
Стал на почве плодородной
Дуб развесистый, огромный,
Дал широких веток много,
Веток с зеленью густою,
До небес вершину поднял,
Высоко он вскинул ветви:
Облакам бежать мешает,
Не дает проходу тучам,

87-92 Закрывает в небе солнце,
Заслоняет месяц ясный.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Так подумал и размыслил:
Кто бы с силою собрался,
Кто бы дуб свалил ветвистый?

93-96 Жизнь людей идет печально,
Плавать рыбе неудобно,
Если солнце не блистает,
Не сияет месяц ясный.

97-100 Не нашлося человека,
Богатырь не находился,
Кто бы дуб свалил ветвистый,
Сто вершин его обрушил.

101-104 Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам слова сказал такие:
«Каве, ты меня носила,
Мать родная, дочь творенья!

105-110 Из воды пошли мне силы
Много сил вода имеет
Опрокинуть дуб огромный,
Злое дерево обрушить,
Чтоб опять светило солнце,
Засиял бы месяц ясный!»

111-115 Вот выходит муж из моря,
Богатырь из волн поднялся;
Не из очень он великих,
Не из очень также малых:
Он длиной с мужской был палец.

116-124 Ростом — в меру женской пяди.
Был покрыт он медной шапкой.
Сапоги на нем из меди,
Руки в медных рукавицах,
Чешуей покрытых медной,
Медный пояс был на теле,
И висел топор из меди:
С топорищем только в палец,
С лезвием в один лишь ноготь.

125-130 Старый, верный Вяйнямёйнен
Так подумал и размыслил:
Видом он похож на мужа
Богатырского сложенья,
А длиной в один лишь палец,
Вышиной едва с копыто!

131-134 Говорит слова такие,
Молвит сам такие речи:
«Что ты, право, за мужчина,
Что за богатырь могучий?

135-140 Чуть покойника ты краше,
Чуть погибшего сильнее!»
И сказал морской малютка,
Так морской герой ответил:
«Нет! Я муж на самом деле,
Богатырь из волн могучих.

141-148 Дуба ствол пришел срубить я,
Расщепить здесь дуб высокий».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Но, как видно, ты не создан,
Сотворен не для того ты,
Чтоб сломать здесь дуб огромный,
Злое дерево обрушить».

149-154 Но едва сказал он это,
Взор едва к нему направил,
Как малютка изменился,
Обратился в великана,
В землю мощью ног уперся,
Головою держит тучи;

155-160 С бородою по колено,
Волосы висят до пяток;
Между глаз косая сажень,
Шириной штаны у бедер
В две сажени, у коленей
В полторы, у пяток — в сажень.

161-164 Великан топор свой точит,
Лезвие острит острее
На шести кусках кремневых,
На семи точильных камнях.

165-168 Вперевалку зашагал он,
Тяжкой поступью затопал,
Он шагал в штанах широких,
Развевавшихся от ветра.

169-174 С первым шагом очутился
На земле песчаной, рыхлой,
Со вторым он оказался
На земле довольно черной,
Наконец, при третьем шаге,
Подошел он к корню дуба.

175-178 Топором он дуб ударил,
Лезвием рубил он гладким.
Раз ударил и другой раз,
В третий раз он ударяет;

179-182 Искры сыплются с железа,
А из дуба льется пламя;
Гордый дуб готов склониться,
Вот уж громко затрещал он.

183-186 И вот так при третьем взмахе
Смог он дуб свалить на землю,
Смог сломать он ствол трещавший,
Сто верхушек опрокинуть.

187-190 Положил он ствол к востоку,
Бросил к западу верхушки,
Раскидал он листья к югу,

Разбросал на север ветки.

191-194 Если кто там поднял ветку,
Тот нашел навеки счастье;
Кто принес к себе верхушку,
Стал навеки чародеем;

195-204 Кто себе там срезал листьев,
Взял для сердца он отраду.
Что рассыпалось из щепок,
Из кусочков, что осталось
На хребте прозрачном моря,
На равнине вод открытых,
То под ветром там качалось,
На волнах там колыхалось,
Как челнок в воде открытой,
Как корабль в волнистом море.

205-210 К Похъёле понес их ветер.
В море Похъёлы девица
Свой большой платок стирала,
Платья в море полоскала,
Там на камне их сушила,
На краю большого мыса.

211-216 Увидала щепку в море;
Забрала себе в кошелку,
Принесла домой в кошелке,

Перевязанной ремнями,
Чтоб колдун оружье сделал,
Заколдованные стрелы.

217-224 Только дуб свалился наземь,
Только гордый ствол был срублен,
Снова солнце засияло,
Засветил прекрасный месяц,
В небесах простерлись тучи,
Снова весь простор открылся
Над мысочком, скрытом мглою,
Над туманным островочком.

225-230 Густо рощи разрослися,
Поднялись леса на воле,
Распустились листья, травы,
По ветвям порхали птицы,
Там дрозды запели песни
И кукушка куковала.

231-234 Вышли ягоды из почвы
И цветочки золотые;
Разрослись густые травы
И цветами запестрели.

235-240 Лишь один ячмень не всходит
И не зреет хлеб прекрасный.
Старый, верный Вяйнямёйнен

К морю синему подходит
И у моря размышляет,
На краю воды могучей.

241-244 Там шесть зернышек находит,
Семь семян он поднимает
С берега большого моря,
С отмели песчаной, мягкой;

245-247 Спрятал их в мешочке куньем,
Сунул в лапку желтой белки.
Он пошел засеять землю.

248-250 Он пошел рассыпать семя
Возле речки Калевалы,
По краям поляны Осме.

251-256 Вот поёт синица с ветки:
«Не взойдет ячмень у Осмо,
Калевы овес не встанет,
Не расчищено там поле,
Там не срублен лес под пашню,
Хорошо огнем не выжжен».

257-260 Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут топор устроил острый
Вырубать леса принялся,
Побросал их на поляне.

261-264 Посрубил он все деревья;
Лишь березу он оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб кукушка куковала.

265-267 Вот орёл летит по небу,
Прилетел издалека он,
Чтоб увидеть ту березу;

268-270 «Отчего ж одна осталась
Здесь нетронутой берёза
Стройный ствол её не срубаем?»

271-274 Вяйнямёйнен отвечает:
«Оттого она осталась,
Чтоб на ней дать отдых птицам,
Чтоб орел слетал к ней с неба».

275-280 И сказал орёл небесный:
«Хороша твоя забота,
Что берёзу ты не тронул,
Стройный ствол ее оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб я сам на ней садился».

281-284 И огонь орёл доставил,
Высек он ударом пламя.
Ветер с севера примчался,
И другой летит с востока;

285-292 Обратил в золу он рощи,
В тёмный дым леса густые.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Все шесть зёрен вынимает,
Семь семян берёт рукою,
Взял из куньего мешочка,
Взял из лапки белки желтой,
Летней шкурки горностая.

293-300 Вот идёт засеять землю,
Он идёт рассыпать семя.
Говорит слова такие:
«Вот я сею, рассеваю,
Сею я творца рукою,
Всемогущего десницей,
Чтоб взошло на этом поле,
Чтоб росло на этой почве.

301-304 О ты, старица земная,
Мать полей, земли хозяйка!
Дай ты почве силу роста,
Дай покров из перегноя!

305-308 И земля без сил не будет,
Не останется бесплодной,
Если ей даруют милость
Девы, дочери творенья.

309-312 Ты вставай, земля, проснися,
Недра божьи, не дремлите!
Из себя пустите стебли,
Пусть поднимутся отростки!

313-316 Выйдет тысяча колосьев,
Сотня веток разрастётся,
Где вспахал я и посеял,
Где я много потрудился!

317-320 О ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты, отец небесный,
Ты, кто правит туч грозою,
Облаками управляет!

321-326 Ты держи совет на тучах,
В небесах совет правдивый!
Ты подай с востока тучу,
Тучу с севера большую,
А от запада — другую,
Тучу с юга побыстрее!

327-330 Ниспошли ты дождь небесный,
Пусть из тучи мед закаплет,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба здесь зашумели!»

331-334 Укко, этот бог верховный,
Тот отец небесный, мощный,
Совещанье держит в тучах,

В небесах совет правдивый.

335-338 Вот с востока шлет он тучу,
Тучу с севера другую,
Гонит тучу от заката,
Посылает тучу с юга;

339-344 Бьёт он тучи друг о друга,
Край о край их ударяет.
Посылает дождь небесный,
Каплет мёд из туч высоких,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба там зашумели.

345-348 Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы
Вяйнямёйнена трудами.

349-358 Вот проходит день ближайший,
Две и три проходят ночи,
Пробегает вся неделя,
Вышел старый Вяйнямёйнен
Посмотреть на всходы в поле,
Где пахал он, где он сеял,
Где он много потрудился:
Видит он ячмень прекрасный,
Шестигранные колосья,
Три узла на каждом стебле.

359-364 Старый, верный Вяйнямёйнен
Осмотрелся, оглянулся.
Вот весенняя кукушка
Видит стройную березу:
«Для чего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза?»

365-368 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Для того одна осталась
Здесь береза, чтоб расти ей,
Чтобы ты здесь куковала.

369-372 Ты покличь на ней, кукушка,
Пой, с песочной грудью птица,
Пой, с серебряною грудью,
Пой ты, с грудью оловянной!

373-378 Пой ты утром, пой ты на ночь,
Ты кукуй в часы полудня,
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом!»

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА III

✦

1-4 Старый, верный Вяйнямёйнен
Проводил покойно время
В чащах Вяйнёлы зеленых,
На полянах Калевалы.

5-14 Распевал свои он песни,
Песни мудрости великой.
День за днем все пел он песни
И ночами распевал их,
Пел дела времен минувших,
Пел вещей происхожденье,
Что теперь ни малым детям,
Ни героям непонятно:
Ведь пришло лихое время,
Недород, и хлеба нету.

15-20 Далеко проникли вести,
Разнеслась молва далеко
О могучем пенье старца,
О напевах богатырских,
И на юг проникли вести,
И дошла молва на север.

21-30 В Похъёле жил Ёукахайнен,
Тощий Молодой лапландец.
Как-то раз пошел он в гости,
Речи странные там слышит,
Будто можно петь получше,
Песни лучшие составить
В чащах Вяйнёлы зеленых,
На полянах Калевалы,
Чем те песни, что певал он,
У отца им научившись.

31-34 Рассердился Ёукахайнен:
Зависть в сердце пробудили
Вяйнямёйнена напевы,
Что его всех лучше песни.

35-40 К старой матери идет он,
К предводительнице рода.
Говорит, что в путь собрался,
Отправляется в дорогу,
В села Вяйнёлы он едет,
В пенье с Вяйнё состязаться.

41-50 Но его не отпускают
Ни отец, ни мать-старуха
В села Вяйнёлы поехать,
С Вяйнё в пенье состязаться:
«Нет, тебя там околдуют,
Околдуют и оставят

Голову твою в сугробе,
Эту руку на морозе,
Чтоб рукой не смог ты двинуть
И ногой ступить не смог бы».

51-54 Молвил юный Ёукахайнен:
«Мой отец во многом сведущ,
Мать намного больше знает,
Но всех больше сам я знаю.

55-58 Если я хочу поспорить
И с мужами состязаться,
Посрамлю певцов я пеньем,
Чародеев зачарую;

59-66 Так спою, что кто был первым.
Тот певцом последним будет.
Я его обую в камень,
Ноги в дерево одену,
Наложу на грудь каменьев,
На спину дугу из камня,
Дам из камня рукавицы,
Шлемом каменным покрою!»

67-72 Так, упрямый, он решает
И берет коня в конюшне:
Из ноздрей огонь пылает,

Брызжут искры под копытом:
Он взнуздал коня лихого
И запряг в златые сани.

73-76 Сам уселся он на сани,
Сел удобно на сиденье
И коня кнутом ударил,
Бьет кнутом с жемчужной ручкой.

77-81 Лошадь добрая рванулась,
Конь помчался по дороге.
Вот уж дом родной далеко,
Скачет день, другой день скачет,
Третий день он быстро мчится;

82-84 А когда прошел и третий,
Прибыл к Вяйнёлы полянам
И просторам Калевалы.

85-90 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Был как раз на той дороге,
По пути тому он ехал
Среди Вяйнёлы полянок,
По дубравам Калевалы.

91-96 Ёукахайнен юный, буйный,
На него наехал быстро;
Зацепилися оглобли,

И гужи переплелися,
Хомуты вдруг затрещали,
И дуга с дугой столкнулась.

97-100 Тут они остановились,
Стали оба, размышляя...
Из двух дуг сочилась влага,
От оглобель пар поднялся.

101-104 И промолвил Вяйнямёйнен:
«Ты откуда это родом,
Что так скачешь безрассудно,
Не спросяся, наезжаешь?

105-108 Ты зачем разбил хомут мой
И дугу из свежей ветки,
Ты зачем сломал мне сани,
Изломал мои полозья?»

109-114 Молвил юный Ёукахайнен,
Сам сказал слова такие:
«Молодой я Ёукахайнен,
Но теперь и ты скажи мне:
Ты, дрянной, откуда родом,
Из какой семьи негодной?»

115-117 Старый, верный Вяйнямейнен
Называет свое имя,
Говорит слова такие;

118-120 «Так ты — юный Ёукахайнен!
Уступи-ка мне дорогу,
Ты годами помоложе».

121-124 Молодой же Ёукахайнен
Говорит слова такие:
«Тут важна не наша старость,
Наша старость или юность!

125-128 Кто стоит в познаньях выше,
Больше мудрости имеет
Только тот займет дорогу,
А другой ему уступит.

129-134 Так ты — старый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
Приготовимся же к пенью,
Пропоем мы наши песни,
Мы прослушаем друг друга
И откроем состязанье!»

135-138 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Что ж, певец я безыскусный,
Песнопевец неизвестный.

139-142 Жизнь я прожил одиноко
По краям родного поля,
Посреди полян родимых,
Слышал там одну кукушку.

143-146 Но пусть будет, как кто хочет.
Ты дозволь себя послушать;
Что ты знаешь больше прочих,
Чем ты прочих превосходишь?»

147-152 Молвил юный Еукахайнен:
«Я всего так много знаю;
Но вот это знаю ясно
И прекрасно понимаю:
В крыше есть окно для дыма,
А очаг внизу у печки.

153-156 Жить тюленю превосходно,
Хорошо морской собаке:
Ловит он вблизи лососей,
И сигов он поглощает.

157-160 Сиг живет на плоскодонье,
А лосось — на ровном месте.
Класть икру умеет щука
Средь зимы, средь бурь свирепых.

161-164 Но горбатый окунь робок
В омут осенью уходит,
А икру он мечет летом,
Берег плеском оглашая.

165-170 Если ж ты не убедился,
То еще я много знаю,
Рассказать могу, как пашут

Северяне на оленях,
А южане на кобылах,
За Лапландией — быками.

171-174 Знаю я леса на Писе,
На утесах Хорны сосны:
Стройный лес растет на Писе,
Стройные на Хорне сосны.

175-182 Страшных три есть водопада
И озер огромных столько ж;
Также три горы высоких
Под небесным этим сводом:
Хялляпюёря у Хяме,
Катракоски у карелов,
Вуокса неукротима,
Иматра — непобедима».

183-186 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Ум ребячий, бабья мудрость
Неприличны бородатым
И женатому некстати.

187-192 Ты скажи вещей начало,
Глубину деяний вечных!»
Молвил юный Еукахайнен,
Говорит слова такие:
«Я вот знаю про синицу,
Что она породы птичьей;

193-196 Из породы змей — гадюка;
Ёрш в воде — породы рыбьей;
Размягчается железо,
А земля перекисает;

197-199 Кипятком обжечься можно,
Жар огня — весьма опасен.
Всех лекарств — вода старее;

200-202 Пена — средство в заклинаньях;
Первый чародей — создатель;
Бог — древнейший исцелитель.

203-207 Из горы вода явилась,
А огонь упал к нам с неба,
Стала, ржавчина железом,
На утесах медь родится,
Всех земель старей — болота;

208-210 Ива — старше всех деревьев;
Сосны — первые жилища;
Камни — первая посуда».

211-214 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Может, что еще припомнишь
Иль уж высказал всю глупость?»

215-224 Молвил юный Ёукахайнен:
«Нет, еще немного помню.
Помню древность я седую,

Как вспахал тогда я море
И вскопал морские глуби,
Выкопал я рыбам ямы,
Опустил я дно морское,
Распростёр я вширь озера,
Горы выдвинул я кверху,
Накидал большие скалы.

Я шестым был из могучих,
Богатырь седьмой считался.
Сотворил я эту землю,
Заключил в границы воздух,
Утвердил я столб воздушный
И построил свод небесный.

Я направил ясный месяц,
Солнце светлое поставил,
Вширь Медведицу раздвинул
И рассыпал звезды в небе».

Молвил старый Вяйнямейнен:
«Лжешь ты свыше всякой меры!
Никогда при том ты не был,
Как пахали волны моря,
Как выкапывали глуби
И как рыбам ямы рыли,
Дно у моря опускали,

Простирали вширь озера„
Выдвигали горы кверху
И накидывали скалы.

245-254 И тебя там не видали,
Тот не видел и не слышал,
Кто тогда всю землю создал,
Заключил в границы воздух,
Утвердил и столб воздушный
И построил свод небесный,
Кто направил ясный месяц,
Солнце светлое поставил,
Вширь Медведицу раздвинул
И рассыпал звезды в небе»

255-258 Молодой же Ёукахайнен
Говорит слова такие:
«Коль рассудок мой потерян,
Так мечом его найду я!

259-262 Ну-ка, старый Вяйнямёйнен,
Ты, певец со ртом широким,
Станем меряться мечами
Поглядим, чей меч острее»

263-266 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Не страшат меня нисколько
Ни мечи твои, ни мудрость,
Ни оружие, ни хитрость.

267-269 Но пусть будет, как кто хочет,
И с тобой, с таким несчастным,
Я мечей не стану мерить.

270-278 Ты — негодный и противный!»
Обозлился Ёукахайнен,
Рот от гнева искривился,
Головой трясёт косматой,
Говорит слова такие:
«Кто мечи боится мерить,
Осмотреть клинки боится,
Я того моею песней
Превращу в свиное рыло.

279-282 Я таких людей презренных
По местам упрячу разным:
Уложу в навозной куче
Иль заброшу в угол хлева!»

283-286 Омрачился Вяйнямёйнен
И разгневался ужасно.
Сам запел тогда он песню,
Сам тогда он начал речи.

287-295 Не ребячьи песни пел он
И не женскую забаву
Пел геройские он песни,
Не поют их вовсе дети,
Мальчики наполовину,

Женихи лишь в третьей части:
Ведь пришло лихое время,
Недород, и хлеба нету,
Начал мудрый Вяйнямёйнен.

Всколыхнулися озёра,
Все заливы ими полны,
И одни по ветру ходят,
А другие против ветра.

Вновь запел, и Ёукахайнен
Погрузился в топи глубже.
Молвил юный Ёукахайнен:
«Два коня в моей конюшне,
Жеребцов прекрасных пара;

И один летит как ветер,
А другой силен в запряжке.
Выбирай, какого хочешь».

Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Мне коней твоих не нужно,
Жеребцов твоих хваленых;

У меня их дома столько,
Что стоят при каждых яслях
И стоят во всяком стойле
На хребтах с водою чистой,
На крестцах с пудами жира».

316-319 Вновь запел, и Еукахайнен
Погрузился в топь поглубже.
Молвил юный Ёукахайнен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!

320-325 Поверни слова святые
И возьми назад заклятья!
Шапку золота доставлю,
Серебром насыплю шапку,
Их с войны принес отец мой,
С поля битвы их доставил».

326-328 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«В серебре я не нуждаюсь,
Твое золото на что мне!

329-331 У меня его довольно,
Кладовые им набиты,
Сундуки набиты ими;

332-335 Золото — луны ровесник,
Серебро — ровесник солнцу».
Вновь запел, и Еукахайнен
Погрузился в топи глубже.

336-339 Молвил юный Еукахайнен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Отпусти меня отсюда,
Дай свободу от несчастья!

340-343 Весь мой хлеб тебе отдам я,
Все поля я обещаю,
Чтобы голову спасти мне,
От беды себя избавить!»

344-346 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Мне полей твоих не нужно,
В хлебе вовсе не нуждаюсь!

347-349 У меня его обилье,
Где ни глянешь, там и поле
И скирды стоят повсюду.

350-353 А мои поля получше,
Мне скирды мои милее».
Вновь запел, и Ёукахайнен
Погрузился в топи глубже.

354-359 Наконец уж Ёукахайнен
И совсем перепугался:
Он до рта ушел в трясину,
С бородой ушел в болото,
В рот набился мох с землею,
А в зубах кусты завязли.

360-362 Молвил юный Ёукахайнен:
«О ты, мудрый Вяйнямёйнен!
Вековечный прорицатель!

363-365 Вороти назад заклятье,
Жизнь оставь мне дорогую,
Отпусти меня отсюда!

366-371 Затянула топь мне ноги,
От песку глазам уж больно!
Если ты возьмешь заклятье,
Злой свой заговор воротишь,
Дам сестру тебе я Айно,
Дочку матери любимой.

372-377 Пусть метет твое жилище,
В чистоте полы содержит,
Будет кадки мыть и парить,
Будет мыть твою одежду,
Ткать златые одеяла,
Печь медовые лепешки».

378-381 Старый, верный Вяйнямёйнен
Просиял, развеселился,
Рад он был, что Еукахайнен
В жены даст сестру родную.

382-387 На скале, веселый, сел он,
Сел на камень и распелся;
Спел немного, спел еще раз,
В третий раз пропел немного
Повернул слова святые,
Взял назад свои заклятья;

388-390 Вышел юный Ёукахайнен:
Из болота тащит шею,
Тащит бороду из топи;

391-393 Вновь конем скала предстала,
Сани вновь из веток вышли,
Стал камыш кнутом, как прежде.

394-399 Он спешит усесться в сани;
Опустился на сиденье,
Уезжает с тяжким сердцем,
Грустный едет он оттуда,
К милой матери он едет,
Он к родителям стремится.

400-403 Он помчался с страшным шумом,
К дому бешено подъехал;
Об овин сломал он сани
И оглобли о ворота.

404-407 Мать не знает, что подумать,
А отец промолвил слово:
«Глупо сделал, что сломал ты
Эти сани и оглобли!

408-410 Что ты едешь, как безумный,
Словно бешеный, примчался?»
И заплакал Ёукахайнен.

411-415 Плачет горькими слезами,
Головой поник уныло,
Шапка на сторону сбилась,
Губы сжаты, побледнели,
Нос повесил он печально.

416-418 Мать узнать, в чем дело, хочет,
Хочет дело поразведать:
«Ты о чем, сыночек, плачешь.

419-421 Чем, мой первенец, расстроен,
Губы сжаты, побледнели,
Нос повесил ты печально?»

422-427 Молвил юный Ёукахайнен:
«Ох ты, мать моя родная!
Ведь со мной беда случилась,
Ведь со мной несчастье было,
Не без повода я плачу,
Есть причина для печали!

428-435 Век свой слез не осушу я,
Буду жизнь вести в печали:
Ведь сестрицу дорогую,
Дочь твою родную, Айно,
Вяйнямёйнену я отдал,
Чтоб певцу была женою,
Старцу слабому опорой,
В доме хилому защитой».

436-441 Мать захлопала в ладоши
И всплеснула тут руками;
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, мой сын родимый,
Нет тебе причины плакать,
Нет причины для печали.

442-447 Я жила надеждой этой,
Много лет я ожидала,
Чтоб герой могучий этот,
Песнопевец Вяйнямёйнен,
Стал моим желанным зятем,
Мужем дочери родимой».

448-451 Слышит то младая Айно,
Плачет горькими слезами,
Плачет день, другой день плачет,
На крыльце сидит, рыдая;

452-455 Плачет жалобно от горя,
От сердечной злой печали.
Говорить тут мать ей стала:
«Что ты плачешь, дочка Айно?

456-459 У тебя жених могучий;
К мужу сильному идешь ты,
Чтоб сидеть там под окошком,
У забора тараторить».

460-467 Дочь на это молвит слово:
«О ты, мать моя родная!
Есть о чём, родная, плакать:
Жаль мне кос моих прекрасных
И кудрей головки юной,
Жаль волос девичьих, мягких,
Мне так рано их закроют,
С этих лет мне их завяжут.

468-474 И всю жизнь жалеть я буду
Это солнце дорогое,
Этот месяц ясный, тихий,
Этот синий свод небесный,
Если мне их бросить надо,
Если надо мне забыть их
Братца — у станка с работой.

475-479 Под окном — отца родного».
Мать же дочери сказала,
Молодой старуха молвит:
«Брось ты, глупая, печали,
Горемычная стенанье!

480-485 Плачешь ты без основанья
И тоскуешь без причины.
Божье солнце дорогое
Озаряет всюду землю,
Не одно отца окошко,
Не одну скамейку брата.

486-491 Есть повсюду много ягод,
На полянах — земляники.
Ах ты, доченька! Ты можешь
Там набрать их, а не только
По лесам отца родного,
На полях родного брата».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА IV

✦

1-4 Айно, дева молодая,
Еукахайнена сестрица,
В лес пошла нарезать веток,
В роще веников наделать.

5-8 Для отца связала веник,
Веник матери связала,
Наконец, и третий веник
Крепышу связала братцу.

9-11 И идёт, спеша из лесу,
Прямо к дому меж ольхами.
Вот подходит Вяйнямёйнен.

12-20 Он девицу в роще видит
На траве в нарядном платье,
Говорят слова такие:
«Не носи ты для другого,
Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
На груди носи ты крестик,
Для меня плети ты косы,
Перевязывай их лентой!»

21-24 Так ответила девица:
Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
В волосах ношу я ленту.

25-28 Не ищу привозных платьев,
Белых хлебов мне не нужно;
Я ношу простое платье,
Ем я чёрную краюшку;

29-38 Я сижу в отцовском доме
Вместе с матушкой родимой".
Вот с груди бросает крестик,
С пальцев кольца золотые,
С шеи жемчуг побросала,
Ленту красную швырнула,
Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их,
И в слезах пошла дорогой,
С горьким плачем в дом отцовский.

39-42 У окна отец работал,
Вырезал он топорище:
«Что ты, дочь-бедняжка, плачешь,
Что, девица молодая?»

43-50 «Есть, отец, причина плакать,
Есть для слёз и для рыданья;
Вот причина, что я плачу,

Что я плачу и рыдаю:
Потеряла с шеи крестик,
С пояска мои застёжки:
Был серебряный мой крестик,
Были медные застёжки».

51-54 У калитки брат работал,
Вырезал дугу искусно:
«Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?»

55-60 «Есть причина, братец, плакать,
Есть для слёз и для рыданья;
Вот причина, что я плачу,
Я и плачу и рыдаю:
Потеряла кольца с пальцев,
С шеи жемчуг драгоценный;

61-66 Золотые были кольца,
Серебрист на шее жемчуг».
Вот сестра сидит у двери,
Ткет из золота весь пояс:
«Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?»

67-74 «Есть, сестра, причина плакать,
Есть для слез и для рыданья;
Вот причина, что я плачу
И горюю, что пропали

И подвески золотые,
И серебряный кокошник,
Синий шелковый налобник,
Лента красная из шёлка».

75-77 В кладовой, у самой двери,
Мать снимала ложкой сливки:
«Что ты, дочь-бедняжка, плачешь?

78-80 Что, девица молодая?»
«О ты, мать моя родная!
Ты меня, дитя, кормила!

81-86 Плачу, матушка, от скорби
И, несчастная, горюю.
Вот причина, что я плачу
И пришла домой, рыдая:
В лес пошла я резать ветки,
В роще веников наделать.

87-90 Веник батюшке связала,
Для тебя связала веник,
Наконец, и третий веник
Крепышу связала братцу.

91-100 Уж домой идти хотела,
Шла поспешно по дубраве,
И сказал мне так Осмойнен,
Калевайнен так промолвил:
«Не носи ты для другого,

Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
На груди носи ты крестик,
Для меня плети ты косы,
Перевязывай их лентой!»

101-106 Я с груди швырнула крестик,
С шеи жемчуг побросала,
Синий шелковый налобник,
Ленту красную швырнула,
Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их.

107-110 А сама ему сказала:
«Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
В волосах ношу я ленту.

111-114 Не ищу привозных платьев,
Белых хлебов мне не нужно;
Я ношу простое платье,
Ем я чёрную краюшку;

115-120 Я сижу в отцовском доме
Вместе с матушкой родимой».
Мать девице отвечает,
Молодой старуха молвит:
«Перестань ты, дочка, плакать,
Не горюй, моя родная!

121-124 Целый год ты кушай масло:
Ты тогда красивей станешь;
На другой ты ешь свинину,
И еще статнее будешь;

125-130 А на третий — хлеб молочный,
И красавицею станешь.
На горе есть кладовая:
Там в прекрасном помещенье
К сундуку сундук поставлен
И шкатулка на шкатулку.

131-134 Ты открой сундук там лучший
И найдешь под пёстрой крышкой
Золотых шесть подпоясок,
Семь прекрасных синих платьев.

135-144 Мне дочь Месяца ткала их,
Солнца дочь их мне нашила.
В годы юности прошедшей,
В молодых летах, бывало,
Я в лесу рвала малину,
Там однажды увидала
Дочку Месяца за станом,
Дочку Солнышка за прялкой
На краю поляны ровной,
На опушке синей рощи.

Подошла я боязливо,
Подле них я тихо стала,
Начала просить смиренно:
Так я девам говорила:
„Девы Месяца и Солнца!
Дайте мне сребра и злата,
Дайте девочке-бедняжке,
Дайте бедному ребенку!“
Серебра дала дочь Солнца,
А дочь Месяца мне злата.
Золотой кокошник вышел
И серебряный налобник.
Как цветок, домой пришла я,
В дом отца. вошла веселой.
День, другой я их носила,
А на третий поснимала,
Золотой сняла кокошник
И серебряный налобник,
Унесла на горку в домик,
Спрятала под крышку в ящик;
Там лежат они доселе,
Я их больше не видала.
Ты надень из шёлку ленты
И из золота налобник. ,

Ты надень блестящий жемчуг,
Золотой на шею крестик,
Полотняную сорочку.

172-176 Шерстяное вынь ты платье
Из тончайшей мягкой шерсти,
Пояс шёлковый наденешь,
Там возьмёшь чулки из шёлку,
Башмаки из тонкой кожи.

177-180 Заплети получше косы,
Лентой шёлковой свяжи их;
Не забудь на пальцы кольца,
Золотые вынь запястья!

181-184 Вот тогда домой придешь ты,
В кладовой принарядившись,
И родителям на радость,
И родным всем на утеху.

185-188 Как цветочек, ты пройдешься,
Как малинка, по дорожке,
Станешь ты стройней, чем прежде,
И красивей несравненно».

189-192 Так ей матушка сказала,
Так промолвила девице.
Но она словам не внемлет,
И речей она не слышит.

193-198 Вышла быстрыми шагами,
По двору идёт, рыдает,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Что такое мысль блаженных,
Помышления счастливых?

199-202 Ведь не то ли мысль блаженных,
Помышления счастливых,
Что вода при колыханье,
Что волна воды в ведерке.

203-208 Что такое мысль печальных,
Помышлёнья бедной утки?
Ведь не то ли мысль печальных,
Помышленья бедной утаи,
Что весенний свет в овражке,
Что вода в колодце темном.

209-214 Ах! как часто мысль девицы,
Дума девушки несчастной,
Боязливо полем ходят,
Пробирается лесочком,
По траве ползет тихонько,
По кустам, по мхам засохшим!

215-222 Дума та смолы чернее,
Дума та угля темнее.
Мне б гораздо лучше было,

Если б я не родилася,
Если б я не подрастала,
Не видала бы на свете
Дней печали и несчастья,
Если б я жила немного;

223-227 На шестую ночь скончалась,
На восьмую умерла бы;
Мне б тогда не много нужно:
Чуть холстины на рубашку
Да под дерном уголочек.

228-230 Мать поплакала б немножко,
А отец еще поменьше,
Брат совсем не стал бы плакать»

231-234 День, другой девица плачет.
Мать опять её спросила:
«Ты о чём, девица, плачешь,
Дочка бедная, горюешь?»

235-242 «Оттого, бедняжка, плачу,
Горевать всю жизнь я буду,
Что меня ты обещала,
Отдала ты дочь родную
Старику тому утехой,
Быть для старого защитой,
Быть для дряхлого опорой
Да в избе его охраной.

243-252 Лучше б дочь ты обещала
В глубину морей холодных,
Чтоб сигам была сестрицей
И подругой быстрым рыбам,
Лучше мне там в море плавать,
Проживать в волнах глубоких,
В море быть сигам сестрою
И подругой быстрым рыбам,
Чем быть старому защитой,
Старцу слабому подмогой;

253-256 Он о свой чулок споткнется,
Упадёт, чрез сук шагнувши».
Вот идёт она к постройке
И проходит в кладовую;

257-260 Там открыла лучший ящик
И нашла под пёстрой крышкой
Золотых шесть подпоясок,
Синих семь прекрасных платьев.

261-266 Одевается богато,
Выбирает, что получше:
И подвески золотые,
И серебряный кокошник,
Синий выбрала налобник,
Ленту красную на косу.

267-270 Так пошла она оттуда
По лугам и по полянам,
По болотам и равнинам,
По лесам прошла дремучим.

271-274 А сама поёт тихонько.
Проходя, она запела;
«Тяжелы мои печали,
И тоска на бедном сердце.

275-279 Пусть тоска сильнее будет,
Тяжелей печали станут,
Как скончаюсь я, бедняжка,
Так с мучением покончу,
С этой тягостной печалью.

280-284 Бесконечной, горькой скорбью!
Да, теперь настало время
Навсегда с землей проститься,
В Маналу пора сойти мне,
В Туонелу пора спуститься.

285-292 Обо мне отец не плачет,
Мать родная не жалеет,
У сестры лицо не мокро,
И глаза у брата сухи,
Хоть уж в воду я спускаюсь,

В море к рыбам направляюсь,
В глубину пучины тёмной,
В тину, смешанную с илом».

293-296 День она идёт, другой день,
Наконец, уже на третий
Достигает края моря,
Берегов, травой поросших.

297-302 Начинало уж смеркаться,
Небо тёмным становилось.
Там проплакала весь вечер
И всю ночь протосковала,
На прибрежном сидя камне
У широкого залива;

303-305 Дождалась она рассвета,
Поглядела: там три девы
По волнам морским стремятся.

306-308 Айно легким, тихим шагом
Хочет к ним идти четвёртой,
Подойти к ним пятой веткой.

309-314 Быстро сбросила рубашку,
На осину скинув платье
И чулки свои на землю,
Башмаки свои на камень,
На песок свой крупный жемчуг,
На прибрежный камень кольца.

315-318 Там надтреснутый утёс был,
Он блестел в далёком море
И к нему плывет девица,
До скалы доплыть стремится.

319-326 Но едва туда ступила,
Отдохнуть присесть хотела
На растрескавшемся камне,
На скале, блестевшей в море,
Как упал вдруг в воду камень,
Та скала на дно морское,
А с тем камнем и девица,
С той огромной глыбой Айно.

327-332 Так та курочка упала,
Так погибла та бедняжка
И сказала, умирая,
С белым светом расставаясь:
«К морю я пошла купаться,
На волне морской качаться.

333-338 Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная погибла.
Никогда, отец мой милый,
Никогда в теченье жизни
Не лови в волнах здесь рыбы
На пространстве вод широких!

339-342 Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться:
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.

343-346 Никогда ты, мать родная,
Никогда в теченье жизни
Не бери воды в заливе,
Чтоб месить для хлеба тесто!

347-350 Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться:
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.

351-354 Никогда, мой брат любимый,
Никогда в теченье жизни
Не пои коня ты в море
На песчаном этом месте!

355-358 Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться;
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.

359-362 Никогда, моя сестрица,
Никогда в теченье жизни
Ты не мой лицо здесь в море,
Не мочи водою здешней.

363-366 Ведь все волны в этом море
Только кровь из жил девицы;
Ведь все рыбы в этом море
Тело девушки погибшей;

367-370 Здесь по берегу кустарник
Это косточки девицы,
А прибрежные здесь травы
Из моих волос все будут».

371-376 Так та девушка скончалась,
Так та курочка исчезла...
Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?

377-379 Не медведь то слово скажет
И возьмётся весть доставить!
Он доставить весть не может;

380-384 На коров он нападает.
Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?

385-388 И не волк то слово скажет
И возьмётся весть доставить!
Он доставить весть не может:

На овец он нападает.

389-392 Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы!

393-400 Не лиса то слово скажет
И возьмётся весть доставить!
Весть лиса подать не может:
Лишь гусей подстерегает,
Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?

401-404 Это заяц слово молвит
И возьмётся весть доставить!
Заяц так и отвечает:
«Да, за храбрым речь не станет».

405-410 Вот бежит, несётся заяц,
Поспешает длинноухий,
Скоро скачет кривоногий,
Быстро мчится косоротый
К дому славному девицы,
Ко двору её родному.

411-414 Подбежал он быстро к бане
У порога приютился.
А в той бане все девицы,
И в руке у каждой веник.

415-420 «Что, косой, в котёл собрался?
Лупоглазый, не попался ль
Ты хозяину на ужин,
А хозяюшке на завтрак,
Милой дочке на закуску,
На обед хороший сыну!»

421-424 Но ответил заяц девам,
Молвил громко пучеглазый:
«Пусть сюда приходит Лемпо,
Пусть себе в котле варится?

425-430 Я пришёл, чтоб вам поведать
Чтоб сказать такое словом
Ведь красавица погибла
С оловянным украшеньем
И с серебряной застежкой,
С пояском, обшитым медью.

431-434 Погрузилась в волны моря,
В глубину морей обширных,
Чтоб сигам там быть сестрою
И подругой быстрым рыбам».

435-444 Мать тогда по милой дочке,
По исчезнувшей девице
Горько, горько зарыдала,
Говорит слова такие:
«Матери! Вы не качайте
Никогда в теченье жизни
В колыбели ваших дочек,
Не воспитывайте деток,
Чтоб насильно выдать замуж,
Как, бедняжка, я качала

445-450 В колыбели мою дочку,
Дорогого мне цыпленка!»
Мать заплакала, а слезы,
Слезы горькие сбегают
Из очей старухи синих
На страдальческие щеки.

451-454 Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От щеки ее опавшей
До груди, дышавшей тяжко.

455-458 Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От груди, дышавшей тяжко,
На подол нарядный платья.

459-462 Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От краев нарядных платья
На чулок с прошивкой красной.

463-466 Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От чулка с прошивкой красной
На башмак, что вышит златом.

467-470 Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
С башмака, что вышит златом,
Прямо под ноги старухи.

471-474 Слезы в землю — ей на благо,
В воду — и воде на благо.
Как стекли они на землю,
Три ручья образовали;

475-478 Потекли тремя реками
Слез печали материнской,
Из очей они бежали,
От висков они стремились.

479-482 На реке такой, на каждой,
Водопады огневые,
А средь пены водопадов
Три скалы там поднялися;

483-486 На верху скалы на каждой
Золотой поднялся холмик;
На верху холма на каждом
Вырастало по березке;

487-492 На березках тех сидели
Золотые три кукушки.
Все три вместе куковали:
Та «любовь! любовь!» кукует,
Та «жених! жених!» покличет,
Третья кличет: «радость! радость!»

493-496 Что «любовь! любовь!» кукует,
Та три месяца все кличет
Той девице, что погибла
Без любви в волнах глубоких.

497-500 Что «жених! жених!» кукует,
Та шесть месяцев все кличет
Жениху тому, который
В одиночестве остался.

501-508 А что кличет «радость, радость!»,
Та всю жизнь кукушка кличет,
Кличет матери несчастной,
Что все дни в слезах проводит,
И сказала мать сквозь слезы,

Услыхавши клич кукушки:
«Мать несчастная не слушай
Слишком долго клич кукушки.

509-514 Как раздастся клич кукушки.
Сердце горестно забьется,
На глаза выходят слезы,
По щекам вода струится,
Как горох, бегут те капли,
Как бобы, идут большие;

515-518 Становлюсь на локоть старше,
Делаюсь на четверть ниже,
Тело всё моё трепещет,
Лишь услышу клич кукушки».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА V

✦

1-4 Вот домой доходят вести,
Вот дошел рассказ печальный
О погибели девицы,
О кончине юной девы.

5-12 Старый, верный Вяйнямейнен.
Все узнавши, стал унылым,
Плакал вечер, плакал утро,
Ночи целые проплакал
О красавице погибшей,
О девице, утонувшей
В волнах вод широкошумных,
В темноте морей глубоких.

13-20 Вот со вздохами, с заботой,
Он пошел с тяжелым сердцем
К морю синему на берег,
Говорит слова такие:
«Спящий Унтамо, скажи мне,
Сны свои открой, ленивец:
Где живут родные Ахто,
Девы Велламо таятся?»

21-28 Спящий Унтамо ответил,
Сны свои открыл ленивец:
«Вот родные где у Ахто,
Девы Велламо таятся:
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке,
В темноте морей глубоких,
В тине илистой и черной.

29-34 Там живут родные Ахто,
Девы Велламо таятся,
Там сидят в каморке узкой
Посреди избушки тесной,
Под скалою полосатой
И под выступом утёса».

35-40 Вышел старый Вяйнямёйнен,
Стал на лодочную пристань,
Взял он удочку тихонько,
Осмотрел он тихо лески,
Положил в мешочки крючочки
И уду в карман запрятал.

41-44 Вот грести он сильно начал,
Лодку к острову направил,
На мысок туманный вышел,
Мглою скрытый островочек.

45-47 Приготовился к уженью,
Леску длинную расправил,
Повернул уду рукою.

48-52 Вот крючок закинул в воду,
Стал удить, таща за леску;
Медь удилища дрожала,
Серебро шуршало в леске,
И в шнурке шумело злато.

53-56 Рассветать на небе стало,
Зорька утренняя вышла,
За крючок схватилась рыбка,
За крючок железный — семга.

57-61 Тащит он ту семгу в лодку
И на дно кладет тихонько.
Пристально глядит на рыбку,
Говорит слова такие:
«Удивительная рыбка!

62-67 Никогда таких не видел,
Сиг столь гладким не бывает,
Не пестреет так пеструшка,
Щука — та не столь седая,
Чешуи у самки меньше,
У самца ж ее побольше.

68-70 Девушки повязки носят,
А русалки носят пояс,
А у курочки есть уши;

71-74 Эта ж рыба — точно семга,
Точно окунь вод глубоких».
Был на поясе у старца
Нож в серебряной оправе.

75-82 Нож он с пояса снимает,
Вынул нож из светлых ножен,
Распластать он хочет рыбку
И разрезать эту семгу,
Из нее чтоб сделать завтрак,
Закусить пораньше ею,
На обед себе сготовить
И оставить часть на ужин.

83-88 Вот пластать он хочет рыбку
И брюшко пороть ей начал:
Вдруг из рук скользнула семга,
В море бросилася рыбка,
С края лодки красноватой,
Из ладьи широкой Вяйнё.

89-92 Подняла из волн головку,
Правым боком показалась
На волне морской, на пятой,
При шестом станке у сети.

93-96 Правой ручкой потянулась
И сверкнула левой ножкой
На седьмой полоске моря,
На валу зыбей девятом.

97-99 Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ой ты, старый Вяйнямёйнен!

100-106 Не затем я вышла в море,
Чтоб меня, как семгу, резал,
Чтоб распластывал, как рыбку,
Из меня готовил завтрак,
Закусил пораньше мною,
На обед себе сготовил
И оставил часть на ужин».

107-116 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Так зачем ты вышла в море?»
«Для того я вышла в море,
Чтобы курочкой спокойной
На руках твоих садиться,
Быть всю жизнь твоей женою,
Чтоб тебе постель готовить,
На постель взбивать подушку,
Убирать твое жилище,
Подметать полы в покоях;

117-122 Чтоб дрова носить в избушку,
Раздувать большое пламя,
Печь тебе большие хлебы
Да медовые лепешки,
Подносить и кружку пива,
Угощать тебя чем хочешь.

123-126 Я совсем не семга моря
И не окунь вод глубоких:
Я девица молодая,
Ёукахайнена сестрица;

127-130 Ты меня искал так долго
И желал в теченье жизни.
Ох, старик ты неумелый,
Вяйнямёйнен безрассудный!

131-133 Не сумел меня поймать ты,
Деву Велламо, русалку,
Дочь единственную Ахто».

134-136 Молвил старый Вяйнямейнен,
Молвил грустный и унылый:
«Ёукахайнена сестра ты?

137-139 О, вернись ко мне скорее!»
Не придет она обратно
Никогда в теченье жизни.

140-143 Быстро в волны погрузилась.
Сразу в море опустилась
Вниз, к каменьям полосатым
И к расщелинам гранитным.

144-146 Старый, верный Вяйнямейнен
Поразмыслил и подумал:
Как же быть и что же делать?

147-152 Потащил свои он сети
Из конца в конец чрез волны;
Через бухты, чрез заливы,
По воде спокойной тащит,
Тащит чрез лососьи рифы,
Через Вяйнёлы потоки.

153-157 Через рифы Калевалы,
По бездонным черным безднам,
Беспросветным глубям моря,
Ёуколы прозрачным рекам,
Чрез лапландские заливы.

158-163 Много всяких рыб поймал он;
Но из рыб, живущих в море,
Не поймал он милой рыбки,
Той, о кой он только думал,
Что у Велламо русалкой,
Что у Ахто всех прекрасней.

164-166 Тут-то старый Вяйнямёйнен
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась;

167-169 Сам сказал слова такие:
«О я, глупый и безумный!
Человек я без рассудка!

170-172 Был мне дан и ум здоровый,
И рассудок был дарован,
И отзывчивое сердце.

173-176 Прежде я имел все это,
А теперь уж всё исчезло
В хилой старости печальной
И в упадке сил бывалых;

177-179 Мой рассудок точно умер,
Прозорливость отлетела,
Стал я вовсе бестолковым.

180-187 Ту, к которой я стремился
И искал в теченье жизни,
Ту у Велламо русалку,
Дочь волны широкошумной,
Чтоб иметь подругой жизни,
На всю жизнь моей супругой,
В море удочкой поймал я
И втащил на лодку быстро;

188-191 Но её не удержал я,
Не принёс в моё жилище,
Упустил обратно в море,
В глуби тёмные морские!»

192-199 И пошёл он по дороге,
Озабоченно вздыхая,
Шёл домой прямой дорогой,
Говорил слова такие:
«Пели некогда кукушки,
Мне кукушки пели радость,
Рано утром, поздно на ночь
И один раз в час полудня.

200-203 Что ж испортило их голос,
Как погиб, напев чудесный?
Грустью голос их надорван,
Унесло его унынье.

204-206 Не слыхать его призыва,
И, когда заходит солнце,
Нет вечерней мне отрады;

207-209 Не слыхать кукушки утром.
Не могу совсем понять я,
Как мне быть и что мне делать?

210-219 Как прожить мне в этом мире,
Как скитаться в здешнем крае?
Если б мать в живых осталась,

На земле жила б родная,
Мне тогда б она сказала,
Что теперь с собой мне делать,
Чтоб печали не поддаться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни мои плохие,
Время горести жестокой!»

220-229 Мать в могиле пробудилась,
Из воды в ответ сказала:
«Мать твоя не умирала,
Так же бодрствует родная
И тебе ответит ясно,
Что теперь ты должен делать,
Чтоб печали не поддаться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни твои плохие,
Время горести жестокой:

230-235 В Похьёле девиц немало!
Есть там девушки получше,
Вдвое лучше и красивей,
В пять и в шесть раз веселее
Этих Ёуколы бездельниц,
Этих медленных лапландок.

236-241 Там, мой сын, возьми жену ты,
Похъёлы красотку деву,
Ту, что обликом прелестна,

Ту, что стан имеет стройный,
У которой ноги быстры,
У которой гибко тело».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА VI

✦

1-4 Старый, верный Вяйнямёйнен
Приготовился к отъезду
В те холодные селенья,
В Похъёлу, в страну тумана.

5-10 Мастью конь его похож был
На горох иль на солому.
На коня надел уздечку,
Недоуздок он накинул,
На спине коня уселся
И от дома отъезжает.

11-14 Гонит сильно по дороге,
Проезжает путь поспешно
На коне, что на солому
Иль горох походит мастью.

15-20 Полем Вяйнёлы несётся,
По полянам Калевалы,
На коне он быстро скачет
От родной земли всё дальше,
По хребту морскому едет,
По равнине вод открытых.

21-28 У коня копыта сухи,
На ногах не видно влаги.
Молодой же Еукахайнен,
Юноша дрянной лапландский,
До сих пор был всё озлоблен,
Уж давно питал он зависть
К Вяйнямёйнену седому,
К вещим старца песнопеньям.

29-34 Лук он огненный устроил,
Выгиб сделал в украшеньях;
Лук он сделал из железа,
Выгиб он отлил из меди,
Золотом его украсил,
Серебра туда прибавил.

35-38 Где же он возьмёт верёвку,
Где он тетиву разыщет?
Жилы лося взял у Хийси,
Взял он нитки льна у Лемпо.

39-46 Вот готов был выгиб лука,
И концы его готовы.
Был тот лук на вид прекрасен,
Должен был немало стоить,
Наверху конёк поставлен,
По бокам бежит жеребчик,
Медвежонок спит на сгибе,
На зарубке дремлет зайчик.

47-50 Он вырезывает стрелы,
Трижды стрелы оперяет.
Из железа точит стержень,
Из смолистых веток — кончик.

51-54 Стрелы вырезал искусно
И тогда их оперяет
Тонким перышком касатки,
Воробьиными крылами.

55-58 Закалил он эти стрелы,
А потом концы намазал
Ядовитым чёрным соком,
Что нашел в крови змеиной.

59-62 Так готовы были стрелы.
Натянул свой лук упругий,
Вяйнямёйнена всё ждал он,
Всё стерёг он друга моря.

63-70 Утром, вечером сидит он,
Стережёт и в час полудня.
Вяйнямёйнена всё ждет он,
Ждёт без устали неделю,
Поджидает под окошком,
Стережёт в углу забора,
Слушает в конце дороги
И высматривает в поле;

71-78 За спиной колчан повешен,
А в руках тот лук прекрасный.
Вот стеречь он дальше вышел,
От другого дома смотрит:
С края огненного мыса,
От излучины залива,
С водопада огневого,
От святой реки кипящей.

79-81 Наконец, однажды утром,
Он свои направил взоры
И на север, и на запад.

82-86 Повернул лицо он к солнцу
Что-то чёрное заметил,
Что-то синее на море:
«То не облако ль с востока,
Не заря ли ранним утром?»

87-90 То не облако с востока,
Не заря то ранним утром
Это старый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец.

91-94 В Похъёлу свой путь держал он,
В Пиментолу направлялся,
На коне, что на солому
Иль горох похож был мастью.

95-100 Лук схватил тут Ёукахайнен,
Юноша дрянной лапландский,
Он схватил, пылая гневом,
И направил лук прекрасный
Вяйнямейнену на гибель,
Чтобы моря друг скончался.

101-104 Мать его тогда спросила,
Седовласая старушка:
«Для кого ты лук устроил,
Обложил его железом?»

105-110 Так ответил Ёукахайнен
И сказал слова такие:
«Вот зачем я лук устроил,
Обложил его железом:
Вяйнямёйнену на гибель,
Чтобы моря друг скончался.

111-114 Вяйнямёйнена сражу я,
Песнопевца Калевалы,
В сердце самое и в печень
И в лопатку я ударю».

115-118 Но стрелять не позволяет,
Запрещает мать-старушка:
«Вяйнямёйнена не трогай,
Песнопевца Калевалы.

Рода славного тот Вяйнё,
Мне по шурину племянник.
Вяйнямёйнена застрелишь,
Песнопевца Калевалы,
Вмиг исчезнет в мире радость,
На земле погибнет песня;

Здесь на свете лучше радость,
На земле приятней песня,
Чем. в полях подземных, тёмных,
В мрачном Туонелы жилище?»

Всё же юный Ёукахайнен
Призадумался немного,
На минуту он сдержался;

Бить одна рука велела,
Бить нещадно заставляла,
А противилась другая.

Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Пусть погибнет в мире радость,
Пусть исчезнут в мире песни,
Я стреляю без раздумья,
Я стреляю без боязни».

Лук свой. огненный направил,
На колене левом держит
В медь обитое оружье:

Стал на правое колено.

145-148 Взял стрелу он из колчана,
Оперенную он вынул;
Выбрал ту, что всех покрепче,
У которой стержень лучше;

149-156 К луку он её приладил,
На льняную клал он нитку.
Лук свой огненный приподнял,
К правому плечу приставил,
Приготовился стрелять он,
В Вяйнямёйнена направил,
Говорит слова такие:
«Мчись ты, кончик из березы..

157-160 Будь прямей, сосновый стержень,
И скользи, льняная нитка;
Коль рука нацелит низко,
Пусть стрела идет повыше;

161-164 Коль нацелит слишком кверху,
Пусть стрела помчится ниже».
Наконец за спуск он дёрнул
Первую стрелу пустил он;

165-168 Высоко стрела взлетела,
Через голову на небо,
В облака расцветки пёстрой
И в нахмуренные тучи.

169-174 Не печалясь, он стреляет;
Вот пустил стрелу вторую
Полетела слишком низко
Глубоко воткнулась в землю,
В Манале быть захотела,
Разнести там холм песчаный.

175-182 Тотчас он пускает третью;
Та попала прямо в печень
Вяйнямёйнена оленя,
В быстрого коня вонзилась,
Что своей похож был мастью
На горох иль на солому,
Через мясо у подмышки,
Через левую лопатку.

183-188 И упал тут Вяйнямёйнен
Прямо пальцами во влагу,
Пал руками в волны моря,
Он свалился прямо в пену
Со спины лосиной синей,
С своего коня на волны.

189-194 Поднялся ужасный ветер;
В море сильное волненье:
Понесло оттуда старца,
От земли его отбило
На просторы вод широких,
На открытое теченье.

Начал хвастать Ёукахайнен,
Так он громко восклицает:
"О ты, старый Вяйнямёйнен!

Никогда в теченье жизни,
Никогда ты не увидишь
Света месяца златого,
Вяйнёлы полей широких
И просторы Калевалы!

Шесть ты лет по морю плавай,
На волнах семь лет качайся,
Восемь лет метаться будешь
На пространстве вод широких,
По открытому теченью:
Как сосна на море, шесть лет,
И как ель на волнах, семь лет,
Восемь лет, как пень древесный!

Вот в избу он воротился.
Мать его в избе спросила:
«Неужель сразил ты Вяйнё?

Сына Калевы убил ты?»
Молвил юный Ёукахайнен,
Дал в ответ такое слово:
«Вяйнямёйнена сразил я,
Сына Калевы убил я.

219-223 Пусть он море расчищает,
Пусть метёт проворно воды.
В волны илистого моря,
В мутные его потоки
Старый пальцами упёрся.

224-228 Он упал на море локтем
И склонился прежде на бок,
А потом спиной улёгся,
По морским волнам понёсся,
По морской поплыл пучине».

229-234 Мать тогда сказала слово:
«Ты, несчастный, дурно сделал,
Что сразил ты старца Вяйнё,
Сына Калевы убил ты,
Сувантолы песнопевца,
Калевалы украшенье».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА VII

✦

1-6 Старый, верный Вяйнямёйнен
По волнам плывёт глубоким,
Словно ветвь сосны блуждает,
Словно тощий сук от ели,
Шесть он летних дней несётся,
Шесть ночей без перерыва;

7-10 Перед ним морская влага,
А над ним сияет небо,
И хвостом метёт он волны,
Клювом в скалы ударяет.

11-14 Полетел, остановился,
Посмотрел он, оглянулся,
Вяйнямёйнена увидел
На волнах морей синевших.

15-22 «Отчего ты, муж, на море,
Богатырь, на синих волнах?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вот зачем я, муж, на море,
Богатырь, на синих волнах:
Шёл я Похъёлы девицу,
Деву Пиментолы сватать.

23-28 Быстро мчался я по морю
Вдоль морской равнины славной
До тех пор, пока однажды,
В час восхода, ранним утром,
В Луотолу на берег прибыл,
В Ёуколу морским теченьем.

29-33 Там мой конь свалился мертвым,
А меня сразить хотели.
Я упал тогда на волны,
В воду пальцами упёрся,
Чтоб меня мотала буря.

34-38 Чтобы волны колыхали.
И подул с востока ветер,
Буря с севера, с заката,
Отнесла меня от суши
На пространство вод далёких.

39-42 Много дней я так качался
И ночей проплавал много
На пространстве вод обширных
По открытому теченью.

43-46 Не могу никак придумать,
Не могу понять, постигнуть,
Как мне жизнь придётся кончить,
Что со мною раньше будет;

47-50 Или с голоду погибну,
Иль в воде здесь утону я».
Отвечал орёл небесный:
«Ты нисколько не печалься!

51-54 На спине моей усядься,
У хвоста, у самой кости,
Унесу тебя из моря,
Унесу куда захочешь.

55-62 Хорошо тот день я помню,
Помню доброе то время:
Жёг у Калевы ты рощу,
Дерева сжигал у Осмо,
Пощадил тогда березу,
Стройный стволов оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб я сам на ней садился».

63-68 Тут-то старый Вяйнямёйнен
По волнам поплыл поспешно;
Из воды он смело вышел,
Богатырь из волн поднялся,
На крыло к орлу уселся,
У хвоста, у самой кости.

69-74 Вот несёт орел небесный
Вяйнямёйнена седого,
Он несёт его по ветру,

По пути ветров весенних,
К дальним севера границам,
К той суровой Сариоле;

75-80 Вяйнямёйнена спускает,
Сам шумит уже по ветру.
И заплакал Вяйнямёйнен,
Плачет, жалобно горюет
На краю морей широких,
Там на мысе незнакомом.

81-84 На боку сто ран имел он,
Ветра тысячу ударов,
Борода поистрепалась,
Волосы висят клоками.

85-92 Две и три проплакал ночи,
Дней проплакал ровно столько ж.
Но не мог найти дороги,
Хоть какой-нибудь тропинки,
Чтоб на родину вернуться,
На родимую сторонку,
В ту страну, где он родился,
Где он прежде жил спокойно.

93-97 Как-то Похъёлы служанка,
Белокура, невеличка,
Об заклад побилась с солнцем,

Чтобы с месяцем и солнцем
Просыпаться, вместе с ними;

98-101 Поднялась гораздо раньше,
Раньше месяца и солнца;
Петухи еще не пели
И цыплята не кричали.

102-107 Пять овец она остригла,
Шесть ягнят остригла лучших
Соткала сукна из шерсти,
Шерсти выбрала на платье
Перед утренним рассветом,
Раньше, чем поднялось солнце.

108-117 Вот столы она помыла,
Пол дощатый подметает
Чистым веником ветвистым,
Многолистною метлою,
Сор на медную лопатку
В кучу быстро собирает
И выносит сор наружу,
Из дверей выносит к пашне
К краю пахотного поля,
За плетень бросает в угол;

118-121 И стоит там возле сора,
Слышит что-то, обернулась,
Слышит, с моря плач несётся

И от берега стенанье.

122-127 В дом к себе она уходит,
Быстро в горницу проходит
И, когда вошла, сказала,
Слово молвила такое:
«Я слыхала плач на море
И от берега стенанье».

128-137 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Тотчас из дому выходит,
Подошла к калитке быстро,
Плач услышала далёкий,
Говорит слова такие:
«Так нигде не плачут дети,
Так и женщины не стонут,
Плачут так одни герои,
Бородатые мужчины».

138-143 Вот столкнула в воду лодку,
Трехдощатую на волны,
И сама гребёт поспешно,
С быстротой туда стремится,
Где был старый Вяйнямёйнен,
Богатырь, который плакал.

144-149 Горько плачет Вяйнямёйнен,
И скорбит Увантолайнен,
В ивняке плохом он плачет
Посреди густой крушины,
Борода и рот трясутся,
Но уста его закрыты.

150-152 Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ах, старик ты бедный, жалкий!

153-156 Ты попал в чужую землю!»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Поднял голову высоко
Говорит слова такие;

157-159 «Сам довольно это знаю,
Что попал в чужую землю,
В незнакомые пределы;

160-167 Я на родине был знатен,
Дома был в великой славе».
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«От тебя б я знать хотела,
И, позволь, тебя спрошу я:
Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?»

168-175 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие;
"Назывался я доселе
И досель всегда считался
Радостью родного края
И певцом в родных долинах,
В долах Вяйнёле широких,
На полянах Калевалы.

176-183 А теперь в моём несчастье
Сам себя не узнаю я.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Так из сырости ты выйди
И пройди ко мне тропинкой,
Расскажи своё несчастье
И судьбу свою поведай».

184-191 Вот его из места плача
И из места злой кручины
Лоухи в лодку принимает,
На конец ладьи сажает
И сама гребет старуха,
Направляет Лоухи лодку,
Прямо в Похъёлу стремится,
В дом свой гостя доставляет.

192-195 Там голодного кормила,
Платье мокрое сушила
И неделю растирала,
Растирала, согревала;

196-203 Старец выздоровел скоро,
Стал герой опять здоровый.
Начала расспросы Лоухи,
Говорит слова такие:
«Отчего так, Вяйнямёйнен,
Плакал ты, Увантолайнен,
В этой местности угрюмой,
На краю большого моря»?

204-207 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
"Есть для слёз моих причина,
Есть для слез и для рыданья.

208-211 Я ведь долго в море плавал,
И меня там били волны
На пространстве вод широких,
По открытому теченью.

212-221 Оттого так долго плачу
И, пока я жив, страдаю,
Что я родину оставил,
Из знакомых мне пределов
Прохожу в чужие двери

В незнакомые ворота,
Тяжела мне здесь берёза,
И ольха меня здесь режет,
Здесь деревья точно ранят,
Ветка каждая дерётся.

222-225 Только ветер — мой знакомый,
Только солнце -друг мой прежний
Здесь, в пределах чужеземных
У дверей, мне незнакомых.

226-233 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, о Вяйнямёйнен
Не горюй, Увантолайнен:
Хорошо б тебе остаться,
Проводить бы здесь всё время
Есть бы сёмгу на тарелке,
Есть бы также и свинину»

234-237 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Не прошу чужой я пищи,
На чужбине самой лучшей;

238-243 Всего лучше людям дома,
Каждому там больше чести.
Ниспошли, о боже добрый,

Дай, творец, любовью полный,
Вновь домой мне возвратиться,
Вновь на родину вернуться!

244-247 Лучше лаптем воду черпать
У себя, в родной сторонке,
Чем в стране чужой, далёкой
Мёд — сосудом драгоценным».

248-253 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Что ты дать мне обещаешь,
Если я тебя доставлю
На родимую сторонку,
Довезу до самой бани?»

254-260 Молвил старый Вяйнямёйнен;
«А чего бы ты хотела,
Если ты меня доставишь
На родимую сторонку,
Чтобы слышать клич кукушки,
Услыхать там птицы пенье,
Шапку золота ты хочешь?

261-265 Серебра ль возьмешь ты шапку?»
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«О ты, мудрый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец!

266-269 Я на золото не падка,
В серебре я не нуждаюсь:
Золото — цветочки детям,
Серебро — коней убранство;

270-275 Сможешь ли сковать ты Сампо,
Крышку пёструю устроить,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных
Вместе с шерстью от овечки
И с зерном ячменным вместе?

276-281 Так ты девушку получишь,
Дочь мою, себе в награду.
И домой тебя доставлю,
Чтоб ты слушал там кукушку,
Чтоб ты слушал птички пенье
На полях родного края».

282-291 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Не могу сковать я Сампо,
Крышку пёструю украсить,
Но, когда домой приеду,
Ильмаринена пришлю я:
Пусть тебе скует он Сампо,
Крышку пёструю устроит,
Пусть он дочь твою получит,
Пусть её составит счастье.

292-297 Он — кузнец, и первый в мире,
Первый мастер он в искусстве.
Ведь он выковал уж небо,
Крышу воздуха сковал он,
Так, что нет следов оковки
И следов клещей не видно».

298-307 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Дочь мою тому отдам я,
Лишь тому я обещаю,
Кто сковать мне может Сампо,
Крышку пёструю украсить,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных
Вместе с шерстью от овечки
И с зерном ячменным вместе».

308-317 Вот взнуздала жеребёнка,
Запрягла гнедого в сани,
Вяйнямёйнена сажает,
Посадила старца в сани,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Головы не поднимай ты,
Не поглядывай на небо,
Конь покуда не устанет,
Не приблизится уж вечер.

318-321 Если голову поднимешь
И на небо поглядишь ты,
То тебя беда постигнет
И судьба постигнет злая».

322-327 Вот ударил Вяйнямёйнен
По коню и быстро мчится,
Опустил свободно вожжи,
Шумно едет по дороге,
Из той Похъёлы туманной,
Из суровой Сариолы.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА VIII

✦

1-6 Мрачной Похъёлы красотка,
Красота земля и моря,
На дуге сидит воздушной,
На изгибе круглом неба,
В платье чистое одета,
В одеянье белой ткани;

7-16 Ткёт одежду золотую,
Серебром всю украшает,
Золотой челнок проводит
По серебряному берду,
И челнок, жужжа, стремится,
Быстро бегает катушка,
Быстро движется основа
И серебряное бердо
При тканье прекрасной девы,
Серебром прилежно ткавшей.

17-20 Старый, верный Вяйнямёйнен
Шумно едет по дороге
Из той Похъёлы туманной,
Из суровой Сариолы.

21-24 Недалеко он отъехал,
Он промчался лишь немного,
Слышит: вот челнок по берду
Зажужжал над головою.

25-30 Старец голову приподнял
И взглянул тогда на небо:
Вот стоит дуга на небе,
На дуге сидит девица,
Ткёт одежду золотую,
Серебром всю украшает.

31-36 Старый, верный Вяйнямёйнен
Останавливает лошадь,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты сойди, девица, в сани,
Ты садись со мною рядом».

37-40 И ответ дала девица,
Так сказала и спросила:
"Что же я на этих санках,
« Что, девица, буду делать?»

41-45 Старый, верный Вяйнямёйнен
Так на это отвечает:
"Ты затем сойди, девица,
Ты затем садись на сани,
« Чтобы с мёдом печь мне хлебы.

46-50 Будешь пиво мне готовить,
На скамье споёшь приятно,
У окна ты развлечёшься,
В крае Вяйнёлы, на поле,
По подворьям Калевалы».

51-56 Но девица отвечает,
Говорит слова такие:
"Я пошла на луг цветистый,
На желтеющее поле
Вечерком вчера пошла я,
Как уж солнце закатилось.

57-60 Вдруг я слышу пенье птички.
Слышу — дрозд поёт на ветке,
И поет девичьи думы,
Размышления невесты.

61-70 Я сказала доброй птичке,
У неё я так спросила:
«Ты скажи мне, милый дроздик,
Спой, чтоб было мне понятно,
„ Как на свете жить приятней,
Как прожить на свете лучше:
У отца ли жить девицей
Или с мужем жить женою?“
Отвечает так синица,
Дрозд на ветке так щебечет:

71-74 „Летом дни теплы и ясны,
Но теплее жить девице;
Холодно зимой железо,
Холодней жене живется;

75-78 Дома девушка на воле
Точно ягодка на поле,
А жена при муже — точно
На цепи сидит собака.

79-86 Редко раб увидит ласку,
Но жена совсем не видит“.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
„То пустое птичье пенье,
И дрозда напевы глупы:
Вечно девушка — ребёнок,
Только жён лишь уважают.

87-96 Ты сойди, девица, в сани,
Ты садись со мною рядом;
Я ведь — муж незаурядный,
Богатырь, других не хуже!“
Молвит девушка разумно,
Говорит слова такие:
Я тебя сочту героем
И тогда признаю мужем,
Если ты разрежешь волос,
Но чтоб нож без острия был,

97-102 Если ты яйцо завяжешь
Но чтоб узел не был виден».
Старый, верный Вяйнямейнен
Волос тотчас разрезает,
Но ножом ненавостренным,
Лезвия совсем лишённым;

103-106 Завязал яйцо он в узел,
И тот узел не был виден.
Просит сесть девицу в сани,
Просит он занять сиденье.

107-112 Молвит девушка разумно:
«Я к тебе усядусь в сани,
Если ты обточишь камень,
Изо льда жердинки срежешь,
Чтоб не сыпались кусочки,
Чтоб пылинка не слетела».

113-118 Старый, верный Вяйнямёйнен
Не задумался нисколько.
Обточил он быстро камень,
Изо льда жердинки сделал,
И не сыпались кусочки,
И пылинка не слетела.

119-125 Вновь зовет он деву в сани,
Вновь девицу на сиденье.
Молвит девушка разумно,

Говорит слова такие:
«За того я замуж выйду,
Кто мне выстругает лодку
Из обломков веретёнца.

126-132 Из кусков моей катушки;
Пустит на воду ту лодку,
Новый челночок на волны,
Не толкнув её коленом,
Не дотронувшись ладонью,
Не вертя притом рукою
И не расправляя плечи».

133-138 Молвил старый Вяйнямёйнен
Говорил слова такие:
«Никого здесь не найдётся,
Под небесной этой кровлей,
Кто, как я, построит лодку,
Кто так выстругать сумеет».

139-144 Взял обломки веретёнца,
Взял кусочки от катушки
И спешит построить лодку,
Сто досок соединяет
На горе стальной, огромной,
На скале её железной.

145-150 Он выстругивает лодку
И работает прилежно.
День работает, другой день,
Уж работает и третий,
Топором не колет камень,
Лезвием скалу не рубит.

151-155 Вот на третьи сутки Хийси
Вдруг хватает топорище,
Лезвие хватает Лемпо,
Топорищу придал силы,
И топор к скале стремится;

156-160 Лезвие несётся к камню;
Отскочил топор от камня,
Лезвие вонзилось в тело,
Мужу бедному в колено,
В палец на ноге у Вяйнё;

161-164 Лемпо режет старцу тело,
Жилы Хийси разрывает,
Кровь, тут хлынула потоком,
Потекла со всею силой.

165-170 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Говорит слова такие

И такие молвит речи:
«Ты, топор остроконечный
С лезвием железным, гладким!

Мнил ты. что рубил деревья,
Воевал с косматой елью,
Направлялся к диким соснам,
Враждовал с берёзой белой,
В миг, когда в меня вонзился,
Разрубил живые жилы».

Начал старец заклинанья,
Говорит и вспоминает
Зол земных происхожденье;

Вспомнил каждое он слово.
Одного не вспомнил только:
Заклинаний о железе,
Чтоб на них повязку сделать,
Чтоб замок из них устроить
На тяжёлые порезы,
На синеющие раны.

Вот ручьями кровь сбегает,
Как поток, стремится шумно
Покрывает стебли ягод.

Залила траву в полянах,
Не осталось ни травинки
Всё покрыто было кровью,

Всё залил поток могучий;

194-196 Он сбегал, бушуя грозно,
С богатырского колена,
С пальца на ноге у Вяйнё.

197-202 Старый, верный Вяйнямёйнен
Лишаи сдирает с камня,
Мох сбирает на болоте,
На земле срывает травы,
Чтоб закрыть отверстье злое,
Запереть большую рану;

203-206 Но ничто не помогает,
Кровь по-прежнему струится.
Удручённый тяжкой болью
Он еще сильней страдает.

207-212 Старый, верный Вяйнямёйнен
Начинает горько плакать,
Заложил коня поспешно
И запряг гнедого в сани,
Сам на них с трудом поднялся,
Поместился на сиденье.

213-218 Вот кнутом коня ударил,
Вот стегнул хлыстом хорошим
Бодро конь бежит оттуда,

Путь становится всё меньше:
Подъезжает он к деревне,
Там он видит три дороги.

219-226 Старый, верный Вяйнямейнен
Едет нижнею дорогой,
Стал у нижнего строенья,
У порога стоя, молвил:
«Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Узнавать бы мог болезни,
Исцелил герою рану?»

227-234 На полу сидел малютка,
У печи сидел ребёнок,
Дал в ответ слова такие:
«Никого нет в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Мог бы боль унять героя,
Положить конец страданью,
Исцелить герою рану.

235-239 Загляни в жильё другое,
Поезжай к другому дому!»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Вновь коня кнутом ударил,
Быстро едет по дороге;

240-248 Проезжает недалеко,
Едет среднею дорогой,
Стал у среднего строенья,
У порога стоя, молвил
И спросил перед окошком:
«Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Удержал бы реку крови,
Положил конец потоку?»

249-256 Там укрытая старушка
Перед печкою лежала
И ответила охотно,
Постучав тремя зубами:
«Никого нет в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Крови знал происхожденье,
Успокаивал бы боли.

257-264 Загляни в жилье другое,
Поезжай к другому дому!»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Вновь коня хлыстом ударил,
Быстро мчится по дороге,
Проезжает недалеко,
Едет верхнею дорогой,
Стал у верхнего строенья;

265-270 У порога стоя, молвил
И сказал он под навесом:
«Не найдётся ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Кто унял бы реку крови,
Положил конец потоку?»

271-278 Там старик седобородый
Наверху, на печке грелся;
Пробурчал оттуда старый,
Закричал седобородый:
«И не то еще сдержали,
И не то остановили
Три могучих божьих слова
Повесть о вещей начале;

279-282 Так утихли водопады,
Реки бурные смирились,
Также бухты у мысочков
И за косами заливы».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА IX

✦

1-6 Вот поднялся Вяйнямёйнен,
Сам он быстро встал на санках
И без помощи выходит
Без поддержки приподнялся,
Из саней пошёл в жилище,
Дальше в горницу проходит.

7-12 Из сребра приносит кружку,
Чашку ставят золотую,
Но она вмещает мало,
Незначительную долю
Благородной крови Вяйнё
Из его глубокой раны.

13-16 Забурчал на печке старый,
Закричал седобородый:
«Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?

17-20 Ведь семь лодок крови вышло,
Восемь кадок глубочайших;
Кровь из твоего колена
На пол пролилась, бедняга!

21-24 Много разных слов я знаю,
Но не знаю о начале,
О рождении железа
И о первом росте стали».

25-32 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Знаю сам начало стали
И рождение железа,
Воздух — мать всему на свете,
Старший брат — водой зовётся,
Младший брат воды — железо,
Средний брат — огонь горячий.

33-36 Укко, тот творец верховный,
Старец Укко, бог небесный,
Отделил от неба воду,
Разделил он воду с сушей;

37-46 Не рождалось лишь железо,
Не рождалось, не всходило.
Укко, этот бог верховный,
Протянул однажды руки
И потер их друг о дружку
На своем колене левом:
Появились три девицы,
Эти дочери творенья,
Эти матери железа
И голуборотой стали.

47-50 Вот пошли они, колышась,
В облаках они ступают,
Молоком полны их груди,
И сосцы отяжелели.

51-54 Молоко течёт на землю,
Грудью полной орошают
Девы землю и болота,
Тихо дремлющие води.

55-60 Каплей чёрною стекает
Молоко у девы старшей,
У второй же девы, средней,
Каплей белою стекает,
А у той, что всех моложе,
Каплей красною сбегает.

61-64 И из чёрных этих капель
Вышло мягкое железо;
Где же белые упали
Сталь упругая явилась;

65-70 А из красных капель вышло
Лишь некрепкое железо.
Так недолго продолжалось,
Вот железо захотело
Брата старшего увидеть,
Завести с огнём знакомство.

71-74 Но огонь бушует страшно
И растет с ужасной силой,
Сжечь несчастного он хочет,
Брата младшего — железо.

75-78 Но железо убегает
И спасается поспешно
От огня, от рук ужасных,
От его злодейской пасти.

79-86 И бежит оно далеко,
Для себя защиты ищет
В зыбких топях и болотах
И в потоках быстротечных,
На хребте болот обширных
И в обрывах гор высоких,
Где несут лебедки яйца,
Где сидят на яйцах гуси.

87-92 И в болоте, под водою,
Распростерлося железо,
Там скрывается два года,
Там скрывается и третий
Между пнями двух деревьев,
Между трёх корней березы.

93-98 Но совсем не убежало
От огня объятий диких.
И еще ему пришлося

Увидать огня жилище,
Чтобы там в мечи и копья
Превратиться от каленья.

99-102 По болоту волк стремится,
Из лесу медведь выходит,
И колышет волк трясину,
И медведь болото топчет.

103-106 Поднимается железо,
Вырастают прутья стали,
Где ступает волк ногою,
Где медведь ступает лапой.

107-112 Вот родился Ильмаринен,
Он родился, подрастает.
На горе углей родился,
Рос на угольной поляне,
И в руке он молот держит,
В кулаке щипцы сжимает.

113-116 Темной ночью он родился,
Днем уж кузницу он строит,
Место кузнице он ищет,
Где мехи свои поставить.

117-120 Увидал сырую землю,
То болото все в холмочках;
Поглядеть туда идет он,
Рассмотреть вблизи болото;

121-128 Ставит там свое горнило
И мехи он размещает.
По следам идет он волчьим,
По следам медвежьей лапы,
Видит отпрыски железа,
Видит прутья синей стали
На следах глубоких волка,
На следах больших медведя.

129-134 Говорит слова такие:
„О ты, бедное железо!
Здесь тебе плохое место,
Ты лежишь здесь очень низко,
Где идут болотом волки,
Где медведь ступает лапой!“.

135-142 Он подумал и размыслил:
„А что будет, если брошу
Я в огонь железо это,
Положу его в горнило?“
Испугалося железо,
В ужасе оно трепещет
Пред безумной силой жара,
Как услышало те речи.

143-146 И кузнец тот Ильмаринен
Молвил: „ Этого не будет:
Не сожжет огонь родного,
Соплеменников не тронет.

147-156 Ты пойдешь к огню в жилище,
Где живёт, укрывшись, пламя:
Там ты вырастешь прекрасно,
Там ты сделаешься сильным,
Станешь ты мечом для мужа
И застежками для женщин!“
В тот же день и в тот же вечер
Из болот железо взяли,
Там на дне его отрыли,
Принесли его к горнилу.

157-160 Положил кузнец железо,
Поместил в огонь горнила
И мехи привел в движенье,
Трижды дуть их заставляет.

161-166 Расплавляется железо,
Размякает под мехами,
Точно тесто из пшеницы
Иль для чёрных хлебов тесто,
Там, в огне кузнечном сильном,
В ярком пламени горнила.

167-176 И воскликнуло железо:
„О кузнец ты, Ильмаринен,
Унеси меня отсюда,
Здесь меня терзает пламя!“
Так ответил Ильмаринен:
„Коль тебя отсюда выну,

Может, станешь ты ужасным,
Станешь слишком беспощадным,
Своего порежешь брата,
Сына матери поранишь“.

177-182 Поклялось тогда железо,
Поклялось сильнейшей клятвой
Пред горнилом, наковальней,
Перед молотом кузнечным,
Говорит слова такие
И такие молвит речи;

183-186 „Есть деревья для пореза,
Можно сердце рвать у камня.
Я не буду резать брата,
Сына матери не трону;

187-192 Жизнь моя приятней будет
И житье моё привольней,
Если к людям попаду н,
Послужу ручным орудьем,
Чем свое мне племя резать,
Чем своих родных мне ранить“.

193-200 И кузнец тот, Ильмаринен,
Тот кователь вековечный,
Из огня железо тащит,
Положил на наковальню,
Бьет его, чтоб стало мягче,

Вещи острые кует он,
Топоры кует и копья,
Вещи разные сковал он.

201-206 Но еще железу мало,
Надо бедному прибавить:
Не готов язык железа
И не вырос рот у стали,
Ведь не закалить железо,
Коль не намочить водою.

207-212 И кузнец тот Ильмаринен
Сам об этом поразмыслил,
Положил золы немного,
Щелоку чуть-чуть прибавил
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.

213-218 Языком он смесь отведал,
Про себя он рассуждает,
Говорит слова такие:
„Эта смесь не обратится
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа“.

219-222 Вот с земли пчела взлетела,
Синекрылая из травки
Полетав, остановилась
У кузнечного горнила.

223-230 И кузнец промолвил слово:
„Пчёлка, быстрый человечек!
Приноси медку на крыльях,
Языком достань ты сладость
Из шести цветочных чашек,
Из семи верхушек травных,
Чтобы сталь мне изготовить,
Чтобы выправить железо!“.

231-236 Слышит шершень, Хийси птичка,
Услыхал он эти речи:
С кровли кузницы смотрел он,
На бересте кровли сидя,
Как калилась сталь в горниле,
Как готовилось железо.

237-244 С быстротой летит оттуда,
Сыплет ужасами Хийси
И приносят змей шипенье,
Черный яд гадюки злобной,
Муравьиный яд приносит
И сокрытый яд лягушки
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.

245-254 А кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Пораздумал и помыслил,
Что та пчёлка, прилетевши,

Сладкий мёд ему приносят,
Мёду в сотах доставляет,
И сказал слова такие:
„Рад, что принесла мне это
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа“.

255-258 Сталь туда он погружает,
Погружает и железо,
Из огня железо вынул,
Из горнила сталь он поднял.

259-262 Вышла сталь оттуда злою,
Злобным сделалось железо
И нарушило присягу,
Как собака, съело клятвы;

263-266 Без пощады режет брата
И родных с ужасной злобой,
Заставляет кровь струиться
И бежать из раны с шумом.

267-270 Закачал старик на печке
Бородой и головою;
„Знаю я теперь начало
И коварный нрав железа.

271-273 Злое, жалкое железо,
Ты, изгарина дрянная,
Сталь с могуществом ужасным!

274-276 Так-то ты росло на свете,
Так-то сделалось ты страшным,
Чересчур уже великим!

277-286 Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Ты ведь не было красивым,
Прежде не было могучим,
Молоком новорожденным
Ты покойно исходило
Из сосцов прекрасных девы,
Из девичьей полной груди
На краю обширной тучи,
Посредине небосвода.

287-291 Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как ты было словно влага,
Словно струйка ключевая
На хребте болот широких;

292-294 У крутой скалы, в уступе,
Ты комком земли лежало,
Ты лежало пылью ржавой.

295-300 Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как тогда тебя в болоте

И олень и лось топтали,
Как тебя давили волки
И медведь царапал лапой.

301-306 Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как тебя из топи вынул,
Потащил из почвы черной,
Прямо в кузницу доставил,
Бросил к горну Ильмаринен.

307-316 Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как изгарина, шипело,
Кипятком ты клокотало
В страшном огненном пространстве,
Как клялось ты страшной клятвой
Перед горном, наковальней,
Перед молотом кузнечным,
Пред горячим дном горнила,
Где кузнец тогда работал.

317-322 Ныне ль ты великим стало,
Сильной ярости достигло,
Клятву страшную забыло,
Честь свою, как пёс, сожрало:
Свой же род ты полосуешь
И своих родных кусаешь?

323-328 Кто ж тебя ко злу понудил,
Кто внушил дела дурные?
Твой отец иль мать родная,
Был ли то твой брат старейший
Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?

329-332 Не отец, не мать родная
И не брат родной старейший,
Не сестра твоя меньшая
И никто другой из рода;

333-336 Ты само — источник бедствий
Ты — начало дел ужасных.
Вот, смотри свою работу
Да приди беду поправить;

337-342 Иль скажу твоей родимой,
Я пожалуюсь старухе.
Много матери заботы,
Тяжело бывает старой,
Если сын дурное сделал,
Если дерзко поступил он.

343-346 Не хлещи ты, кровь, потоком.
Ты не бей струёю теплой,
Перестань на лоб мне брызгать,
Обливать мне грудь потоком;

347-352 Как стена, ты стань недвижно,
Как забор, ты стой спокойно,
Стой, как меч, упавший в море,
Как во мху стоит осока,
Как стоит на поле глыба,
Как скала средь водопада.

353-362 Если ж непременно надо,
Чтоб ты быстро устремлялась,
Ну, так двигайся ты в мясе,
По костям ты бегай быстро:
Там тебе гораздо лучше,
В коже много превосходней
Пробегать тебе по жилам
По костям передвигаться,
Чем на землю изливаться,
Перемешиваться с пылью.

363-370 Молоко, не лейся в землю,
На траву не изливайся,
Ни на дерн, мужей украса,
Ни на холм, героев злато,
Проживать должно ты в сердце,
В легких погреб свой устроить“
Поспешай туда обратно,
Возвратись туда скорее.

371-374 Нет нужды ручьем стремиться
И как озеро разлиться
Или бить ключом болотным,
В поле лужей расстилаться.

375-377 Смирно стой, не изливайся,
Кровь ты красная, не лейся,
Будь смирна, сама сдержись ты!

378-382 Водопад на Турья стал же,
Туонелы река смирилась,
Море высохло и небо
В лето засухи великой,
В год огня, мучений полный.

383-392 Если ж этому не внемлешь,
Я пути другие знаю,
Знаю я, чего искать мне:
Я возьму котёл у Хийси,
Чтобы кровь в нем поварилась,
Там она калиться будет,
И не вытечет ни капли,
Красный сок не будет литься,
Не падет уж кровь на землю,
Не польет, свистя, из раны.

393-396 Иль не богатырь я больше,
Старца сын, уж не герой я,
Чтоб сдержать стремленье крови,

Запрудить из жил потоки?

397-402 О! Так есть отец великий,
Есть творец, живущий в тучах;
Из мужей он самый сильный,
Из героев самый мощный
Крови рот зажать он может,
Он уймет ее стремленье.

403-405 О ты, Укко, бог верховный,
Ты, отец и бог небесный,
Снизойди: тебя мне нужно!

406-415 Снизойди: тебя зову я!
Ты сдави рукою сильной,
Нажимай ты толстым пальцем,
Да покрепче, эту рану
И запри отверстье злое,
Положи листочков нежных
И рассыпь цветы златые,
Чтоб закрыть дорогу крови,
Запрудить ее потоки,
Чтоб ока не шла на платье,

416-418 Бороду те заливала».
Так потоки укротил он,
Запрудил дорогу крови.

419-424 Сына в кузницу послал он,
Чтобы мази приготовить,
Взяв травы волокон нежных
И в цвету тысячелистник,
Взяв медовых сладких капель
Да собрав частицы сотов.

425-430 Мальчик в кузницу уходит,
Чтобы мази приготовить.
На пути он дуб встречает
И у дуба вопрошает:
«Есть ли мёд в ветвях широких,
Соты под корой дубовой?»

431-436 Отвечает дуб разумно.:
«Мёд еще вчера ведь капал
По ветвям моим широким,
Мёд повис в моей вершине,
С облаков, вверху шумящих,
С тех барашков мимолётных».

437-442 Взял он щепочку от дуба,
Крошку мягкой древесины,
Много трав сорвал хороших,
Злаков самых разновидных,
Что не только в этом крае,
Но и в прочих неизвестны.

443-446 Их в котел кипящий бросил,
Смесь он крепкую составил
Из щепы коры дубовой
И из трав, прекрасных видом.

447-449 Вот шумит котел кипящий,
Он кипит подряд три ночи
И подряд три дня весенних.

450-452 Смотрит мальчик: что-то вышло,
Хорошо ли мазь вскипела,
Может, снадобье готово?

453-460 Мазь, однако, не готова,
Не такое вышло средство.
Трав ещё он в смесь прибавил,
Злаков самых разновидных,
Что в иных местах далёких,
Миль за сотню, собирали
Девять сильных чародеев,
Восемь знахарей могучих.

461-463 Он ещё три ночи варит,
Варит девять ночек сряду
И с огня котёл снимает.

464-466 Смотрит мазь он осторожно:
Средство нужное поспело ль,
Мазь волшебная готова ль?

467-470 Там ветвистая осина
На краю росла поляны,
Только сильно подломилась
И совсем почти упала;

471-478 Он её помазал смесью
И потёр волшебной мазью,
Сам сказал слова такие:
«Через то, что этой смесью
Кривизну я здесь помажу
И залью я мазью рану,
Пусть осина исцелится
И ещё пусть крепче станет».

479-482 Тут поправилась осина
И ещё вдруг крепче стала:
Поднялась вершина стройно,
Укрепился ствол высокий.

483-488 Стал он мазать этой мазью,
Покрывать волшебным средством
И расколотые камни,
И рассёкшиеся скалы:
Вновь срастались половины
И куски соединялись.

489-494 Мальчик кузницу оставил,
Мазь целительную сделав;
Приготовил это средство,

В руки старому он подал:
«Вот состав с большою силой,
Вот испытанное средство;

Крепко сплачивает горы,
Быстро связывает скалы».
В рот кладёт лекарство старый
На язык для испытанья
И находит средство годным,
Эту мазь вполне удачной.

Вяйнямёйнена он мажет,
Лечит все следы ранений,
Мажет сверху, мажет снизу,
Мажет мазью посредине;

Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Не с своей иду я плотью,
Во плоти творца иду я;

Не своей стремлюся силой,
Силой мощного стремлюся;
Не мои уста здесь молвят,
Молвлю вышнего устами;

И в моих устах есть милость,
Но уста творца богаче;
И в моей руке есть прелесть,
Но рука творца прекрасней».

517-522 Только он помазал мазью,
Только средство приложил он,
Стал вдруг корчиться от боли
И свалился Вяйнямёйнен:
Он и так и сяк вертится,
Но покоя не находит.

523-528 Изгоняет старец боли,
Гонит сильные мученья,
Шлёт их внутрь горы болезней
И наверх холма мучений,
Чтобы камни заболели,
Чтобы мучились утёсы.

529-532 Ленты шёлковые взял он,
Режет ленты он на части,
Рвёт он ленты на полоски,
Сделал старец перевязки;

533-536 Обвязал он этим шелком,
Обмотал весьма искусно
Вяйнямёйнена колено
И больной героя палец.

537-542 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Божий шелк повязкой служит,

Лента божья — перевязкой
На колене славном мужа
И на пальце, полном силы.

543-546 Ты взгляни, о бог прекрасный,
Защити, творец могучий,
Чтобы нам не ведать бедствий,
Чтобы нам не знать несчастий»

547-549 Старый, верный Вяйнямёйнен
Скоро помощь ощущает
И становится здоровым.

550-556 Тело стало вновь красивым,
Снизу стало исцелённым
И внутри вполне окрепшим,
И с боков неповреждённым,
И снаружи без порезов,
Превосходнее, красивей,
Чем когда-либо бывало.

557-560 Уж ступить ногою может,
Может он сгибать колено
Без малейшей даже боли,
Безо всяких затруднений.

561-564 И поднялся Вяйнямёйнен,
Выше поднимает очи,
Смотрит с радостью великой
Через голову на небо;

565-570 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Да, оттуда сходит милость,
Помощь верная оттуда,
Вот оттуда, с выси неба,
От творца с могучей силой.

571-576 Да прославится создатель,
Да восхвалится всевышний!
Ниспослал ко мне он помощь,
Дал он мне свою защиту
При моих ужасных муках,
При страданьях от железа!»

577-580 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ты, народ, что после будешь,
Племя, что потом возникнешь!

581-584 Челнока на спор не делай,
Лодку выгнуть не похвастай:
Только бог кончает дело,
Лишь творец конец дарует;

585-586 Без него герои слабы,
Руки сильного бессильны!»

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА X

✦

1-3 Старый, верный Вяйнямёйнен
Своего коня выводит,
Жеребенка запрягает.

4-6 Вот запряг гнедого в сани,
Сам в санях тогда уселся,
Поместился на сиденье.

7-12 Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он кнутом жемчужным,
Быстро конь бежит дорогой,
Лишь мелькает та дорога,
И стучат саней полозья,
Да трещит дуга сухая.

13-15 Он оттуда мчится с шумом
По полям и по болотам,
По равнинам и полянам;

16-20 День он едет и другой день,
Наконец, уже на третий,
Он подъехал к переправе,
Калевалы на границу,
На рубеж поляны Осмо.

21-24 Там сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Волк! Сожри того сонливца,
Ты, болезнь, убей лапландца!

25-30 Он сказал, что не добраться,
Не домчаться мне до дома
И живым не воротиться
И, пока сияет месяц,
Мне ни Вяйнёлы не видеть,
Ни песчаной Калевалы».

31-38 Начал старый Вяйнямёйнен,
Начал петь весьма искусно
И напел златую елку
Верх и ветви золотые,
Поднялась вершиной в небо,
Головой уперлась в тучи,
Высоко взметнула ветви,
Протянула их до неба.

39-42 Он поет и заклинает,
И выходит светлый месяц
На златой верхушке ели
И Медведица на ветках.

43-52 Едет шумно он оттуда,
Мчится прямо в край родимый,
Опустив главу, печальный,

Шапка на сторону сбилась,
Ибо сильный Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Им обещан как заложник,
Чтоб главу свою избавить,
В Похъёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу.

53-56 Удержав коня поспешно
На поляне новой Осмо,
Вышел старый Вяйнямёйнен
Из саней, пестревших краской.

57-61 Слышны в кузнице удары,
В доме угля слышен молот.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Тотчас к кузнице подходит,
Ильмаринена там видит.

62-64 Тот, не мешкая, работал.
Молвил старцу Ильмаринен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!

65-74 Где так долго оставался,
Где так долго, старый, прожил?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вот где прожил я так долго,
Где все время оставался:

В Похъёле той вечно мрачной,
В той суровой Сариоле,
Я в Лапландии там прожил,
Средь лапландских чародеев»,

75-78 Молвил старцу Ильмаринен
И сказал слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель!

79-82 Расскажи о том, как жил ты,
Как на родину вернулся?»
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Расскажу тебе я много.

83-86 Есть на севере девица,
Там в селе холодном дева;
Жениха она не ищет,
Мужа славного не хочет.

87-92 И пол-Похъёлы суровой
Славит дивную девицу:
Лунный свет с висков сияет,
Солнца свет с груди струится,
С плеч Медведицы сиянье,
Со спины свет семизвездный.

93-96 О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!
Увези пойди девицу,

Посмотри пойди на косы!

97-100 Если выкуешь ты Сампо,
Крышку пеструю украсишь,
Ты возьмешь в награду деву,
Ту девицу за работу».

101-104 Отвечает Ильмаринен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен1
Не обещан ли тобой я
В Похъёлу, в страну тумана»

105-112 Чтоб главу твою спасти мне,
Самого тебя избавить!
Не пойду, пока живу я
И пока сияет месяц,
В избы Похъёлы туманной,
В те жилища Сариолы,
Где героев пожирают,
Где мужей бросают в море".

113-115 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Он сказал слова такие:
«Есть еще другое чудо.

116-120 Ель растет с главой цветущей
И с ветвями золотыми
На краю поляны Осмо:
На вершине светит месяц
И Медведица на ветках».

121-124 Отвечает Ильмаринен:
«Не поверю в то, покамест
Не увижу сам я чудо,
Не взгляну я сам глазами».

125-128 Молвил старый Вяйнямёйнен
«Если ты не хочешь верить,
Так пойдем туда, посмотрим:
Правда это иль неправда!»

129-132 Вот выходят, чтоб увидеть
Эту ель с главой цветущей.
Впереди шел Вяйнямёйнен,
А за ним шел Ильмаринен;

133-138 И когда пришли на место,
На рубеж поляны Осмо,
Подошел кузнец поближе
Ёлкой той полюбоваться,
Где Медведица на ветках,
Ясный месяц на верхушке.

139-144 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Он сказал слова такие;
«Полезай наверх, мой братец,
Чтобы взять там ясный месяц,
Сиять Медведицу оттуда,
С золотой верхушки ели!»

145-150 Тут кователь Ильмаринен
Лезет высоко на елку,
На небесный свод стремится,
Чтобы взять там ясный месяц,
Снять Медведицу оттуда,
С золотой верхушки ели.

151-154 Ель его предупреждает,
Золотая елка молвит:
Муж ты слишком простодушный,
Богатырь без всякой сметки!

155-158 Лезешь ты, простак, на ветви,
Как ребенок на вершину,
Чтобы снять тот мнимый месяц,
Это марево созвездья".

159-168 Тотчас старый Вяйнямёйнен,
Начал петь с большою силой,
Чтоб поднялся бурный ветер,
Всколыхнулся б страшно воздух
Сам сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Унеси его, о ветер,
На своей неси ты лодке,
Быстро мчи, чтоб он домчался
В Похъёлу, в страну тумана»

169-174 Сильно буря зашумела,
Разрывает страшно воздух,
Ильмаринена уносит,
Быстро мчит его оттуда
В Похъёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу.

175-180 Так понесся Ильмаринен,
Так спешит оттуда дальше,
По дороге ветра едет,
По стезе воздушной свежей,
Выше месяца, под солнцем,
Над Медведицей широкой.

181-184 Похъёлы во двор он въехал,
Прямо к бане Сариолы
Псы его не услыхали,
Брехуны не забрехали.

185-187 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
На дворе сама стояла;

188-190 Говорит слова такие:
«Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?

191-194 По пути ветров пришел ты,
По стезе саней воздушной,
И не лаяла собака,

Не брехал брехун косматый».

195-200 Отвечает Ильмаринен:
«Не затем сюда пришел я,
Чтоб меня рвала собака,
Искусал брехун косматый
У дверей, мне незнакомых,
У входных ворот, мне чуждых»

201-206 Тотчас Похъёлы хозяйка
У пришельца вызнать хочет:
«Не знавал ли ты, быть может,
Или ты, быть может, слышал:
Ильмаринен есть кователь,
Он — кузнец весьма искусный?

207-210 Уж давно мы ожидаем,
Уж давно желаем видеть
В дальних северных пределах,
Чтоб он выковал нам Сампо».

211-216 Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«С кузнецом знаком я, точно,
Ильмаринена я знаю:
Я и есть тот Ильмаринен,
Тот кузнец весьма искусный».

217-222 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Быстро в горницу уходит,
Говорит слова такие:
«Дочь моя, что всех моложе,
Всех детей моих прекрасней!

223-228 Нарядись получше нынче,
Выйди в платье понарядней,
Ты навесь прекрасный жемчуг,
Грудь укрась как можно краше,
Шею ты укрась поярче,
А височки попестрее.

229-234 О румянце щек подумай
Да о блеске глаз помысли!
Ведь кузнец-то вековечный,
Знаменитый Ильмаринен,
Прибыл выковать нам Сампо,
Крышку пеструю устроить».

235-242 Дочка Похъёлы, красотка,
Красота земли и моря,
Набрала получше платьев,
Понарядней из нарядов,
Их надела друг за дружкой,
Головной убор надела,
Медные взяла застежки,
Золотой прекрасный пояс.

243-250 Кладовую оставляет,
Со двора в избу проходит:
Красотой глаза блистают,
Вся она стройна, красива,
Все лицо её сияет,
На щеках румянец алый,
На груди сверкает злато,
Серебро в кудрях блистает.

251-254 Тут и Похъёлы хозяйка
Ильмаринена проводит
Прямо в Похъёлы жилище,
В дом суровой Сариолы;

255-260 Кормит досыта пришельца
И дает довольно выпить,
Угощает превосходно
И слова такие молвит:
«О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!

261-266 Ты сумеешь сделать Сампо,
Крышку пеструю сковать мне,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив?

267-276 Ты тогда возьмешь в награду
За работу дочь-красотку».
Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Я скую, конечно, Сампо,
Крышку пеструю украшу,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив.

277-284 Я ведь выковал же небо,
Кровлю воздуху сковал я
Раньше всякого начала,
Раньше, чем что-либо было»,
Вот идет ковать он Сампо,
Крышку пеструю украсить,
Просит места для кованья,
Ищет он вещей кузнечных;

285-288 Не нашел такого места,
Нет там кузницы, мехов нет,
Наковальни нет и горна,
Молотка и колотила.

289-294 И промолвил Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Сомневаться могут бабы,

Не кончают дел бедняги,
А не муж, хотя поплоше,
Не герой, хоть послабее!»

295-298 Ищет места для горнила,
Для мехов своих местечка,
Ищет в той стране обширной,
Ищет в Похъёле суровой.

299-302 Ищет день, другой день ищет,
Наконец, уже на третий,
Увидал он пёстрый камень,
Увидал утёс пригодный.

303-306 Там кузнец остановился,
Там огонь себе разводит.
В первый день мехи он ставит,
На другой день — наковальню.

307-312 Вот кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Все припасы бросил в пламя,
Вещи нужные в горнило,
У мехов рабов поставил,
Чтоб огонь они раздули.

313-316 И мехи рабы качают,
Сильно угли раздувают;
Так три дня проводят летних
И без отдыха три ночи;

317-320 Наросли на пятках камни,
Наросли комки на пальцах.
Вот на первый день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен;

321-324 Он нагнулся, чтоб увидеть
На пылавшем дне горнила,
Что из пламени там вышло,
Из огня что поднялося.

325-328 Лук из пламени явился
С золотым сияньем лунным;
Серебром концы блестели,
Рукоятка — пестрой медью.

329-332 Был по виду лук прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое.

333-338 Сам кователь Ильмаринен
И не рад такому луку:
Пополам он лук ломает
И бросает снова в пламя,
Поддувать рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.

339-342 На другой день вновь нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось

На пылавшем дне горнила;

343-346 Из огня челнок там вышел,
Вышла лодка — красный парус,
Борт весь золотом украшен,
И уключины из меди.

347-350 Был челнок прекрасен с виду,
Но имел дурное свойство:
Сам собою шел в сраженье,
Без нужды на битву рвался.

351-356 Сам кователь Ильмаринен
Не обрадовался лодке:
Изломал ее он в щепки
И бросает лодку в пламя,
Поддувать рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.

357-360 Вот на третий день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;

361-364 Из огня корова вышла,
У нее рога златые,
Среди лба у ней созвездье,
Меж рогов сияет солнце.

365-368 Хороша корова с виду,
Но у ней дурное свойство;
Спит средь леса постоянно,
Молоко пускает в землю.

369-374 Сам кователь Ильмаринен
Недоволен той коровой:
Режет в мелкие кусочки
И в огонь ее бросает,
Поддувать рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.

375-378 На четвертый день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;

379-382 Из огня там плуг выходит,
У него сошник из злата,
Стержень плуга был из меди
И серебряная ручка.

383-386 С виду был тот плуг прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Он пахал поля чужие,
Бороздил соседний выгон.

387-392 Сам кователь Ильмаринен
Не обрадовался плугу:
Быстро плуг в куски ломает

И бросает снова в пламя,
Заставляет дуть он ветры,
Заставляет дуть он бурю.

393-396 Быстро ветры зашумели;
Дует западный, восточный,
Сильно дует ветер южный,
Страшно северный бушует;

397-402 Дует день, другой день дует,
Третий день бушуют ветры,
Из окошка вьется пламя,
Из дверей несутся искры,
К небу мчится туча гари,
Дым смешался с облаками.

403-406 Ильмаринен, тот кователь,
Вновь на третий день нагнулся
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;

407-416 Видит: Сампо вырастает,
Крышка пёстрая возникла.
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Стал тогда ковать скорее,
Молотком стучать сильнее
И выковывает Сампо,

Что муку одним бы боком,
А другим бы соль мололо,
Третьим боком много денег.

417-422 Вот уже и мелет Сампо,
Крышка пестрая вертится:
И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — на пирушки.

423-427 Рада Похъёлы старуха.
Понесла большое Сампо,
В гору Похъёлы относит,
Отнесла в утес из меди,
Что за девятью замками;

428-432 Корни Сампо там зарыла
В глубину на девять сажен,
И один шел корень в землю,
А другой — на берег моря,
Третий корень — в глубь утеса.

433-438 Все устроив, Ильмаринен
Кротко просит о девице,
Говорит слова такие:
«Ты отдашь ли мне девицу,
Ибо Сампо уж готово,
Крышка пестрая прекрасна?»

439-446 Дочка Похъёлы, красотка,
Так сама ему сказала:
«Кто же будет в год ближайший
И на будущее лето
Заставлять кукушку кликать,
Вызывать на пенье птичек,
Коль уйду в страну чужую,
Буду, вишня, на чужбине!

447-454 Если б курочка пропала,
Заблудился бы гусенок,
Если б красная брусничка
Вишня-матушка ушла бы,
То исчезла б и кукушка,
Упорхнули б мигом птички
С высоты родимой горки,
Со спины холма родного.

455-462 Никогда на этом свете
Я не брошу дней девичьих,
Ни занятий, ни заботы
И страды не брошу летней:
Целой ягода б осталась,
И не полным песен берег,
Я не пройденным лесочек,
Не играла бы я в роще».

463-466 И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Клонит голову, печальный,
Шапка на сторону сбилась;

467-470 Как ему домой уехать,
Как страны родной достигнуть,
Из той Похъёлы туманной,
Из суровой Сариолы.

471-474 Молвит Похъёлы хозяйка:
«О кователь Ильмаринен!
Отчего такой ты грустный,
Сбил ты на сторону шапку?

475-480 Иль ты мучаешься думой,
Как бы родины достигнуть?»
Говорит так Ильмаринен:
«Да! К тому стремятся мысли,
Чтоб на родине скончаться,
Там найти покой последний».

481-486 Ильму Похъёлы хозяйка
Накормила, напоила,
На корму ладьи сажает,
К веслам, столь богатым медью,
Веять ветер заставляет,
Веять северный свой ветер.

487-490 Так кузнец тот Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Едет к родине любимой
По потокам в синем море.

491-494 Едет день, другой день едет.
Наконец, уже на третий,
Он счастливо в дом приходит,
В те места, где он родился.

495-500 Молвит верный Вяйнямёйнен,
Ильмаринена пытает:
«Ильмаринен, брат мой милый,
Вековечный ты кователь,
Что же, выковал ты Сампо,
Изукрасил ли ты крышку?»

501-503 Отвечает Ильмаринен,
Молвит сам искусный мастер:
«Сампо новое уж мелет.

504-508 Крышка пестрая готова:
И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру на пирушки».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XI

✦

1-4 Скажем мы теперь про Ахти,
Про молодчика споём мы.
Ахти был островитянин,
Лемпи сын молодцеватый;

5-8 Вырастал в высоком доме,
Возле матери любимой,
На морском брегу у бухты, :
У залива на мысочке.

9-12 Кауко рыбами кормился,
Окуней ловил подросток.
Стал потом он сильным мужем,
Расцветая красной кровью;

13-20 Был он обликом прекрасен,
Ростом также превосходен,
Но он был не без порока,
Жизнь он вёл не без ошибок:
Очень был на женщин падок,
Всё кругом ходил он ночью
Там, где женщины гуляли,
Где нарядные плясали.

21-23 Слышит — есть на Саари дева,
Как цветок, девица эта
Возросла в высоком доме.

24-26 Стройно вытянулась ростом,
У отца в жилище сидя
На скамейке задней низкой.

27-30 Шла молва о ней повсюду,
Женихи за ней являлись,
В дом за девицей-красоткой,
Ко двору за девой славной.

31-34 Солнце сватало сыночка:
Но нейдет в их дом девица,
Чтоб сиять бок о бок с Солнцем
И спешить за Солнцем летом.

35-38 Месяц ясный сына сватал.
В дом его не хочет дева,
Чтобы с Месяцем сиять там,
Круг воздушный пробегая.

39-42 С сыном Звёздочка хлопочет.
Но нейдет в страну их дева,
Чтоб блистать там долгой ночью,
Чтоб мерцать на зимнем небе.

43-46 Сваты с Виру приходили
И из Ингрии являлись:
Никуда не хочет дева,

Всем — одно лишь отвечает;

47-54 «Золото вы зря не тратьте,
Серебро не отдавайте,
Я в Эстонию не выйду,
Не пойду я, не хочу я
Там грести в эстонских водах,
Мерить волны по прибрежью,
Есть эстонскую там рыбу
И эстонскую ушицу.

55-60 Я и в Ингрию не выйду
На печальное прибрежье:
Только голод там да холод,
Нет там дров и нет лучины,
Нет воды и нет пшеницы,
Даже нет ржаного хлеба».

61-66 Но весёлый Лемминкяйнен
Молодец тот, Каукомъели,
Ехать все ж туда решился,
Саари девушку посватать,
Эту славную невесту
С разукрашенной косою.

67-72 Мать его остерегает,
Отговаривает сына:
«Ты не сватайся, сыночек,

К деве той, что выше родом:
Ведь тебя там не потерпят,
В роде Саари очень знатном».

73-78 Отвечает Лемминкяйнен,
Говорит так Каукомъели:
«Пусть мой дом не знатен вовсе,
Пусть мой род не спорит славой,
Статью, удалью возьму я,
Силой, ловкостью поспорю».

79-84 Все же мать не позволяет
Лемминкяйнену там сватать,
В роде Саари очень знатном,
В той семье весьма обширной
«Засмеют тебя девицы,
Будут женщины смеяться».

85-90 Отвечает Лемминкяйнен,
Не раздумывает долго:
«Оборву я смех у женщин
И хихиканье девичье:
Им наделаю детей я,
Дам им на руки заботу;

91-94 Это кончит их насмешки,
Будет смеха заключеньем».
Молвит мать слова такие:
«Горе мне, несчастной, в жизни!

95-102 Коль обидишь жен на Саари,
Оскорбишь девиц невинных,
Спор великий возгорится,
Битва страшная настанет,
Женихи, мужья на Саари
Целой сотней, и с мечами,
Окружат тебя, несчастный,
Ты один не сладишь с ними».

103-110 Не послушал Лемминкяйнен
Материнского совета:
Лошадь статную берет он
Жеребца хорошей крови,
Скачет с шумом он оттуда
Прямо в поселенья Саари,
Сватать там тот Саари цветик,
Эту славную невесту.

111-116 Засмеялись жены в Саари,
Насмехаются девицы,
Как на улицу он странно
И во двор неловко въехал:
Опрокинул с бегу сани
И в воротах покачнулся.

117-119 Вылезает Лемминкяйнен,
Рот скривил, поник главою,
Бороду свою кусает.

120-124 Говорит слова такие:
«Никогда того не видел,
И не видел, и не слышал,
Чтобы жены и девицы
Насмехались надо мною».

125-132 Не раздумывал он долго,
Молвит им слова такие:
«Есть ли место здесь на Саари,
На равнинах этих саарских,
Где б я смог повеселиться,
На поляне поплясать бы,
Саари девушек потешить,
С милыми повеселиться?»

133-138 Говорят девицы Саари,
Отвечают так с мысочка;
«Много в Саари есть местечек,
Ровных мест в долинах саарских,
Где б тебе повеселиться,
На поляне поплясать бы.

139-142 Можешь быть ты пастушонком,
Пастушонком на пожоге;
Дети в Саари сильно тощи,
Но зато здесь жирны кони».

143-148 Не раздумывает Ахти!
Стал он в Саари пастушонком.
На лугу весь день проводит,
По ночам к девицам ходит,
С молодицами играет
И с нарядными он пляшет.

149-156 Так весёлый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Оборвал смешки красавиц,
Прекратил девиц насмешки:
Ни одной не миновало,
Ни одной из дев невинных,
Чтобы он её не обнял,
Чтоб не переспал он с нею.

157-160 Но одна была меж всеми,
В роде Саари очень знатном,
Та, что сватов отсылала,
И она отвергла мужа.

161-168 Это — Кюлликки-цветочек,
Всех на Саари дев прекрасней.
Но весёлый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Истоптал сто пар сапожек,
Сотню весел изработал,
Все-то сватается к деве,
Возле Кюлликки все ходит.

169-174 Кюлликки, девица-цветик,
Говорит слова такие:
«Для чего ты ходишь, слабый,
Что по берегу шумишь ты,
Что ты сватаешь девицу
С оловянною застежкой?

175-178 До тех пор не выйду замуж,
Изотру покуда камень,
Раскрошу покуда пестик,
Растолку покуда ступку.

179-181 Не хочу тебя, плохого,
Бедняка, такую тряпку;
Нужно мне стройнее мужа;

182-184 Ведь сама стройна я телом;
Нужно мне, чтоб был он статным».
Сложена сама я статно;

185-194 Нужно мне, чтоб был красавцем
Я сама лицом красива".
Мало времени проходит,
Лишь полмесяца минуло,
Как в один из дней прекрасных
Только сумерки настали,
Вышли девы веселиться,

В пляс красавицы пустились
На краю лесной лужайки,
На поляночке прекрасной.

195-198 Кюлликки ведёт плясуний,
Цвет прославленный на Саари.
Удалец, цветущий жизнью,
К ним подъехал Лемминкяйнен.

199-202 На жеребчике он въехал,
На отборнейшей лошадке,
В середину самой пляски,
В хоровод девиц прекрасных.

203-206 Кюлликки хватает быстро
И бросает деву в сани,
Положил её на шкуру
И ко дну саней прижал он.

207-209 Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он ремнем сильнее,
Поскакал оттуда быстро.

210-214 На скаку девицам крикнул:
«Никогда, нигде, девицы,
Вы меня не выдавайте,
Что сюда я к вам подъехал
И увез с собою деву!

215-222 Коль не будете послушны,
Будет вам, девицы, плохо:
Я войну нашлю заклятьем
На мужей, на парней ваших,
И ни днем, ни ясной ночью
Не услышите их больше,
Не пойдут они деревней,
По поляне не поедут!»

223-226 Кюлликки печально молвит,
Просит с горечью цветочек:
«Отпусти меня на волю,
Ты из рук пусти ребенка;

227-234 К матери домой пойду я,
Обо мне она ведь плачет!
Если ж ты меня не пустишь,
Чтобы я домой вернулась,
У меня пять братьев дома,
Семь сынов родного дяди,
По следам найдут зайчонка,
Отобьют назад девицу».

235-240 Но её он не пускает,
Не даёт уйти из санок.
Кюлликки тут стала плакать:
«Ах, напрасно я родилась,
Зря я выросла, бедняжка,
Для того ли подрастала;

241-244 Мужу скверному попалась,
Я бездельнику досталась,
Что всегда готов на битву,
Может вечно злобно драться!»

245-248 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Кюлликки, цветочек сердца,
Мёд мой, ягодка, красотка!

249-254 Ты оставь свои заботы!
Обижать тебя не буду:
Будешь кушать — обниму я,
А пойдешь со мной под ручку,
За руку со мной ты станешь,
Ляжешь ты со мною рядом!

255-260 Ну к чему ты так горюешь
И вздыхаешь от печали?
Оттого ль ты так горюешь
И вздыхаешь от печали,
Что без пищи, без коровы
Я терплю нужду в запасах?

261-263 Так оставь свои заботы!
У меня коров довольно,
Молока дают мне много;

264-266 На болоте Куманичка,
На пригорке Земляничка,
В-третьих, Клюква на полянке.

267-270 Хороши они без корму
И красивы без надзора;
Их не связывают на ночь,
Не развязывают утром.

271-276 Не кладут пред ними корму,
Им не сыплют утром соли.
Оттого ль ты так горюешь
И вздыхаешь от печали,
Что незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой?

277-280 Пусть незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой,
Но мой меч огнем пылает,
Пышет пламенем клинок мой.

281-284 Он, конечно, знатен родом
И родился в славном доме:
Злобным Хийси отшлифован,
У богов очищен ярко;

285-291 Им достану знатность роду
И моей семье величье,
Тем мечом моим горящим
И клинком, дающим пламя»,

И вздохнула тут девица,
Испугалась и сказала:
«Ахти! Лемпи ты сыночек!

292-298 Если хочешь взять красотку
Постоянною супругой,
Точно курочку в объятьях,
Поклянись мне вечной клятвой,
Что войны ты не затеешь,
Как бы золота ни жаждал,
К серебру бы ни стремился!»

299-308 Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Я клянуся вечной клятвой,
Что войны я не затею,
Как бы золота ни жаждал,
К серебру бы ни стремился,
Но и ты клянися также
Не ходить гулять в деревне,
Как бы плясок ни желала
Иль играть ни захотела б!»

309-314 Так они клянутся клятвой
И залог дают навеки
Перед богом, что все видит,
Всемогущим властелином:
Ахти — позабыть про войны,
Кюлликки — забыть про игры"

Тут веселый Лемминкяйнен
Жеребца кнутом ударил.
От стегнул его вожжами
И сказал слова такие:
«Ну, прощайте, луг на Саари,
Елей пни и корни сосен,
Где ходил я этим летом,
Где ступал я той зимою,
Где бродил дождливой ночью,
Вязнул в злую непогоду,
Эту курочку искавши,
Все за уточкой гоняясь!»
Поскакал конёк веселый;
Скоро дом родной открылся.
И промолвила девица,
Речи молвила такие:
«Смотрит хижина дырявой
И голодною норою,
И, конечно, ей владеет
Человек, незнатный родом?»
Но веселый Лемминкяйнен,
Отвечая, так сказал ей:
«Не тужи об этом доме,
Не вздыхай об этом месте!

339-342 Я тебе других наставлю,
Краше комнаты построю
Из гораздо лучших бревен,
Из стропил на диво крепких».

343-346 Так приехал Лемминкяйнен,
В милый дом к себе вернулся,
Прямо к матери родимой,
Подошел к своей старушке.

347-350 Мать слова такие молвит,
Говорит такие речи:
«Что ты долго оставался,
Мой сыночек, на чужбине?»

351-360 Но веселый Лемминкяйнен
Ей сказал слова такие:
«Пусть теперь смеются жены,
И невинные девицы
Пусть теперь позубоскалят,
Похохочут надо мною,
Взял я лучшую из всех их,
Посадил на коврик в сани,
Бросил я ее под полость,
Под меха швырнул поспешно.

361-364 Отплатил я за насмешки,
За хихиканье девичье.
Мать, ведь ты меня носила

И питала, дорогая!

Приобрёл, чего желал я,
И достиг, к чему стремился.
Дай получше изголовье,
Дай помягче мне подушки,
Чтоб на родине уснул я
Рядом с юною девицей!»

Мать на это так сказала,
Речи молвила такие:
«Богу вышнему хваленье,
И хвала тебе, создатель!

Ты мне дал теперь невестку,
Мне огонь она раздует,
Будет ткать она прекрасно,
Скрутит нитки веретенцем
И отлично постирает
И холсты побелит славно!

Ты хвали судьбу, сыночек.
Ты устроился прекрасно.
Хорошо создатель сделал,
Он, отец, любовью полный:
Чист по снегу подорожник
Зубки у невесты чище;

387-390 Хоть бела на море пена
Нет пятна в роду девицы;
Хоть стройна на море утка
Уточка твоя стройнее;

391-400 Ясны звезды в синем небе
А красавица яснее.
Сделай, сын, полы пошире,
Окна выруби побольше,
Стены новые сложи ты,
Выстрой новые покои,
Перед горницей порожки,
Над порогом двери сделай,
Ведь цветок заполучил ты,
Захватил себе красотку,

401-402 Что тебя повыше родом
И знатней происхожденьем!»

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XII

✦

1-4 Ахти, юный Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауколайнен,
Все живёт да поживает
Вместе с юною девицей.

5-11 На войну не ходит Ахти,
Кюлликки нейдет в селенье.
Вот случилося однажды,
Рано в утреннее время
Вышел Ахти Лемминкяйнен
В те места, где рыбы мечут,
И под вечер не вернулся.

12-14 Тут, когда уж смерклось, ночью
Кюлликки пошла в селенье,
Где все девушки плясали.

15-24 Кто расскажет это дело,
Принесёт о том известье?
Айникки, его сестрица,
Рассказала это дело,
Принесла о том известье:
«Ахти! милый ты мой братец,
Кюлликки пошла в селенье,

На село к чужим калиткам,
Где играют молодицы,
Где красавицы танцуют».

25-27 Ахти, матери сыночек,
Тот веселый Лемминкяйнен,
Омрачился, обозлился;

28-36 Зол был Ахти всю неделю
И сказал слова такие:
«Мать, старушка дорогая,
Постирай скорей рубашку
В яде чёрных змей ужасных,
Высуши её скорее,
Чтоб я мог пойти сражаться
В Похъёлу с её сынами,
На поля сынов лапландских.

37-40 Кюлликки ушла в селенье,
На село к чужим калиткам,
Где играют молодицы,
Где красавицы танцуют».

41-44 Кюлликки ему сказала,
Быстро вымолвила слово:
«0 возлюбленный мой Ахти,
На войну не отправляйся!

45-50 Только я вчера заснула,
Увидала сны такие:
Шёл огонь, как из горнила,
Выбивалось сильно пламя
Под окошками у дома,
По краям стены высокой;

51-54 Ворвалось затем в покои,
Зашумело водопадом,
В потолок от пола билось,
От окошка до окошка».

55-58 Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
Женским снам совсем не верю,
Как не верю женским клятвам.

59-64 Мать, ведь ты меня носила!
Дай военную рубашку,
Дай кафтан мне для сраженья:
Страсть влечет меня на битву,
Пиво битвы буду пить я,
Мед отведаю сраженья".

65-67 Мать ему сказала слово:
«Милый Ахти, мой сыночек,
На войну не отправляйся!

68-70 Пиво есть у нас и дома,
Пиво есть в еловых бочках,
За дубовой втулкой бродит.

71-74 Для тебя все это пиво,
Пей его с утра до ночи».
Отвечает Лемминкяйнен:
«Не хочу я пива дома!

75-78 Лучше буду пить я воду,
Пить её веслом смоленым:
Слаще этот мне напиток,
Чем вся брага в этом доме.

79-84 Дай военную рубашку,
Принеси кафтан для битвы!
В села Похъёлы пойду я,
На поля сынов лапландских,
Чтобы золото забрать там,
Серебро принесть оттуда».

85-88 Говорит мать Каукомъели
«Милый Ахти, мой сыночек!
Золота и дома много,
Серебро лежит в запасе.

89-94 Вот что здесь вчера случилось:
Рано в утреннее время
Раб пахал гадючье поле,

Запахал змеиный угол,
Сошником он поднял крышку,
В сундучке нашел монеты;

95-98 Были собраны там сотни,
Тысячи под крышкой были.
Внес находку в кладовую
И поставил под стропила».

99-104 Отвечает Лемминкяйнен:
«Не нужна мне кладовая.
Серебро, что взято с бою,
Несравненно мне дороже,
Чем все золото, что дома,
Серебро, что взяли плугом.

105-114 Дай военную рубашку,
Принеси кафтан для битвы!
В Похъёлу теперь пойду я
Избивать сынов лапландских
Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу:
И хочу там сам услышать
И своим увидеть глазом,
Есть ли в Похъёле девица,
Дева в Пиментоле темной,

115-118 Чтобы мужа не хотела,
Жениха не пожелала».
Говорит мать Каукомъели:
«Милый Ахти, мой сыночек!

119-122 Кюлликки твоя тут лучше,
Всех жена твоя прекрасней.
Ведь чудно двух жен увидеть
На одной постели мужа».

123-128 Отвечает Лемминкяйнен:
«Кюлликки в селенье ходит;
Пусть она, там поигравши,
По чужим домам ночует,
С молодежью веселится
И с красавицами пляшет!»

129-136 Удержать его мать хочет,
Остеречь его, старушка:
Не ходи ты, мой сыночек,
В села Похъёлы далекой,
Не ходи без чародейства,
Без премудрости могучей
К избам Похъёлы суровой,
На поля детей лапландских.

137-142 Запоет тебя лапландец,
Заклянет тебя турьянец,
По уста положит в угли,

В пламя голову и плечи,
В жаркую золу всю руку,
На каменьях раскаленных".

143-145 Отвечает Лемминкяйнен:
«Чаровали чародеи,
Заклинали эти змеи.

146-150 Три лапландца собралися
На меня средь летней ночи;
Голы были на утесе,
Без одежд, без подпоясок,
Неприкрытые нисколько.

151-156 От меня они там взяли,
От меня там получили,
Что топор берет от камня
Что на льду каблук стирает,
Что буран берет с утеса
И что смерть в пустом жилище.

157-161 А в другой раз было лучше:
Дело шло тогда иначе.
Мне грозили заклинанья,
Мне грозили их заклятья,
Что завязну я в болоте;

162-165 В том болоте, где бродил я,
Я попал уж было в тину,
По колено был в трясине

И по бороду в грязи был;

166-169 Но я — муж других не хуже
И тогда не пал я духом.
Стал я тотчас чародеем,
Сам я начал заклинанья.

170-176 Я запел — и чародеи,
Те стрелки с своим оружьем,
Те волшебники с ножами,
Те певцы с своею сталью,
Обратились водопадом,
Ужасающей пучиной,
Самым злым водоворотом.

177-184 Пусть они себе там дремлют,
Колдуны пусть почивают;
Прорастут весною травы
Через головы и шапки,
Через плечи чародеев,
Через мясо на боках их,
Чародеев крепко спящих
И дремотою заклятых».

185-191 Все ж старушка запрещает
Каукомъели отправляться,
Сыну мать не позволяет,
Женщина героя просит:

«Не ходи отсюда, милый,
В те голодные селенья,
В Похъёлу, в страну тумана!

192-194 Там опасность угрожает,
Мужу бедному там страшно;
Там живет несчастье, Ахти;

195-200 Хоть ты будешь стоязычным,
Что несбыточно вовеки,
Все же ты не бросишь пеньем
Похъёлы сынов в пучину:
Языков их ты не знаешь
Ни лапландцев, ни турьянцев».

201-204 Приоделся Лемминкяйнен,
Развеселый Каукомъели,
Волосы свои он чешет,
Щеткой их усердно гладит.

205-212 Щетку он к стене бросает,
К косяку бросает, к печке,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Лишь тогда несчастье злое
Лемминкяйнена постигнет,
Если кровь из щетки брызнет,
Если красная польётся».

213-216 И пошел веселый Ахти
В Похъёлу, в страну тумана,
Мать свою он не послушал,
Как она ни запрещала.

217-224 Снарядился, взял он пояс
И железную рубашку,
Он надел из стали пояс,
Говорит слова такие:
«Крепче будет муж в кольчуге,
Лучше в панцире железном,
В пояске стальном сильнее
Против этих чародеев;

225-227 В них ему не страшен худший
И сильнейший не опасен».
Он за меч тогда схватился;

228-230 Как огонь, тот меч рубился,
Был отточен он у Хийси,
У богов был отшлифован;

231-234 Меч себе повесил сбоку,
Спрятал в кожаные ножны.
Где же Ахти притаился,
Где герой укрылся смелый?

235-240 Он тихонько притаился,
Спрятался герой без шума
Под стропилами у двери,

Притаился у порога,
На дворе, у переулка,
У калиточки последней.

Там укрылся осторожно,
Быстро спрятался от женщин.
Но такая осторожность
Помогла герою плохо:
Должен он укрыться дальше
От толпы мужей могучих
На развилине дороги,
На спине холодной камня,
На болотной зыбкой почве,
У текущего потока,

У каменьев водопада,
При изгибе вод шумящих.
Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Выходите вы с мечами,
Вечные земли герои,
Вы из глуби, меченосцы,
Лучники, из рек глубоких!

Лес, и ты иди с мужами,
Ты с своей толпою, чаща;
Старец гор — с своею силой,

Водяной ужасный Хийси,
Мать воды с своею мощью,
Старец вод с своей толпою;

265-272 Вы, из всех долин русалки,
Опененные потоком,
На защиту станьте мужа,
Как товарищи героя,
Чтобы стрелы чародеев
Острием мне не вредили,
Ни железные ножи их,
Ни стрелков оружье злое.

273-278 Если ж этого все мало,
Знаю я другое средство:
Обращусь, вздыхая, кверху,
К старцу вышнему на небо,
Где он правит туч грозою,
Облаками управляет.

279-282 О ты, Укко, бог верховный,
Ты, отец небесный древний,
Что беседуешь сквозь тучи,
Открываешься сквозь воздух!

283-292 Дай мне меч, огнем горящий,
В огненных горящий ножнах,
Чтоб опасность отвратил я,
Помешал бы я несчастью,

Победил бы чародеев
Из земли, из вод шумящих,
Тех, что станут предо мною,
Что останутся за мною
И с боков, и надо мною,
И вокруг здесь соберутся,

293-296 Чтоб заклял я чародеев,
Чтоб с их стрелами, с ножами,
С их блестящими мечами,
Я заклял мужей негодных».

297-300 И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Тут позвал коня из леса,
Златогривого с поляны;

301-306 Жеребенка запрягает,
Ставит рыжего в оглобли
И тогда садится в сани:
Поместившись на сиденье,
Он коня кнутом ударил,
Узловатым лошадь хлопнул.

307-310 Быстро конь бежит оттуда,
Сани мчат, скрипят полозья,
И гудит песок сребристый
И равнина золотая.

311-314 Едет день, другой день едет,
Также едет он и третий,
Наконец, уже на третий,
На деревню он наехал.

315-318 Скачет быстро Лемминкяйнен
Скачет быстро по дороге,
Нижней улицею едет,
Едет к нижнему строенью.

319-324 У столба остановился
И с порога так спросил он:
«Не найдется ль кто в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,
Опустил бы мне оглобли
И хомут стащил с лошадки?»

325-330 На полу сидел малютка;
Так с порога мальчик молвил:
«Никого здесь нет в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,
Отпустить твои оглобли
И хомут стащить с лошадки».

331-336 Не горюет Лемминкяйнен,
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он жгутом жемчужным,

Быстро мчится по дороге,
Едет улицею средней,
Едет к среднему строенью;

337-342 Стал под самым там навесом
И с порога так спросил он:
«Не найдется ль кто в избушке,
Кто мои подержит вожжи,
Кто б сумел с груди и с шеи
Отвязать ремни искусно?»

343-348 С печки старая болтунья,
Со скамейки закричала:
«Да, найдется в этом доме,
Кто твои подержит вожжи
И гужи твои развяжет,
Спустит на землю оглобли;

349-358 Здесь найдешь мужей десяток,
Сотню целую, коль хочешь,
Что тебя отсель спровадят,
На проезд дадут лошадок
Да домой плута отправят,
В край родной плута дрянного,
На отцовскую скамейку,
В материнское жилище,
К самой братниной калитке,
К сестрам на пол, и доставят

359-364 Раньше, чем наступит вечер,
Раньше, чем здесь сядет солнце».
Не горюет Лемминкяйнен,
Говорит слова такие:
«Застрелить старуху нужно б,
Застрелить болтунью эту».

365-368 На коне спешит оттуда,
Гонит быстро по дороге,
Едет улицею верхней,
Едет к верхнему строенью.

369-378 Вот веселый Лемминкяйнен
Ко двору тому подъехал
И сказал слова такие
И такие речи молвил:
Хийси! ты зашей собаке,
Ты зашей ей, Лемпо, морду,
Удержи ей пасть от лая,
Ты сожми собаке зубы,
Чтобы лай не раздавался,
Если муж пройдет здесь мимо!"

379-382 Вот во двор туда вошел он,
По земле кнутом ударил:
Из земли туман поднялся,
И в тумане — человечек.

383-388 Он лошадку рассупонил,
Опустил затем оглобли.
Сам веселый Лемминкяйнен
Слушать начал осторожно,
Чтоб никто его не видел
И никто бы не приметил.

389-392 С улицы он слышит песни
И слова сквозь конопатку,
Слышит музыку сквозь стенку,
Он сквозь доски слышит пенье.

393-395 Заглянул он внутрь тихонько,
Посмотрел тихонько в избу:
Колдунов полны покои.

396-402 С музыкой у стен сидели,
Громко пели чародеи,
Прорицатели — у двери,
Знахари же — на скамейках,
Заклинатели — на печке,
Множество лапландских песен,
Мудрые творенья Хийси.

403-406 Сам веселый Лемминкяйнен
Изменить свой облик хочет,
Изменяется в объеме,
Проникает он сквозь угол;

407-410 Он проходит внутрь строенья,
Говорит слова такие:
«Лучше пенье с окончаньем,
Покороче песнь приятней;

411-417 Лучше мудрость всю запомнить,
Чем порвать на половинки».
Тотчас Похъёлы хозяйка
Всполошилась, взволновалась,
На средину пола стала,
Говорит слова такие:
«Прежде пес, бывало, лаял;

418-420 Этот пес, железный цветом,
Мясо, кости пожирает,
Свежей кровью запивает.

421-426 Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев,
Что ты в горницу проходишь,
Проникаешь ты в жилище
Так, что пес тебя не слышал
И брехун не мог учуять?»

427-434 Отвечает Лемминкяйнен:
«Знай, что я сюда к вам прибыл
Не без знанья и искусства,
Не без мудрости и силы,
Не без отческих заклятий,

Не без дедовских познаний,
Чтоб собаки не кусались,
Брехуны меня не рвали.

435-442 Мать моя меня купала,
Как я слабым был малюткой,
Летней ночью по три раза,
Девять раз осенней ночью,
Чтоб на каждой я дороге
Оградить себя мог пеньем,
Чтоб могуче пел я дома,
Колдуном был на чужбине».

443-446 Тут веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Начал грозные заклятья,
Заклинательные песни.

447-450 Полилось из шубы пламя
И из глаз огонь струился,
Как запел тут Лемминкяйнен,
Как он начал заклинанья.

451-456 Он запел — и кто был лучшим,
Стал певцом совсем негодным;
Он набил им в рот каменьев,
В глотки им он вдвинул скалы,
Тем певцам, повсюду славным,
Знаменитым чародеям.

457-466 Он заклял мужей тех гордых,
По местам раскинул разным:
На поляны без растений,
На невспаханное поле,
На безрыбные озера,
Где и окунь жить не может,
В водопад ужасный Рутьи,
В ту горящую пучину,
В тот поток, покрытый пеной,
Как каменья, их поставил,

467-473 Чтоб они огнем горели,
Чтоб, как искры, там трещали.
И веселый Лемминкяйнен
Тех мужей заклял с мечами,
Тех героев с их оружьем,
Стариков, а также юных,
Вместе с ними возраст средний;

474-476 Одного лишь не заклял он,
Только пастуха дрянного,
Только старого, слепого.

477-482 Этот старый, в мокрой шапке,
Говорит слова такие:
«О веселый Лемминкяйнен,
Всех заклял ты старых, юных,
Вместе с ними возраст средний,
Отчего ж мне дал пощаду?»

483-486 Отвечает Лемминкяйнен:
«Оттого я дал пощаду,
Что тебя и видеть жалко,
Скверен ты и без заклятий.

487-494 Ты, когда еще был молод,
Пастухом был самым злобным;
Деток матери ты портил,
И сестер родных срамил ты,
Лошадей всех перепортил,
Жеребят всех искалечил
По полям и по болотам,
По колеблющимся топям».

495-500 Но пастух тот в мокрой шапке
Был в обиде очень злобен;
Вышел из дверей наружу,
Через двор он вышел в поле,
К водам Туонелы помчался,
К бездне той реки священной.

501-504 Поджидал там Каукомъели,
Лемминкяйнена там ждал он,
Как из Похъёлы обратно,
В дом родной к себе поедет.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XIII

✦

1-6 Вот веселый Лемминкяйнен
Молвил Похъёлы хозяйке:
«Ты отдай мне дочь-девицу,
Дочь отдай свою, старуха,
Ту, что всех других прекрасней,
Ростом выше всех красавиц!»

7-14 Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«За тебя я дочь не выдам,
Не отдам тебе девицу
Ни получше, ни похуже,
Ни повыше, ни пониже,
У тебя давно жена есть,
Привезённая хозяйка».

15-18 Отвечает Лемминкяйнен:
«Кюлликки, жену, из дома
Выгоню к чужим в деревню,
На село к чужой калитке.

19-22 Здесь ищу жену получше;
Ты свою отдай мне дочку,
Из толпы девиц красотку,
Из числа прекраснокудрых».

23-26 Молвит Похъёлы хозяйка:
«Никогда я дочь не выдам
За пустого человека,
За ничтожного героя.

27-30 Вот тогда проси ты дочку,
У меня цветочек сватай,
Коль поймаешь Хийси лося
На полянах дальних Хийси».

31-34 Острие поспешно Ахти
Насадил на быстрый дротик,
Натянул и тетиву он,
Приготовил стрел для лука.

35-40 Говорит слова такие:
«Насадил я быстрый дротик,
Заготовил стрел для лука,
Тетиву уж натянул я,
Остается мне немного
Позаботиться о лыжах».

41-44 Тут веселый Лемминкяйнен
Пораздумал и размыслил:
Как бы сделать эти лыжи,
Из чего бы их устроить?

45-48 К дому Кауппи тут идет он,
В кузню к Люликки он входит:
«О ты, мудрый Вуоялайнен,

Ты кузнец лапландский лучший!

Сделай мне две славных лыжи,
Отстругай их мне поглаже,
Чтоб поймал я Хийси лося
На поляне злого Хийси».

Люликки в ответ промолвил,
Кауппи тут решает быстро:
«Зря идешь ты, Лемминкяйнен,
Зря идешь за Хийси лосем,
Ведь при всем своем старанье
Ты лишь пень гнилой получишь».

Не горюет Лемминкяйнен!
Говорит слова такие:
«Ты мне только сделай лыжи.

Чтоб они готовы были.
А уж я поймаю лося
На поляне дальней Хийси».

Люликки был мастер в деле,
Кауппи тот искусен в лыжах,
Вырезает лыжи в осень,
Их обтачивает в зиму,
День один строгает палку,
День другой — кольцо упора.

71-78 Лыжа левая готова,
Лыжа правая за нею,
Приготовлены и палки,
И приложены к ним кольца,
И ценою палка с выдру,
А колечко — с лисью шкуру,
Жиром лыжи он намазал,
Мажет их оленьим салом;

79-84 Сам в уме он держит думу,
Говорит слова такие:
«Суждено ль кому из юных,
В подрастающем народе,
Этой левой лыжей двигать,
Также двигать лыжей правой?»

85-90 Молвил юный Лемминкяйнен,
Удалец, цветущий жизнью:
«Да, один из этих юных,
Из растущего народа,
Будет левой лыжей двигать,
Будет двигать также правой».

91-93 На спине колчан приладил,
Положил свой лук на плечи,
Захватил он в руки палку;

Начал двигать левой лыжей,
А за нею также правой,
Говорит слова такие:
«Не найдется в божьем мире,
Под небесным этим сводом
И под этими ветвями
Ни один четвероногий,
Кто не мог бы быть настигнут,
Не достался бы в добычу
Сыну Калевы младому,
Лемминкяйнену на лыжах».
Слышат это люди Хийси,
Ютас эти речи слышит;
Создает тут лося Хийси,
Ютас делает оленя:
Голову из пня гнилого
И рога из веток ивы;
Вместо ног — тростник прибрежный,
Из болотных трав — колени,
Из жердей — спина у лося,
Из сухой соломы — жилы,
А глаза — цветок болотный,
Из цветов озерных — уши,
Из коры сосновой — кожа,
Из бревна гнилого — мясо.

Наставлял тут Хийси лося,
Говорил слова такие:
«Ты беги, мой лось прекрасный,
Благородный лось, стремися
На места, где много лосей,
На поля сынов лапландских.

Пусть побегает изрядно,
Попотеет Лемминкяйнен!»
Хийси лось тогда помчался,
Побежал олень прекрасный
Мимо Похъёлы амбаров,
По полям сынов лапландских,
Опрокинул он кадушку,
На огонь котел он сбросил,
Мясо вывалил в золу он,
На очаг похлебку вылил.

И поднялся шум ужасный
На полях сынов лапландских;
Стали лаять их собаки,
Дети стали громко плакать,
Жены принялись смеяться,
Зароптали все лапландцы.

Сам веселый Лемминкяйнен
Лося Хийси догоняет
По земле и по болотам,
Нескончаемым полянам:

Из-под лыж огонь стремится,
Из-под палки дым выходит,
Только лося все не видно,
Все не видно и не слышно.

149-154 Мчит лесами, городами,
Мчится по заморским странам,
По дремучим дебрям Хийси,
Через все поляны Калмы,
Перед самой пастью смерти,
Пред самим жилищем Калмы.

155-160 Смерть уж пасть свою открыла,
Калма голову склонила,
Чтоб схватить того героя,
Проглотить там Каукомъели:
Не смогла его похитить,
Не смогла его настигнуть.

161-164 Лишь в одном местечке не был,
Лишь туда зайти осталось,
В дальних Похъёлы угодьях,
На больших лапландских землях.

165-173 Он зашел и в то местечко,
Заглянул и в этот угол.
До конца угла доехал,
Слышит, с Похъёлы окраин
Шум ужасный раздается

На полях сынов лапландских
Заливаются собаки,
Плачут дети у лапландцев,
Громко женщины смеются.

А мужья-лапландцы ропщут.
Тут веселый Лемминкяйнен
Поворачивает лыжи,
Едет он на лай собачий,
На поля сынов лапландских.

И, приехавши, сказал он,
Так спросил, остановившись:
«Что тут женщины смеются,
Отчего тут дети плачут,
Люди старые горюют,
Лают серые собаки?»

«Оттого смеются жены,
Оттого тут плачут дети,
Люди старые горюют,
Лают серые собаки,
Что пронесся лось тут Хийси,
Простучал копытом гладким;

Опрокинул лось кадушку,
На огонь котел он сбросил;
Наше варево он вылил,
На огонь похлебку пролил».

195-198 Слышит это плут веселый,
Молодец тот, Каукомъели,
Лыжу левую подвинул,
Как гадюку по пожогу;

199-204 Он скользнул болотной елью,
Как живой змеей, по снегу,
Сам, скользя, промолвил слово,
Так сказал, держась за палку:
«Ну, теперь лапландец каждый
Принесет мне тушу лося;

205-208 Может каждая лапландка
Здесь котел почище вымыть;
Из детей лапландских каждый
Насбирать мне может щепок;

209-212 И котел лапландский каждый
Может здесь сварить мне лося!»
Все свои напряг он силы,
Подался вперед, понесся;

213-216 В первый раз он лыжей двинул
И исчез из глаз тотчас же;
Во второй раз лыжей двинул
И его не слышно стало;

217-224 С третьим разом попадает
Прямо на спину он к лосю.
Вот схватил он кол кленовый,

Из ветвей березы вязку,
Чтоб связать покрепче лося,
За плетень свести дубовый:
«Тут побудь теперь, лось Хийси,
Тут постой, скакун свирепый!»

По спине он лося гладит,
Треплет ласково по шее:
«А с меня уже довольно,
Отдохнуть теперь могу я
Рядом с юною девицей,
С этой курочкой растущей!»

Хийси лось приходит в ярость,
Дико начал выбиваться,
Говорит слова такие:
«Пусть тебе поможет Лемпо
Полежать с девицей юной,
Провести с ней время вместе!»

Лось уперся, понапрягся,
Рвет он вязку из березы,
Кол кленовый он ломает,
Валит он плетень дубовый.

Убегает лось оттуда,
Устремляется поспешно,
По полям и по болотам,

По горам лесистым мчится
Так, что глазом уж не видно
И совсем не слышно ухом.

247-250 Тут молодчик омрачился,
Опечалился веселый,
Стал свирепым и сердитым,
Мчится он за Хийси лосем;

251-256 Дал один толчок ногою,
В яме вдруг застряла лыжа,
И ремень на лыже лопнул,
А другой ремень на пятке,
Ручка дротика сломалась,
И конец сломался палки.

257-266 Хийси лось вперед умчался,
И опять его не видно.
Грустно смотрит Лемминкяйнен,
Опустил главу печально,
Видит сломанные вещи,
Говорит слова такие:
«Пусть никто в теченье жизни,
Пусть никто из всех на свете
Не стремится в лес упрямо,
За негодным Хийси лосем,

267-270 Как стремился я, несчастный:
Я совсем испортил лыжи,
Поломал в лесу я палку
И согнул в лесу свой дротик!»

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XIV

✦

1-10 Вот веселый Лемминкяйнен
Так подумал и размыслил:
По какой свернуть дороге,
Путь какой тут выбрать лучше
Или бросить лося Хийси,
Самому домой вернуться,
Иль еще раз попытаться
Поохотиться за лосем
Матери лесов на радость,
Девам бора на отраду?

11-13 Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«О ты, Укко, бог верховный!

14-22 Укко, ты отец небесный!
Сделай мне получше лыжи,
Дай ты им большую скорость,
Чтоб на них я мог промчаться
По земле и по болотам
Прямо в край далекий Хийси,
В Похъёлу, в поля большие,
За чудесным лосем Хийси,
По следам красавца лося!

23-26 Вот иду я в лес дремучий,
Без героев на работу
По дороге Тапиолы
Мимо Тапио жилища.

27-30 Мой поклон вам, горы, выси,
Вам, леса прекрасных елей,
Вам, осиновые рощи,
Также тем, кто к вам приветлив!

31-36 Пропустите, лес, пустыня;
Тапио, будь благосклонен,
Пропусти на горы мужа,
Дай пройти мне по болотам,
Чтоб поймать мою добычу,
Получить мою награду!

37-44 Нюрикки, сын Тапиолы,
Муж чудесный в красной шапке!
Сделай метки по дороге,
На горах поделай меток,
Чтобы шел я, глупый, прямо,
Чтобы верный путь нашел я,
Тут гоняясь за добычей
И охотясь за наградой.

45-50 Миэликки, ты, мать-старушка,
Леса чудная хозяйка,
Разбросай свое ты злато,

Серебро свое рассыпь здесь
Перед мужем, что блуждает
По следам, по всяким ямкам!

51-56 Ты возьми ключи златые
С твоего кольца на чреслах,
Тапио амбар открой ты,
Поищи в лесных палатках,
Здесь пока я жду добычи,
За охоту жду награды!

57-60 Если ж ты сама не хочешь,
Ты пошли своих служанок,
Ты пошли своих прислужниц,
Прикажи ты подчиненным!

61-66 Что ж ты будешь за хозяйка,
Если слуг ты не имеешь,
Если сотни нет прислужниц,
Если тысячей не служат,
Чтоб спасти стада лесные,
Чтоб заботиться о дичи?

67-69 Дева, Тапио служанка,
Сладкогласная девица!
Ты пойди с медовой дудкой!

70-72 Посвисти свирелью сладкой
Пред великой госпожою,
Пред хозяйкой леса дивной;

73-76 Ты ей дашь услышать звуки,
Ото сна ее пробудишь
Ведь она совсем не слышит,
Сна досель не покидает.

77-84 Умоляю неотступно,
Золотой язык тревожу!»
Развеселый Лемминкяйнен
Так, все время без добычи,
По лесам он пробегает,
По полям и по болотам,
К угольным высотам бога,
К угольной поляне Хийси.

85-88 День скользит он и другой день,
Наконец, уже на третий,
Подошел к горе великой,
На утес великий вышел;

89-94 Бросил взоры он на север,
Посмотрел через болото:
Видит Тапио жилище,
Двери золотом блистают,
Блеск идет через болота,
Через гору, чрез кустарник.

95-98 Тут веселый Лемминкяйнен
С своего уходит места,
Приближается к жилищу,

К окнам Тапио подходит.

99-108 В ожиданье там укрылся,
Под шестым присел окошком:
Там дающие даянья
Злаков матери сидели
В самых будничных одеждах,
В самых рваных, грязных платьях,
Так промолвил Лемминкяйнен:
«Что сидишь, хозяйка леса,
В самой будничной одежде,
В самом рваном, грязном платье

109-112 На тебя смотреть мне стыдно
Так чудна твоя наружность;
Далеко ты не прекрасна
С огрубевшим, грязным телом.

113-116 Как блуждал я этим лесом,
Три дворца в лесу нашел я:
Костяной и деревянный,
Третий был дворец из камня;

117-126 Шесть златых прекрасных окон
Были там на каждой стенке.
Посмотрел я сквозь окошко
И увидел, притаившись,
Тапио, владыку леса,
Видел дочь его, хозяйку,

Теллерво я там заметил,
Весь народ лесной увидел:
Все они шумели златом,
Серебром они звенели;

127-130 А сама хозяйка леса,
Подающая отраду,
В золотом была браслете,
В золотых на пальцах кольцах;

131-134 Головной убор из злата,
В волосах златые ленты,
А в ушах златые серьги
И на шее крупный жемчуг.

135-140 Милая хозяйка леса,
Ты, медвяная старушка!
Сбрось соломенные туфли,
Сбрось ты лапти из бересты,
Сбрось противные лохмотья,
Сбрось рабочую рубашку;

141-144 Платье радости возьми ты
И рубашку понарядней,
Здесь пока хожу я лесом
В поисках своей добычи!

145-148 Сильно я в лесу скучаю;
Омрачился оттого я,
Что хожу здесь понапрасну

И все время без добычи;

149-152 Обещай ее доставить,
Чтоб немного отдохнул я;
Так печально долог вечер,
Долог день, коль нет добычи.

153-162 Дед лесов седобородый.
Мох — твой плащ, а хвоя — шапка!
Затяни леса в полотна,
Облеки одеждой рощи,
Покрывало дай осинам,
Платье мягкое дай ольхам,
Серебром покрой ты сосны,
Ты рассыпь по елям злато,
Опоясшь ты сосны медью,
Серебром лесные сосны;

163-165 Пусть цветет береза златом,
Дай на ствол ей погремушки;
Сделай, как в былое время;

166-172 Дни тогда получше были:
Точно солнце, ель блестела,
И сосна — как будто месяц,
Медом пахло по лесочку,
Медом пахло в синей роще,
Пахло пряным на поляне,
У болот стекало масло!

173-176 Дочка Тапио, девица,
Туликки, царевна леса!
Пригони ты дичь к опушке,
К протянувшимся полянам;

177-186 Коль она бежать не хочет,
Коль сюда пойдет лениво,
От куста возьми ты хлыстик,
Хлыст березовый в долине,
И хлещи ее по бедрам,
Ударяй ее по боку
И гони скорее к месту,
С быстротой гони добычу
К ожидающему мужу,
По охотничьему следу!

187-192 Если выйдет на тропинку,
Пусть она бежит тропинкой,
Протяни ты обе руки,
Не давай ей сторониться,
Чтобы дичь не ускользнула,
Не сбежала бы с тропинки;

193-196 Если ж дичь уйдет оттуда,
Если на сторону выйдет,
За ухо отбрось к дороге,
За рога веди к тропинке!

197-200 Коль есть хворост на дороге,
Ты отбрось на край дороги;
Если там лежат деревья,
Разломай их на кусочки!

201-204 Если там плетень ты встретишь,
Опрокинь его на землю,
Обломай пять перевязок,
Опрокинь там семь подпорок!

205-212 Встретишь реку на дороге,
Ручеечек на тропинке,
Мостик шелковый ты сделай
Из пунцового платочка,
Перекинь через проливы,
Через воду переброс ь ты,
Через Похъёлы потоки,
Через пену водопада!

213-216 Тапио, хозяин леса!
Мимеркки, его хозяйка!
Дед лесов седобородый,
Золотой владыка леса!

217-220 Ты, владычица лесная,
Ты, лесная мать даяний,
Старица в одежде синей
И в чулках с прошивкой красной!

Приходи меняться златом,
Серебром со мной меняться;
От луны — мое все злато,
Серебро мое — от солнца;

На войне его добыли,
Лишь с трудом достали в битве,
И лежит без пользы в сумке,
Пропадает зря в кисете.

Неразменно это злато,
Серебро менять мне не с кем».
Уж веселый Лемминкяйнен
Пробежал далеко лесом,
На опушке пел он песни,
В глубине трех рощ зеленых,
Он склонил к себе хозяйку
И хозяина лесного;

Дев лесных расположил он,
Благосклонны стали девы.
Испугали, выгоняют
Из лесов заросших лося,
С горки Тапио сгоняют,
По краям жилища Хийси,
К ожидающему мужу,
Чтоб он мог поймать добычу.

245-250 Сам веселый Лемминкяйнен
Свой аркан набросил быстро
На плечо лосенка Хийси,
На его набросив шею,
Чтоб не бился он ногами,
Коль ему погладишь спину.

251-254 И веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Властелин страны и леса,
Красота полян обросших!

255-264 Миэликки, ты, мать лесная,
Ты, лесная мать даяний!
Приходи, возьми ты злато,
Серебро бери скорее,
Расстели платок широкий,
Положи платок на землю,
Под блистающее злато,
Под сребро, что так прекрасно,
Чтоб на землю не упало,
Не рассыпалось по грязи!»

265-268 После в Похъёлу пошел он
И, придя, промолвил слово:
«Наконец-то лось чудесный
Пойман на поляне Хийси!

269-278 Ты отдай мне дочь, старуха,
Дай девицу мне в супруги!»
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Лишь тогда отдам я дочку,
Дам тебе девицу в жены,
Коль коня взнуздаешь Хийси,
Коль поймаешь Хийси лошадь,
Жеребца, что вечно в мыле
По краям полян у Хийси».

279-284 Взял веселый Лемминкяйнен
Золотистую уздечку,
Серебристый недоуздок
И пошел искать ту лошадь,
Стал следить за долгогривой
По краям полян у Хийси.

285-288 Быстро он идет в дорогу,
Он идет поспешно с места
На зеленые поляны,
На края святого поля;

289-292 Там коня прилежно ищет,
Ищет лошадь с длинной гривой;
Он заткнул узду за пояс,
На плечо он вскинул сбрую.

293-296 Ищет день, другой день ищет,
Наконец, уже на третий,
Он взошел на холм высокий,
Лезет на спину утеса;

297-302 Бросил взоры он к востоку,
Обратил лицо на солнце;
На песке коня увидел,
Долгогривого у елей:
Из волос огонь струился,
Подымался дым из гривы.

303-306 И промолвил Лемминкяйнен;
«О ты, Укко, бог великий!
Ты ведь правишь туч грозою,
Облаками управляешь!

307-312 Отвори ты свод небесный,
Твердь воздушную раскрой ты,
Ниспусти ты град железный,
Ты пошли куски железа
В гриву жеребенку Хийси,
Белолобому на спину!»

313-322 Укко, тот творец всевышний,
Тот надоблачный создатель,
Пополам раздернул воздух,
Разломил он свод небесный,
Иней, град железный сбросил,

Ниспустил он град железный
Покрупней главы мужчины
И помельче лошадиной
Жеребенку Хийси в гриву,
Белолобому на спину.

Тут веселый Лемминкяйнен
Подошел, чтоб все увидеть
И получше все заметить,
Сам сказал слова такие:
«Добрый конь поляны Хийси,
Ты, горы жеребчик юный!

Золотой нагнися мордой,
Головой, сребром блестящей,
Под уздечку золотую,
Под серебряные кольца!

Обижать тебя не буду,
Сильно гнать тебя не стану
По дороге недалекой,
На пути -весьма коротком,
К дому Похъёлы суровой.

Гнать не стану к злобной теще,
Бить ремнем тебя не буду,
Гнать хлыстом тебя не стану,
Поведу тебя на ленте,
Буду погонять шнурочком».

343-348 Рыжий жеребенок Хийси,
Запененный конь, нагнулся,
Золотой нагнулся мордой,
Головой, сребром блестящей,
В серебристую уздечку
Под колечки золотые.

349-354 Наконец-то Лемминкяйнен
Держит жеребенка Хийси;
Вздел узду ему на морду,
Надевает недоуздок,
Быстро на спину садится,
На крестец вскочил проворно.

355-360 Он коня кнутом ударил,
Гонит хлыстиком из ивы,
Едет быстро по дороге,
Направляется к высотам,
К тем горам на север дальний,
На хребет, покрытый снегом.

361-368 В Похъёлу он приезжает,
Со двора идет в покои.
Похъёлы он достигает,
Входит в дом, и так он молвит:
«Я взнуздал коня большого,
Хийси скакуна поймал я
На полях его зеленых,
На краю святого поля.

369-372 Я настигнул лося Хийси
На поляне Хийси дальней.
Ты отдай мне дочь, старуха,
Девушку отдай мне в жены!»

373-380 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Я отдам в невесты дочку,
Дам тебе в невесты деву,
Если лебедя застрелишь,
Птицу сильную убьешь ты
Туонелы в потоке черном,
В той святой реке, в пучине.

381-388 Но один лишь раз стреляй ты,
Подстрели одной стрелою».
Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Хочет лебедя увидеть,
Длинношеего заметить
Туонелы в потоке черном,
В нижних Маналы пределах.

389-392 Шел он быстрыми шагами,
Подошел весьма поспешно
Прямо к Туонелы потоку,
К той святой речной пучине.

393-400 Лук закинут за плечами,
За спиной колчан повешен.
Но пастух тот в мокрой шапке,
Похъёлы старик ослепший,
Стал у Туонелы потока,
У святой речной пучины
И смотрел кругом все время,
Не придет ли Лемминкяйнен.

401-406 Наконец пастух однажды
Лемминкяйнена увидел,
Как тот шел все ближе, ближе,
Прямо к Туонелы потоку,
К той стремнине водопада,
К той святой речной пучине.

407-412 Взял он словно трость из моря,
Из волны змею приподнял,
Ею в сердце он вонзает,
Лемминкяйнену сквозь печень,
Через левую подмышку,
Прямо в правую лопатку.

413-422 И веселый Лемминкяйнен
Потемнел от сильной боли,
Говорит слова такие:
«Поступил я очень дурно,
Что спросить не догадался:
У родной моей старушки

Не спросил те два словечка
И не больше, как три слова,
Как мне быть и что мне делать
В эти дни ужасных бедствий?

423-426 Есть слова от язв змеиных,
От змеиного укуса.
Мать, ведь ты меня носила
И, трудяся, воспитала!

427-434 Ты узнать, родная, можешь,
Где теперь твой сын несчастный.
Ты приди сюда скорее,
Ты приди ко мне на помощь,
Чтоб избавить от несчастья,
Чтоб спасти меня от смерти,
Чтоб я юношей проснулся
И пошел, цветущий жизнью!»

435-440 Так пастух тот в мокрой шапке,
Похъёлы старик ослепший,
Лемминкяйнена забросил,
Сына Калевы повергнул
В воду Туонелы подземной,
В эту бурную пучину.

441-444 И веселый Лемминкяйнен
С шумом падает в теченье;
Там шумит он с водопадом,

С быстрой Туонелы стремниной.

445-448 Тотчас Туони сын кровавый
Меч вонзает в Каукомъели:
Лезвием ударил острым,
Так что искры полетели;

449-454 В пять кусков пластает мужа,
На восемь частей разрезал;
В воду Туонелы подземной,
В реку Маналы он бросил:
«Ты лежи себе там вечно
С крепким луком и колчаном!

455-460 Лебедей стреляй в потоке,
Птиц речных в теченье мрачном».
Так скончался Лемминкяйнен,
Тот жених неутомимый,
Туонелы в потоке черном,
Маналы в глубокой речке.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XV

✦

1-4 В доме Ахти мать-старушка
Думу думает о сыне:
«Где теперь мой Лемминкяйнен,
Где мой Кауко пропадает?

5-10 Не слыхать, чтоб он вернулся,
Чтоб с дороги воротился».
И не знала мать, бедняжка,
И не ведала, родная,
Где сынок ее остался,
Плоть и кровь ее где были;

11-18 На горе ли он сосновой,
В тихой местности пустынной,
На хребте ль морей шумящих,
В вечно пенистом теченье,
Иль в боях проводит время
Средь жестокого сраженья,
Весь в крови он по колени,
По колени окровавлен.

19-22 Кюлликки, жена-красотка,
Во все стороны смотрела
В Лемминкяйнена жилище,
Во владенье Каукомъели;

23-28 Смотрит вечером на щетку,
На нее же смотрит утром.
И случилося однажды,
Рано, в утреннее время,
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки.

29-36 Кюлликки, жена-красотка,
Говорит слова такие:
«Сгибнул мой прекрасный Кауко,
Каукомъели мой погибнул
На тропиночке безлюдной,
На неведомой дороге:
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки».

37-41 Каукомъели мать тотчас же
Смотрит пристально на щетку,
Начинает горько плакать:
«Горе матери несчастной,
Время горькое настало!

42-44 Вот уж милый мой сыночек,
Дитятко мое родное,
До плохого часа дожил!

45-48 Знать, несчастье с юным вышло,
Знать, беда случилась с Кауко:
Показалась кровь в щетине,

Каплет красная из щетки!»

49-56 Забрала подол свой в руки,
Захватила в руки платье,
Быстро мчится по дороге,
Изо всей стремится силы:
От шагов трясутся горы,
Возвышаются долины,
Опускаются высоты
И наверх всплывают глуби.

57-60 К Похъёлы домам подходит,
Расспросила там о сыне
И слова такие молвит:
«О ты, Похъёлы хозяйка!

61-66 Ты куда послала сына,
Лемминкяйнена младого?»
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Так ответила старушке:
«Ничего о том не знаю,
Где твой сын запропастился;

67-72 Жеребца ему дала я,
Огневую лошадь в сани;
Может, в проруби погиб он,
Иль замерз на льдистом море,
Или волку в пасть попался,
Иль попал медведю в глотку?»

73-78 Лемминкяйнена старушка
Говорит: «Ты явно лжешь мне!
Род наш волки не погубят,
И медведь не тронет Ахти:
Он волков кидает пальцем,
Медведей руками валит.

79-82 Если не ответишь правду
Ты куда девала Ахти,
Я сломаю дверь овина,
Двери Сампо я обрушу».

83-86 Молвит Похъёлы хозяйка:
«Я досыта накормила
И дала ему напиться,
Угостила всем по горло;

87-90 Посадила мужа в лодку,
Чтоб спустился по порогам,
Но я все-таки не знаю,
Где пропал твой сын несчастный.

91-94 Может, в пене водопада,
Средь крутящейся пучины».
Лемминкяйнена старушка
Говорит: «Ты явно лжешь мне!

95-100 Ты скажи открыто правду,
Положи конец неправде.
Ты куда девала Ахти,

Где сейчас мой калевалец,
Иль тебя постигнет гибель,
Тотчас смерть тебя похитит!»

101-110 Молвит Похъёлы хозяйка:
«Ну, теперь скажу я правду:
Был он послан мной за лосем,
Чтобы гордого поймал он,
А потом за жеребенком,
Чтоб, взнуздав, его запряг бы,
И за лебедем позднее,
Чтоб поймал святую птицу,
Но я все-таки не знаю,
Может, с ним несчастье было

111-114 Или так он задержался,
Не слыхать, чтоб он вернулся
За невестою своею,
За моею милой дочкой».

115-124 Мать все ищет, где исчез он,
Все боится, что пропал он;
Точно волк, бежит болотом,
Как медведь, в чащобе рыщет,
По воде плывет, как выдра,
Барсуком бежит по полю,
Точно еж, бежит по мысу

И по берегу, как заяц,
Камни в сторону бросает
И стволы деревьев валит,

Хворост в сторону швыряет,
Гать мостит через болота.
Долго сгинувшего ищет,
Долго ищет — не находит,
У деревьев вопрошает
О своем пропавшем сыне.

И сосна ей так сказала,
Дуб ответил неохотно:
«О себе моя забота,
О твоем ли думать сыне?

Выпал жребий мне жестокий,
И несчастья одолели:
Из меня ведь колья тешут,
Из меня дубинки режут,
На дрова меня изводят,
Рубят, валят на пожоге».

Долго сгинувшего ищет,
Долго ищет, не находит.
Ей встречается дорога;

У нее она спросила;
«Богом данная дорога,
Не видала ль ты сыночка,

Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый?»

149-152 И разумно говорит ей,
Отвечает ей дорога:
«О себе заботы много,
О твоем ли думать сыне?

153-158 Выпал жребий мне жестокий,
И несчастья одолели:
То бегут по мне собаки,
То промчатся верховые,
То ногами сильно топчут,
Прижимают каблуками».

159-164 Долго сгинувшего ищет,
Долго ищет, не находит.
Шел над ней по небу месяц
И она ему взмолилась:
«Богом данный месяц ясный
Не видал ли ты сыночка;

165-170 Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый?»
Сотворенный богом месяц
Ей разумно отвечает:
«О себе моя забота,
О твоем ли думать сыне?

171-176 Выпал жребий мне жестокий,
И несчастья одолели:
Я один блуждаю ночью
И свечу в мороз жестокий:
Я один зимой на страже,
А на лето пропадаю».

177-184 Долго сгинувшего ищет,
Долго ищет, не находит.
Солнце ей идет навстречу,
И она ему взмолилась:
«Богом созданное солнце,
Не видало ль ты сыночка,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый?»

185-190 Солнце ведало про это,
И в ответ оно сказало:
«Твой сынок уже скончался,
Он уже погиб, несчастный,
В сумрачном потоке Туони,
В Маналы глубоких водах.

191-194 В водопад его столкнули
И с порога по порогу
В темные глубины Туони,
В недра Маналы спустили».

195-198 Лемминкяйнена старушка
Зарыдала о потере,
К кузнецу пошла, сказала:
«О кователь Ильмаринен!

199-204 Ты ковал вчера и раньше,
Поковать прошу сегодня!
Выкуй грабли с ручкой медной,
Зубья сделай из железа,
Чтоб они в сто сажен были
И в пять раз длиннее ручка».

205-210 И на просьбу Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Ручку медную кует ей,
Зубья стал ковать для грабель,
Чтоб они сто сажен были
И в пять раз длиннее ручка.

211-216 Лемминкяйнена старушка
Эти грабли захватила,
Быстро к Туонеле спустилась,
Так упрашивает солнце:
«Богом созданное солнце,
Самому творцу ты светишь!

217-222 Посвети разок сильнее,
И в другой, чтоб пар поднялся,
В третий раз как можно жарче:

Усыпи ты злое племя,
Маналы ослабь людей ты,
Туонелы ослабь ты царство!»

223-228 Богом созданное солнце,
Божье чадо дорогое
На дупло березы село,
На изгиб ольхи нагнулось,
Засветило раз сильнее,
И в другой, чтоб пар поднялся.

229-234 В третий раз как можно жарче:
Усыпило злое племя,
Маналу лишило силы,
Всех там юношей с мечами,
Стариков, с дубьем сидящих,
Средний возраст — копьеносцев.

235-238 И парит, летя оттуда,
К небу ровному взлетая
На насиженное место,
На старинное местечко.

239-244 Лемминкяйнена старушка
Грабли с зубьями хватает,
Загребает, ищет сына
В многошумном водопаде,
Средь бурливого потока
Загребает, не находит.

245-248 Вот она цепляет глубже:
И сама вступила в воду
По подвязку стала в волны
И до пояса в теченье.

249-254 Загребает по потоку,
По теченью ищет сына,
А потом идет напротив
Раз проходит и другой раз:]
Ловит там рубашку сына,
Ловит с тяжкою печалью;

255-258 Вновь рекой она проходит:
Тащит шапку и чулочки.
Те чулки печально тащит,
Тащит шапку с болью в сердце.

259-263 Вновь она ступает глубже.
В глуби Маналы ступила.
По длине проводит грабли,
Поперек ведет в другой раз,
В третий наискось проводит.

264-266 Наконец, при третьем разе,
Сноп огромный захватила
На зубцы железных грабель.

267-272 Но не сноп она схватила:
Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,

На зубцах из вод приподнят,
За ногу одну захвачен,
За один лишь малый пальчик.

273-276 Показался Лемминкяйнен,
Тот веселый калевалец,
На богатых медью граблях,
На волнах прозрачных моря;

277-280 Но кусков недоставало:
Головы куска с рукою
И других частей некрупных,
Не хватало также жизни.

281-284 Мать-старуха стала думать
И в слезах сказала слово:
«Иль из них не выйдет мужа,
Их не хватит на героя?»

285-288 Ворон те слова услышал
И в ответ сказал ей слово:
«Кто исчез, не станет мужем,
Кто погиб, тот жить не будет;

289-294 Ведь сиги глаза пожрали,
Ведь объели плечи щуки.
Брось его в поток скорее,
В реку Туонелы обратно:
Пусть он там трескою станет,
Пусть в кита он обратится».

295-304 Лемминкяйнена старушка
Не бросает сына в воду,
Снова грабли опускает,
Снова медными проводит
По длине реки подземной,
По длине и поперечно:
Головы кусок и руку,
И спинных костей частицы,
Кости бедренной кусочки
И другие ловит части.

305-310 Составляет тело сына,
Лемминкяйнена младого.
Мясо к мясу прилагает,
Примеряет верно кости,
Член привязывает к члену
И сжимает сильно жилы.

311-320 Крепко связывает жилы,
Вяжет их концы друг с другом,
Нити жил она считает,
Приговаривает этак:
«Ты, красотка, жил хозяйка,
Суонетар, ты жил богиня,
Ты прядешь прекрасно жилы,
Пряха с стройным веретенцем,
С медным остовом у прялки,
С колесом ее железным!

321-328 О, приди, прошу тебя я,
Принеси, я умоляю,
Связку жил своей рукою,
Связку кож в подоле платья,
Чтоб связать покрепче жилы,
Их концы скрепить покрепче
На открытых страшных ранах,
Что, отверстые, зияют!

329-334 Если ж этого не хватит,
Есть на воздухе высоком
Дева в крытой медью лодке,
В челноке с кормою красной,
Опустись с него, девица,
С середины неба, дева!

335-338 Проплыви по этим жилам,
Проплыви по членам, дева,
По пустым костям поплавай
И по щелям в этих членах!

339-344 Положи на место жилы.
Где они лежали прежде:
Ты зашьешь большие жилы
И пробудишь в них биенье,
Перевяжешь сухожилья,
Свяжешь маленькие жилы!

345-350 Ты возьмёшь иглу помельче,
Нитку шелковую вденешь!
Будешь шить иголкой мягкой,
Будешь штопать оловянной,
Жил концы иголкой стянешь,
Ниткой шелковою свяжешь!

351-354 Если ж этого не хватит,
Сам приди, земли создатель,
Запряги коней летучих,
Бегунов своих ретивых!

355-358 Проезжай на пестрых санках
По костям, по этим членам,
По трепещущему мясу,
Проезжай по жилам шумно!

359-362 Привяжи к костям ты мясо,
Привяжи ты жилу к жиле,
Серебро клади на связки,
Золото на раны в жилах!

363-366 Там же, где распалась кожа,
Дай расти ты новой коже;
Где разорванные жилы,
Там ты связывай покрепче.

367-370 Где ж пропало много крови,
Там налей ты крови новой;
Где разбиты были кости,

Там пусть сызнова срастутся.

371-376 Где растерзанное мясо,
Там свяжи его покрепче,
Положи его на место,
Где оно лежало прежде:
К кости кость и мясо к мясу,
Прикрепи ты члены к членам!»

377-380 Собирает мать сыночка,
Мужа, славного героя,
Чтоб он зажил, как и прежде,
В том же виде, как и был он.

381-384 Вот и скреплены все жилы,
Крепко связаны концами;
Но ни звука не издал он,
Говорить сынок не может.

385-388 Мать тогда слова такие
И такие речи молвит:
«Где теперь возьму я мази,
Где возьму медовых капель»

389-392 Чтобы слабого помазать,
Чтоб несчастного поправить,
Чтоб он мог промолвить слово,
Чтоб уста открыл для песен?

393-402 Птичка меда, божья пчелка,
Ты, лесных цветов царица!
Принеси пойди ты меду,
Принеси ты сот медовых
К нам из Метсолы душистой,
Тапиолы благовонной,
Взяв из чашечек цветочных,
Из травинок ароматных,
Чтоб могла унять я боли,
Утолить страданья сына!«

403-406 Пчёлка, быстренькая птичка,
Полетела, запорхала,
К Метсоле спешит душистой,
К Тапиоле благовонной.

407-412 На лугах сосет цветочки,
Языком медок сварила
Из концов цветочков этих,
Из ста злаков, там цветущих,
И, жужжа, летит обратно,
Прилетает быстро с шумом;

413-418 Крылья, полны сладким медом,
Соты сладкие на перьях.
Лемминкяйнена старушка
Принимает мазь от пчелки,
Лечит мазью горемыку»,
Неудачника врачует.

419-422 Все же мазь не помогает,
Сын не может молвить слова.
Мать тогда у пчёлки просит:
«Пчелка, милая ты птичка!

423-428 Ты лети в другие страны,
За девятое за море,
Опустись на остров в море,
На медовые поляны,
К Тури в новый дом лети ты,
К Палвойнену в дом без кровли!

429-432 Там медок есть благодатный,
Чудодейственные мази
Жилы накрепко скрепляют,
Все другие члены лечат.

433-436 Принеси мне этой мази,
Принеси мне средств целебных,
Чтоб беду поправить эту
И несчастье уничтожить!»

437-440 Пчелка, легкий человечек,
Вновь обратно упорхнула,
За девятым морем мчится,
Пол десятого промчалась.

441-448 День летит, летит другой день
Так летит она и третий,
В камышах не отдыхая,

Не садяся на листочки,
Мчится к острову на море,
На медовые поляны,
К водопаду огневому
И к святой речной пучине.

449-452 Там был мед уже готовый,
Приготовленные мази
В малых глиняных сосудах
И в котлах прекрасных этих.

453-456 Все длиною только в палец,
Шириною в кончик пальца.
Пчелка, быстрый человечек,
Собрала прилежно мази.

457-461 Мало времени проходит,
Протекло одно мгновенье:
Уж летит, жужжа, обратно
И спешит, как только может,
Семь на спинке чашек держит;

462-464 Шесть приносит чашек в лапках,
Все полны хорошей мазью
И целебным сильным средством.

465-468 Лемминкяйнена старушка
Мажет сына этой мазью;
Девять мазей приложила,
Восемь разных средств целебных;

469-473 Не приносят средства пользы,
Ничего не могут сделать.
Мать тогда слова такие
И такие речи молвит:
«Пчелка, воздуха летунья!

474-476 В третий раз уж полети ты
На небесные высоты,
За девятое за небо!

477-482 Там найдешь ты много меду,
Сыщешь меду сколько хочешь:
Только бог — его хозяин,
Только сам употребляет,
Им детей своих он мажет
От недобрых сил болезни.

483-488 Обмакни в медок ты крылья,
Перья легонькие в сладость,
Соты вынеси на крыльях,
Принеси на спинке меду,
Чтоб утихли эти боли,
Уничтожилось страданье!»

489-492 Пчелка, умненькая птичка,
Говорит слова такие:
«Как же мне туда добраться,
Я ведь слабый человечек!»

493-496 «Полетишь отсюда славно,
Зажужжишь вверху прекрасно:
Выше месяца под солнцем,
Между дивных звезд небесных.

497-502 В первый день там пролетая,
Ты виски луны заденешь,
На другой день подлетишь ты
Под Медведицы лопатку,
А на третий вознесешься
Над спиною семизвездья.

503-506 Тут уж не долга дорога,
Путь останется не долог
И до божьего сиденья,
До убежища святого».

507-510 Поднялась на воздух пчелка,
Поднялась на крыльях с дерна;
Опахалом нежным машет,
Вверх летит на быстрых крыльях.

511-516 Над двором луны взлетает,
Край затронула у солнца
И Медведицы лопатку,
Семи звезд задела спину,
Полетела в погреб к богу,
К всемогущему в чуланы.

517-522 Там, готовилося средство,
Там вываривались мази,
Там в серебряных кувшинах,
В золотых котлах богатых
Посредине мед варился,
По бокам помягче мази;

523-527 Мед готовился на солнце,
По ночам варились мази.
Пчелка, воздуха летунья,
Много меду набирает,
Также сот как можно больше.

528-530 Мало времени проходит:
Уж жужжит она обратно,
Уж назад слетает с шумом;

531-534 Сто рожков приносит в лапках,
Тысячу сосудов разных,
Полных медом и водою,
Полных мазей чудодейных.

535-539 Лемминкяйнена старушка
В рот берет поспешно мази,
На язык берет отведать,
Оценить желает строго:
«Это мазь, какой ждала я;

540-542 Вот таинственное средство;
Им сам бог великий мажет,
Утоляет боль создатель».

543-548 Мазью сына натирает
Несчастливца ею лечит:
Мажет кости по расщепам,
Члены мажет по разрезам,
Мажет сверху, мажет снизу,
Мажет также в середине.

549-554 Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Пробудись от сна, сыночек,
Ты оставь свою дремоту
В этом месте бед ужасных,
В этом тяжком положенье!»

555-560 Сын от сна освободился,
Пробудился от дремоты.
Мог теперь сказать он слово
Языком он так промолвил:
«Долго ж спал я на свободе,
Продремал, ленивый, долго!

561-568 Ну, и выспался ж чудесно
Погруженный в сон глубокий».
Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:

«Ты проспал бы много больше,
Пролежал бы ты и дольше
Здесь без матери, несчастный,
Без меня, тебя носившей.

Но скажи, сынок мой бедный,
Дай из уст твоих услышать:
Кем ты в царство Маны послан,
В реку Туонелы опущен?»

Молвил юный Лемминкяйнен,
Так он матери ответил:
«Пастушишка в мокрой шапке,
Дед слепой страны дремотной
В Маналу меня отправил,
В реку Туонелы столкнул он.

Из воды змею он вынул,
Из волны гадюку поднял
И усталого пронзил он;

Я не знал, что с раной сделать,
Как лечить укус гадюки,
Как сказать от змей заклятье».

Лемминкяйнена мать молвит:
«Ох ты, муж недальновидный!
Шел ты против чародеев,

Ты хотел заклясть лапландцев,
А не ведал язв змеиных,
Укушенья злой гадюки!

591-596 От воды змеи начало;
Родилась она в потоке
Из мозгов хороших утки,
Из мозгов приморской чайки,
От слюны презлой Сюэтар,
Что бросала слюни в воду;

597-599 Волны слюни растянули,
Осветило солнце слюни;
На воде качал их ветер.

600-602 Колыхало дуновенье,
Погнало с воды на берег
И отбросило прибоем».

603-608 Вот качает мать сыночка,
Лемминкяйнена усердно,
Возвращает к прежней жизни,
Чтоб он стал таким, как прежде,
Чтоб он лучше стал, чем прежде,
И еще красивей стал бы.

609-616 И тогда спросила сына,
Что еще сыночку надо?
Отвечает Лемминкяйнен:
«Мне еще бы много надо:

Там живет мое сердечко,
Там мои хранятся думы,
Среди Похъёлы красоток,
У прекраснокудрой девы.

617-622 Слушать старая не хочет,
Не отдаст она мне дочки,
Если лебедя речного,
Если птицу не поймаю
В черном Туонелы потоке,
Из святой речной пучины».

623-628 Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:
«Пусть плывет тот лебедь с миром,
Пусть живут в покое утки
В черном Туонелы потоке,
В той святой речной пучине!

629-636 Ты иди к родным пределам
Вместе с матерью печальной!
Ты судьбу благодарил бы,
Восхвалил бы лучше бога,
Что послал благую помощь,
Что вернул тебе дыханье,
Что из Маналы он вывел,
Что из Туонелы вернул он.

637-640 Ничего б я не достигла,
Малой доли не свершила
Без божественной подмоги,
Без помощника благого».

641-644 Встал веселый Лемминкяйнен,
И пошел он прямо к дому
Вместе с матерью любимой,
Вместе с нею, престарелой.

645-650 Но оставлю здесь я Кауко,
Лемминкяйнена младого,
Изменю теченье песни,
Обращу слова напева
Я теперь к другим предметам,
Поведу другой дорогой.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XVI

✦

1-3 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Лодку вытесать задумал.

4-8 Хлопотал он сделать шлюпку
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке:
Только не было деревьев
И досок недоставало.

9-12 Кто же дерева достанет,
Кто стволы дубов доставит
Вяйнямёйнену для лодки,
Чтобы дно у лодки сделать?

13-18 Это Сампса, мальчик малый,
Пеллервойнен, сын поляны.
Он найдет ему деревьев,
Он стволы дубов доставит
Вяйнямёйнену для лодки,
Чтобы дно у лодки сделать.

19-24 Вот пошел он по дороге
На восточные поляны,
Подошел к горе, к другой он,

Подошел к горе и третьей:
Золотой топор он держит
С рукояткою из меди.

25-32 Тут осина повстречалась
Вышиною в три сажени.
Он хотел срубить осину,
Топором ее низринуть,
Но осина молвит слово,
Говорит ему поспешно:
«От меня чего ты хочешь,
Получить ты что желаешь?»

33-38 Молвит Сампса Пеллервойнен,
Отвечает он осине:
«Вот осина, что мне нужно,
Вот чего я здесь желаю:
Я ищу досок для лодки,
Для челна певцу деревьев».

39-42 Удивительно сказала
Стоветвистая осина:
«Потечет, утонет лодка,
Если будет из осины.

43-46 Пустотою ствол мой полон:
Ведь уж трижды в это лето
Червь протачивал мне сердце,
У корней моих ложился».

47-50 Слышит Сампса Пеллервойнен
И идет своей дорогой.
Он идет спокойным шагом
Прямо к северным полянам.

51-53 Встретил он сосну дорогой:
Вышиной сна в шесть сажен.
Топором сосну ударил.

54-58 Стукнул он сосну киркою,
Говорит слова такие:
«Будешь ли, сосна, пригодна
Вяйнямёйнену для лодки,
Будешь ли хорошим судном?»

59-62 И сосна так отвечает,
Громким голосом так молвит:
«Из меня челнок не выйдет,
Шестиреберная лодка.

63-66 Я испорчена давно уж:
Ведь ворона в это лето
Трижды каркала, лихая,
Каркала, на ветках сидя».

67-69 Слышит Сампса Пеллервойнен,
И пошел блуждать он дальше.
Он пошел спокойным шагом.

70-72 Вышел к области на юге:
Дуб дорогой повстречался,
Девять сажен дуб в обхвате.

73-76 Вопрошает он у дуба:
«Ты, мать-дерево, быть может,
Годно на постройку судна,
На помост военной лодки?»

77-80 Дуб разумно отвечает,
И в ответ он молвит слово:
«Дерева во мне довольно,
Чтобы, сделать киль у лодки.

81-88 Статен я, без недостатков,
Пустоты внутри не знаю:
Ведь уж трижды в это лето,
В самый жаркий промежуток,
В грудь ко мне сходило солнце
И сиял в вершине месяц,
На ветвях кукушка пела,
Наверху сидели птички».

89-94 Слышит Сампса Пеллервойнен
И топоре плеча снимает,
Ударяет он по дубу,
Лезвием он рубит острым,
Скоро дерево он сносит,
Стройный дуб на землю валит.

95-100 Отрубил его вершину,
Разрубает ствол древесный
И для дна полоски рубит:
Нарубил досок без счету
На челнок певцу прекрасный,
Вяйнямёйнену на лодку.

101-103 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Строит лодку заклинаньем;

104-106 Он челнок вбивает пеньем
Из кусков большого дуба,
Из частей его древесных.

107-112 Песню спел — и дно готово,
Спел еще — бока построил.
Третью песню спел — и сделал
Все уключины для весел,
У крепил концы у ребер
И сплотил их сторонами.

113-117 Были сплочены уж ребра,
Были связаны друг с другом
Трех словечек не хватило,
Чтоб устроить в лодке рейки,
Чтоб на киле брус окончить.

118-122 Чтоб скорее борт приделать.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Говорит слова такие:
«Вот настали дни несчастья!

123-130 Не спустить челна на море,
Новой лодочки на водных.
Он подумал и размыслил,
Где найти ему три слова,
Получить те заклинанья:
Не в мозгах ли у касаток,
Не в мозгах ли лебединых,
Не в гусиных ли лопатках?

131-136 Он пошел искать три слова.
Лебедей убил он кучу
И гусей большое стадо,
Много ласточек убил он,
Но найти не может слова,
Не нашел он и полслова.

137-140 Он подумал и размыслил:
Не найдете ль сто словечек
В зобе летнего оленя
Иль во рту у белой белки?

141-146 Он пошел искать три слова,
Он пошел ловить заклятья;
Перебил табун оленей,
Настрелял он кучу белок,
Много разных слов находит,
Но помочь они не могут.

147-150 Он подумал и размыслил: :
Сотню слов найду, наверно,
Я у Туонелы в жилище,
В царстве Маналы подземном».

151-156 Он пошел, чтоб взять три. слова
В царстве, Маналы подземном.
Шел он быстрыми шагами,
Шел неделю чрез кустарник,
Через заросли — другую,
Можжевельником шел третью;

157-166 Остров Маналы он видит,
Туонелы он холм заметил.
Старый, верный Вяйнямейнен
Громкие голосом воскликнул
Там у Туонелы потока,
Маналы у вод глубоких:
«Дочка Туони, дай мне лодку,
Дай паром мне, дочка Маны,
Чтобы реку перейти мне,
Чрез пролив туда добраться».

167-176 Туони дочка-невеличка,
Небольшая дева Маны,
На реке стирала платье
И белье там полоскала
Туонелы на черной речке,
Маналы у вод глубоких,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
Пригоню сюда я лодку,
Если скажешь ты причину,

177-180 По какой пришел к нам в царство,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И ничем не умерщвленный".

181-184 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Туони сам меня доставил,
Притащил со света Мана».

185-188 Туони дочка-невеличка,
Небольшая дева Маны,
Говорит слова такие:
«Болтуна вот я и вижу!

189-192 Если бы доставил Туони,
Притащил со света Мана,
Туони сам тебя принес бы,

Сам тебя тащил бы Мана.

193-196 Туони дал тебе бы шапку,
Дал бы Мана рукавицы.
Молви правду, Вяйнямёйнен:
В Маналу зачем пришел ты?»

197-200 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Привело меня железо,
Сталь к вам в Туонелу толкнула».

201-204 Туони дочка-невеличка,
Небольшая дочка Маны,
Говорит слова такие:
«Болтуна узнала скоро!

205-208 Привело б тебя железо,
Сталь бы в Туонелу толкнула,
То текла бы кровь по платью,
Шумно б красная струилась.

209-212 Молви правду, Вяйнямёйнен,
Хоть теперь ее скажи мне».
«В Маналу вода пригнала,
В Туонелу волна примчала».

213-216 Туони дочка-невеличка,
Небольшая дева Маны,
Говорит слова такие:
«Вот опять лгуна я слышу!

217-220 Коль вода пригнала к Мане,
К Туонеле волна примчала,
То текла б вода по платью,
По одежде бы струилась.

221-226 Ты скажи открыто правду:
В Маналу зачем пришел ты?»
Снова старец Вяйнямёйнен
Деве той солгать решился:
«Сам огонь меня доставил,
С ним я в Маналу спустился».

227-234 Туони дочка-невеличка,
Небольшая дева Маны,
Говорит слова такие:
«Ложь твою я вижу ясно:
Коль огонь привел бы к Мане,
Коль тебя пригнало пламя,
Спалены бы были кудри,
Борода бы опалилась.

235-242 О ты, старый Вяйнямёйнен;
Коль отсюда хочешь лодку,
Должен ты сказать всю правду,
Положить конец неправде:
В Маналу зачем пришел ты,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И ничем не умерщвленный?»

243-245 Молвил старый Вяйнямёйнен;
«Я солгал тебе немножко,
Не сказал тебе я правды.

246-248 Ну, теперь скажу наверно.
Я заклятьем сделал лодку,
Я челнок построил пеньем;

249-251 Пел я день и пел другой день,
Но на третий день сломал я
Санки дивного заклятья.

252-256 Я сломал полозья пенья,
В Маналу сюда спустился,
Чтобы взять себе буравчик,
Починить для песен санки,
Санки заново исправить.

257-260 Ну, теперь пошли мне лодку,
Твой паром пришли оттуда,
Чтоб я мог туда проехать,
Чрез пролив туда добраться!»

261-264 Дочка Туонелы бранится,
Дочка Маны разозлилась:
«О ты, глупый, сумасшедший,
Человек с рассудком слабым!

265-270 Без причины, без болезни
К Туони ты сюда спустился.
Шел бы лучше ты обратно,

Шел бы в собственную землю:
Многие сюда приходят,
Но немногие уходят.

Молвил старый Вяйнямейнен:
„Сомневаются пусть бабы,
А не муж, пусть самый слабый,
Не герой, пусть и поплоше!

Дочка Туонелы, дай лодку,
Дай паром мне, дочка Маны“.
Дочка Маны едет в лодке,
Вяйнямёйнена седого
Чрез пролив переправляет,
Перевозит через реку,
Говорит слова такие:
„О ты, старый Вяйнямёйнен!

К Туони ты живой спустился,
Не умерший — в царство Маны!“
Вот и Туонелы хозяйка,
Старица жилища Маны,
Принесла, в сосуде пиво,
Держит кружку за две ручки»

Говорит слова такие:
«Выпей, старый Вяйнямёйнен!»
Старый, верный Вяйнямейнен

Осмотрел пивную кружку:
Там внутри кричат лягушки,
По краям лежат там черви.

295-298 Молвил он слова такие:
«Не затем сюда пришел я,
Чтоб у Маны пить из кружки,
Пить у Туони из сосуда.

299-302 Кто пьет пиво, тот пьянеет:
Кто пьянеет, часто гибнет».
Молвит Туонелы хозяйки:
«Слушай, старый Вяйнямейнен!

303-306 В Маналу зачем пришел ты,
В царство Маны, в царство мрака,
Прежде чем тебя позвал он,
Чем потребовал он, Мане?»

307-309 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Я себе там строил лодку,
Я челнок готовил новый;

310-312 Было нужно мне три слова,
Чтоб скрепить концы плотнее,
Чтоб покрыть корму у лодки.

313-315 Не нашел я трех словечек,
Не достал я их на свете.
Вот и в Туонелу собрался»

316-318 Вот и в Маналу пошел я,
Чтоб достать себе три слова,
Чтобы выучить заклятье".

319-326 Молвит Туонелы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Туони слов тебе не скажет,
Мана мощью не наделит,
Ты отсюда уж не можешь
никогда в теченье жизни,
В дом родной к себе вернуться,
Выйти в собственную землю».

327-329 В сон героя погружает,
Отдыхать кладет пришельца"
На постели мягкой Туони.

330-332 Там лежит герой в дремоте,
В сон глубокий погруженный,
Лишь не спит одежда мужа.

333-342 Там была одна старуха
С острой челюстью отвислой,
Пряха ниток из железа,
Отливала нить из меди:
Сто сетей она напряла,
Сеток тысячи связала
Как-то ночью, теплым летом,

Где-то там, в воде на камне,'
В Туонеле один был старец,
У него три пальца было;

343-348 Из железа плел он сети,
Сети медные готовил:
Сто сетей наплел он, старый,
Сеток тысячу окончил
Той же ночью, теплым летом,
Там, в воде на том же камне.

349-358 Был там сын у Маны: пальцы
Это крючья из железа;
Сто сетей он расставляет
В черном Туонелы проливе,
Поперек и вдоль их ставит,
Ставит наискось те сети,
Чтоб не вышел Вяйнямёйнен,
Чтоб не выскользнул друг моря
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц

359-366 Из жилищ подземных Туони,
Из селений Маны мрачных.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Не пришла ль ко мне погибель,

Не обрушились ли беды
Здесь, в жилищах Туони черных,
В этом мрачном царстве Маны?»

367-370 Быстро облик свой меняет,
В новом облике явился:
Черный, он стремится в море,
Как камыш, идет в трясину.

371-374 Он ползет, как червь железный,
И скользит змеею черной
Через Туонелы потоки,
Через сто сетей у Маны.

375-378 Туони сын тут поднял пальцы,
Эти крючья из железа,
Вышел в утреннее время,
Посмотреть пошел он сети.

379-382 Там нашел форелей сотню,
Рыбок тысячу помельче,
Не нашел он только Вяйнё,
Не нашел он друга моря.

383-390 Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут из Туонелы выходит,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Никогда, о бог мой добрый,

Никому не дозволяй ты
Своевольно быть у Маны,
К Туони в царство опускаться.

391-394 Многие туда приходят,
Но немногие уходят
Из жилищ подземных Туони,
Из селений Маны мрачной».

395-404 Дальше так он молвил слово,
Так сказал он молодежи,
Что теперь лишь подрастает,
Молодому поколенью:
«Никогда, сыны земные,
Никогда в теченье жизни
Не обидьте невиновных,
Зла не делайте невинным,
Чтоб не видеть вам возмездья
В сумрачных жилищах Туони!

405-410 Там одним виновным место,
Там одним порочным ложе:
Под горячими камнями,
Под пылающим утесом
И под сотканным покровом
Из червей и змей подземных».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XVII

✦

1-4 Старый, верный Вяйнямёйнен
Не принес три нужных слова,
В Туонеле их не добыл он
И в жилищах Маны мрачных.

5-8 Он своим умом раскинул,
Рассуждает сам с собою:
Где б найти три эти слова,
Где б добыть те заклинанья?

9-14 Шел пастух ему навстречу,
Говорит слова такие:
«Слов найти ты можешь сотню,
Песен тысячу узнаешь:
Випунен тебе их скажет,
Их найдешь в его утробе.

15-20 К Випунену есть дорога,
К тем местам идет тропинка.
Не из лучших та дорога,
Не совсем она из худших:
Часть пути пройти ты должен
По концам иголок женских;

21-24 А другую часть пройдешь ты
По концам мечей железных;
Третью часть пройти придется
По секирам заострённым».

25-32 Старый, верный Вяйнямёйнен
Поразмыслил о дороге,
К кузнецу пошел, к горнилу,
Говорит слова такие:
«0, кователь Ильмаринен,
Выкуй обувь мне из стали,
Сапоги сбей из железа
Да железную рубашку;

33-36 Сделай мне рычаг железный,
Из хорошей стали ворот,
Ты его из стали сделай,
Обтяни вокруг железом.

37-40 Я хочу достать три слова
И добыть себе заклятий:
Випунен их мне откроет,
Их в его найду утробе».

41-46 Тут кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Випунен давно уж умер,

Антеро давно скончался,
Уж силков давно не ставит
И сетей не расставляет.

У него ты не узнаешь,
Не найдешь ни полсловечка».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Все ж уходит, как задумал.

В первый день проходит быстро
По концам иголок женских,
На другой с трудом проходит
По концам мечей героев
И идет, качаясь, в третий
По секирам заостренным.

Випунен, старик могучий,
Заклинатель-песнопевец,
Лежа врос в сырую землю
И с заклятьями, и с пеньем;

На плечах росла осина,
На висках росла береза,
С бороды свисали ивы,
И ольха на подбородке,
Изо лба тянулись ели,
Меж зубов качались сосны.

67-70 Вот подходит Вяйнямёйнен,
Меч железный обнажает.
Из ножон, из кожи тащит,
С пояса его снимает;

71-76 На плечах осину рубит,
На висках березу валит,
Ольхи валит с подбородка,
В бороде он рубит ивы,
Он со лба сбивает ели
И с зубов срубает сосны.

77-80 Кол железный он втыкает,
Випунену в рот огромный,
В отвратительные десны,
Чрез скрежещущую челюсть.

81-86 Говорит слова такие:
Встань, служитель человека,
Под землей лежащий праздно,
В сон глубокий погруженный!«
Випунен, певец заклятий,
Оставляет сон глубокий;

87-90 Он удар жестокий чует,
Ощущает он страданье:
Кол железный прикусил он,
Сверху мягкое железо;

91-98 Но прогрызть не может стали,
Прокусить нутро железа.
Старый, верный Вяйнямёйнен
На губе его споткнулся,
Поскользнулся незаметно
И скользит ногою левой
Випунену в рот огромный,
Между скул его костлявых.

99-104 Випунен, певец заклятий,
Открывает рот пошире,
Угол рта он расширяет,
Проглотил с мечом героя,
Пропускает через горло
Вяйнямёйнена седого.

105-114 Випунен, певец заклятий,
Говорит слова такие:
„Ел я многое на свете
Я глотал козу с овцою
И нетельную корову,
Кабана глотал, бывало,
Но такого я ни разу
Не отведывал кусочка!“
Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:

115-118 „Вижу я, пришло мне горе,
Разразилося несчастье
Надо мною в склепе Калмы,
В загородке злого Хийси“.

119-128 Он подумал и размыслил:
Как тут быть и что же делать?
У него был нож па чреслах,
Из березы рукоятка:
Из нее челнок он сделал,
Лодку выстроил искусно
И поплыл на этой лодке,
По кишкам гребя повсюду,
Он гребет по всем проходам
И с трудом по закоулкам.

129-138 Випунен, певец заклятий,
Не был этим растревожен,
И тотчас же Вяйнямёйнен
Приготовился к кованью,
Начал он ковать железо:
Обратил рубашку в кузню,
Рукава мехами сделал,
Шубу сделал поддувалом,
Из штанов устроил трубы,
Из чулок отверстье печи,

139-142 Стал ковать он на колене,
Молотком рука служила.
Он ковал с ужасным шумом,
Колотил с ужасным стуком;

143-146 Напролет ковал он ночи,
Днем ковал, не прекращая,
Там, в желудке великана,
В животе у чародея.

147-150 Випунен, певец заклятий,
Говорит слова такие:
„Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?

151-156 Проглотил я сто героев,
Я до тысячи пожрал их,
Но не ел тебе подобных:
Мне до рта доходит уголь,
К языку мне жар подходит
Раскаленного железа!

157-160 Выходи оттуда, изверг,
Убегай скорей, мучитель,
Иль я к матери отправлюсь,
Все скажу твоей старухе!

161-166 Если матери скажу я,
Все открою ей, старухе,
Будет мать твоя печальна,

Тяжело старухе будет,
Что затеял сын дурное,
Очень плохо поступает.

167-172 Не могу никак понять я,
Не могу никак постигнуть:
Как ты в чреве оказался,
Как попал туда ты, изверг,
Чтоб кусать меня и мучить,
Пожирать и рвать ужасно.

173-178 Или ты — болезнь от бога,
Хворость, посланная вышним.
Или мне тебя наслали,
Причинили вред другие,
Иль пришел сюда за плату,
Поместился здесь за деньги?

179-182 Если ты — болезнь от бога,
Хворость, посланная вышним,
То себя творцу я вверю,
Воле вышнего отдамся;

183-188 Славных бог не оставляет,
Никогда не губит храбрых.
Если ж мне тебя наслали,
Причинили вред другие,
То найду твое начало,
Отыщу происхожденье.

189-196 Появилось наважденье
И несчастье от заклятий
Силой круга чародеев,
И певцов весьма искусных,
На седалище злых духов,
На полянах для гаданья,
На равнинах бога смерти,
Изнутри земли явилось.

197-206 Из жилищ мужей умерших,
Из домов людей погибших,.
Из распухшей вышло почвы,
Из земли, повсюду взрытой,
Из кремней, крутимых ветром,
Из песков, обильных шумом,
Из долин, идущих книзу,
Из болот, лишенных мох а,
Из волны, шумящей вечно,
На оград дубравы Хийси,

207-210 Из шести расщелин темных,
Из пяти ущелий горных,
С гор покатых, медью полных,
И с вершин, рудой богатых.

211-220 С многошумной серой ели
И с сосны, шумящей сильно,
Из дуплистых старых сосен,
Из гнилого леса елей,

Из дрянной норы лисицы,
Из лесных полян оленей,
Из скалистых нор медведей,
Из пещеры косолапых,
Похъёлы краев туманных,
Из большой страны лапландской,

221-230 Из дубрав, где нет побегов,
От равнин, не знавших плуга,
Да с больших полей сраженья,
Где мужи, сражаясь, бьются,
От травы, помятой сильно,
И от крови, что дымится,
С дальнего хребта морского,
С распростершейся равнины,
Из покрытой илом глуби,
Глуби тысячесаженной,

231-238 Из шипящего потока,
Из огнем кипящей бездны,
Из больших порогов Рутья,
Из стремнины водопада,
С половины задней неба,
С облаков далеких, тонких,
Со стези ветров весенних,
С места их отдохновенья.

239-244 Ты скажи, оттуда ль вышел,
Ты оттуда ли пробрался
В это сердце, что невинно,
В это чрево, что безгрешно,
Чтоб кусать и рвать нутро мне,
Пожирать, кромсать ужасно?

245-248 Выходи, собака Хийси,
Вылезай, собака Маны,
Выйди, чудище, из чрева,
Из моей печенки, изверг!

249-256 Ты не рви мою грудину,
Не тревожь мне селезенку,
Не тряси ты мой желудок,
Не повертывай ты легких,
Не просверливай пупок мой
И моих висков не трогай,
Ты не мучь хребта спинного,
Не раскалывай мне бедер!

257-260 Если я не муж, как должно,
Мужа я пошлю получше,
Чтоб прогнать беду оттуда,
Чтобы чудище извергнуть.

261-268 Жен земли я снизу кликну,
Позову полей хозяев,
Из земли мужей с мечами,

Из песков верхом героев
Всех на помощь мне я кликну,
На подмогу мне, на пользу,
При моих страданьях тяжких,
При ужаснейших мученьях.

269-278 Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Призову я лес с мужами,
Можжевельник со слугами
И с народом лес еловый,
Озеро с детьми своими,
Сто героев, всех с мечами,
Тысячу мужей железных,
Чтобы дьявола извергнуть,
Раздавить болезнь лихую!

279-288 Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Ты, о мать воды, явися
Из волны в повязке синей,
Из потока в мягком платье,
В чистоте из тины выйди,
Мужу слабому защитой,
Мне, герою, исцеленьем,
Чтоб невинный пожран не был,
Чтоб живой не взят был смертью!

289-298 Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Дочь прекрасная творенья,
Ты, краса, златая дева,
Ты, древнейшая из женщин,
Ты, что мать была всех раньше,
Посмотри на эти боли,
Отврати мое несчастье,
Удали страданья эти
И мучителя извергни.

299-308 Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Укко, ты, что в высях неба,
Что сидишь средь туч гремящих,
Ты сойди, тебя прошу я,
Поспеши, я призываю,
Изгони мученье это,
Удали ты наважденье
Огненным мечом разящим
И клинком, дающим искры!

309-316 Вылезай отсюда, изверг,
Убегай скорей, мучитель!
Не твое жилище это,
Коль тебе нужна обитель,
Ты ищи другого места,

Обиталища подальше,
Близ хозяйского жилища,
У дверей твоей хозяйки!

317-324 Но когда туда дойдешь ты,
До конца пройдешь дорогу,
К отцу-матери поближе
И к родительскому стаду,
Дай им знак, что ты на месте,
Укажи им, что ты прибыл,
Застучи, как треск громовый,
Заблести, как блещет пламя!

325-328 На дворе ударь по двери,
Опусти с окошка доску,
Проскользни во внутрь жилища,
Мчи грозой в покои дома!

329-336 Ты за щиколотку крепко,
Ты за икры ухвати их
Лишь покажется хозяин,
Лишь в дверях хозяйка станет,
У него глаза ты вырви,
У нее разбей ты череп,
Изогни им пальцы в крючья,
Головы согни обоим!

337-339 Если ж этого все мало,
Петухом лети наружу
И на двор лети цыпленком.

340-344 На навоз садись ты грудью!
Лошадей гони от ясель,
Скот рогатый от корыта,
Чтоб в навоз ушли рогами
И хвостом в земле увязли.

345-347 Вырви им глаза из впадин,
Шеи всем перешиби ты!
Если ж ты — болезнь от ветра.

348-356 Им навеяна, надута
Вместе с воздухом весенним,
Послана сюда морозом,
То иди дорогой ветра,
По пути ветров весенних,
Не садяся на деревья,
На ольхе не отдыхая,
Прямо на гору из меди,
К ней на верх, покрытый медью;

357-366 Чтоб качал тебя там ветер.
Обвевал тебя там воздух!
Если ж ты спустился с неба,
С облаков далеких, тонких,
Ты взойди опять на небо,

Поднимись опять на воздух
В облака, где много капель,
На мерцающие звезды,
Чтоб, как пламя, запылал ты,
Как огонь, чтоб загорелся

367-376 На большой дороге солнца,
На дворе луны округлом!
Если ж ты пришел с потоков,
Пригнан ты сюда водою,
Ты к воде и возвращайся,
Уходи опять в потоки,
К краю крепости укромной,
К водяной горы вершине,
Чтоб тебя качали волны
И потоки колыхали!

377-384 Если ж ты с поляны Калмы,
Из жилищ людей умерших,
Возвратись в места родные,
Опустись в обитель Калмы,
Вниз, в распухший дерн могильный
И в ископанную землю,
Где народы погрузились,
Где лежат большие толпы!

385-394 Если ж ты, глупец; явился
Из лесов дремучих Хийси,
Из углов еловой чащи,

Из жилищ сосновой рощи,
Прогоню тебя, чтоб жил ты
Средь лесов дремучих Хийси,
Средь жилищ сосновой рощи,
Средь углов еловой чащи,
До тех пор там оставайся,
Не сгниет покуда пол там,

395-404 Не покроет плесень стены,
Не падет на землю крыша.
Прогоню тебя, дрянного,
Вышлю чудище отсюда
В норы старого медведя,
В дом медведицы-старухи,
На болотистые долы,
На безгласные болота
И на зыбкие трясины,
На бурливые потоки,

405-414 На безрыбные озера,
В воду, где не плещет окунь.
Не найдешь и там ты места
Прогоню тебя подальше,
В Похъёлу, страну тумана,
В область дальнюю лапландцев,
На поляны без побегов,

На невспаханную землю,
Где ни солнца, ни луны нет,
Нет совсем дневного света.

415-420 Там прожить тебе удобно,
Там летать тебе приятно:
Там висят на ветках лоси,
Благородные олени,
Чтобы голод муж насытил,
Утолил свое желанье.

421-428 Я гоню дрянного дальше,
Заклинаю, прогоняю
К тем порогам, что на Рутье,
На ревущую пучину,
Где потоки рвут деревья,
Ели с корнями срывают,
Со стволом большие сосны,
С головой зеленой ели.

429-432 Там поплавай, злой язычник,
В белой пене водопада,
Покрутись в волнах широких,
Поживи в потоках узких!

433-442 Если ж там не будет места,
Прогоню тебя оттуда
В реку Туонелы туманной,
В вечные потоки Маны,

Чтоб оттуда ты не вышел
Никогда в теченье жизни,
Коль не дам тебе свободы,
Коль тебя не отпущу я
За девять баранов жирных,
Все ягнят одной овечки,

443-446 За девять быков сильнейших,
Все телят одной коровы,
За девять коней прекрасных,
Жеребят одной кобылы.

447-456 Лошадей себе попросишь,
Для пути коней захочешь
Лошадей в дорогу дам я,
Для пути коней доставлю:
Чудный конь живет у Хийси,
На горе он, красногривый,
Изрыгает пастью пламя,
У ноздрей концы пылают,
Все копыта — из железа,
Ноги сделаны из стали:

457-460 Может на горы он прыгать,
Может двигаться в долине,
Если сам седок искусен,
Если всадник полон силы.

461-468 Коль и этим недоволен,
Ты возьми у Хийси лыжи,
Из ольхи сапожки Лемпо,
Также палку злого мужа,
Чтоб попал в равнины Хийси,
Чтоб попал ты в рощу Лемпо,
Исчертил поляны Хийси,
Обошел всю землю Лемпо.

469-472 Встретишь там, в пути, каменья,
Расколи их на две части;
По пути ты встретишь ветки
Разломай их на кусочки;

473-480 По пути героя встретишь
Оттолкни его в сторонку.
Ну же, трогайся ты, лишний,
Убегай, дрянной, отсюда,
Прежде чем здесь день начнется,
Прежде чем заря займется,
Прежде чем взойдет здесь солнце,
Прежде чем петух здесь крикнет!

481-484 Уходить дрянному время,
Убегать пора дрянному,
Уходить при лунном свете,
Удаляться при сиянье.

485-488 Если ж, злой, не убежишь ты,
Не уйдешь, собака, скоро,
То возьму орлиный коготь,
Коготь жаждущего крови;

489-494 И возьму клещи для мяса,
Те зубцы, что носит ястреб,
Чтоб сдавить дрянного ими,
Чтобы с извергом покончить,
Голова чтоб не шумела
И душа не волновалась.

495-498 Ведь бежал же страшный Лемпо,
Милый матушкин сыночек,
Оттого, что бог помог мне,
Даровал творец мне помощь.

499-508 Ты, что матери не знаешь,
Тварь дрянная, убежишь ли,
Без хозяина собака,
Пес, что матери не знает,
Прежде чем упустишь время,
Чем окончит путь свой месяц?“
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
„Хорошо мне здесь живется,
Мне приятно здесь остаться.

509-512 Вместо хлеба ем я печень,
Жир мне служит для обеда,
Славно легкие варятся,
Сало — пища недурная.

513-515 Эту кузницу поглубже
Посажу я в мясо сердца,
Молотком сильнее буду.

516-519 Колотить в местах опасных,
Чтобы ты в теченье жизни
От меня свободен не был,
Если слов я не услышу.

520-522 Не узнаю заклинаний,
Если тысячу заклятий
Не запомню здесь хороших.

523-526 Не должны слова скрываться,
Не должны таиться притчи.
Не должны зарыться в землю
И по смерти чародеев“.

527-536 Випунен, певец заклятий,
Этот старец, полный силы,
На уста выносит песни,
Силой грудь переполняет,
Отпер ящик песнопений
Отворил ларец заклятий,
Чтобы спеть получше песни,

Наилучших песен выбрать:
О вещей начале первом,
О вещей происхожденье.

537-540 Не поют теперь их дети,
Не поют их и герои
Времена пришли плохие
Недород, и хлеба мало.

541-548 Пел вещей происхожденье,
По порядку все заклятья,
Как по божьему веленью,
Всемогущему приказу,
Сам собой распался воздух,
Из него вода явилась,
Из воды земля возникла,
Из земли пошли растенья.

549-552 Он пропел, как создан месяц,
Зажжено на небе солнце,
Как столбы ветров воздвиглись,
Как возникли в небе звезды.

553-558 Випунен, певец заклятий,
Много пел с большим уменьем!
Не слыхали, не видали
Никогда в теченье жизни
Никого, кто пел бы лучше,
Кто б сильнее знал заклятья.

559-562 Так уста слова и гонят,
Так язык и гонит речи,
Как рысистый жеребенок,
Как скакун, бегущий быстро.

563-572 День за днем поет он песни,
Он поет подряд все ночи;
И внимает пенью солнце,
Прекращает бег свой месяц,
Неподвижны в море волны,
Стали все валы в заливе,
Не текут потоки больше,
Замер бурный омут Рутьи,
Стихло Вуоксы волненье,
Иордан остановился.

573-580 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Как напевы эти понял,
Как наслушался их вдосталь,
Как набрал хороших притчей
Порешил скорее выйти
У чудовища из чрева,
Изо рта у великана,
Из груди у чародея.

581-586 Молвил старый Вяйнямёйнен:
0 ты, Випунен! Открой-ка,
Отвори свой рот пошире,

Уст твоих углы побольше,
Чтоб из чрева мог я выйти
И на родину вернуться!»

587-590 Випунен, певец заклятий,
Говорит слова такие:
«Пожирал я в жизни много,
Проглотил я много тысяч;

591-594 Никогда не ел такого,
Как ты, старый Вяйнямёйнен!
Ты, хитер, сюда забрался
Все же лучше, коль уйдешь ты».

595-598 Славный Випунен зевает,
Быстро челюсти раздвинул,
Открывает рот пошире
И углы у рта побольше.

599-602 Старый, верный Вяйнямёйнен
У него из чрева вышел,
Из утробы великана,
Из нутра у чародея;

603-606 Изо рта скользит поспешно,
Выскользает на поляны,
Словно белка золотая,
Златошерстая куница.

607-614 Он пошел дорогой дальше,
К кузнецу пришел, к горнилу.
И промолвил Ильмаринен:
«Что ж, узнал ли ты три слова,
Получил ли изреченья,
Чтоб края построить лодки,
Чтоб связать корму покрепче,
Чтоб борты сплотить сильнее?»

615-620 Старый, верный Вяйнямёйнен
Так в ответ ему промолвил:
«Ста словам я научился,
Тысячу узнал заклятий,
Вынес скрытые заклятья
И слова из тайной глуби».

621-624 К челноку уходит старец,
К месту, где работал мудро;
Скоро лодочку окончил,
По краям связал каемки;

625-628 Он корму связал покрепче
И борты сплотил сильнее:
Был готов челнок без стройки,
Лодка выросла без щепок.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XVIII

✦

1-8 Старый, верный Вяйнямёйнен
Пораздумал и размыслил:
Привести пойти девицу,
Деву с славною косою,
Взять из Похъёлы суровой,
Из туманной Сариолы,
Дочку Похъёлы, красотку,
Там, на севере, невесту.

9-18 Красной краской красит лодку,
Синюю приделал крышку,
Нос он золотом украсил,
Серебром его отделал,
И потом, прекрасным утром,
Рано, только день начался,
Оттолкнул он лодку в воду,
На теченье челн дощатый,
От катков, коры лишенных,
От еловых бревен круглых.

19-22 Мачты крепкие поставил,
Паруса на мачту поднял,
Натянул он парус красный,
Прикрепил и парус синий;

23-26 Сам в ладью тогда он сходит,
В этот новенький кораблик,
Чтобы править им по морю,
Бороздить по голубому.

27-34 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты сойди, всевышний, в лодку,
На корабль ты, милосердный,
В помощь слабому герою,
Мужу малому в подмогу
На пространстве вод широких,
По открытому теченью!

35-38 Ты качай челнок мой, ветер,
Ты гони, волна, кораблик,
Чтоб не брать мне в руки весел
И не трогать ими воду.

39-48 На хребте широком моря,
По открытому теченью!»
Дева Анникки, красотка,
Дочка сумерек и ночи,
Прежде солнышка проснулась,
Рано утром пробудилась
И белье уже колотит,
Платья чисто полоскает
На конце моста, на красном,
На широком переходе,

49-56 На мысочке, скрытом мглою,
Там, на мглистом островочке.
Вот вокруг взглянула дева,
В даль, в простор она взглянула,
Посмотрела кверху в небо,
А потом взглянула в море:
В высоте блестело солнце,
А внизу сверкали волны.

57-62 Взоры бросила на море,
Повернулась прямо к солнцу:
В Суомеле, при устье речки,
При владенье речки Вяйнё,
Что-то на море чернеет,
Что-то синее на волнах.

63-66 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Что там черное на море,
Что там синее на волнах?

67-70 То, быть может, стадо уток
Иль гусей крикливых стадо?
Так лети себе скорее
Вверх, в небесные просторы!

71-74 Или ты — утес лососий,
Иль, быть может, рыбья стая?
Так спустись и плавай глубже,

Уходи ты в глубь потоков!

Или ты — подводный камень,
Или просто ветка в море?
Пусть тебя укроют волны,
Пусть вода тебя покроет!»

Но челнок плывет все дальше,
Едет парусный кораблик
Мимо мглистого мысочка,
Мимо острова в тумане.

Дева Анникки, красотка,
Уж кораблик увидала,
Видит близко челн дощатый,
Говорит слова такие:
«Ты не братнин ли кораблик,
Не челнок ли ты отцовский?

Поезжай в родную землю,
Поверни в страну родную,
К этой пристани стань носом,
А кормой к каткам чужбины.

Если ж ты челнок с чужбины,
То плыви отсюда дальше,
Носом стань к каткам чужбины,
К этой пристани кормою!»

97-100 То не с родины челнок был,
Но и не совсем с чужбины:
Подплывал то Вяйнямёйнен,
То челнок певца подъехал.

101-104 Очень близко подъезжает,
В разговор вступает старец,
Слово молвит, вслед — другое,
Чтоб сказать получше третье.

105-110 Дева Анникки, красотка,
Дочка сумерек и ночи,
Обратившись к лодке, молвит:
«Ты куда же, Вяйнямёйнен,
Ты куда, друг моря, едешь,
Красота страны, стремишься?»

111-116 Отвечает Вяйнямёйнен,
Молвит с лодки старец деве:
«Я ловить лососей еду,
Где икру лососи мечут,
В черных Туонелы потоках,
В глубине меж камышами».

117-119 Дева Анникки, красотка,
Говорит слова такие:
«Хоть не лгал бы ты так явно!

120-124 Разве рыба ныне мечет?
Выезжал отец мой прежде,
Часто ездил седовласый,
Чтоб ловить в потоках семгу,
Привозить домой пеструшек;

125-128 И лежали сети в лодке,
Невода в челне бывали,
У сетей веревок много,
По бокам шесты и сети;

129-132 На скамьях багры лежали,
У руля большие палки.
Ты куда же, Вяйнямёйнен,
Держишь путь, Сувантолайнен?»

133-138 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Я гусей ловить поехал
Там, где пестрые играют,
Птиц ловить хочу слюнявых
На Саксонском том проливе,
По открытому теченью».

139-146 Дева Анникки, красотка,
Говорит слова такие:
«Знаю тех, кто правду молвит,
И лгуна всегда открою:
Выезжал отец мой прежде,

Часто ездил седовласый,
Чтоб гусей ловить в проливе,
Убивать там красноклювых;

147-150 Лук его бывал прилажен,
Он натягивал тетивку;
На цепи собаки были
И привязаны у лука;

151-154 Псы по берегу бежали,
Брехуны по острым камням.
Молви правду, Вяйнямёйнен,
Ты куда свой путь направил?»

155-160 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ну а если я поехал
К шуму страшному сраженья,
Где мужи друг с другом бьются,
Где потоком кровь струится,
До колена достигает?»

161-163 Молвит Анникки девица
В оловянных украшеньях:
«Знаю, как идут на битву.

164-166 Уходил отец мой раньше
В тот великий шум сраженья,
Где мужи друг с другом бьются.

167-170 Сто мужей садились к веслам,
С ними тысячи стояли,
По краям висели луки,
По скамьям мечи висели.

171-174 Ты скажи-ка лучше правду,
Ты скажи, не прилыгая:
Ты куда, о Вяйнямёйнен,
Держишь путь, Сувантолайнен?»

175-180 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ты сойди на лодку, дева,
Ты войди в челнок, девица,
Вот тогда скажу я правду
И скажу, не прилыгая».

181-184 Отвечает тут девица
В оловянных украшеньях:
«Ветер пусть сойдет на лодку,
В твой челнок пусть сядет буря!

185-190 Поверну твою я лодку,
Твой челнок я опрокину,
Если правды не услышу,
Для чего ты в лодке едешь,
Не услышу правды ясно
И ты ложь свою не кончишь».

191-193 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ну, скажу я правду ясно.

194-200 Я солгал тебе немножко:
Я иду, чтоб взять девицу,
Получить младую деву
Взять из Похъёлы суровой,
Из туманной Сариолы,
Из жилища людоедов,
Где героев топят в море».

201-208 Дева Анникки, красотка,
Дочка сумерек и ночи,
Услыхавши эту правду,
Эту правду без обмана,
Уж платков не выбивала,
Платьев больше не стирала
На широком переходе,
На краю моста, на красном;

209-214 Подхватив рукою платья,
Подобрав подол рукою,
Припустилася в дорогу,
Побежала к дому быстро,
К кузнецу пришла в жилище,
Подошла сама к горнилу.

Там работал Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Делал лавку из железа,
Серебром ее украсил;

Копоть с локоть — на макушке,
На плечах углей на сажень.
Подошла к дверям девица,
Говорит слова такие:
«Брат-кузнец мой, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!

Челночок мне, братец, выкуй,
Выкуй мне получше кольца,
Выкуй две иль три сережки,
Пять иль шесть мне подпоясок,
Я за то скажу всю правду,
Безо лжи все расскажу я!»

Молвит мастер Ильмаринен:
«Принесешь вестей хороших
Челночок тебе скую я,
Накую колец хороших,
И на грудь скую я крестик,
Головной убор прекрасный.

Принесешь дурные вести
Поломаю украшенья
И сорву, в огонь их брошу,

Брошу их в мое горнило».

241-243 Дева Анникки, красотка,
Говорит слова такие:
«О кователь Ильмаринен!

244-246 Ты ведь хочешь взять девицу,
Ту, с которой обручился,
Хочешь взять ее в супруги!

247-254 Ты куешь без передышки,
И без отдыха стучишь ты:
Летом ты куешь подковы,
А зимой куешь железо,
По ночам ты строишь сани,
Днем ты также сани строишь,
Чтобы ехать за невестой,
Ехать в Похъёлу за нею.

255-259 Между тем туда уж едет,
Кто хитрей тебя и ловче,
И возьмет, что заслужил ты,
Увезет, что так любил ты
И на что смотрел два года.

260-266 Сватался три полных года.
Спешно едет Вяйнямёйнен
По волнам на синем море,
У руля из меди сидя,

На корме с златой резьбою,
В Похъёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу».

267-270 Ильмаринен огорчился,
Муж железа стал печален,
Молоток из рук валится,
И клещи из рук упали.

271-280 Молвит сильный Ильмаринен:
«Анникки, моя сестрица,
Челночок тебе скую я,
Накую колец хороших,
Две ли, три ль скую сережки,
Пять ли, шесть ли подпоясок,
Баню сладкую нагрей мне,
Надыми в медовой бане,
Положи потоньше плахи,
Нащепи помельче щепок

281-286 Да подсыпь золы немного,
Щелоку прибавь немножко,
Чтоб им голову мне вымыть,
Тело щелоком очистить
От углей еще осенних
И от старой зимней гари!»

287-290 Дева Анникки, красотка,
Хорошо нагрела баню.
Жжет упавшие деревья
И что молнией разбиты;

291-294 Набрала в реке каменьев,
Полила их — пар поднялся
От воды, в ключе добытой,
В роднике, покрытом пеной.

295-300 Нарвала в кусточках веток,
В роще веточек хороших,
Парит полный медом веник
На краю медовом камня,
Из мозгов и простокваши
Мыло мягкое готовит.

301-304 Мыло, чтоб оно смывало,
Чтобы пенилось, сверкало,
Чтоб жених все тело вымыл,
Чтобы голову очистил.

305-310 Сам кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Наковал, что ей хотелось,
Головной убор украсил,
Между тем как дева в бане
О мытье его старалась.

311-316 Положил ей в руки вещи,
А она ему сказала:
«Я уж баню истопила,
Сладкий пар уж приготовлен,
Уж попарила я веник,
Помахала там ветвями.

317-320 Мойся в бане этой вдосталь,
Лей воды там сколько хочешь,
Чтоб, как лен, глава белела,
Чтоб глаза, как снег, блестели!»

321-324 И кователь Ильмаринен
Тут пошел в той бане мыться.
Там он вдоволь накупался,
Добела все тело вытер.

325-328 И глаза его блестели,
И виски его горели,
Как яйцо, белела шея,
И все тело заблистало.

329-332 Вышел в горницу из бани
Там его едва узнали:
Так прекрасны были щеки,
Так они румяны были.

333-338 Говорит слова такие:
«Анникки, моя сестрица,
Дай ты мне получше платье,

Полотняную рубашку,
Чтоб украсить лучше тело,
К сватовству мне быть готовым!»

339-342 Дева Анникки, красотка,
Принесла ему рубашку,
Чтоб облечь сухие члены,
Чтоб покрыть нагое тело;

343-346 Принесла штаны сестрица,
Те, что мать родная сшила,
Натянуть ему на бедра,
Где костей совсем не видно.

347-350 Вносит мягкие чулочки,
Что когда-то мать связала,
Чтоб покрыть у брата голень,
Чтоб ему закутать икры;

351-354 Башмаки дает по мерке,
Сапоги, что сам купил он,
Чтоб покрыть концы чулочков,
Что когда-то мать связала;

355-362 Куртку сверху голубую,
Цвета печени с изнанки,
Чтоб надеть поверх рубашки
Из льняной прекрасной ткани,
И кафтан суконный плотный,

С четверной кафтан подкладкой
На ту куртку голубую,
На новейшую из новых;

Шубу с тысячею петель,
С целой сотней украшений,
На кафтан суконный плотный,
Но сукном обшитый тонким;

Надевает ему пояс,
Золотом обильно шитый,
Что родная вышивала,
Бывши в девушках, соткала;

Вносит пестрые перчатки
С оторочкой золоченой,
Что готовили лапландцы
Для руки прекрасной формы;

На его златые кудри
Принесла большую шапку,
Что отец купил когда-то,
К сватовству еще готовясь.

Вот кователь Ильмаринен
Уж готов, принарядился,
В ту одежду облачился
И рабу тогда промолвил:
«Запряги мне жеребенка

В разукрашенные сани,
Чтоб я мог на них поехать
В Похъёлу, помчаться быстро!»

387-389 Раб ему и отвечает:
«Шесть коней у нас в конюшне,
Лошадей, овес жующих.

390-394 Так какую ж запрягу я?»
Отвечает Ильмаринен:
«Жеребца возьми получше,
Запряги-ка жеребенка
Мне буланого в оглобли;

395-400 Посади-ка шесть кукушек,
Семь из птиц голубоватых,
На дуге чтоб поместились
И в ремнях ярма звучали:
Пусть любуются девицы,
Пусть нарядной будет радость.

401-404 Принеси мне мех медвежий,
Чтоб на нем я мог усесться;
Принеси тюленью шкуру,
Чтоб покрыть мне ею сани!»

405-408 И запряг тут раб усердный,
Что работает поденно,
Жеребенка быстро в сани,
Там буланого в оглобли.

409-412 Шесть кукушек размещает,
Птичек семь голубоватых,
Чтоб звучать им под дугою,
Чтоб в ремнях ярма чирикать.

413-416 Он приносит мех медвежий,
Чтобы сел на нем хозяин.
И принес тюленью шкуру
Вместо полости на сани.

417-424 Сам кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Укко вышнему взмолился,
Так гремящего он просит:
«С неба снег пошли мне, Укко,
Хлопья мягкие на землю,
Чтоб по ним скользили сани,
Чтоб по снегу зашуршали!»

425-428 С неба снег бросает Укко,
Хлопья мягкие на землю,
Стебли трав покрыл он снегом
И покрыл верхушки ягод.

429-436 Сам кователь Ильмаринен
Сел потом в стальные сани,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты садись за вожжи, счастье,

Правь санями, бог, в дороге
Не порвет мне счастье вожжи,
Бог саней не поломает!»

437-442 Захватив рукою вожжи,
А другою кнутовище,
Он коня кнутом ударил,
Говорит слова такие:
«Ну, беги ты, белолобый,
Ты скачи, с льняною гривой».

443-450 Скачет, мчится конь дорогой,
По песчаному прибрежью,
Перед рощею медовой,
Меж холмов, ольхой поросших,
Едет берегом он шумно,
По песку прибрежья мчится,
И песок в глаза несется,
Плещет в грудь вода морская.

451-460 Гонит день, другой день гонит,
Третий день он гонит также,
Наконец, уже на третий,
Вяйнямёйнена догнал он,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«О ты, старый Вяйнямёйнен,

Сговоримся-ка с тобою,
Чтоб когда мы будем сватать
Эту спорную девицу,

461-468 То не брать ее насильно,
Против доброй воли в жены».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Соглашаюсь я охотно:
Силой взять нельзя девицу,
Против воли выдать замуж,
Пусть того женою будет,
За кого пойти согласна;

469-474 И другой пусть не гневится,
Зла другой иметь не должен».
Едут дальше по дороге,
По своей дороге каждый,
И шумит вдоль брега лодка,
Скачет конь, земля трясется.

475-480 Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье
Вот залаяла собака,
Пес дворовый громко лает
В Похъёле, в стране суровой,
В той туманной Сариоле.

481-484 Вот ворчит собака тише
И рычит гораздо реже,
На краю усевшись пашни,
По земле хвостом махая.

485-488 Мрачной Похъёлы хозяин
Молвит: «Дочка, посмотри-ка:
Серый пес там что-то лает,
Воет битый, вислоухий».

489-494 Отвечает дочь разумно:
«У меня и так есть дело:
Хлев убрать, смотреть за стадом
Да вертеть тяжелый жернов,
Чтоб муку смолоть помягче,
Пропустить муку чрез сито.

495-502 Трудно жерновом работать
И на это сил-то мало!»
Тихо лает пес лохматый,
Все ворчит он на кого-то,
Снова Похъёлы хозяин
Говорит: «Пойди, старуха,
Серый пес все что-то лает,
Воет битый, под воротный!»

503-508 Но ему старуха молвит:
«Никакой мне нет охоты.
Впору мне с хозяйством сладить:

Хлопочу я об обеде,
Хлеб большой сготовить нужно,
Замесить покруче тесто.

509-515 Крупен хлеб — мелка мучица:
И на это сил-то мало».
Молвит Похъёлы хозяин:
«Вечно бабы суетливы,
Вечно девушки с работой:
То погреются у печки,
То растянутся в постели.

516-522 Ты, сынок, пойди взгляни-ка!»
Но молодчик отвечает:
«Нет мне времени смотреть там:
Наточить топор мне нужно,
Расколоть им пень огромный,
Дров для топки наготовить,
Наколоть поленьев тонких.

523-530 Толсты бревна, тонки плахи:
И на это сил-то мало».
А дворовый пес все лает,
Все ворчит собака злая,
Страшный пес рычит со злобой,
Сторож все не утихает,
На краю поляны сидя
И хвостом своим махая.

531-534 Молвит Похъёлы хозяин:
«Не напрасно лает серый,
Не рычит он без причины,
Не ворчал бы он на сосны».

535-538 Сам пошел он поразведать,
За черту двора выходит,
На последний край поляны
Позади своих посевов.

539-542 Посмотрел собаке в морду,
Видит: морда повернулась
На хребет холмов бурливых,
На вершины гор ольховых;

543-550 Тут всю правду он увидел,
Отчего так серый лаял,
Самый лучший пес на свете,
И вертел хвостом мохнатым:
Паруса у лодки красной
На заливе Лемпи веют,
Едут убранные сани
Перед рощею медовой.

551-560 Тут сам Похъёлы хозяин
Входит в горницу поспешно,
Быстро в доме появился,
Говорит слова такие:
«К нам уж прибыли чужие

По хребту морей шумящих,
И подъехали к нам сани
Подле той медовой рощи,
С парусами едет лодка
По волнам залива Лемпи».

561-563 Но хозяйка Сариолы
Молвит: «Как же мы узнаем,
С чем к нам прибыли чужие?

564-566 Дочка, милая малютка,
Положи в огонь рябину,
Подожги красу деревьев;

567-570 Если кровь польет струею
То идут на нас войною;
Если ж потечет водица
То останемся мы с миром».

571-574 Дева, Похъёлы красотка,
Эта скромная девица,
На огонь кладет рябину,
Подожгла красу деревьев.

575-578 Не течет ни кровь оттуда,
Ни водица чистой струйкой;
Видит — мед течет оттуда,
Сладкий сот там показался.

579-584 Молвит Суоваккo тихонько,
Молвит старая с постели:
«Если мед течет из древа,
Коль из сота сладкий каплет,
Это значит — будут гости,
Женихи толпой большою».

585-594 Вышла Похъёлы хозяйка
Вместе с матерью и дочка
По двору шагают быстро,
Со двора — да за калитку
Посмотрели вдаль оттуда,
Повернули взоры к солнцу
Увидали, что подходит
Близко парусный корабли
Из досок, из целой сотни,
По заливу Лемпи едет:

595-602 Серовата лодка снизу,
Красновата в верхней части
У руля сидит там сильный
Муж сидит у медных весе
Видят — скачет жеребенок
Сани красные скользят там
Пестро убранные едут
Перед рощею медовой;

603-612 На дуге там шесть кукушек
И поют златые птицы,
Птичек семь голубоватых
Там в ремнях ярма распели
Гордый муж сидит на санках
И в руках он держит вожжи>
Тут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Замуж хочешь ли ты выйти
Если сватать эти едут,

613-615 Чтоб подругой стать для мужа
Мужу курочкой любимой
Тот, который едет в лодке.

616-618 В челноке стремится красном,
Мчится по заливу Лемпи,
Это — старый Вяйнямёйнен;

619-626 Он на дне везет запасы,
Он везет богатства в лодке.
Тот, который едет сушей,
Там скользит на санках пестрых
Подле той медовой рощи,
То — кователь Ильмаринен,
И с пустыми он руками,
В санках — только обещанья.

627-631 Как войдут они в покои,
Принеси ты в кружке меду,
В кружечке с двумя ушками,
И тому подай ты кружку,
За кого идти согласна.

632-634 Вяйнямёйнену подай ты,
Что везет именье в лодке,
В челноке везет богатства!»

635-638 Дочка Похъёлы, красотка,
Говорит в ответ ей слово:
«Мать, ведь ты меня носила,
Ты меня ведь возрастила!

639-642 Я не выберу богатства,
Ни с сокровищами мужа.
Муж мой должен быть красивым:
И лицом красив, и телом.

643-648 Никогда то не бывало,
Чтоб девицу продавали.
Без сокровища пойду я
К Ильмаринену младому,
Что нам выковал здесь Сампо,
Крышку пеструю украсил».

649-654 Молвит Похъёлы хозяйка:
«Явно глупый ты ягненок!
Ильмаринена берешь ты,

Чтоб стирать ему рубашки,
Очищать чело от пота,
Голову от черной сажи!»

655-660 Так ответила ей дочка,
Говорит слова такие:
«Вяйнямёйнену не буду,
Старцу слабому, охраной:
Очень трудно с ним мне будет,
Скучно будет с этим старым».

661-666 Скоро прибыл Вяйнямёйнен
Он достиг до цели раньше;
Лодку красную он ставит,
Темный челн свой помещает
На катки, что из железа,
На катки, где много меди;

667-676 Сам отправился в покои,
Быстро входит в дом старухи
И, на пол дощатый ставит,
Перед дверью, у порога,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Хочешь, дева, быть моею,
На всю жизнь моей супругой,
Дни мои делить со мною,
Быть мне курочкой любимой?»

677-682 Тотчас Похъёлы девица
Быстро старцу отвечает;
«А ты выстроил мне лодку,
Челн большой ты мне построил
Из обломков веретенца,
Из кусков моей катушки?»

683-692 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Лодку славную я сделал,
Сколотил я челн мой крепко
Чтоб выдерживал он ветер
Чтоб держался в непогоду
Если он пойдет на волны
Заскользит по глади моря
Чтоб поднялся, как пузырь,
Чтоб качался, как цветочек,

693-700 В шири северных потоков,
На волнах, покрытых пеной».
Дочка Похъёлы, красотка,
Так ответила на это:
«Не хочу я мужа с моря,
Что всегда живет на волнах:
Ум его уносят бури,
По мозгам его бьют ветры.

701-706 Не могу с тобой идти я
И себя связать с тобою,
Чтобы спутницей быть в жизни
Старцу курочкой любимой,
Для спанья готовить место,
Класть под голову подушку».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XIX

✦

1-4 Тут приходит Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Быстро в горницу вступает,
Направляется в жилище.

5-7 Мед был тотчас же предложен,
Сладкий сок был в кружке подан
Ильмаринену в покоях.

8-14 И кузнец промолвил слово:
«Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц,
До питья здесь не дотронусь,
Если деву не увижу,
Если замуж не готова
Та, которой ожидал я».

15-18 Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ведь труда большого стоит
Та, которой ожидают.

19-26 В башмачок обует ножку
И другую точно так же
И готова будет замуж
За тебя девица выйти,

Если поле змей ты вспашешь,
Если так взрыхлить сумеешь,
Чтоб сошник не подвигался,
Плуг нисколько не качался.

27-32 Пропахал то поле Лемпо,
Взбороздил то поле Хийси
Сошником, богатым медью,
Плугом с огненным железом,
Половину мой сыночек
Недопаханной оставил».

33-36 Тут кователь Ильмаринен
К деве в горницу приходит,
Говорит слова такие:
«Дочка сумерек и ночи!

37-39 Помнишь ли былое время,
Как сковал для вас я Сампо,
Крышку пеструю украсил?

40-49 Ты клялась мне страшной клятвой
Пред всезнающим владыкой,
Пред лицом его великим
Мне дала обет священный,
Что пойдешь за добрым мужем
Будешь спутницею в жизни,
Будешь курочкой любимой:

Мать тебя отдать не хочет,
Дочку мне не доверяет,
Если поле со змеями
50-54 Мною вспахано не будет».
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
«О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!
55-58 Выкуй ты сошник из злата.
Серебром укрась прекрасным
Им ты быстро поле вспашешь
Взрежешь поле со змеями»
59-66 Тут кователь Ильмаринен
Положил в горнило злата,
Серебра туда прибавил
И сошник из них сработал
Из железа обувь сделал,
Сделал поножи из меди,
Их надел себе на ноги
И покрыл он ими икры;
67-71 Взял железную рубашку
Опоясался он сталью,
Взял железные перчатки
Взял он варежки из камня,
Сделал огненную лошадь;

72-74 Запрягает лошадь в упряжь
И пошел пахать то поле,
Бороздить пошел он пашню.

75-78 Видит: головы вертятся,
Черепа шипят ужасно.
Говорит слова такие:
«Змеи, созданные богом!

79-82 Кто здесь поднял ваши пасти,
Кто вас выслал, кто устроил
Ваши головы так прямо,
Ваши шеи так высоко?

83-86 Уходите вы с дороги,
На жнивье идите, злые,
Ускользайте в чащу леса,
Уползайте, змеи, в травы.

87-90 Если ж вновь вы приползете,
Укко головы снесет вам,
Разобьет стальной стрелою,
Размозжит дождем железным».

91-98 Он прошел змеиной пашней,
Взбороздил поля ехидны,
Поднял змей своей сохою,
И гадюк он поднял плугом,
И сказал, придя обратно:

«Я прошел змеиной пашней,
Взбороздил поля гадючьи,
Поднял землю со змеями.

99-108 Ты отдашь ли дочь, старуха,
Мне доверишь ли родную?»
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Лишь тогда отдам родную,
Лишь тогда тебе доверю,
Коли Туонелы медведя,
Волка Маналы седого
Ты поймаешь в царстве мертвых,
В мрачных Туонелы пределах.

109-118 Сотни взять его хотели,
И никто не возвратился».
Тут кователь Ильмаринен
Входит в горницу девицы,
Говорит слова такие:
«Мне еще есть порученье:
В Туонеле добыть медведя,
Волка Маналы седого,
Опуститься в царство мертвых,
В дебри Маналы лесные».

119-122 Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
«О кузнец ты, Ильмаринен,

Вековечный ты кователь!

123-126 Выкуй ты узду из стали,
Выкуй ты ремень железный
Посреди воды на камне,
В бурной пене трех потоков!

127-134 Ими Туонелы медведя,
Волка Маналы захватишь».
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Выковал узду из стали,
Выковал ремень железный
Посреди воды на камне,
В бурной пене трех потоков.

135-137 Укрощать пошел животных;
Сам сказал слова такие:
«Терхенетар, дочь туманов!

138-142 Ты просей туманы ситом,
Ты рассыпь туманом тени
Там, где ходят в роще звери,
Чтоб мой шаг им не был слышен,
Чтоб они не убежали!»

143-148 Обвязал он пасть у волка,
Он связал медведя цепью
В темных Туонелы полянах,

В глубине лесов дремучих
И сказал, придя обратно:
«Ты отдай мне дочь, старуха!

Взял я Туонелы медведя,
Волка Маналы связал я».
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Эту уточку отдам я,
Эту птичку голубую,
Если щуку ты поймаешь,
Рыбу жирную захватишь
В Туонелы потоках темных
И в глубоких водах Маны,

Не поставивши тенета,
Не закинув в воду невод.
Сотни там ловить ходили,
Ни один не возвратился».

Стал угрюмым Ильмаринен,
Погрузился он в унынье.
Входит в горницу девицы,
Говорит слова такие:
«Мне еще есть порученье,
И оно труднее прежних:
Нужно выловить мне щуку,

Рыбу жирную поймать мне
В темных Туонелы потоках
И в глубоких водах Маны,

173-178 Но без невода, без сети
И без всякого подспорья».
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
«О кователь Ильмаринен,
Никогда не падай духом!

179-184 Из огня ты птицу выкуй,
Гордого орла ты сделай!
Он тебе поймает щуку,
Рыбу жирную изловит
В черных Туонелы потоках,
В Маналы глубоких водах».

185-191 И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Птицу огненную сделал,
Из огня орла сковал он,
Сделал пальцы из железа,
Из каленой стали когти,
Крылья из огромной лодки.

192-194 Сам взошел на эти крылья,
Сел он на спину у птицы,
На костях спины орлиной.

195-197 Так орла предупреждает,
Так советует он птице:
«О орел ты мой любезный!

198-200 Ты лети, куда велю я:
К черным Туонелы потокам,
К водам Маналы глубоким!

201-208 Ты поймай большую щуку,
Рыбу жирную достань мне!»
Полетел орел прекрасный,
Устремился что есть силы,
Чтобы вытащить ту щуку,
Рыбу с страшными зубами,
В Туонелы потоках черных,
В Маналы глубоких водах.

209-212 Волн одним крылом коснулся,
А другим достал до неба;
Загребает дно когтями,
Клювом скалы задевает.

213-216 Вот подходит Ильмаринен,
Поискать спешит кователь
В Туонелы потоках черных,
А орел охраной служит.

217-222 Тут чудовище явилось,
Ильмаринена схватило;
Но орел хватает зверя,

Повернул его за шею,
Погрузил его глубоко
И забил в густую тину.

223-230 Щука Туонелы всплывает,
Из воды ползет собака
Щука та не из огромных,
Но не очень чтоб из малых:
С топорище язычище,
С рукоятку грабель — челюсть,
Пасть в широких три потока,
Шириной спина в семь лодок;

231-234 Проглотить героя хочет,
С Ильмариненом покончить.
Но орел спустился быстро
Птица воздуха слетает;

235-239 Не из очень он великих
И не очень чтоб из малых:
Во сто сажен клюв длиною,
Зев отверстьем в шесть потоков,
А язык длиной в шесть копий.

240-244 И в пять кос длиною когти.
Устремился к страшной щуке
К той проворной жирной рыбе
И бросается на рыбу,
Чтоб схватить ее когтями.

245-248 Но огромнейшая щука,
Тот пловец проворный, жирны
У орла зажала когти
В глубине воды прозрачной.

249-258 Поднялся орел высоко,
Поднялся в свободный воздух
Тащит когти он из тины
По спине воды блестяще
Полетел, остановился,
Попытаться снова хочет:
И одним ударил когтем
По плечу ужасной щуки,
Водяному псу по боку,
А другим ударил когтем

259-266 По утесу из железа,
По скале из твердой стали.
Отскочил от стали коготь,
От железного утеса:
Уж уходит в глуби щука,
Уж на дно воды стремится
Из когтей орла большого,
Из когтей огромной птицы;

267-275 На боках у ней отверстья,
На плечах большие щели.
Тут железными когтями
Снова бьет орел огромный,

Крылья пламенем блистают,
А из глаз он мечет искры:
Захватил когтями щуку,
Водяного пса сжимает,
Ту чешуйчатую рыбу;

276-278 Тащит чудище потоков
Из ужасной водной глуби
Но спине блестящей моря.

279-284 Так сумел Орел могучий
Наконец, при третьей схватке,
Щуку страшную осилить
Жирного пловца доставить
Из потоков черных Туони,
Речек Маналы глубоких.

285-288 Стал поток неузнаваем
Столько в нем чешуек щучьих,
Нелегко узнать и воздух
Столько в нем орлиных перьев.

289-292 Потащил орел когтями
Рыбу с твердой чешуек"
На большие ветви дуба,
На сосну с густой верхушкой.

293-296 Начал пробовать он щуку:
Клювом ей разрезал брюхо,
Разорвал ей грудь когтями,

Отделил главу от тела.

297-304 И промолвил Ильмаринен:
«Ох, орел, плохой помощник!
Что же это за пернатый
И какая ж это птица,
Если щуки сам отведал,
Клювом брюхо ей разрезал,
Разорвал всю грудь у рыбы,
Отделил главу от тела!»

305-308 Но орел с железным когтем
Улетает в гневе дальше,
Поднялся повыше в воздух
На края широкой тучи;

309-312 Стонет небо, гнутся тучи,
Крыша воздуха погнулась,
Сломан лук у бога неба,
На луне рога сломались.

313-318 Вот приносит Ильмаринен
Голову той страшной щуки
Теще будущей в подарок,
Говорит слова такие:
«Голова пусть служит эта
Стулом в Похъёлы жилище».

319-324 А потом опять промолвил,
Говорит слова такие:
«Я вспахал с змеями поле,
Взбороздил страну гадючью,
В Манале связал я волка,
В Туонеле я взял медведя.

325-328 Вот теперь пришел со щукой,
С тем пловцом проворным, жирным,
Из потоков черных Туони,
Речек Маналы глубоких.

329-331 Что ж, отдашь ли дочку в жены,
Мне доверишь ли девицу?»
Молвит Похъёлы хозяйка;

332-336 «Все ж ты очень плохо сделал,
Что ей голову отрезал,
Распорол у щуки брюхо,
Разорвал всю грудь у рыбы,
Мяса щучьего отведал».

337-342 Тут кователь Ильмаринен
Говорит в ответ старухе:
«Не бывает без ущерба
И из лучших мест добыча,
Я ж из Туонелы доставил,
В Манале ее добыл я!

343-352 Ну, теперь готова ль дева,
Долгожданная невеста?»
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Да, теперь готова дева,
Долгожданная невеста1
Эту уточку родную,
Птичку нежную, вручаю
Ильмаринену: пусть будет
Милой спутницею в жизни,

353-360 Будет дней его подругой,
Будет курочкой любимой».
На полу сидел ребенок,
И запел с земли мальчишка:
«Показалась у жилища,
Подлетела к дому птица,
То летит орел с востока,
Прилетает с неба ястреб;

361-364 Он крылом коснулся тучи,
А другим — волны коснулся,
Он хвостом потоки режет,
Головой достал до неба.

365-370 Он кругом прилежно смотрит,
Полетит — недвижно станет,
И летит к мужам в палаты,

И стучит огромным клювом:
Но железом крыта кровля,
Он попасть в жилье не может.

371-374 Он кругом прилежно смотрит,
Полетит — недвижно станет,
И летит в палаты женщин,
И стучит огромным клювом;

375-382 Но из меди кровля женщин:
Он попасть в жилье не может.
Он кругом прилежно смотрит,
Полетит — недвижно станет,
И летит в палаты к девам,
И стучит огромным клювом:
Полотняная там кровля,
К ним попасть в жилье он может.

383-387 К дымовой трубе летит он,
Опускается на крышу;
У окошка рвет он доску,
На окне палат садится,
На стене, зеленоперый;

388-394 Сел, стоперый, на стропилах.
Он кудрявую увидел
Деву с длинною косою,
Что подруг своих прекрасней,

Краше всех девиц кудрявых,
Что милее всех нарядных,
Всех украшенных цветами.

395-400 Уж берет орел когтями,
Уж хватает ястреб быстро
Деву ту, что всех милее,
Уточку, что всех прекрасней,
Что всех легче и нежнее,
Всех быстрее и белее.

401-404 Деву взял орел воздушный,
И уже царапнул коготь
Ту, что держится так прямо,
Ту, чье тело всех прекрасней;

405-412 Взял ее на хвост пернатый,
Хвост, покрытый нежным пухом».
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ты узнал откуда, милый,
Где ты, яблочко, услышал,
Что здесь выросла девица,
Чьи, как лен, прекрасны кудри?

413-416 Серебро ль сверкнуло девы,
Или золото блеснуло,
Иль от нас сияло солнце,
Иль светил отсюда месяц?»

417-422 С пола речь повел малютка,
Отвечал отросток юный:
«Вот счастливец, как проведал,
Как нашел себе дорогу
К дому славной той девицы,
Ко двору прекрасной девы;

423-428 Об отце ее узнал он,
Что корабль большой он выслал;
А об матери узнал он,
Что печет крутые хлебы,
Хлеб пшеничный славно месит
И гостей им угощает.

429-436 Вот как выведал счастливец,
Как он издали прослышал,
Что уж выросла девица,
Что девица стала выше:
Он на двор однажды вышел,
Подошел к овину близко,
Это было рано утром,
Только зорька занималась.

437-440 Вся в клоках крутилась сажа,
Дым густой бежал клубами
От жилища той девицы,
Со двора той девы стройной;

441-446 Там сама младая дева
Терла брусьями о жернов:
Пели брусья, как кукушки,
Дырья сбоку, словно утки,
Как сверчок, звучало сито,
Камни жемчугом звенели.

447-452 Он отправился в другой раз
И пошел по краю поля;
На лугу была девица,
На цветочной той поляне,
Красным красила котельчик,
Краску желтую варила.

453-458 В третий раз опять пошел он
Под окно прекрасной девы,
Слышит, дева ткет прилежно,
Ровно двигается бердо:
Челночок скользит веселый,
Словно горностай по камню;

459-462 Слышит стук зубцов у берда,
Словно дятлы на деревьях;
Взад-вперед навой там ходит,
Словно белочка на ветках».

463-465 Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Видишь, милая девица!

466-472 Я ль тебе не говорила:
Не ходи ты петь у елей,
Ты не пой на дне долины,
Не сгибай так гордо шеи,
Белых рук не открывай ты,
Белой груди не кажи ты,
Стройным станом не хвалися!

473-482 Всю-то осень говорила,
Лето целое твердила,
Говорила и весною,
При втором посеве хлеба:
Мы такой построим домик,
Чтоб не видно было в окна,
Как работает девица,
У станка сидит прилежно,
Чтоб о том не знали финны,
Сваты с Суоми не узнали».

483-488 На полу сидел ребенок,
Так промолвил двухнедельный:
«В доме можно спрятать лошадь,
Жеребца с хвостом хорошим,
Но кудрявую девицу
Ни в каком не спрячешь доме.

489-495 Хоть построй из камня замок
В середине самой моря
И держи ты там девицу,

Эту курочку младую,
Не укроется девица
И не вырастет большая,
Чтоб жених не появился;

496-498 Сват придет, жених примчится
На конях, в высоких шлемах,
Сталью кованы копыта».

499-506 Тут-то старый Вяйнямёйнен
Головой поник, угрюмый,
Собрался домой в дорогу,
Говорит слова такие:
«Горе дряхлому мне мужу:
Я того и не заметил,
Что ведь сватать надо раньше,
В молодых летах жениться.

507-510 Только мрачный по природе
Ропщет, в юности женившись,
Что он рано обзавелся
И детьми и всем хозяйством».

511-518 Не позволил Вяйнямёйнен,
Запретил Сувантолайнен
Старцу свататься седому
Женихом к девице юной,
К ней водою плыть упрямо,

За желанной — сушей ехать,
Чтобы свататься к девице,
Если есть соперник юный.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XX

✦

1-6 Что б теперь начать такое
И о чем бы спеть нам песни?
Пропоем теперь мы вот что,
Вот начнем какие песни:
О пирушке в Сариоле,
О попойке чародеев.

7-10 Долго свадьбу обряжают,
Долго все заготовляют
В Похъёле, в ее жилищах,
В горницах той Сариолы.

11-16 Что же там соорудили
И чего там натащили
К долгой северной пирушке,
Для питья толпе огромной,
Для еды прибывшим людям,
Для большого угощенья?

17-22 Бык кормился у карелов,
В Суоми жирного взрастили.
Не был малым иль великим,
Был теленок как теленок:
Был у тавастов хвостом он,
Головой — у речки Коми.

23-26 Вышиной рога в сто сажен,
В полтораста сажен морда.
Ласка только лишь в неделю
Обежать могла вкруг шеи;

27-30 Только в целый день касатка
С рога к рогу пролетает
И при этом мчится быстро,
На пути не отдыхая;

31-34 Целый месяц нужно белке,
Чтоб с плеча к хвосту добраться
До конца не достигает,
Прежде чем пройдет весь месяц.

35-38 И теленок этот резвый,
Этот бык из Суоми сильный,
Шел из Карьялы с охраной,
Шел он к Похъёлы полянам.

39-42 Сто мужей рога держали,
Морду тысяча тянули,
Как вели быка дорогой,
В Похъёлу его тащили.

43-46 Бык идет своей дорогой,
У пролива Сариолы,
Ест траву у вод болотных,
Туч касается спиною.

47-52 Но мясник не находился,
Чтоб быка того зарезать,
Из сынов той Сариолы,
Из большой толпы народа,
Ни в растущем поколенье,
Ни среди уже старевших.

53-62 Прибыл старец из чужбины
Вироканнас от карелов,
Говорит слова такие:
«Подожди-ка, бык несчастный,
Как приду сюда с дубиной,
Как колом тебя ударю
В самый череп твой, несчастный,
Так ты следующим летом
Головы не поворотишь,
Напирать не будешь мордой

63-67 На края поляны этой
При заливе Сариолы!»
Вот уходит Вироканнас,
Отправляется Палвойнен,
Чтоб того быка зарезать.

68-72 Повернул бык головою,
Глянул черными глазами
Старый прыгает на сосны,
Скоро в кустики Палвойнен,
Быстро в ивы Вироканнас.

73-82 Мясника прилежно ищут,
Чтобы мог быка зарезать.
И в Карелии прекрасной,
В Суоми — на полях широких,
В ласковой земле у русских,
И в земле отважных шведов,
И в Лапландии обширной,
И в земле могучей Турья,
Ищут в Туонеле туманной,
В низких местностях у Маны,

83-88 Ищут долго — не находят,
Спрашивают всех — напрасно.
Мясника прилежно ищут,
Резника все не находят
На хребте прозрачном моря,
По волненью вод открытых.

89-92 Черный муж поднялся в море,
Богатырь в морских потоках.
На хребте прозрачном моря,
На пространстве вод открытых.

93-96 Не из очень он великих,
И не очень чтоб из малых,
Смог бы спать под малой чашей,
Поместиться б смог под ситом.

97-102 Был он стар, на вид железный,
У него кулак тяжелый,
И скала служила шлемом,
А утесы сапогами,
Золотой в руке был ножик,
Нож был с медной рукояткой.

103-106 Так мясник быку был найден,
Так нашелся умертвитель
Зверю финскому убийца,
Чудище земли сразивший.

107-110 Увидал мясник добычу,
Он быка ударил в шею
И поставил на колени,
Бросил он быка на землю.

111-118 Что ж, и много получили?
Получили там немного:
Только сто ушатов мяса,
Колбасы сто сажен вышло,
Крови вышло на семь лодок,
Жиру вышло на шесть бочек
Все для свадьбы в Сариоле,
Все на пир в стране тумана.

119-126 Средь покоев Сариолы
Был один большой, широкий,
В девять сажен он длиною,

В семь он сажен шириною:
Закричит петух на крыше,
А внизу его не слышно,
В глубине щенок залает
Не слыхать его у двери.

127-134 И хозяйка Сариолы
Все там по полу ходила.
Средь покоев хлопотала,
Поразмыслила, подумав:
«Где же я достану пива,
Как питье я приготовлю
При устройстве этой свадьбы,
При заботах о пирушке?

135-142 Варки пива я не знаю,
Ни его возникновенья».
На печи сидел там старый,
И промолвил старый с печи:
"Ведь ячмень для пива служит,
Также хмель идет в напиток,
И вода нужна для пива,
И огонь с ужасной силой.

143-148 Хмель от Ремунен родился,
Малым он был брошен в землю
Как змея, туда прополз он,

Муравьем пролез он малым
Близ ручья той Калевалы,
Около поляны Осмо.

149-152 Так подрос младой отросток,
Поднялся зеленый прутик,
Потянулся по деревьям,
Поспешил к вершине прямо.

153-158 А ячмень посеял старец,
Старец счастья в поле Осмо;
Хорошо ячмень родился,
В вышину прекрасно вырос
На конце поляны Осмо,
На полянах Калевалы.

159-164 Мало времени проходит,
Хмель воскликнул на деревьях,
Говорит ячмень на поле,
Калевы ручья водица::
«Так когда же мы сойдемся
И пойдем один к другому?

165-174 В одиночестве жить скучно,
Двум, троим жить вместе лучше»
Осмотар, что пиво варит,
Капо, что готовит брагу,
С ячменя срывает зерна,
С ячменя берет шесть зерен,

Семь концов берет у хмеля,
У водицы восемь кружек,
На огонь котел там ставит,
Чтоб сильнее смесь кипела.

175-180 Поместила это пиво
В жаркий день однажды летом
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке,
Там, на дне сосудов новых,
Там, в березовых ушатах.

181-188 Вот она сварила пиво.
Все же в пиве нет броженья.
Поразмыслила и молвит,
Говорит слова такие:
«Что сюда еще подбавить,
Что прибавить к этой смеси,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?»

189-198 Вот дочь Калевы, девица,
Дева с ручкою прекрасной,
Та, что всюду быстро ходит,
Что всегда легко обута,
То идет по краю пола,
То пойдет по середине,
То одно в котел положит,

То кладет в котел другое,
Вдруг увидела там щепку,
Поднимает щепку с пола.

199-204 Повернула эту щепку:
«Что из щепки может выйти
На руках прекрасных девы,
Между пальцами девицы,
Если щепку в руки Капо
Положу меж пальцев девы?»

205-210 Отдает ту щепку Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла Капо руки,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
Белка белая явилась.

211-214 Так она сказала белке,
Так советовала дочке:
«Белка, золото в высотах,
Цвет холмов, земли веселье!

215-218 Побеги, куда пошлю я.
А пошлю тебя, отправлю
В Метсолу твою родную,
В дорогую Тапиолу.

219-222 Полезай там на деревья,
Влезь умно на ель густую,
Чтоб орел тебя не тронул,
Не схватила б птица неба;

223-226 Принеси еловых шишек,
Нежных почечек сосновых,
И отдай их в руки Капо,
Дай на пиво дочке Осмо!»

227-230 Белка быстро побежала,
Машет хвостиком пушистым,
Пробегает по дороге
Чрез широкое пространство.

231-234 Вдоль и вширь бежит лесами:
Поперек их пробегает
В Метсолу свою родную,
В дорогую Тапиолу.

235-238 Видит, там стоят три ели,
Там сосны четыре славных;
И на ель в низине влезла,
На ту сосну на равнине;

239-246 И орел ее не тронул,
Не схватила птица неба.
Набрала сосновых игол,
Набрала еловых шишек,
Прячет иглы меж когтями,

Их зяпрятывает в лапки,
Принесла их в руки Капо
И кладет у ней меж пальцев.

247-250 Капо их бросает в пиво,
Осмотар кладет их в брагу;
Все же пиво не бродило,
Не хотело подниматься.

251-256 Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Пообдумала и мыслит:
«Что сюда еще добавить,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?»

257-266 Калеватар, та девица,
Дева с нежными руками,
Что повсюду быстро ходит,
Что всегда легко обута,
То пойдет по краю пола,
То пойдет по середине,
То одно в котел положит,
То кладет в котел другое,
Вдруг увидела лучинку,
Подняла лучинку с пола.

267-272 Повернула ту лучинку:
«Что-то выйдет из лучинки
На руках прекрасных Капо,
Между пальцами девицы,
Коль лучинку в руки Капо
Положу меж пальцев девы?»

273-278 Отдает лучинку Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла Капо руки,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
Вышла желтая куница.

279-282 Так она кунице молвит,
Так советовала дочке:
«Птичка ты, моя куница,
Ты, красотка с ценным мехом!

283-288 Побеги, куда пошлю я;
Я пошлю тебя, отправлю
На скалу, в медвежьи норы,
К ворчунам, в берлоги леса,
Где спасаются медведи,
Где их жизнь идет сурово.

289-292 Собери дрожжей там лапкой,
Почерпни ты ножкой пену,
Положи на руки Капо,

На ладони дочке Осмо!»

293-302 Побежала тут куница,
Златогрудая помчалась.
Пробегает по дороге,
Чрез широкое пространство,
Через реки мчится быстро,
Через них нашла дорогу
На утес, в медвежьи норы,
К ворчунам, в берлоги леса,
Где медведи лишь дерутся,
Где их жизнь идет сурово,

303-306 На скалах, железом полных,
На горах, обильных сталью.
Каплет пена с губ медведя,
Дрожжи — из свирепой пасти.

307-310 Пену лапками схватила,
Собрала когтями дрожжи,
Принесла их в руки Капо
И кладет на пальцы девы.

311-314 Капо их бросает в брагу,
Осмотар кладет их в пиво.
Все же пиво не бродило,
Не шипит мужей напиток.

315-320 Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Пообдумала и мыслит:
«Что ж сюда еще подбавить,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?»

321-330 Вот дочь Калевы, девица,
Дева с нежными руками,
Что повсюду быстро ходит,
Что всегда легко обута,
То идет по краю пола,
То пойдет по середине,
То одно в котел положит,
То кладет в котел другое,
На полу стручочек видит,
Подняла стручочек с полу.

331-336 Повернула тот стручочек:
«Что отсюда может выйти
На руках прекрасных Капо,
Между пальцами девицы,
Коль стручок я в руки Капо
Положу меж пальцев девы?»

337-342 Отдает стручочек Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла руки Капо,

Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
И оттуда вышла пчелка.

343-346 Так она сказала пчелке,
Так советовала птичке:
«Пчелка, быстренькая птичка,
Луговых цветов царица!

347-350 Полети, куда пошлю я;
Я пошлю тебя, отправлю
К островам на море синем,
На утесы средь потоков.

351-354 Там девица почивает,
У нее свалился пояс,
Сбоку много трав медовых,
Злаки сладкие в подоле.

355-360 Принеси на крыльях сотов,
На свою возьми покрышку
Из верхов прекрасных злаков,
Из златых цветочных чашек,
Положи на руки Капо,
На ладони дочке Осмо!»

361-368 Пчелка, быстренькая птичка,
Уж летит и поспешает,
Пролетает всю дорогу,
Сокращает путь далекий,

Мчится морем, вдоль второго,
Пролетает третье море,
К островам на море синем,
На утесы средь потоков.

369-372 Видит: дева тихо дремлет
В оловянных украшеньях,
На лужайке безыменной,
На краю полей медовых;

373-380 На бедре трава златая,
Из сребра трава на чреслах.
Пчелка медом мажет крылья,
Погружает перья в сладость
На верху прекрасных злаков,
В золотых цветочных чашках
И приносит в руки Капо
И кладет меж пальцев девы.

381-386 Капо мед бросает в брагу,
Осмотар кидает в пиво:
Наконец-то пиво бродит,
Молодой напиток всходит
Там, на новом дне сосуда,
Там, в березовом ушате.

387-390 Пиво пенится до ручек,
Через край оно стекает,
Убежать на землю хочет

И утечь стремится на пол.

391-398 Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье,
Вот бегут к питью герои,
Раньше прочих Лемминкяйнен
Опьянел Каукомъели,
Весельчак напился пьяным
Этим пивом дочки Осмо,
Брагой девы Калевалы.

399-402 Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Говорит слова такие:
«Горе мне с моею жизнью!

403-406 Ведь я дурно поместила,
Не как надо, это пиво,
И течет оно из кадки
И на землю вытекает».

407-414 Дрозд на дереве высоком
Распевает краснохвостый:
«Не дурной напиток пиво,
А напиток превосходный:
Надо бочки им наполнить,
Отнести его на погреб,
Поместить в дубовых бочках,
Что кругом обиты медью».

415-421 Вот как пиво появилось,
Пиво Калевы хмельное,
Оттого и имя славно,
Хорошо прозванье пива,
Что оно возникло дивно,
Что мужам оно приятно,
Что на смех наводит женщин.

422-424 А мужам дает веселье,
Храбрым радость доставляет,
А глупцов на драку гонит.

425-434 Тут хозяйка Сариолы,
Услыхав начало пива,
Собрала воды в кадушку,
Налила до половины,
Ячменя туда наклала, '
Хмелевых головок много,
Начала готовить пиво
И кругом мешает воду,
Там, на новом дне сосуда,
Средь березовой кадушки.

435-438 Целый месяц греют камни,
Кипятят все лето воду,
На дрова деревья рубят,
Из колодцев воду носят;

439-444 И леса все поредели,
В родниках вода иссякла:
В пиво все употребили,
Положили все для браги
На богатую пирушку,
На веселье в Сариоле.

445-452 Дым на острове поднялся,
Запылал огонь на мысе;
Дым густым выходит клубом,
Он густой поднялся тучей,
Там, где был огонь ужасный,
Там, где пламя распростерлось,
Дым пол-Похъёлы наполнил,
Всю Карелию окутал.

453-456 Весь народ на небо смотрит,
Боязливо смотрит в выси:
«Дым откуда мог подняться,
Протянуться мог до неба?

457-466 На войне бывает больше,
Пастухи сжигают меньше».
Лемминкяйнена старушка
К роднику выходит утром
Зачерпнуть себе водицы,
Увидала тучу дыма
Там, над Похъёлой туманной,

Говорит слова такие:
«Это — дым войны, конечно,
От огня вражды ужасной».

467-474 Ахти, тот Островитянин,
Молодец тот, Лемминкяйнен,
Посмотрел кругом по небу,
Поразмысливши, подумал:
«Я хотел бы видеть ясно,
Там поблизости разведать,
Где берет тот дым начало,
Где на воздух дым выходит?

475-478 Это — дым войны, быть может,
От огня вражды ужасной».
Кауко вдаль глядит прилежно
На места густого дыма;

479-484 Это не был дым сраженья,
От огня вражды ужасной.
Это был огонь от пива,
Пламя было там от браги
У пролива Сариолы,
Близ утеса при заливе.

485-492 Кауко смотрит вдаль прилежно
Покосился молча глазом,
А потом другим косится,
Искривил немного рот он,

Наконец, сказал он слово,
Так через пролив промолвил:
«Теща Похъёлы родная,
Ты, разумная хозяйка!

493-498 Ты вари получше пиво,
Чтобы брага пригодилась,
Как питье толпе великой,
Лемминкяйнену всех больше,
На моей на свадьбе пышной
С милой дочерью твоею».

499-506 Уж готово было пиво,
Уж поспел мужей напиток,
Пиво красное убрали,
Отнесли младую брагу,
Чтоб в земле започивало,
В крепком погребе из камня,
В бочках, сделанных из дуба,
Там, за втулками из меди.

507-510 И хозяйка Сариолы
Стала кушанье готовить;
Все котлы заклокотали,
Сковородки зашипели.

511-516 Испекла большие хлебы,
Много толокна сварила,
Чтоб кормить народ хороший,

Напитать толпу большую
В Похъёле на пышной свадьбе,
На попойке в Сариоле.

517-526 Испекла большие хлебы,
Много толокна сварила.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье
Зашумело пиво в бочке,
Молвит в погребе младое:
«Ведь могли б меня уж выпить,
Брагу выхлебать могли бы,
Чтоб меня прославить с честью
И воспеть бы по заслугам!»

527-530 Вот певца повсюду ищут,
Чтоб он был певец искусный,
Восхвалять бы мог прилично,
Мог бы спеть прекрасно песни.

531-536 Принесли для пенья семгу,
Щуку, чтоб прекрасно пела,
Но не дело семги — пенье,
Щука тоже петь не может:
Семга — с жабрами косыми,
Щука — с редкими зубами.

537-540 Вот певца повсюду ищут,
Чтоб он был певец искусный,
Чтобы петь он мог прилично,
Пел бы звучные он песни.

541-546 Приведен для пенья мальчик
Как певец он был отыскан.
Не мальчишки дело — пенье,
Не слюнявого ребенка:
Языки ребят — кривые,
Языки с согнутым корнем.

547-556 И вспылило пиво в бочке,
Сыплет страшные проклятья
В бочках, сделанных из дуба,
Там, за втулками из меди:
«Коль певец не будет найден,
Чтоб он был певец искусный,
Чтобы петь он мог прилично,
Пел бы звучные он песни,
То все обручи побью я,
Проломлю я дно у бочки!»

557-562 И хозяйка приказала
Приглашать на свадьбу всюду,
Шлет послов, чтоб всех просили,
Говорит слова такие:
«О ты, милая малютка,
Ты, раба моя, служанка!

563-567 Созови людей к пирушке,
Созови мужей толпами,
Всяких бедных, всяких нищих,
Всех слепых и всех несчастных
Всех хромых и всех калечных.

568-570 Ты слепых доставь на лодках,
На конях — всех хромоногих,
А калек вези на санках.

571-576 Похъёлы народ зови ты,
Калевы сынов на свадьбу,
Вяйнямёйнена седого,
Пусть поет он здесь искусно
Не зови лишь Каукомъели,
Не ходи на остров к Ахти!»

577-580 Так ей девочка сказала,
Говорит слова такие:
«Отчего ж не Каукомъели,
Отчего не звать мне Ахти?»

581-585 Но хозяйка Сариолы
Говорит в ответ ей слово:
«Оттого не Каукомъели,
Не зови сюда ты Ахти,
Что всегда он склонен к спору.

586-590 Он горячий забияка,
Он возбудит злость на свадьбе,
Бед наделает на пире,
Осмеет девиц невинных
В славных праздничных одеждах».

591-594 Отвечает ей девчонка,
Говорит слова такие:
«Как узнать мне Каукомъели,
Чтоб не звать его на свадьбу?

595-604 Я не знаю дома Ахти,
Где жилище Каукомъели».
Тут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Ты легко узнаешь Ахти
И жилье его узнаешь:
Там на острове живет он,
У воды живет веселой,
У широкого залива,
На изгибе мыса Кауко».

605-614 Звать гостей пошла девчонка,
Та с поденною оплатой.
По шести она дорогам,
По восьми путям проходит,
Похъёлы народ сзывает,
Всех людей из Калевалы,
Всех крестьян наибеднейших,

Казаков в кафтанах узких,
Только Ахти молодого
Обошла без приглашенья.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXI

✦

1-4 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Старая из Сариолы,
Не сидит под кровлей дома,
Спешной занята работой.

5-11 Слышит хлопанье с болота,
Шум по берегу от санок.
Взор направила на запад,
Повернула взор на солнце,
Поглядевши, размышляет:
«Что за люди мчатся в санках
Там по берегу? О горе!

12-14 Неужели это — войско?»
Вот подходит к месту ближе,
Рассмотреть поближе хочет.

15-18 То совсем не войско было
Юношей толпа большая,
Зять меж ними находился,
Посреди людей хороших.

19-26 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Старая из Сариолы,
Только зятя увидала,
Говорит слова такие:

«А я думала, что буря
Валит множество деревьев,
Что бушует берег моря,
Что шумит песок прибрежный.

27-34 Подошла я к месту ближе,
Рассмотреть, что там, хотела;
То не буря там шумела,
Не деревья вниз валились,
То не море билось в берег,
Не шумел песок прибрежный,
Это зять с людьми на санках,
Сотни две мужей хороших.

35-40 Как я зятя угадаю,
Как в толпе мужей узнаю!
Он в толпе всегда заметен,
Как черемуха в лесочке,
Словно дуб в зеленой роще,
Словно месяц в звездном небе.

41-44 Конь у зятя черной масти,
Словно жадный волк, горяч он,
Словно ворон на добыче,
Словно жаворонок реет;

45-48 Шесть златых щебечут птичек
На дуге его согнутой,
Голубых семь птичек вместе

Верещат в ремнях запряжки».

49-52 Шум на улице поднялся,
Треск оглобель по дороге:
Зять на двор въезжает быстро,
И толпа стремится к дому.

53-56 Зять стоит средь провожатых,
Посреди людей хороших,
Стал, вперед не выдвигаясь
И назад не подаваясь.

57-62 «Эй вы, дети и герои,
Эй, высокие, спешите,
Вы супонь скорей берите
И ремни освободите,
Опустите вы оглобли
И скорей встречайте зятя!»

63-65 Быстро конь бежит у зятя,
Сани пестрые промчал он
По двору большому тестя.

66-68 Молвит Похъёлы хозяйка:
«О ты, раб, поденно взятый,
Лучший молодец в деревне!

69-74 Ты прими коня у зятя,
Белолобого избавь ты
От шлеи, богатой медью,

Светлым оловом покрытой,
От ремней цены высокой,
От дуги его из ветел!

75-82 Отведи ты лошадь зятя,
Отведи ты осторожно
На ремнях, сребром богатых,
И на поводе из шелку,
Отведи на мягкий выгон,
На равнины, на поляны,
На поля снегов бесшумных,
В ту страну с молочным цветом!

83-88 Напои ты лошадь зятя,
Где в источнике ближайшем
Влага весело струится
И бежит, как простокваша,
У златых корней сосновых,
У корней тенистой ели!

89-94 Накорми там лошадь зятя
Из станка златого резкой
И из медного корыта
Ячменя зерном отборным,
Яровой свари пшеницы,
Яровой корми ты рожью!

95-98 Отведи ты лошадь зятя,
Отведи ты к яслям лучшим,
На возвышенное место,
К загородке самой задней!

99-102 Привяжи ты лошадь зятя
К золотым и крепким кольцам
И к крюкам, что из железа,
И к столбу, что из березы!

103-106 Пододвинь к коню ты зятя
Первое — совсем корыто,
А второе — с свежим сеном,
Третье дай ему с мякиной!

107-110 И почисть ты лошадь зятя
Щеткой из моржовой кости,
Чтобы волосы не лезли,
Чтобы хвост испорчен не был!

111-114 И покрой ты лошадь зятя
Серебристым покрывалом,
Златотканою попоной,
Сукнами с отделкой медной!

115-118 Вы же, мальчики-цыплята,
Зятя в горницу ведите
С непокрытой головою
И с руками без перчаток!

119-126 Посмотреть бы я хотела,
Не пройдет ли зять в покои,
Там дверей не поснимавши,
Косяков не отодвинув,
Притолоки не поднявши,
Не понизивши порога,
Не сломав углов меж стенок
И не сдвинув с места балок!

127-136 Не пройдет мой зять в покои,
Золотой в жилье не вступит,
Там дверей не поснимавши,
Косяков не отодвинув,
Притолоки не поднявши,
Не понизивши порога,
Не сломав углов меж стенок
И не сдвинув с места балок:
Всех на голову длиннее,
На длину ушей он выше.

137-144 Перекладины подняли,
Чтоб он шапкой не цеплялся;
Опустили вниз порожек,
Чтоб каблук не надломил он,
Косяки раздали шире,
Сняли вовсе дверь входную,
Только стал он приближаться,
Подошел поближе, храбрый!

145-150 Слава богу, наконец-то
Зять вошел уже в покои!
Я бы в горницу взглянула,
Осмотрела б быстрым взором,
Может, там столы не мыты,
Может, лавки не протерты;

151-158 Не отмыты половицы,
Доски вытерты не чисто!
Я взглянула прямо в избу:
Не могу совсем узнать я,
Из каких она деревьев,
Из каких деревьев крыша
И откуда взяты стены,
Как собрали половицы.

159-162 Все края ежовой кости,
Все низы оленьей кости,
Двери — кости росомахи,
Косячки — ягнячьей кости.

163-166 Все из яблони стропила
С свилеватыми столбами,
Вижу лилии у печки,
Папоротник там у крыши.

167-170 Все скамейки из железа,
Пол из планочек немецких,
Все столы блестят от злата,

Пол покрыт ковром из шелку.

Печка сделана из меди,
Весь очаг — из твердых камней,
Печка — из камней подводных,
Стены — Калевы деревьев».

Вот жених в покои входит,
Поспешает он в жилище,
Говорит слова такие:
«Укко! ты пошли здоровья
Под прославленную кровлю,
В это славное жилище!»

Молвит Похъёлы хозяйка:
«Будь и ты здоров, явившись
В эту малую избушку,
В эту низкую постройку,
К нам в еловое жилище,
В наше гнездышко из сосен!

Эй ты, девочка-служанка,
Ты, наймычка из деревни!
Принеси огня в бересте,
На конце сосновой щепки,
Чтоб я зятя посмотрела,
Жениху в глаза взглянула:
Сини те глаза иль кари,
Или белы, как льняные!»

195-198 Принесла огня девчонка,
Та наймычка из деревни,
На бересте принесла ей,
На конце сосновой щепки.

199-202 «Нет! шумит, трещит береста.
Дым пошел смолистый, черный,
Задымил глаза он зятю,
Цвет лица он сделал черным.

203-208 Принеси огня на свечке,
На свече из воску, белой!»
Принесла огня девчонка,
Та наймычка из деревни,
Принесла на длинной свечке,
На свече из воску, белой.

209-212 Заблестел дымок от воску,
Засиял огонь от свечки,
Осветил он очи зятя,
Заблестели зятя щеки.

213-215 «Я узнала очи зятя:
И не кари, и не сини,
И не белы, как льняные;

216-218 Белы, как морская пена,
Кари, как трава морская,
Милы, как цветок прекрасный!

219-226 Ну вы, мальчики-цыплята!
Моего ведите зятя
На высокое сиденье,
На возвышенное место,
К голубой стене спиною,
Головой же поверните
На гостей, на красный столик,
Грудью к шуму всех сидящих!»

227-230 И хозяйка угощает,
И поит гостей, и кормит;
Кормит их прекрасным маслом,
Кормит мягкими комками;

231-234 Всех гостей кормила званых,
Больше ж всех кормила зятя.
Уж и семгу разложили
Возле жареной свинины;

235-238 Так полна была посуда,
Что края едва держали,
Всем гостям на угощенье,
А для зятя — прежде прочих.

239-244 Молвит Похъёлы хозяйка:
«Ой ты, девочка-малютка!
Принеси-ка пива в кружках,

В кружках, что с двумя ушками,
Всем гостям на угощенье,
А для зятя — прежде прочих!»

245-252 Принесла девчонка кружку,
Та служанка нанятая,
Чтоб кругом ходила кружка,
С пивом спелым чтоб гуляла,
Чтобы хмель с бород струился,
Пена белая стекала
У гостей, на свадьбу званных,
А у зятя — прежде прочих.

253-256 Что ж тогда случилось с пивом,
Что вспененное сказало,
Как к певцу оно попало,
Знаменитому досталось?

257-260 Старый, верный Вяйнямёйнен
Охранитель всех напевов,
Знаменит искусством пенья,
Всех сильнее в заклинаньях.

261-263 Взял он пиво прежде прочих,
Говорит слова такие:
«Пиво, доблестный напиток!

264-266 Да не пьют тебя в молчанье!
Дай мужам охоту к песне,
Золотым устам — к напеву!»

267-276 Удивляется хозяин,
А хозяйка слово молвит:
«Что-то песни поувяли,
Языки перетупились,
Дурно ль пиво я сварила,
Налила ль питья плохого,
Что певцы не запевают,
Не похвалятся напевом,
Не зальются, золотые,
И кукушка не ликует?

277-280 Кто ж начать здесь должен песни,
Голос чей раздаться должен,
В Похъёле на славном пире,
В Сариоле на пирушке?

281-284 Не поет ведь здесь скамейка
Без людей, на ней сидящих,
Не звучит здесь пол в покоях
Без людей, по нем ходящих;

285-290 Здесь окно не веселится
Без хозяев у окошка,
Не шумит здесь стол краями
Без людей, за ним сидящих,
Не гудит окно для дыма
Без людей, внутри живущих».

291-300 На полу сидел ребенок,
На печной скамье малютка.
И сказал тот мальчик с полу,
С той печной скамьи ребенок:
«Я вот мал и юн годами,
Я и слаб, и тонок телом,
Но пусть будет по желанью,
Не поют ведь те, кто толще,
Мужи сильные примолкли,
Не хотят здесь веселиться,

301-306 Я спою, худой мальчишка,
Я спою, ребенок тощий;
Хоть мое и худо тело
И совсем без жира бедра,
Чтобы вечер был веселым,
Был прославлен день прекрасный».

307-311 На печи старик лежал там,
Говорит слова такие:
«Не должны петь песен дети,
Лопотать пустые вещи:
Много лжи в ребячьих песнях.

312-314 В песнях девушек нет смысла!
Пусть споет премудрый песню,
Тот, чье место на скамейке!»

315-324 Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут такое молвил слово:
«Есть ли кто из молодежи,
Есть ли кто в честном народе,
Кто б сложил с рукою руку,
Положил бы их друг к дружке
И потом бы начал пенье,
Пенье радостное поднял,
Чтобы день наш был веселым,
Чтобы вечер был прославлен?»

325-334 Говорит старик на печке:
«С давних лет здесь не слыхали,
Не слыхали, не видали
Никогда, ни разу прежде
Певуна меня сильнее,
Заклинателя мудрее
С детства, как познал я лепет,
Как ребенком пел я часто
У широкого залива,
На полях шумел, бывало,

335-338 Как взывал в лесу сосновом,
Распевал я в рощах темных,
Силен, славен был мой голос
И напевы превосходны;

339-342 И текли они, как реки,
Как поток воды, шумели,
И скользили, словно лыжи,
Словно парусный кораблик;

343-352 Тяжело теперь промолвить,
Тяжелей еще услышать,
Что надорван сильный голос,
Что поник мой голос милый:
На реку уж не похож он,
На поток он не походит,
Он как грабля между пнями,
Как сосна на снежном поле,
На земле песчаной сани,
На сухих каменьях лодка».

353-358 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Коль не явится другой кто,
Чтобы петь со мною вместе,
В одиночку петь я стану,
И один спою я песни;

359-362 Был певцом уж так и создан
Песнопевцем от рожденья,
Не спрошу я у другого
Ни пути, ни цели песен».

363-368 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Пенья вечная опора,
Начал радостное дело,
Исполненье песнопенья,
Зазвучала песнь веселья,
Слово мощно загремело.

369-374 Начал старый Вяйнямёйнен,
Людям дал услышать мудрость:
Знал он много слов хороших,
Ведал много дивных песен,
Больше, чем у скал каменьев,
Чем цветов в воде цветущей.

375-382 И запел тут Вяйнямёйнен,
Пел он вечеру на радость,
Чтобы женщины смеялись,
Чтоб мужчины веселились,
Чтобы слушали, дивились
Вяйнямёйнена напевам,
И дивились те, кто слушал,
Слух ничем не отвлекая.

383-388 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Он сказал, окончив пенье:
«Я совсем не знаменитый,
Ни певец, ни заклинатель,
Не могу пропеть я много,
И мое уменье слабо.

389-392 О, когда б запел создатель,
Слово с уст своих сказал нам!
Мощно песни он пропел бы,
Произнес бы заклинанья.

393-400 Море в мед он обратил бы,
А песок — в горох красивый,
Хрящ морской — в хороший солод,
Солью стали б камни моря,
Хлебородной почвой — рощи,
Темный лес — пшеничным полем,
Горы стали б пирогами,
Стали б яйцами каменья.

401-408 Он и пел, и заклинал бы,
Говорил слова заклятья,
Он на двор напел бы стадо,
Мог бы в хлев коров наделать,
В стойла много пестролобых,
В поле множество молочных,
Сотни с выменем обильным,
Целых тысячи рогатых.

409-414 Он бы пел и заклинал бы,
Он бы пел, и рысий мех бы
Для хозяина он создал,
На кафтан сукно хозяйке,
Башмачки на ноги дочке,
Сыну — красную рубашку.

О ты, Укко, бог верховный,
Сделай, праведный создатель,
Чтоб всегда тут сладко жили,
Чтобы так довольны были,
Как теперь на угощенье,
На пирушке Сариолы.

Пусть течет рекою пиво,
Пусть медовое польется
В этом Похъёлы жилище,
По строеньям Сариолы.

Чтобы днем здесь распевали,
Вечерами мирно пели,
Жив пока в дому хозяин
И пока жива хозяйка.

Укко, дай им воздаянье,
Пусть найдут они награду
У стола найдет хозяин,
А хозяюшка в амбаре,
Сыновья найдут в тенетах,
За станками сидя, дочки;

И на будущее лето
Пусть никто не пожалеет,
Что он был на этом пире,
Что сидел здесь на пирушке!»

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXII

✦

1-8 Как отпраздновали свадьбу,
Вдоволь как попировали
На пирушке Сариолы,
На пиру в земле суровой,
Зятю молвила хозяйка,
Ильмаринену сказала:
«Что сидишь, высокородный,
Что не спишь, краса отчизны?

9-12 Иль сидишь отцу утехой,
Иль для матери отрадой,
Иль для блеска здесь в покоях,
Для красы гостей на свадьбе?

13-16 Не сидишь отцу утехой,
Ни для матери отрадой,
Ни для блеска здесь в покоях,
Для красы гостей на свадьбе.

17-20 А сидишь утехой девы
И отрадой для девицы,
Ради девушки любимой,
Ради той прекраснокудрой!

21-26 Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — жди еще ты,
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Половина кос плетеных,
Половина неплетеных.

27-32 Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — жди еще ты,
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь один рукав надетый,
А другой пока пустует.

33-38 Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — жди еще ты,
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь одна нога обута,
А другая не обута.

39-44 Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — жди еще ты,
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь одна рука в перчатке,
А другая не покрыта.

45-48 Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю — не устал ты:
Уж готова дорогая,
Наша уточка одета.

49-52 Выйди, проданная дева,
Следуй, купленная птичка!
То, что тут тебя связало,
То тебя и разлучает.

53-56 Вот он, кто тебя увозит,
За тобою выйдет в двери;
Уж кусает конь поводья,
Ожидают сани деву.

57-60 Ты была на деньги падка,
Отдала ты скоро руку,
Приняла подарок быстро,
Ты кольцо надела скоро.

61-64 Полюби же эти сани
И войди туда скорее,
Проезжай деревней быстро,
Уезжать спеши скорее!

65-67 Мало, юная девица,
Мало в сторону смотрела,
Мало кверху ты глядела;

68-74 Ты о сделке пожалеешь,
Много слез прольешь ты в жизни,
Много лет рыдать ты будешь,
Что отцовский дом бросаешь,
Что от матери любимой
И от родины уходишь,
Из жилища дорогого.

75-78 Жить тебе прекрасно было,
Жить в родном отцовском доме!
Ты росла, как цветик нежный,
Точно ягодка на поле;

79-82 К маслу шла ты из постели,
К молоку ты шла проснувшись,
С ложа шла ты на пшеницу,
К маслу свежему — с простынки;

83-90 Если ты не ела масла,
Ты брала тогда свинину.
Никогда забот не знала,
Дум больших ты не имела,
Отдала заботу соснам,
Отдала растеньям думы,
Всю печаль болотным соснам
На березе на песочке.

91-94 Как листочек, ты порхала,
Мчалась бабочкой веселой,
Точно ягодка родная,
Земляничка на поляне.

95-98 Вот ты из дому уходишь,
В дом другой идешь отсюда,
К матери другой уходишь,
Из родной семьи — в чужую.

99-104 Там совсем иначе будет,
Все в другом иначе доме:
Там рожки звучат иначе,
Там скрипят иначе двери,
Там не так калитки ходят,
Петли там визжат иначе.

105-107 Там дверей найти не сможешь,
Не отворишь там калитку,
Как их дочери умеют;

108-110 Развести огонь не сможешь,
Не истопишь там ты печки,
Как хотят там их мужчины.

111-114 Знала ль это ты девица?
А ты думала, младая,
Провести там только ночку
Да домой назад вернуться?

115-120 Не на ночку ты уходишь,
Не на ночку и не на две
Ты надолго ведь уходишь,
Да, на месяцы, на годы,
На всю жизнь отца оставишь,
Мать, пока она на свете.

121-124 Значит, двор наш станет больше
И порог повыше станет,
Если ты когда вернешься,
Вновь придешь в места родные».

125-128 Дева бедная вздохнула,
Тяжело она дышала;
У нее печаль на сердце,
На глазах стоит водица.

129-136 И сказала дева слово:
«Так я думала, гадала,
Так я знала, говорила
В годы юности цветущей:
Много ль значишь ты, девица,
Под родительской охраной,
Посреди полей отцовских,
В доме матери-старушки!

137-140 Ты тогда важнее станешь,
Как пойдешь, девица, к мужу,
На порог ногой ты ступишь,

А другой ногою в сани;

141-146 Будешь на голову выше,
Будешь на ухо длиннее!
Вот чего ждала я в жизни
И желала, подрастая,
Точно славного годочка,
Точно лета приближенья.

147-150 И исполнились надежды,
Уж приблизился мой выезд,
На порог нога ступила,
А другая — уж на сани.

151-158 Все ж не в силах я постигнуть,
Что мой ум так изменило:
Я не с радостью на сердце
Ухожу, не с ликованьем
Из жилища дорогого,
Где девицей проживала,
Со двора, где подрастала,
Из отеческого дома;

159-164 Ухожу я с горькой думой,
Ухожу полна заботой,
Точно к осени в объятья,
Как на тонкий лед весенний:
Нет следов на льду весеннем,
Ни следочка нет на скользком.

165-170 Как легки у прочих думы,
У других невест их мысли!
Нет такой у них заботы,
Нет такой тоски на сердце,
Как, бедняжка, я имею,
Как в заботах я страдаю!

171-176 А на сердце точно камень,
Сердце — точно уголь черный.
Ведь не то ль у лучших думы,
Ведь не то ль блаженных мысли,
Что денной рассвет весенний,
Что весенним утром солнце?

177-181 У меня, у бедной, думы,
У меня, печальной, мысли,
Точно ровный берег моря,
Точно край у темной ночи,
Точно тьма осенней ночи;

182-184 Очень мрачен день зимою,
А мои мрачнее думы
И темней осенней ночи».

185-193 Работящая старушка,
Что всегда жила при доме,
Говорит слова такие:
«Ну, вот видишь ты, девица,
Помнишь, что я говорила,

Сотни раз тебе твердила:
Женихом ты не любуйся,
Не гляди в уста мужчине
И глазам его не верь ты.

194-198 Не смотри ты, крепки ль ноги!
Пусть уста его приятны,
Пусть глаза его красивы
Да в устах уселся Лемпо,
Смерть сидит на подбородке».

199-202 Я советовала деве,
Я племяннице сказала:
«Женихи придут к девице,
Женихи придут и сваты;

203-209 Женихам ответь, невеста,
От себя ты им промолви,
Им скажи слова такие
И такие молви речи:
„Никогда мне не придется,
Не придется мне, как видно,
Уходить отсель невесткой;

210-216 Взять меня в рабы не могут,
Девушка, как я, не будет,
Жить рабыней не захочет,
Никогда не согласится

Жить все время в подчиненье:
Если кто мне слово скажет,
Я тому и два отвечу;

217-220 Кто мне волосы лишь тронет,
Лишь кудрей моих коснется,
В волоса тому вцеплюсь я,
Растреплю я их с позором“.

221-226 Ты на это не смотрела,
Слов моих ты не слыхала,
Ты сама в огонь уходишь,
В жидкую смолу с охотой,
Ты спешишь к лисице в сани,
Чтоб попасть к медведю в лапы.

227-230 Увезут тебя те сани,
Унесет медведь далеко,
Вечною рабою свекра,
В рабство вечное свекрови.

231-236 Ты идешь из дома в школу,
От отца идешь на муку;
Тяжело идти в ту школу,
Там мучительно бедняжке:
Там уж куплены поводья,
Кандалы уже готовы.

237-239 Не кому-либо другому,
А тебе одной, несчастной.
Скоро ты узнаешь грубость.

240-244 Плохо проданной придется:
Из костей уста у свекра,
Каменный язык свекрови,
Речи деверя морозны,
Горд затылок у золовки.

245-252 Слушай речь мою, девица,
Слушай речь мою и слово.
Ты была в дому цветочек,
На дворе отцовском радость,
Мать звала тебя ведь солнцем,
Ясным месяцем отец звал,
Блеском вод тебя звал братец,
Голубым платком — сестрица.

253-258 Вот в чужой ты дом уходишь,
Там и мать тебе чужая,
Не такая, как родная:
Это мать ведь иноземка,
Редко даст наказ хороший,
Редко даст наказ получше.

259-262 Будешь дрянью слыть у свекра,
Рванью будешь у свекрови,
Назовет порогом деверь

И страшилищем золовка.

263-268 Ты тогда была б хорошей
И тебя бы оценили,
Если б ты как пар всходила,
Точно дым бы поднималась,
Точно листик запорхала,
Точно искорка спешила.

269-272 Не летаешь ты как птичка,
Не порхаешь точно листик,
Не спешишь ты точно искра,
Точно дым ты не восходишь.

273-282 Дева, милая сестрица!
Вот теперь ты променяла
Своего отца родного
На чужого свекра злого,
Променяла мать родную
На свекровь свою, злодейку,
Милых братьев вдруг сменила
Ты на деверьев жестоких,
Ты сестер сменила кротких
На насмешливых золовок,

283-292 Полотняные постели
На очаг, покрытый сажей,
Эту чистую водицу
На густую грязь и плесень,

Берега с песочком чистым
На болота с черной грязью,
Рощи милые сменила
На пустынные пространства,
Холмик ягодный сменила
Ты на пожниво сухое.

293-298 Иль ты думала, девица,
Иль ты, курочка, мечтала,
Что заботы и работы
Знать не будешь с этой ночи,
Как тебя ко сну отправят,
На покой тебя проводят?

299-302 Не ко сну тебя отводят,
Не покоем наслаждаться:
Ждать должна ты беспокойства,
От забот ударов тяжких;

303-306 Будут частые печали;
Тосковать всегда ты будешь.
Как платка ты не носила,
Ты не знала и печали;

307-310 Не имела покрывала,
Не имела и заботы;
И печали и заботы
Головной платок приносит.

311-313 Лен приносит только горе,
Он приносит только скорби.
Что такое дева в доме!

314-316 Дева то в отцовском доме,
Что король, живущий в замке,
Лишь меча ей не хватает!

317-320 Все иначе у невестки!
И живет она при муже,
Словно пленник на чужбине
Только стражей не хватает!

321-328 Поработала невестка,
Сильно плечи утомились,
И промокла вся от пота,
Пот по лбу струится пеной:
Настает покоя время
Тут в огонь ее погонят,
В пламя страшное отправят,
Прямо в пекло посылают.

329-334 Взять тогда должна бедняжка,
Взять ума у быстрой семги,
А язык искать ершиный
И у окуня взять мысли,
Рот и брюхо у плотицы,
Мудрость взять у черной утки.

335-344 Не могла сама понять я,
Мать мне тоже не сказала,
Ни ее все девять дочек,
У родителей хранимых,
Где родился тот обжора,
Где грызун тот проживает:
Жрет он мясо, кости гложет,
Волосы по ветру сыплет,
Их по ветру распускает,
Их дарит ветрам весенним.

345-352 Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Ты облей слезами руки,
Горьких слез налей пригоршни,
На дворе налей ты капли,
В доме пол залей прудами,
Плачь, пока зальешь покои,
Чтоб текло сквозь доски пола!

353-358 Плачешь ты еще не много,
Так заплачешь, как вернешься,
Как придешь ты в дом отцовский,
Старика отца увидишь
Мертвого средь дыма бани,
А в руках холодных веник.

359-366 Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще не много,
Так заплачешь, как вернешься,
В материнский дом придешь ты
И увидишь мать-старушку
Под навесом без дыханья,
А в руках соломы связку.

367-374 Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще не много,
Так заплачешь, как вернешься,
В этот дом когда придешь ты,
Брата милого увидишь
Там на улице упавшим,
Прислонившимся у дома.

375-382 Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще не много,
Так заплачешь, как вернешься,
В этот дом когда придешь ты
И сестриц увидишь нежных,
Как лежат среди дороги
И вальки в руках сжимают».

383-386 Тяжело вздохнула дева,
Часто дева задышала,
Начала тут горько плакать,
Проливать обильно слезы.

387-390 Облила слезами руки,
Налила полны пригоршни,
Оросила двор отцовский,
Залила полы прудами;

391-394 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«О вы, милые сестрицы,
Вы, мои подруги жизни!

395-399 Вы со мной играли вместе,
Вы услышьте, что скажу вам!
Не могу никак постигнуть:
Отчего так угнетает,
Так гнетет меня кручина.

400-402 Отчего печаль терзает,
Отчего тоска так мучит,
Отчего забота вяжет.

403-412 Так ли думала, гадала
Я ждала иного в жизни.
Я хотела быть кукушкой,
По холмам хотела кликать
В эти дни мои младые,

Как достигла лет цветущих,
Не иду теперь кукушкой,
Чтобы кликать по холмочкам:
Точно уточка я стала,
Как она в волнах далеких

413-415 Поплывет в воде холодной,
В ледяной воде продрогнет.
Мать, отец, мои родные!

416-422 Ты, старушечка седая!
Вы куда меня ведете,
Отправляете бедняжку,
Что я слезы проливаю,
Что я мучаюсь печалью,
Что забот имею столько,
Что терплю такое горе!

423-432 Матушка моя, бедняжка,
Что меня в себе носила,
Что меня кормила грудью,
Молоком меня вспоила
Иль качала ты колоду,
Или камешек купала,
А не дочку ты купала,
Не качала дорогую
Для заботы беспрестанной
И для горести сердечной?

433-436 Может, кто-нибудь мне скажет,
Может, кто-нибудь помыслит:
Нет тебе, девице глупой,
Ни заботы, ни печали!

437-442 Люди добрые, молчите,
Милые, не говорите:
У меня забот ведь больше,
Чем каменьев в водопаде,
Чем на топком месте ветел,
Вереску в лесу сосновом.

443-446 Не могла 6 везти их лошадь,
Не могла бы дотащить их,
Чтоб дуга не покачнулась
И хомут не затрещал бы;

447-452 Это все — мои заботы,
Все — моя печаль-кручина».
На полу сидел ребенок,
У печи запел малютка:
«Отчего, девица, плачешь,
Отчего твои заботы?

453-456 Ты коням оставь заботы,
Меринам кручину черным,
Горе — им, железномордым,
Им — печаль, большеголовым.

457-460 Головы у них покрепче,
И у них покрепче кости,
Больше носит сгиб их шеи,
И у них сильнее тело.

461-466 И зачем тебе так плакать,
И к чему тебе томиться?
Не ведут тебя в болото,
Ни на побережье речки:
От равнины плодоносной
Ты идешь к полям богатым;

467-471 Из жилищ, где много пива,
В дом идешь, где пива больше.
Девушка, взгляни направо,
Глянь на правую сторонку:
Муж стоит, твоя охрана;

472-474 Светел он с тобою рядом;
Муж хорош, и конь прекрасен,
Упряжь сделана с искусством;

475-482 Резво рябчики порхают,
На изгиб дуги взлетают,
И дрозды там веселятся
И поют в ремнях на сбруе,
Золотые шесть кукушек

На хомут коня взлетают,
Семь прекрасных синих птичек
Впереди саней распелись.

483-492 Будь, девица, без заботы,
Дочка матери, не плачься:
Не идешь для жизни худшей,
А идешь для лучшей жизни
Рядом с этим земледельцем,
К пахарю под кров уходишь,
Ты к устам его стремишься,
Прямо в руки рыболову,
Что смывает пот охоты
В бане у ловца медведя,

493-498 Из мужей твой — самый лучший,
Ты взяла себе героя:
Лук его всегда при деле,
На гвозде колчан не виснет,
Не лежат собаки дома
И не дремлют на подстилках.

499-502 Вот уж трижды в эту весну,
В самый ранний час рассвета,
При огне он поднимался,
Пробуждался он меж сучьев;

503-506 У него уж трижды в весну
Росы падали на очи,
Ветки щеткою служили,
Гребешком служили сучья.

507-511 У него стада большие,
И они все возрастают;
Наш жених имеет много
Стад, что по лесу гуляют,
Пробегают по вершинам;

512-514 Сходят в низменность долины
Сотни тех, что носят вымя,
Сходит тысяча рогатых;

515-522 На полях там много хлеба,
В долах множество запасов,
По лесам ольховым — пашни,
По ручьям — ячмень богатый,
Там овес промеж утесов,
По прибрежьям рек — пшеница,
Деньги там в огромных грудах,
Там монеты — мелкий щебень».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXIII

✦

1-4 Нужны девушке советы,
Поучить невесту нужно,
Кто же девицу наставит,
Кто учить невесту будет?

5-12 Осмотар, красотка дева,
Калевы красотка дочка,
Вразумляет ту девицу,
Ту сиротку поучает,
Как же быть ей там желанной,
Как прожить бы с похвалою,
Быть желанной в доме мужа,
Быть хвалимой у свекрови.

13-16 Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Ты, невеста, ты, сестрица,
Молодой отросток нежный!

17-24 Ты послушай, что скажу я,
Повторять тебе я буду!
Ты, цветок, идешь отсюда,
Вдаль ты, ягодка, уходить,
Ты уйдешь, платочек пестрый,

Выйдешь, бархата ворсинка,
Из прославленного дома,
Из прекрасного жилища;

25-34 В дом чужой войдешь, девица,
Вступишь в чуждое хозяйство.
Все в чужом дому иначе,
Все иначе в том хозяйстве:
Как пройдешь, подумай прежде,
Пред работой поразмысли,
А не как в родных полянах,
Как у матери на поле,
Пенье было там в долинах,
Там веселье на лужайках.

35-40 Этот дом ты покидаешь,
Забери с собой, что хочешь,
Но оставь три вещи дома:
Сны, что ты на дню видала,
Речи матери любезной
И кадушку с свежим маслом!

41-44 Забери с собой, что хочешь,
Но оставь мешок со снами
Здешним девушкам при доме,
На краю широкой печки!

45-50 Пенье брось на край скамейки,
К окнам — радостные песни,
Брось девичество метелке,
Шум — к оборкам одеяла,
Шалость брось к печной скамейке,
Лень свою ты выкинь на пол!

51-54 Иль отдай подруге детства,
Брось в подол своей подружке,
Пусть несет ее в кустарник,
В рощу пусть ее забросит!

55-58 Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ты забудь отцову ласку,
Чтоб тебя ласкал там свекор;

59-64 Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше!
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ласку матери забудь ты,
Чтоб свекровь тебя ласкала;

65-70 Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше!
Нравам новым научайся,

Позабудь былые нравы:
Позабудь ты ласку брата,
Чтоб тебя ласкал там деверь;

71-76 Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше!
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ласку сестрину забудь ты,
Чтоб золовка там ласкала;

77-82 Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше!
В продолженье целой жизни
И пока сияет месяц,
Ты нечистых нравов бойся,
Чистоту свою храни ты!

83-86 Добродетель в доме ценят,
В добром доме чистых нравов.
Муж пытает нрав супруги,
Лучших в ней достоинств ищет;

87-90 Важны знанья по хозяйству,
Если нет порядка в доме;
Там нуждаются в усердье,
Где к нему сам муж негоден.

91-100 Пусть старик хоть волком будет,
Пусть медведицей старуха,
Хоть змеею деверь будет,
Хоть занозою золовка
Отдавай им честь такую ж,
Даже кланяйся пониже,
Чем ты кланялась родимой,
Чем ты в горнице отцовской
Пред отцом родным склонялась,
Почитала мать родную!

101-106 Припасти должна ты будешь
Мудрый ум и быстрый разум;
Там должна ты постоянно
Быть во всем благоразумной,
Зоркий глаз иметь под вечер,
Без огня работу видеть.

107-112 Острый слух иметь под утро,
Петушиный крик услышать!
Прокричал петух один раз,
Не кричал еще в другой раз
А должна вставать молодка,
Старики пусть спят покойно.

113-116 Коль петух кричать не будет,
Не зовет хозяев птица,
Петухом пусть служит месяц,
По Медведице знай время!

117-120 Часто будешь выходить ты,
Чтоб смотреть на месяц ясный,
По Медведице знать время,
Принимать от звезд советы!

121-130 Коль Медведица так прямо
Головою к югу станет,
А хвостом своим на север
Значит, время подниматься
С ложа мужа молодого,
Из объятий новой жизни
И искать огня средь пепла,
Искру малую в коробке
И раздуть огонь в поленьях,
Но чтоб он не шел далеко.

131-136 Коль огня не будет в пепле,
Не найдешь в коробке искры,
Растолкай тогда ты мужа,
Разбуди тогда красавца:
«Дай огня, супруг мой милый,
Дай мне, ягодка, хоть искру!»

137-142 Как кусок кремня получишь,
Вместе с ним немного труту
Выбивай огонь поспешно,
Ты воткни в скобу лучинку
И пойди дорогой к хлеву,
Чтобы там кормить скотину!

143-148 Замычит свекрови телка
И заржет там лошадь свекра,
Ждет там деверя корова,
И теленок ждет золовки,
Чтоб скорее дали сена,
Чтобы клевер был наложен.

149-152 Ты пройди в загон, нагнувшись,
Наклонясь, во двор к скотине,
Накорми коров с любовью,
А стада овец с уменьем!

153-156 Брось соломы ты коровам,
Ты подай телятам пойла,
Нежных стеблей жеребятам,
Сена мягкого ягнятам!

157-160 На свиней не натыкайся,
Не толкай ты поросенка,
А поставь кормушку свиньям,
Дай корыто поросятам!

161-166 Отдыхать не вздумай в хлеве,
Не засни ты там в загоне!
Ты прошла загоном скотным
И скотину осмотрела
Так спеши скорей оттуда,
Мчись скорей метелью к дому!

167-174 Там заплакал уж ребенок,
Уж кричит он на постели,
Говорить не может, бедный,
Он не скажет, бессловесный,
Есть ли хочет он, озяб ли,
Иль еще что приключилось,
Как остался без родимой,
Речи матери не слышал.

175-180 Ты когда войдешь в покои,
Ты войдешь сама-четверта:
На руке ведро с водою,
А под мышкой свежий веник,
А во рту твоем лучинка
Вот и выйдет вас четыре!

181-184 Подмети ты доски пола,
С пола сор смети почище;
Воду выльешь — вылей на пол,
Не на голову ребенка!

185-190 На полу дитя увидишь,
Пусть оно дитя золовки:
Посади его на лавку,
Вытри глазки, гладь головку,
Дай кусочек хлебца в руки,
Да намажь на хлебец масла!

191-196 Не найдешь ты в доме хлебца,
Дай ему хоть щепку в руки!
Ты столы захочешь вымыть
Попоздней, в конце недели
Мой и сверху, мой и сбоку,
Не забудь и ножки вымыть!

197-200 Ты облей скамьи водою,
Обмети, как нужно, стены,
По порядку все скамейки
И в длину все стены дома!

201-206 Что на стол насело пыли,
Что насело по окошкам,
Ты смети крылом прилежно,
Вытри тряпочкой с водою,
Чтобы пыль не разошлася,
К потолку б не поднялася!

207-212 С потолка смети ты сажу,
Печку также ты почисти,
И почисти столб у печки,
Также о шестке подумай,
На жилье чтоб дом похож был,
Чтоб сочли его жилищем.

213-218 Слушай, дева, что скажу я,
Что скажу и что промолвлю!
Не ходи без сарафана,

Не броди ты без сорочки,
Не ходи и без платочка,
Не ходи без башмаков ты!

219-222 Неприятно это мужу,
Заворчит тогда твой милый!
Охраняй с большим стараньем
На дворе своем рябины!

223-230 Хороши они, рябины,
Хороши у них и ветки,
Хороша на ветках зелень,
А плоды еще получше,
Через них узнает дева,
Беззащитная узнает,
Как живет она — по вкусу ль,
По желанию ль супруга.

231-236 Ты, как мышь, ушами слушай,
Ты, как заяц, бегай быстро!
Наклоняй затылок юный,
Молодой сгибайся шеей,
Как растущий можжевельник,
Как черемухи верхушка!

237-242 Будь внимательна повсюду
И всегда остерегайся,
Чтоб нигде ты не упала,

Не свалилась бы у печки,
Не запуталась бы в платье,
На постель бы не наткнулась!

243-250 Вот вернется с пашни деверь,
А золовка — из овина,
Подойдет супруг с работы,
От сохи придет твой милый:
Принеси с водою ковшик,
Принеси и полотенце,
Наклонись к земле пониже,
Молви ласковое слово!

251-256 А свекровь в избу вернется,
Принесет с мукою короб:
Ты беги на двор, навстречу,
Поклонись еще пониже
И возьми из рук старухи,
Отнеси муку в покои!

257-262 Если ж ты сама не знаешь
И сама не понимаешь,
За какое дело взяться
И какую взять работу,
То спроси ты у старухи:
«Ах, свекровушка родная!

263-272 Мне за что теперь приняться
И какую взять работу?»
И свекровь тебе ответит,
Так тебе старуха скажет:
«Вот за что тебе приняться
И какую взять работу:
Ты толки, мели прилежно,
Приведи в движенье жернов,
Принеси водицы свежей,
Замеси покруче тесто,

273-278 Принеси поленьев в печку,
Чтобы печка понагрелась.
Испеки потом ты хлебы,
Испеки пирог потолще,
Для еды посуду вымой,
Для питья сосуды вытри».

279-282 Услыхавши от свекрови,
От старухи про работу,
Ты возьми зерно с каменьев
И в чулан молоть отправься!

283-288 И когда туда войдешь ты,
Чтоб молоть одной в чулане,
Ты не пой, не веселися,
Во всю глотку не кричи там:
Пусть поет у камня ручка,
Пусть шумят у камня дыры!

289-294 Не пыхти при этом сильно,
Не вздыхай, пока ты мелешь,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что ты стонешь от досады,
Что вздыхаешь ты от злости!

295-300 Ты потом муку просеешь,
Принесешь домой на крышке
И пеки там хлеб с весельем,
Замеси с большой заботой,
Чтоб сухой муки комочков
В этом тесте не осталось!

301-306 Коль ушат стоит где косо,
На плечо ушат возьми ты
И возьми черпалку в руки,
Почерпни воды черпалкой,
Понеси ушат красиво,
Принеси на коромысле!

307-316 Ты беги назад, как ветер,
Как весною дуновенье,
У воды не засидися,
У ключа не задержися,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что на личико ты смотришь

И любуешься собою,
Своей свежестью в водице,
Красотой своей в колодце!

317-320 К дровяной пойдешь ты куче,
Чтобы там набрать поленьев,
Ты бери, не выбирая,
И осиною не брезгай!

321-326 Захвати поленья тихо,
Не наделай много шуму,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что бросаешь ты со злости,
Что шумишь ты от досады!

327-334 И когда в амбар пойдешь ты,
Принеси муки оттуда,
Ты не отдыхай в амбаре,
Не пробудь в дороге долго,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что мукой ты оделяешь
И даришь в деревне женщин.

335-338 Как пойдешь ты мыть посуду,
Мой не как-нибудь, а чисто,
Вымой ручки у горшочков,
Вымой краешки у чашек!

339-346 Моешь чашки — мой их сбоку,
Моешь ложки — мой их ручки!
Береги ты эти ложки,
Стереги горшочки эти,
Чтоб собака не стащила,
Кошка их не унесла бы,
Птица не расколотила
И не взяли б с места дети!

347-350 Ведь детей в деревне много,
Много маленьких головок,
Что возьмут твои горшочки,
Унесут с собою ложки.

351-354 Подойдет помыться время,
Воду, веник притащи ты,
Веник выпарь в кипяточке,
Как не будет в бане дыма;

355-360 Долго там не оставайся,
Не засиживайся в бане,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что ты в бане разлеглася,
Развалилася на полке!

361-363 И как в горницу вернешься,
Пригласи ты свекра в баню:
«Ах ты, свекор мой любезный!

364-366 Уж вода готова в бане,
Уж и веники готовы,
Чисто выметены полки;

367-370 Ты пойди, попарься вдоволь,
Обливайся, сколько хочешь!
Я сама прибавлю жару,
Там под полками я стану!»

371-376 А как прясть настанет время,
Время для тканья настанет
Не ищи в деревне пальцев,
За ручьем себе искусства,
По дворам себе советов,
У чужих себе ты берда!

377-380 А сама пряди ты нитки,
Пряжу собственной рукою,
Шерсть закручивай слабее,
А. льняные нитки круче!

381-384 Их мотай в клубок покрепче,
Намотай их на воробы,
А с вороб навей на вьюшки,
На навой навей основу!

385-392 Ударяй покрепче бердом,
Ты станком скорее двигай,
На кафтан натки ты сукон,
Шерстяных наделай платьев

Из одних охлопков шерсти
От ягнят прозимовавших,
Из волос овечки летней,
Из бараньей мягкой шерсти!

393-398 Ты послушай хорошенько,
Слушай, что тебе скажу я!
Ты вари ячмень для пива,
Сладкий солод для напитка,
Ты бери ячмень хороший,
Но сожги лишь полполена!

399-404 Солод сладкий ты попробуй,
Сок ячменный ты отведай,
Не мешай тот солод сечкой
И лопаткой не ворочай:
Ты мешай его руками,
Поворачивай ладонью!

405-408 И ходи почаще в баню,
Чтоб затвора не испортить,
Чтобы кошка там не села,
Кот на солоде не спал бы.

409-412 Волка ты не опасайся,
Зверя дикого лесного,
В час, когда идешь ты в баню,
Если даже будет полночь!

413-418 Коли кто придет к вам в гости,
Будь приветлива ты с гостем!
Дом хороший запасает
Много разного для гостя,
Мяса лишние кусочки,
Пирожков хороших много.

419-422 Пригласи садиться гостя,
Говори с ним дружелюбно:
Угощай его словами,
Стол покуда не поспеет!

423-428 А пойдет назад из дома
И совсем уже простится,
Провожать нейди ты гостя,
Дальше двери не ходи с ним,
Чтоб твой муж не рассердился,
Не разгневался б любезный!

429-432 Коль придет тебе желанье
Как-нибудь пойти в деревню,
Не ходи без позволенья,
Не спросясь нейди ты в гости!

433-436 И пока в деревне будешь,
Речи умные веди ты;
И свой дом там не кори ты,
Не брани своей свекрови!

437-440 Там тебя невестки спросят
Или женщины другие:
Что, свекровь дает ли масла,
Как давала мать родная?

441-446 Ты не смей сказать так прямо:
«Нет! мне масла не бывает».
А скажи, что постоянно
Ложку масла получаешь,
Хоть бы ела раз лишь летом
Из запасов прошлогодних!

447-452 Слушай дальше хорошенько,
Что еще тебе скажу я!
Ты вот из дому уходишь,
Ты идешь в семью чужую,
Мать родную не забудь ты,
Огорчать ее не вздумай!

453-456 Жизнь она тебе дала ведь,
И твои вскормила груди
Мать ведь собственною грудью
И своим прекрасным телом;

457-460 Редко мать спала ночами,
О еде порой забывши,
Дитятко свое качая
И свою малютку нянча.

461-464 Кто родную мать забудет,
Огорчит ее, голубку,
Не добром сойдет он к Мане,
В Туонелу не с миром снидет.

465-468 Воздадут за то у Маны,
Страшно в Туонеле отплатят,
Коль родную мать забыла
И при жизни огорчила;

469-472 Дочки Туонелы там скажут,
Девы Маналы промолвят:
«Как забыла ты родную,
Огорчила мать при жизни?

473-478 Тяжело ведь мать трудилась,
Тяжесть страшную носила,
В час, когда лежала в бане,
На соломе распростершись,
Бытие тебе давала,
Там тебя на свет рожала!»

479-482 На полу сидит старуха,
Нищенка сидит в лохмотьях,
На деревне все пороги,
Всех людей дороги знает.

483-488 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Пел петух своей супруге,

Пел цыпленочек над нею,
Ворон тоже спеть сумеет,
Закачается весною.

489-492 Мне бы песни петь пристало,
А они б уж промолчали:
Ведь они в прекрасном доме
И на лоне у любимых;

493-495 Я ж без золота, без дома,
Без любви живу все время.
Ты, сестра, меня послушай!

496-500 К мужу в дом теперь идешь ты,
Мужа прихотям не следуй,
Мне, несчастной, уподобясь,
Угождавшей нраву мужа,
Сердцу гордого супруга!

501-510 Распускалась я цветочком,
Вереском в лесу сосновом,
Кверху шла, как юный прутик,
Вышла стройною девицей,
Ягодкой меня все звали,
Золотко меня прозвали,
Уточкой была отцовской,
Милым матери гусенком,
Водяною птичкой брата,
Зябликом была сестрицы,

511-514 Как цветок я шла дорогой,
Как малина шла по пашне,
Я по берегу шумела,
В полевых цветах качалась;

515-518 Распевала по долинам,
На холмах кукушкой пела,
По лесочкам я играла,
Веселилась в каждой роще.

519-522 Нюх лису в капкан торопит,
Язычок хорька приводит.
В мужний дом мечта сманила,
Завела к чужим девицу.

523-526 Так уж создана девица,
Так уж вынянчена дочка,
Быть ей женушкой при муже
И рабыней у свекрови.

527-530 Шла, малинка, на чужбину,
Шла к воде чужой я, вишня,
Шла, брусника, чтоб глумились,
Земляничка, на погибель.

531-534 Будто дуб хватал дорогой,
Будто ветвь березы била,
Будто схватывали ольхи,
Будто каждый сук кусался.

535-544 Я женой вошла в жилище,
Подвели меня к свекрови.
Как туда я отправлялась,
Мне твердили, будто в доме
Шесть покоев, все из ели,
Вдвое будто бы чуланов,
По краям лесов амбары,
С краю выгона цветочки,
У ручья ячмень прекрасный,
По полям овсы густые

545-548 Обмолоченного груды,
Немолоченного кучи,
Сотня денег уж добытых,
Сотня денег предстоящих.

549-558 И по глупости пошла я,
Отдала я глупо руку:
Дом там на шести подпорках,
На семи стоит тычинках,
Там безжалостны поляны,
Неприветливы там рощи,
Грусть во всех лесах царит там,
Злоба там в лесах повсюду,
В закромах запас негодный,
А другие вовсе пусты,

559-562 Сотня слов, уже слетевших,
Сотня слов, мне предстоящих.
Я о том не горевала,
Жить и так хотела с честью.

563-572 Я ждала себе почета,
Я добра себе искала.
Привели меня в покои,
Начала искать я щепок,
Лбом я стукнулась о двери,
О косяк там головою:
При дверях глаза чужие,
Очи мрачные у стенок,
С пола там косые взгляды,
Издали и вовсе злые;

573-576 Изо рта огонь там пышет,
С языка идут пожары,
Изо рта у злого свекра,
С языка его без ласки.

577-580 И о том не горевала,
Как-нибудь прожить хотела,
Быть там в милости всегдашней
И держать себя смиренно;

581-584 Я как заяц там скакала,
Горностаем устремлялась,
На покой ложилась поздно,

Ранним-рано я вставала.

Чести все-таки не знала,
Не нашла я снисхожденья
Хоть бы горы я катала,
Пополам рубила б скалы.

Я с трудом муку молола,
Зерна грубые с терпеньем,
Чтоб свекровь их поедала,
Горлом огненным глотала,
На конце стола усевшись,
Из посуды золоченой.

Я сама, невесткой, съела
Вдосталь с камушками хлеба,
Мне столом служила печка,
Ложкой мне была черпалка.

Я, невестушкой, в том доме
Часто, неженка, носила
Свежий мох с болотной почвы,
Хлеб себе пекла из моха,
Из ключа носила воду,
Из ковша ее хлебала,
Ела рыбок я, бедняжка,
Там я корюшек съедала,
Нагибаясь прямо к сети,
В зыбкой лодочке качаясь:

609-612 Рыб ведь я не получала
Из руки своей свекрови,
Ни один денек не выпал,
Чтоб такое приключилось.

613-616 Летом жала я колосья,
А зимой навоз таскала,
Как поденщица какая,
Как рабыня нанятая.

617-622 Постоянно в этом доме
У свекрови мне давали
Цеп как можно подлиннее,
Тяжелей других трепало,
Вилы самые большие
И валек побольше прочих.

623-626 Никогда никто не думал,
Что слаба я, что устану,
Устают герои даже,
Жеребцы, и те слабеют.

627-629 Так я, бедная девица,
Исполняла все работы
И в своем поту купалась.

630-632 А когда пойду на отдых
Время печь топить настало,
Попадаю прямо в пекло.

633-636 За веселость поносили,
Языки бранили злые,
Добрый нрав мой осуждали,
Незапятнанное имя;

637-640 Так дождем слова и лили
Мне на голову, бедняжке,
Словно искрами метали,
Сыпали железным градом.

641-644 Я в отчаянье не впала,
Прожила бы я и дольше
Помогать свекрови злобной,
Жить у огненного горла;

645-650 Вот что дух мой погубило,
Принесло большое горе
В волка муж мой обратился,
Принял вид совсем медведя,
От меня он отвернулся,
Так и ел он и работал.

651-656 Тут-то я уж стала плакать,
Размышляла я в амбаре.
Вспоминала дни былые,
Как получше мне жилося
На дворе большом отцовском,
В доме матери прекрасном.

657-666 Тут уж я заговорила
И промолвила словечко:
„Воспитала мать родная
Дочку-яблоньку прекрасно,
Возрастить ее сумела
Посадить же не сумела:
Деревцо ведь посадила
В нелюбезное местечко,
В невозделанную землю,
У корней березы жестких

667-674 Пусть всю жизнь оно там плачет,
Пусть все месяцы горюет.
Я годилась бы, конечно,
На местечко и получше,
На дворы и подлиннее,
На полы пошире этих,
Чтоб иметь получше мужа
И товарища покрепче.

675-680 Я напала здесь на лапоть,
Весь изодранный в лохмотья:
У него воронье тело,
Нос от ворона большого,
Рот от яростного волка,
Все другое от медведя.

681-690 Если б мне такой был нужен,
Я пошла б тогда на горку;
Я взяла б с дороги елку,
Ствол ольховый из лесочка,
Сделала б лицо из дерна,
Бороду его из клочьев,
Голову его из глины,
А глаза его из угля,
Из коры березы уши,
Из ветвей ветелки ноги“.

691-694 Я такую песню пела,
Сокрушенная, вздыхала;
То услышал мой любезный,
За стеной он находился!

695-700 Тотчас вышел он оттуда
И прошел в овин чрез двери,
Я узнала по походке,
По шагам его узнала:
Не от ветра, а от злости
Волосы его вздымались;

701-706 Он ужасно скалил зубы,
Страшно он вертел глазами,
А в руках держал он ясень,
Он держал в руках дубину,
Надо мной дубину поднял,
Сильно в голову ударил.

707-712 Наступил затем и вечер!
Стал ко сну он собираться,
Взял он в руки хворостину,
Взял с гвоздя ременный кнутик,
Взял не для кого другого,
Для меня, жены несчастной.

713-715 Вот и я пошла на отдых,
Наконец заснуть хотела,
И легла я рядом с мужем;

716-720 Положил меня он сбоку,
Стал толкать он кулаками,
Злобно бить меня руками,
Колотить кнутом ременным,
Ручкою моржовой кости.

721-724 Отскочила я от мужа,
От холодной той постели.
На меня напал он сзади,
Гнал меня супруг до двери!

725-730 В волосы рукой вцепился,
Волосы мои повырвал,
Бросил злобно их по ветру,
Их по воздуху рассыпал...
У кого ж искать совета,
И кого же звать на помощь?

731-736 Дали обувь мне из стали,
Дали мне ремни из меди,
И ждала я за стеною,
Поджидала на дворе я,
Чтоб он кончил бесноваться
И хоть несколько утих бы.

737-742 Но утихнуть он не хочет,
Бесноваться не кончает!
Наконец, я стала мерзнуть,
Там заброшенною сидя,
У стены там оставаясь,
За дверями дома мужа.

743-748 Я гадала, размышляла:
Ведь не вечно же терпеть мне,
Этот гнев сносить безмолвно,
Выносить от всех презренье,
Здесь, в жилище злого Лемпо,
Здесь, в гнезде дрянного черта.

749-754 Я простилась с милым домом,
С тем возлюбленным жилищем,
Начала тогда бродить я
По полям и по болотам,
Чрез обширные потоки,
До пределов поля брата.

755-762 Если были там сухие,
Сосны пышные шумели.
Там закаркали вороны,
Затрещали все сороки:
„Не твои теперь места здесь,
И родителей уж нету!“
Тем речам я не внимаю,
Ко двору иду я брата.

763-766 И сказала мне калитка,
Все поля заговорили:
„Ты на родину вернулась,
Что ж ты хочешь здесь услышать?

767-770 Уж давно отец твой умер,
Мать твоя давно скончалась;
Стал чужим тебе твой братец
и жена его — чужая“.

771-774 Я и этому не внемлю,
Прохожу в покои прямо,
Я взялась за ручку двери
Холодна в руках та ручка.

775-779 Я вошла туда в покои
И в дверях остановилась.
Так горда была хозяйка,
Что здороваться не стала
И руки не подала мне.

780-782 Я была горда не меньше:
С ней здороваться не стала
И руки не подала ей.

783-786 Протянула руку к печке
Холодна мне показалась;
Повернула руки к углям
Все без жару были угли.

787-792 На скамье лежал мой братец,
Протянувшийся у печки:
На плечах — на сажень сажи
И на пядь на прочих членах,
Голова в золе на локоть
И на четверть в черной грязи.

793-798 Как чужой сказал мне братец,
Расспросил он словно гостью:
„Ты из-за моря откуда?“
Я ответила на это:
„Иль сестру не узнаешь ты,
Дочку матери родимой?

799-808 Мать одна нас породила,
Мы — единой птички дети,
Мы — птенцы одной гусыни,
Из гнезда одной пеструшки!“
Брат заплакал, услыхавши,
Потекла из глаз водица...

И сказал супруге братец,
Прошептал своей любезной:
„Принеси поесть сестрице!“
Но жена взглянула косо,

809-812 Принесла мне щей из дому,
Жир в них съеден был собакой,
Пес слизал всю соль с капусты,
Черный досыта наелся.

813-820 И сказал супруге братец,
Прошептал своей любезной:
„Принеси-ка пива гостье!“
Но жена взглянула косо
И воды приносит гостье,
Принесла воды негодной:
Чем глаза себе промыла,
Руки вымыла невестка.

821-830 Я тогда ушла от брата,
Из родного вышла дома
И пошла блуждать повсюду,
Начала ходить, бедняжка,
Там по берегу морскому,
И печально подходила
Я к дверям, мне незнакомым,
К вовсе чуждым мне калиткам,
Повлекла детей с собою,
По деревне их, бедняжек...

831-834 Есть, немало есть на свете,
Даже многие найдутся,
Кто злым голосом мне крикнет,
Скажет колкое мне слово;

835-842 Мало, очень мало в мире,
Кто бы доброе мне сделал,
Слово ласковое молвил,
Кто б отвел меня на печку,
Если дождь меня намочит
Или с холоду приду я
В платье, инеем одетом,
В шубе, сверху льдом покрытой.

843-850 Никогда в девичьи годы,
Никогда не помышляла,
Хоть бы сотни говорили,
Хоть бы тысячи твердили,
Что меня беда постигнет,
Что такое горе будет,
Как то горе, что мне было,
Та беда, что мне досталась».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXIV

✦

1-8 Уж девицу научили,
Уж невесту вразумили;
Так еще скажу я братцу,
Жениху я так промолвлю:
"Женишок, мой милый братец,
Ты из братьев самый лучший,
Из детей ты всех милее,
Из сынов ты всех приятней!

9-12 Ты послушай, что скажу я,
Что скажу и что промолвлю
Я об этой коноплянке,
О цыпленке, что поймал ты!

13-18 Славь, жених, судьбу благую
И хвали, что получил ты.
Хвалишь ты — хвали сильнее,
Ведь добро тебе досталось,
Даровал добро создатель,
Дал добро он, благосклонный!

19-22 И отца благодари ты,
Благодарен будь родимой,
Что прекрасную невесту,
Эту деву воспитали!

23-28 Чистая с тобой девица,
Ясная с тобой в союзе,
Белая в твоем владенье,
Статную ты охраняешь,
Сильную у сердца держишь,
Крепкая с тобою рядом.

29-34 Молотить она умеет
И прекрасно косит сено.
Дева в стирке так искусна,
И полотна белит ловко,
И прядет отлично нитки,
И ловка, чтоб выткать платье.

35-40 У нее так звучно бердо,
Как на холмике кукушка,
Челночок скользит у девы,
Как по ветке горностайка,
У нее в руках катушка,
Как в зубах у белки шишка;

41-44 Не заснет деревня крепко,
И не спит весь округ замка
Так стучит девица бердом,
Так шумит челнок у девы.

45-50 Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Скуй ты косу поострее,

Укрепи на твердой ручке,
У калитки ручку вырежь
И на пне отбей ты косу;

51-58 Как взойдет на небо солнце,
Проводи на луг девицу
И следи за шумом сена,
Как трава шуршит сухая,
Под косой визжит осока,
Как шипит щавель зеленый,
Как кусточки исчезают,
Как ломаются отростки!

59-64 На другой день дай девице
Челночок хороший ткацкий,
Дай ей ниченки, дай бердо,
Дай ей ткальные набилки,
Дай получше ей подножку,
Весь прибор хороший ткацкий.

65-70 Посади к станку девицу
И подай девице бердо;
Зазвучит оно у девы,
Застучит станок, заходит,
Стук пойдет по всей деревне,
Даже дальше шум от берда.

71-73 Это старые заметят,
Спросят женщины в деревне:
«Кто такой там ткет за станом?»

74-76 Должен будешь ты ответить:
«Это ткет моя златая,
Звякает мое сердечко.

77-80 Распустить ей, что ли, ткани?
Снять ли ей основу с берда?»
Распускать не нужно ткани
И снимать основу с берда.

81-84 Так ведь ткать лишь дочка Солнца,
Дочка Месяца способна,
Дочь Медведицы на небе,
Так лишь дочки звезд умеют.

85-90 Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Ты отправишься в дорогу,
Ты от этих мест поедешь
Дальше с милою девицей,
С этой курочкою дивной.

91-96 Зяблика возить не вздумай,
Эту нашу коноплянку,
Не вози ее по ямам

И не стукни о заборы,
Там на пни чтоб не упала,
Не свалилась бы на камни.

97-102 Никогда в отцовском доме,
На дворе ее родимой
Не возили ее к ямам,
Никогда к углам заборов,
Чтоб на пни там не упала,
Не свалилась бы на камни.

103-108 Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Не води свою девицу,
Не води ты драгоценность
По углам сидеть по темным,
Чтоб она в углах копалась!

109-116 Ведь она в отцовском доме
И в покоях материнских
Никогда углов не знала
И в углах там не копалась,
А сидела у окошка,
На досках стояла средних,
Утром матушке на радость,
Вечером — отцу родному.

117-122 Никогда, супруг ты бедный,
Не води свою ты птичку
К ступке с жесткою травою,
Чтоб кору она толкла там,
Хлеб пекла бы из соломы,
Замесив с корой сосновой.

123-128 Никогда в отцовском доме,
На дворе своей родимой
Не ходила дева к ступке,
Чтоб толочь кору сухую,
Печь тут хлебы из соломы
И месить с корой сосновой.

129-136 Эту курочку веди ты
На поля с богатой жатвой,
Пусть насыплет ржи в амбаре,
Пусть берет ячмень хороший,
Чтоб месить большие хлебы,
Чтоб сварить получше пиво,
Чтобы хлеб испечь пшеничный,
Чтобы взбить получше тесто!

137-140 Женишок, мой милый братец!
Эта курочка златая,
Этот милый наш гусенок,
У тебя чтоб слез не знала!

141-146 Коль придет дурной часочек,
Коль девица заскучает,
Запряги гнедого в сани,
Лошадь белую в запряжку,
Привези к отцу девицу,
К милой матери в покои!

147-152 С этой курочкой не смей ты,
С этой нашей коноплянкой,
Как с рабыней обращаться,
Как с поденщицей наемной,
Не пускать ее на погреб,
На замке держать амбары.

153-156 Никогда в отцовском доме,
На дворе ее родимой
С нею так не обращались,
Как с рабынею-служанкой;

157-164 Для нее открыт был погреб
И амбар не запирался,
Белый хлеб она держала
И за яйцами смотрела,
За молочною посудой,
За посудою для пива,
На ночь погреб запирала,
А наутро отпирала.

Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Если будешь ласков с девой,
Будешь ласково и принят:
Коль ты к тестю в дом приедешь,
Коль приедешь в гости к теще,
Хорошо тебя покормят,
И накормят, и напоят,
Отпрягут твою лошадку,
Отведут ее в конюшню,
Там покормят и попоят,
Принесут овса в кормушке.
Не позорь девицу эту,
Эту нашу коноплянку,
Будто род ее незнатен
И родня не так обширна!
Знатен род у этой девы,
И родня весьма обширна:
Коль бобов осьмину сеять,
По бобу получит каждый;
Если льна осьмину сеять,
Выйдет каждому по нитке.
Ты не вздумай, муж несчастный,
Поступить с девицей дурно,
Поучить ременной плеткой,

Как рабу кнутом ударить
И хлыстом заставить охать,
По овинам горько плакать!

193-198 Ведь ее в отцовском доме
Никогда никто не вздумал
Поучить ременной плеткой,
Как рабу кнутом ударить
И хлыстом заставить охать,
По овинам горько плакать.

199-204 Перед нею стань стеною,
Стань пред ней, как столб у двери,
Чтоб свекровь ее не била,
Чтобы свекор не бранился,
Чтобы гости не сердили,
Чтоб соседи не бранили.

205-210 Коль к тебе пристанут люди,
Чтоб ты сам ее ударил,
Никогда не бей ты нежной,
Не наказывай любезной:
Ты три года дожидался,
Сватал деву непрерывно!

211-214 Ты учи, супруг, девицу,
Это яблочко златое,
Ты советуй ей в постели
И учи ее за дверью;

215-218 Делай так в теченье года.
Год учи ее словами,
А другой учи глазами,
Третий топай ты ногою!

219-223 Если слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Ты сорви тогда тростинку,
Собери хвощу в поляне,
Поучи хвощом девицу.

224-228 На четвертый год все так же
Ты стращай ее тростинкой,
Злаком с крепкими концами,
Не секи ее ремнями
И не бей еще ты розгой!

229-234 Если слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Принеси из лесу розгу,
Взяв березку из долины,
Принеси ее под шубой,
Чтоб соседи и не знали;

235-242 Покажи ее супруге,
Пристыди ее, не бивши!
Если ж слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Поучи ее ты розгой,

Свежей веткою березы
Где-нибудь в углу, в покоях,
За промшенною стеною.

243-248 Не секи ее средь луга
Или где-нибудь на поле:
Не дошел бы шум в деревню,
Не дошел бы крик к соседям,
До других домов рыданье,
Суматоха та до лесу!

249-252 По плечам лишь бить ты должен,
Умягчать пониже спину;
Никогда не бей по глазу
И ушей ты не касайся.

253-260 На висках коль шишки вскочат,
Пятна синие под глазом,
То начнет свекровь расспросы,
И заметит свекор это,
На деревне все увидят,
Станут женщины смеяться:
«На войне была, должно быть,
Где-нибудь была в сраженье.

261-264 Иль уж волк не изодрал ли?
Иль медведь где не помял ли?
Видно, волком-то супруг был,
Муженек, знать, был медведем?»

265-272 Там лежал на печке старец,
Наверху лежал там нищий,
И сказал оттуда старый,
Так промолвил сверху нищий:
«Никогда, супруг несчастный,
Не гляди на нрав супруги,
На язык супруги гладкий,
Вот как я, несчастный малый!

273-276 Покупал я хлеб и мясо,
Покупал я масло, пиво,
Покупал я рыбы всякой,
Разной снеди и припасов;

277-280 Пиво брал я в странах здешних,
А пшеницу из далеких.
Но и этого все мало,
Не пошло ей впрок и это.

281-288 Вот вошла жена в покои,
В волосы мои вцепилась
С искаженными чертами
И вертит глазами страшно:
Все вздыхала и стонала,
Говорила лишь со злобой,
Обзывала дровосеком
Да бранилася болваном.

289-296 Вот другой исход нашел я;
Я пошел другой дорогой:
Взял я ветку от березы
Назвала супруга птичкой,
Можжевеловый взял прутик
Говорит: „Ты — золотой мой!“
Высек ивовою розгой
Женка бросилась на шею».

297-304 Тяжко девушка вздохнула,
Прослезилась, застонала,
Стала дева горько плакать,
Говорит слова такие:
«Да, близка другим разлука,
У дверей уж их прощанье,
А моя разлука ближе,
А прощанье вовсе близко;

305-312 Тяжела моя разлука,
Нелегко мое прощанье
С этой славною деревней,
С этим двориком прекрасным,
Где я выросла, красотка,
Где я выше становилась,
Как росла еще ребенком,
В годы детства возрастала.

313-318 Ведь не думала я раньше,
Никогда не помышляла,
Не мечтала о разлуке,
Не гадала о прощанье,
О прощанье с этим домом
И с горой высокой этой.

319-326 Вот теперь в разлуку верю,
Вижу, уходить пора мне:
Пьют уже прощальный ковшик,
Нет прощального уж пива,
Вот уж сани расписные
Передком глядят наружу,
Боком смотрят на конюшню,
К хлеву спинкой повернулись.

327-332 Чем воздам я при разлуке,
Чем, бедняжка, при прощанье,
Чем за молоко родимой,
За добро отцу родному,
За любовь родному братцу
И за ласковость сестрице?

333-336 Уж и батюшке родному
За всю жизнь мою спасибо,
За еду, что я поела,
За отборные кусочки.

337-340 Уж и матушке спасибо,
Что меня, дитя, качала,
Что малюточку носила,
Что меня кормила грудью.

341-346 И тебе спасибо, братец,
И тебе, моя сестрица!
И спасибо всем в семействе,
Всем друзьям годов прошедших,
С кем жила я неразлучно,
С кем росла я, молодая.

347-354 Не горюй ты, мой родимый,
Также матушка родная.
Не горюй, мой род высокий,
Вы, почтенные родные,
Не горюйте, не заботьтесь,
Обо мне вы не печальтесь,
Что иду в страну иную,
А куда, сама не знаю!

355-362 Ведь блистает солнце божье,
И сияет божий месяц,
И сверкают неба звезды,
И Медведица на небе,
Ведь везде они, повсюду,
Где бы я ни оказалась,
Не в одном дворе отцовском,
Где жила я, молодая.

363-367 Я теперь должна расстаться
С золотым родным жилищем,
С этой комнатой отцовской,
С этим погребом родимой
И с болотами, с полями;

368-370 Оставляю дерн зеленый,
Эти светлые потоки
И песчаный этот берег;

371-380 Пусть купаются тут жены,
Пусть тут плещутся подпаски.
Оставляю здесь болото,
Поле — пахарю с сохою,
Лес — для ищущих покоя,
Для гуляющих — лужайки,
Для шагающих — заборы,
Для бродящих — луговины,
Для бегущих — двор широкий,
Для стоящих — эти стены,

381-386 Для опрятных — пол дощатый,
Для метущих — доски пола,
Для оленей — их поляны,
Чащи вольные — для рысей,
Для гусей — луга большие
И кустарники — для птичек.

387-394 Ухожу теперь отсюда,
Удаляюсь я к иному,
В руки ноченьки осенней
Да на скользкий лед весенний,
Где шагов не остается,
Где на глади след не виден,
На коре следы от платья,
На снегу следы подола.

395-404 Если я назад вернуся,
Возвращусь в места родные,
Не услышит мать мой голос,
Ни отец мое рыданье,
Как начну я причитанья,
Над главами их заплачу,
Уж взойдет младая травка,
Подрастет уж можжевельник
Там у матери над телом,
У отца над головою.

405-410 Если я назад вернуся,
Вновь на улицы большие,
Уж никто меня не встретит,
Кроме двух моих подружек,
Кроме связок у забора,
Кроме кольев в заднем поле.

411-413 Я, дитя, их завязала,
Я, девица, их воткнула.
Да узнает лишь корова;

414-420 Как была она теленком,
Я ей есть и пить давала,
И теперь она мычит здесь,
На навозных этих кучах,
На полях зимы холодной
Вот она еще признает,
Что из этого я дома.

421-430 Да отца конек-любимчик,
Что я досыта кормила,
Как была еще девчонкой,
Конь, что ржет здесь постоянно,
На дворе, на сорных кучах,
На полях зимы холодной
Он еще меня признает,
Что из этого я дома,
Да у братца вот собачка,
Что ребенком я кормила,

431-436 Вывши девочкой, учила,
Что здесь лает беспрестанно,
На дворе, на сорных кучах,
На полях зимы холодной
Вот она меня признает,
Что из этого я дома.

437-442 А другие не признают,
Как вернусь в места родные.
Все, как прежде, будут броды,
Все такое же жилище,
На своих местах заливы,
Тони рыбные на месте.

443-446 Ты прощай, мое жилище,
Ты, с своей дощатой крышей,
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!

447-450 Вы прощайте, наши сени,
Вы, с своим дощатым полом,
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!

451-454 Ты прощай, мой двор широкий,
Двор, рябиною поросший,
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!

455-462 Всем поклоны на прощанье:
Лесу, ягодам, землице,
Вам, всем пастбищам с цветами,
Вам, всем травам и полянам,
Вам, озерам с островами,

Вам, глубокие проливы,
Вам, холмы и рощи сосен,
Вам, овраги и березы!»

463-472 Тут кователь Ильмаринен
Посадил девицу в сани
И коня кнутом ударил,
Говорит слова такие:
«Вы прощайте, берег моря,
Берег моря, край поляны,
Вы, все сосны на пригорке,
По дубравам все деревья,
Ты, черемуха у дома,
Можжевельник у потока,

473-476 Вы, все ягодки на поле,
Стебли ягодок и травок
И кусточки, корни елей,
Листья ольх, кора березы!»

477-479 Уезжает Ильмаринен
Со двора из Сариолы.
Дети петь там продолжали.

480-483 Так они запели песни:
«Птица черная летела,
Через лес сюда спешила,
Взять здесь уточку сумела.

484-486 Нашу ягодку стащила,
Наше яблочко уносит,
Нашу рыбочку увозит;

487-490 Мало денег заплатила,
Серебром ее сманила.
Кто к воде теперь сведет нас,
Кто покажет тропку к речке?

491-496 Здесь не сдвинутся ушаты,
На гвозде тут коромысло,
Пол здесь будет неметеным,
Доски будут нескоблены,
Вся посуда непомыта
И ушки у кружек грязны!»

497-502 Сам кователь Ильмаринен
Вдаль спешит с девицей юной.
Едет быстро, пролетая
По прибрежью Сариолы,
У медового залива,
По хребту горы песчаной;

503-506 Камни и пески запели,
И стучат дорогой сани,
И железные колечки,
И подпорки из березы;

507-510 Затрещал из ивы узел
И черемушная дужка,
Завизжали там оглобли,
Кольца громко забренчали;

511-514 Так стремился конь хороший,
Конь рысистый, белолобый.
Скачет день, другой он скачет,
Скачет так еще и третий.

515-518 Держит муж рукою вожжи,
А другою руку девы,
Ногу держит он наружу,
А под войлоком другую.

519-528 Конь бежит дорогой скоро,
День короче — путь короче;
Наконец, на третьи сутки,
Как уж солнце шло к закату,
Кузнеца жилище видно,
Ильмаринена строенье:
Сажа мчится полосами,
Дым густой выходит тучей,
Из избы идет веселый,
К облакам идет обильно.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXV

✦

1-4 Уж немало поджидали,
Поджидали и глядели:
Что не едут поезжане
К Ильмаринену в жилище?

5-12 Загноился глаз старухи
Так она в окно глядела,
Слабнут юношей колена,
Поджидавших у калиток,
Дети ноги ознобили,
За стеною дома стоя,
Разорвали люди обувь,
Все-то бегая по брегу.

13-16 Наконец, однажды утром,
Как-то рано в день прекрасный,
Услыхали шум из лесу,
Застучали громко сани.

17-20 Локка, добрая хозяйка,
Калевы красотка дочка,
Говорит слова такие:
«Это, верно, сани сына!

21-26 Он из Похъёлы к нам едет,
Возвращается с невестой!
Жалуй, сын, в страну родную,
Ты въезжай во двор отцовский,
К той избе, отца наследству,
Что когда-то строил предок!»

27-30 И кователь Ильмаринен,
Въехал тут во двор отцовский,
К той избе, отца наследству,
Что еще построил предок.

31-36 Звучно рябчики щебечут
На дуге его, на новой,
Кличут весело кукушки
Впереди перед санями,
Белка скачет, веселяся,
По оглобле, по кленовой.

37-44 Локка, добрая хозяйка,
Калевы красотка дочка,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Новолунья ждет хозяин,
Солнца ждут младые люди,
Дети — ягод на поляне,
А вода — смоленой лодки.

45-48 Я ждала не новолунья,
Солнца я не ожидала,
А ждала я только сына,
Сына с юною супругой.

49-53 Утром, вечером глядела,
Думая, куда он делся:
Не растит ли там малютку,
Уж не тощего ли кормит,
Что сюда идти не хочет.

54-56 Ведь всегда мне обещал он,
Что, не дав остынуть следу,
Он домой придет обратно.

57-62 По утрам я все глядела,
Целый день держала в мыслях:
Уж не сани ль заскрипели,
Не стучат ли по дороге,
Не въезжают ли на дворик,
И не мчатся ли к избушке?

63-68 Будь тот конь хоть из соломы
И из двух дощечек сани,
Я б дощечки похвалила,
Назвала бы их санями,
Лишь доставили б родного,
Подвезли б сыночка к дому.

69-73 Так все время и глядела,
Целый день я ожидала,
Все вытягивала шею,
Волосы все растрепала
И повыглядела очи.

74-76 Я ждала: не мчится ль милый,
Не въезжает ли на дворик
Быстро к тесному жилищу.

77-80 Наконец-то он приехал,
Наконец домой вернулся;
Рядом с ним — прекрасный облик
И румяненькие щечки!

81-88 Женишок, мой милый братец!
Распрягай скорей гнедого,
Отведи свою лошадку
На привычные ей травы,
На овес, на самый свежий,
Нам же дай свои поклоны,
Поклонись и прочим людям,
Поклонись ты всей деревне.

89-94 А как кончишь ты поклоны,
Расскажи, что пережил ты:
Не имел ли приключений,

Был ли ты здоров в дороге,
Как ты к теще направлялся,
Как ты шел в жилище тестя?

95-100 Не войной ли добыл деву,
Не взломал ли ты ворота,
Ты жилья не взял ли силой,
Не обрушил стены дома,
Чрез порог вошел ли к теще,
Сел ли на скамейку тестя?

101-105 Но я вижу без расспросов,
Не выпытывая, вижу:
Был он свеженек в дороге,
Был в пути своем доволен,
Как добычу, взял гусенка;

106-110 Он взломал в войне ворота,
Он сломал из досок крепость,
Сокрушил из липы стены,
Чтоб попасть в жилище тещи,
Чтоб попасть в жилище тестя.

111-114 Взял он утку под защиту,
Взял он курочку в объятья;
Дева чистая с ним рядом,
Ясная — ему покорна.

115-118 Кто принес сюда неправду,
Распустил дурные вести,
Что жених ни с чем явился,
Что напрасно конь пробегал?

119-122 Не один жених явился,
Не напрасно конь пробегал:
Было что ему доставить,
Должен был трясти он гривой!

123-126 И покрыт он даже потом,
И облит обильной пеной
Ведь цыпленочка привез он,
К нам цветущую доставил.

127-132 Из саней, красотка, выйди,
Слезь-ка, добрая, с сиденья.
Пусть тебя не поднимают,
Не несут тебя оттуда,
Лишь младенец встать не сможет,
Только гордый встать не хочет!

133-140 Поднимись же ты с сиденья,
Из задка саней ты выйди
На прекрасную дорогу,
Стань на бурую здесь землю,
Что выравнивали свиньи,

Поросята утоптали,
Ровной сделали ягнята,
Подметали кони гривой!

141-150 Ты пойди шажком гусенка,
Мелким уточкиным шагом
По дороге подметенной,
По полянам этим ровным,
По двору твоей свекрови,
Где твой свекор поживает,
На места, где брат работал,
На зеленый луг сестрицы,
На порог ступи ногою,
Стань в сенях ногою на пол,

151-154 Стань в сенях, всегда прохладных,
И потом войди в покои
И под притолоку ату,
Под прославленную крышу!

155-158 Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Костяной нам пол пророчил,
Что ты скоро здесь пройдешься;

159-162 Крыша знала золотая,
Что под ней ты скоро будешь;
Сильно радовались окна,
Что сидеть под ними станешь.

163-170 Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Все трещала ручка двери
О руке твоей в колечках,
И порог склонялся ниже
В ожиданье умной девы,
Отворялись двери сами,
Отворяльщицу все ждали.

171-178 Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Вся изба вертелась наша
И ждала твоей уборки:
Пол в сенях был беспокоен
Твоего он ждал метенья,
Волновалися овины,
Твоей щетки ожидая.

179-182 Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Двор вокруг все озирался
Ждал, что ты сберешь лучинки;

183-186 Наклонялися амбары
Твоего прихода ждали,
И шесты давно погнулись,
Чтоб повесила ты платья.

187-190 Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Так дороженька скорбела,
Что по ней ты не гуляешь;

191-194 Ожидал тебя и хлевик
Для прекрасного утенка.
Ожидал тебя наш дворик,
Чтоб за ним ты присмотрела.

195-198 И в истекшие лишь сутки,
В эти нынешние сутки,
Ту корова поджидала,
Кто ей выдаст связку корма;

199-202 Ржал о той нам жеребенок,
Кто ему даст утром сена;
И о той ягненок блеял,
Кто побольше даст кусочков.

203-210 И в истекшие лишь сутки,
В эти нынешние сутки,
У окон сидели старцы,
Дети бегали по взморью,
Женщины у стен стояли,
У сенных дверей мальчишки,
Ждали юную хозяйку,
Все невесту поджидали.

211-220 Славься, двор, со всем народом,
С теми храбрыми мужами,
Славься ты, овин, со всеми
Подошедшими гостями,
Славьтесь, сени, с тем народом,
Кто вошел под вашу кровлю,
Славься, дом, со всем народом,
С детками в избе дощатой,
Славься, месяц, славься, витязь,
Славьтесь, свадебные гости!

221-224 Прежде здесь и небывало
Никогда еще, ни разу,
Поезжан таких, как эти,
Столь прекрасного народа.

225-227 Женишок, мой милый братец!
Развяжи ты красный узел
И сними платки из шелку!

228-230 Покажи свою куницу,
Ту, что пять годов ты сватал,
Восемь лет смотрел с любовью!

231-234 Ту ли взял ты, что желал ты?
Ты желал ли взять кукушку,
Взять там белую с землицы,
Взять там свежую из моря?

235-242 Но я вижу без вопросов,
Не рассматривая, знаю:
Ты привел красу кукушку,
Утку синюю привез ты,
Самый юный взял отросток
От зеленого кусточка,
Ветку взял, что всех свежее,
Из черемухи ты выбрал».

243-245 На полу сидел ребенок,
И сказал мальчишка с полу:
«Что с собой ты, братец, тащишь?

246-248 Красоту ли пней смолистых,
Стройность ли дегтярной бочки
Вышиною с мотовило?

249-252 Ох, жених, жених злосчастный!
Ты всю жизнь в надежде прожил,
Что получишь деву в сотню,
Даже в тысячу ценою.

253-258 Получил девицу в сотню,
Даже в тысячу ценою,
Как ворону на болоте,
Как сороку на заборе,
Птичье пугало на поле,
Птицу черную из пыли!

259-262 Лето прошлое без дела
Провела девица эта:
И чулок не навязала
И перчаток не связала!

263-266 Так ни с чем сюда явилась,
Без даров явилась к свекру;
В сундуке ее, знать, мыши,
Длинноухие в шкатулке!»

267-272 Локка, добрая хозяйка,
Калевалы украшенье,
Слышит странные те басни,
Говорит слова такие:
«Злой ребенок, что сказал ты,
Почему солгал бесчестно?

273-276 О другой пусть это скажут,
Пусть другую так позорят,
А не эту нашу деву,
Не девицу в нашем доме!

277-280 Ты сказал плохие речи,
Эти речи, верно, молвил
В ночь родившийся теленок
Иль щеночек однодневный!

281-288 Жениха девица — прелесть,
Лучше всех в своей округе:
Точно спелая брусничка

И на горке земляничка,
Как кукушечка на ветке,
Точно птичка на рябине,
Точно пташка на березе,
Белошеечка на клене.

289-296 Никогда в земле немецкой
Иль эстонской не получишь
Столь прекрасной юной девы,
Столь прелестного утенка,
Красоты такой во взоре,
Величавости осанки,
Белизны руки, столь нежной,
И изгиба тонкой шеи.

297-300 Не ни с чем пришла девица:
Принесла с собою шубы,
Принесла с собою платьев,
И сукна у ней довольно.

301-304 Эта юная девица
Много пряла веретенцем
И работала катушкой,
Много пальцами трудилась.

305-308 Платья с блеском глянцевитым
Припасла она зимою,
А весною их белила,
Теплым летом их сушила;

309-312 Простыни ее так тонки,
Пухлы мягкие подушки,
Чистотой блестят платочки,
И сверкают покрывала.

313-316 Ах ты, женушка-красотка,
С свежим личиком прекрасным!
Дома славилась всегда ты
У отца хорошей дочкой;

317-320 Будь прославленной теперь ты
Здесь при муже нам невесткой!
Никогда не знай заботы
И в печаль ты не вдавайся!

321-326 Ведь пришла не на болото,
Не на край пришла речушки
Ты пришла с земли богатой
В землю, что еще богаче,
Из дому, где много пива,
В дом, где пива много больше.

327-331 Дева, добрая красотка!
Вот о чем тебя спрошу я:
По дороге к нам видала ль
Ты снопов большие скирды,
Ржи запасы целой грудой?

332-334 Это все — при нашем доме:
Хорошо пахал супруг твой,
Хорошо пахал и сеял.

335-338 Дева, милая красотка!
Вот что я тебе промолвлю:
Ты умела в дом приехать,
Так умей в нем оставаться!

339-342 Тут для женушки удобно,
Для невестки здесь прекрасно,
На руках твоих все масло,
Молоко к твоим услугам.

343-346 Хорошо здесь для девицы,
Здесь для курочки прекрасно.
Широки здесь доски в бане,
И длинны в избе скамейки;

347-350 Здесь хозяин — что отец твой,
Точно мать твоя — хозяйка,
Сыновья их — точно братцы,
Как сестра твоя — их дочка.

351-356 Как придет тебе желанье,
Коль почувствуешь охоту
Съесть опять отцовской рыбы
Или братниной дичины,
Не у деверя проси их,
Не проси ты их у свекра!

357-366 А проси их у супруга,
Что сюда тебя доставил!
Не найдется зверя в лесе
Не единого пушного,
Ни одной воздушной птицы,
Ни с двумя крылами пташки,
Ни единой рыбы в волнах
Из прекрасной рыбьей стаи,
Чтоб не мог поймать супруг твой,
Чтоб твой муж их не достал бы.

367-374 Хорошо здесь для девицы,
Здесь для курочки прекрасно.
Жернов ей вертеть не нужно
И не нужно ставить ступку:
Здесь вода пшеницу мелет,
И для ржи поток стремится,
Волны здесь посуду моют,
Очищает пена моря.

375-382 Вот красотка деревенька,
Вот клочок земли прекрасной:
Луг — внизу, а выше — поле,
Посредине их — деревня,
Под деревней — милый берег,
А у берега — водица:
В ней поплавать любят утки,
Любит птица водяная».

383-388 Тут прибывших накормили,
Накормили, напоили,
Дали мясо им кусками,
Дали пряников красивых,
Дали ячного им пива,
Дали браги из пшеницы.

389-398 Было много что покушать,
Что покушать, что и выпить:
Было все на красных блюдах,
На лотках, весьма красивых,
Пироги лежат кусками,
Масло сложено частями,
На куски сиги разъяты,
И разрезал лососину
Нож серебряный на части,
Лезвие его из злата.

399-404 Без конца лилося пиво,
Мед, не купленный на деньги,
Через кран бежало пиво,
Чрез отверстье мед струился,
Чтоб смочить тем пивом губы,
Оживить тем медом мысли.

405-410 Кто же должен спеть нам песню,
Кто певцом явиться должен?
Старый, верный Вяйнямёйнен,

Вековечный песнопевец,
Пенье тотчас начинает,
Принимается за песни.

411-413 Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Золотые други-братья!

414-416 Вы, богатые словами,
Вы, речистые, родные!
Вы послушайте, что молвлю!

417-422 Редко гуси станут рядом
И сестра с сестрой напротив,
Редко рядом станут братья,
Дети матери единой,
Здесь, в пределах несчастливых,
В бедных северных пространствах.

423-428 Приступать ли к песнопенью,
Начинать ли пенье песен?
Пение певцу — работа,
Как кукушке — кукованье,
Как красильщице — крашенье,
И как ткачество — ткачихе.

429-432 Ведь поют лапландцев дети,
Те, что в лапотки обуты,
Мяса лосьего поевши,
Мяса грубого оленя;

433-436 Отчего же не запеть мне,
Не запеть и нашим детям
За едой, обильной рожью,
После кушанья мучного?

437-440 Ведь поют лапландцев дети,
Те, что в лапотки обуты,
Выпив ковшичек водицы,
Пожевав коры сосновой;

441-444 Отчего же не запеть мне,
Не запеть и нашим детям
От ячменного напитка,
От проваренного пива?

445-452 Ведь поют лапландцев дети,
Те, что в лапотки обуты,
У костра на пепле лежа,
На углях очажных черных:
Отчего же не запеть мне,
Не запеть и нашим детям,
Под стропилами здесь сидя,
Под прославленною кровлей?

453-460 Хорошо здесь быть мужчинам,
Быть и женщинам приятно,
Здесь, у бочек, полных пивом,
У больших бочонков меда,
Здесь, вблизи сигов в проливах,

При больших лососьих тонях,
Где всегда бывает пища
И питье не иссякает.

461-468 Хорошо здесь жить мужчинам.
Жить и женщинам приятно
Не едят здесь, пригорюнясь,
Жизнь проводят беззаботно,
Здесь едят не унывая,
Без заботы проживают
До тех пор, пока хозяин
И пока хозяйка — живы.

469-472 Так кого же славить первым
Мне, хозяина ль, хозяйку ль?
Первый здесь герой — хозяин,
И ему сначала слава.

473-480 Дом воздвиг он на болоте,
Из лесов его доставил,
Он принес стволов еловых,
Он принес высоких сосен,
Их поставил в лучшем месте,
Сколотил их так искусно,
Что семье большой дом вышел,
Превосходное строенье;

481-486 Стены из лесу доставил,
Балки снес с горы высокой,
Из густых кустов стропила,
Доски с ягодной поляны,
Снял бересту он с березок,
Мох из зыбкого болота.

487-492 Осторожно дом построен
И стоит на месте прочно.
Сто мужей над ним трудились,
Были тысячи на срубе,
Как отделывали избу,
Как сколачивали доски.

493-500 Потерял хозяин дома,
Как отделывал избу он,
С головы волос немало,
В бурю, в шуме непогоды
Оставлял хозяин часто
На утесе рукавицы,
На ветвях деревьев шапку
И терял чулки в болоте.

501-508 Часто добрый наш хозяин
Поднимался ранним утром,
Поднимался раньше прочих
И, не слышимый деревней,
Оставлял шалаш дорожный

И огонь, там разведенный,
Промывал глаза росою
И причесывался веткой.

509-511 Так-то добрый наш хозяин
И набрал друзей в покои,
Рассадил певцов на лавках;

512-518 У окон народ любезный,
На полу народ шумливый;
Говорят за загородкой,
По стенам стоят толпою,
Мимо изгороди ходят,
По двору снуют толпою,
По земле везде гуляют.

519-522 Я хозяина прославил
Славлю добрую хозяйку,
Что сготовила нам пищу,
Стол заставила посудой.

523-527 Напекла хлебов нам пышных
И лепешек толокняных
Все своими лишь руками,
Все десятком легких пальцев
И взошли прекрасно хлебы;

528-530 Всех гостей она кормила
В изобилии свининой,
Пирогами со сметаной;

531-534 Лезвия ножей погнулись,
У ножей скривились стержни
От работы над лососьей
И над щучьей головою.

535-542 Часто добрая хозяйка
Хлопотливо поднималась,
Петухи еще не пели
И цыпленок не кудахтал,
Чтоб устроить все на свадьбу,
Чтоб исполнить всю работу,
Чтобы дрожжи приготовить
И сварить побольше пива.

543-546 Так-то добрая хозяйка
Осмотрительно сварила
Превосходного нам пива,
Льет гостям напиток сладкий;

547-554 Из семян он плодоносных,
Солод в нем из сладких зерен,
И она не деревяшкой,
Не мешала зерен палкой,
Но мешала их рукою,
Все месила лишь руками,
Все мешала в чистой бане,
На досках, метенных чисто.

555-558 Эта добрая хозяйка
Осмотрительно глядела,
Чтоб зерно не прорастало,
Не пропах землею солод;

559-562 И ходила часто в баню,
Приходила даже в полночь,
Ни волков не опасаясь,
Ни лесных зверей не труся.

563-566 Вот прославил я хозяйку:
Так теперь прославлю свата!
Кто же был назначен сватом,
Кто указывал дорогу?

567-570 Сват в деревне самый лучший
Он в нее приводит счастье.
Хорошо наш сват оделся:
Разодет в кафтан суконный;

571-576 На руках кафтан в обтяжку
И сидит везде прекрасно.
Хорошо наш сват оделся,
И кафтан на нем в обтяжку:
По песку он полы тащит,
По полям подол волочит.

577-580 Хороша рубашка свата:
Чуть выглядывает ворот,
Словно дочь Луны соткала,

Всюду оловом украсив.

581-586 Хорошо наш сват оделся:
Шерстяной на чреслах пояс,
Что сработала дочь Солнца,
Дивно кольцами расшила
В дни, когда огня не знали
И огонь не появлялся.

587-592 Хорошо наш сват оделся:
На ногах чулки из шелка,
На чулках из шелка банты,
Изукрашены подвязки,
Словно золотом прошиты,
Серебром они покрыты.

593-598 Хорошо наш сват оделся:
Башмаки на нем от немцев,
Точно лебеди на речках,
Как на бережке лысухи,
Точно гуси меж кусточков,
Точно птицы в перелете.

599-601 Хорошо наш сват оделся:
Голова — златые кудри,
Борода в златых косичках;

602-606 Голова у свата в шлеме,
Поднялся тот шлем до тучи,
Вышиной с верхушку леса,

За него заплатишь сотни,
Марок тысячи заплатишь.

607-610 Вот прославил я и свата.
Буду славить я подружку!
И откуда та подружка,
Где счастливая нашлася?

611-614 Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася:
Там, за Таникой, за замком,
Там, за крепостью, за новой.

615-620 Не оттуда та подружка
И нисколько не оттуда!
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася:
При водах Двины нашлася,
При больших широких далях.

621-628 Не оттуда та подружка
И нисколько не оттуда!
На земле росла брусника,
На поляне земляника,
Травка славная на поле,
Золотой цветочек в роще:
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася.

629-632 Нежный ротик у подружки,
Как челнок из Суоми ткацкий;
Глазки смотрят дружелюбно,
Словно звездочки на небе;

633-642 Далеко блестят височки,
Словно лунный свет на море.
Убрана подружка славно:
Шея с цепью золотою,
С золотой головка лентой,
В золотых браслетах руки,
В золотых колечках пальцы,
Золотые в ушках серьги,
В золотых кружках височки,
Золотой на бровках жемчуг.

643-646 Думал я, что светит месяц,
Как блеснули там застежки;
Думал я, что светит солнце,
Как блеснул рубашки ворот;

647-649 Думал я, что парус веет,
Как платок ее завеял.
Вот прославил я подружку;

650-654 Посмотрю теперь гостей я,
Хороша ль толпа пришедших,
Крепки ль старые здесь люди,

Резвы ль люди молодые,
Вся ль компания красива!

655-662 Посмотрел здесь всех гостей я,
Словно знал их всех и раньше:
Никогда здесь не бывало
И появится не скоро
Столько славного народа
И толпы такой прекрасной,
Стариков, столь крепких с виду,
Молодых, настолько славных.

663-666 Вся толпа одета в белом,
Точно лес, где выпал иней,
Сверху — точно зорька утром,
Снизу — словно час рассвета.

667-672 Серебра гостям немало,
Золота довольно было:
На полях горстями деньги,
А на улицах — мешками
Для гостей здесь приглашенных,
Ради славы здесь сидящих».

673-676 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Пенья сильная опора,
Закачался скоро в санках
И домой к себе поехал;

677-679 Пел он песни непрерывно,
Пел искусно эти песни.
Спел он песню, спел другую;

680-686 Третью песню как запел он
Зазвенел о камень полоз,
И повис на пне брусочек:
Разломались старца сани,
Поломался санный полоз,
Пополам брусок сломался,
Отвалился бок от бока.

687-696 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Нет ли в здешней молодежи,
В возрастающем народе,
Нет ли здесь меж стариками,
В исчезающем народе,
Кто бы к Туонеле спустился,
В царство Маны кто пошел бы
Раздобыть бурав у Маны,
Взять у Туонелы буравчик,

697-706 Чтоб я мог наладить сани,
Сделать новое сиденье!»
Что сказали молодые,
То и старые сказали:
«Нет меж здешней молодежью,
Нету здесь меж стариками

В этом племени великом
Столь отважного героя,
Кто бы к Туонеле спустился,
Кто б пошел в жилище Маны,

707-710 Взял бы в Туонеле буравчик,
Раздобыл бурав у Маны,
Чтоб ты вновь устроил сани,
Расписные починил бы».

711-714 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
В Туонелу опять спустился,
Вновь сошел в жилище Маны.

715-720 В Туонеле добыл буравчик,
В Манале достал бурав он,
Начал пенье Вяйнямёйнен,
Рощу синюю напел он,
В роще ровные дубочки
Вместе с стройною рябиной;

721-726 Он из них построил сани
И согнул себе полозья,
Выбирает на брусочки,
На дугу берет деревьев:
Так привел в порядок сани,
Так он новые устроил.

727-730 Запрягает жеребенка,
Впряг гнедого в эти санки,
Сам потом он в них садится,
Опустился на сиденье.

731-734 Без кнута бежит лошадка,
Что есть силы побежала
Ко двору, где корм привычный,
Там, где добрая кормежка.

735-738 И приехал Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
К своим собственным воротам,
На свой собственный порожек.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXVI

✦

1-4 Ахти жил у мыса Кауко,
Там на острове при бухте.
Он распахивал там поле,
Бороздил свои поляны.

5-8 Было тонко ухо Ахти,
Слух имел он очень острый.
Из деревни шум он слышит,
Слышит топот по прибрежью.

9-14 Стук саней по льду он слышит,
Слышит стук саней в лесочке.
Мысль в уме его возникла,
В голову его запала:
Свадьбу в Похъёле справляют,
Там народ пирует тайно!

15-24 И поник он головою,
Кудри черные упали,
Кровь вдруг бросилась от злости
С побледневших щек пониже,
Бороздить не стал он больше,
Перестал пахать средь поля,
Быстро он вскочил на лошадь

И поехал прямо к дому,
К матери своей любимой,
Прямо к матери-старушке.

25-27 И, придя, сказал он старой,
Так он, в дом войдя, промолвил:
«Мать, ты милая старушка!

28-30 Дай поесть мне поскорее,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы голод утолил я;

31-34 Затопи мне также баню,
Приготовь скорей купанье,
Чтоб я мог омыть все тело
И предстать в красе героя!»

35-40 Лемминкяйнена мать тотчас
Пищу быстро собирает,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы жажду утолил он,
А потом готовит баню,
Сыну славное купанье.

41-44 И веселый Лемминкяйнен
Съел сперва поспешно пищу,
Поспешил потом он в баню,
Он отправился в парилку;

45-48 Там и выкупался зяблик,
Вымыл тело подорожник,
Голова, как лен, белела,
И блестела ярко шея.

49-51 Он пришел в избу из бани,
Говорит слова такие:
«Мать, ты милая старушка!

52-56 Ты пойди в овин на гору,
Вынь прекрасную рубашку,
Принеси кафтан покрепче,
Чтоб в него я мог одеться,
Мог в кафтан облечь бы тело!»

57-62 Мать его спросила прежде,
Начала расспрос хозяйка:
«Ты куда идешь, сыночек,
На охоту ли за рысью,
Иль поймать ты хочешь лося,
Иль стрелять ты будешь белок?»

63-65 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Дорогая, мать родная!

66-68 Не хочу идти за рысью,
Не пойду ловить я лося
И стрелять не буду белок;

69-74 В Похъёлу иду на свадьбу,
Там на тайную пирушку.
Дай получше мне рубашку,
Принеси кафтан покрепче,
Чтобы в нем гулять на свадьбе,
Красоваться на пирушке!»

75-80 Мать сыночку запрещает,
И жена не позволяет,
Обе дочери творенья,
Порожденные природой:
Пусть не едет Лемминкяйнен,
В Похъёлу нейдет на свадьбу.

81-86 Так вот сыну говорила,
Так твердила мать-старушка:
«Не ходи, сыночек милый,
Мой сыночек, милый Кауко,
В Похъёлу на пир великий,
На большую ту пирушку!

87-92 Ведь тебя туда не звали
И совсем не приглашали».
Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Лишь дурной идет по зову
Молодец идет без зова;

93-96 Есть у Ахти приглашенье,
Есть у Ахти побуждение:
Меч мой с огненным железом,
Мой клинок, что мечет искры».

97-100 Мать же о своем хлопочет,
Удержать сыночка хочет:
«Не ходи ты, мой сыночек,
В Похъёлу на ту пирушку!

101-104 Ведь на улицах там ужас,
Чудеса там на дороге:
Трижды смерть грозит герою,
Трижды там грозит погибель».

105-108 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Смерть повсюду видит старый,
И везде ему погибель.

109-114 Муж нигде не побоится,
Муж нигде не устрашится.
Но пусть будет, как кто хочет:
Ты скажи-ка, дай послушать,
Что за первая погибель
И последняя какая?»

115-118 Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:
«Я скажу тебе по правде,

А не так, как ты желаешь.

119-124 Вот где первая погибель,
Из погибелей всех прежде.
Ты пройдешь, сынок, немного,
День один всего проедешь,
Встретишь огненную реку
На пути среди дороги;

125-132 В ней кипит огнем пучина,
И горит скала в пучине;
На скале той холм сверкает,
На холме орел пылает,
Ночью он все зубы точит,
Днем навастривает когти
На чужих, кто там проходит,
На людей, кто ходит близко».

133-136 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Так пусть бабы умирают,
Но не это смерть для мужа.

137-142 Знаю я на это средство,
Тут я справиться сумею.
Чародейство сотворю я
Из ольхи с конем героя,
Чтобы мимо он проехал,
Чтоб взамен меня промчался.

143-146 Сам нырну я тотчас уткой,
Опущусь я быстро в волны
Под орлиными когтями,
Под когтями этой птицы.

147-153 Дорогая, мать родная!
Ты скажи вторую гибель».
Лемминкяйнена мать молвит:
«Вот тебе вторая гибель:
Ты проедешь лишь немного,
И в теченье дня второго
Ров ты огненный увидишь.

154-156 Он лежит среди дороги,
Протянувшись и к востоку,
И на запад бесконечно.

157-160 Полон ров камней горячих,
Глыб он полон раскаленных;
Там уж сотни пострадали,
Там уж тысячи погибли.

161-170 Были сотни те с мечами,
Эти тысячи с конями».
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Не от этого смерть мужу,
Не от этого герою,
Знаю средство и на это,

Тут исход себе найду я:
Превращу я снег в героя,
Изо льда создам я мужа,

171-173 Погоню героя в пламя
И вгоню его я в пекло,
В ту пылающую баню;

174-176 С медным веником пойдет он;
Сам скользну я стороною,
Проскочу я через пламя;

177-179 Борода не обожжется,
Не сгорят нисколько кудри.
Дорогая, мать родная!

180-189 Ты скажи мне третью гибель».
Лемминкяйнену мать молвит:
«Вот какая третья гибель:
Как еще проедешь дальше,
День еще в пути пробудешь,
Будешь в самом узком месте,
Встретишь Похъёлы ворота,
Там блуждает волк во мраке,
В темноте медведь там бродит
Там, где Похъёлы ворота,

190-192 Там на самом узком месте
Уничтожены уж сотни,
Сгибли тысячи героев.

193-200 Отчего ж тебя не съесть бы,
С беззащитным не покончить?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Можно там сожрать ягненка,
Разорвать его на части,
А не мужа, пусть дурного,
Не героя, пусть плохого!

201-206 А на мне ведь мужа пояс,
А на мне застежка мужа,
Я ношу героев пряжку,
Чтобы мог спастись наверно
Я от пасти волка Унто,
Заколдованного зверя.

207-214 Знаю, как пойти на волка,
Знаю средство на медведя:
Колдовством узду на волка,
На медведя цепь надену,
Рассеку его я сечкой,
Раскрошу я на кусочки,
И тогда пойду свободно
И свой долгий путь я кончу».

215-217 Лемминкяйнену мать молвит:
«Не конец еще и это:
Это ты найдешь в дороге.

218-220 Чудеса в пути большие:
Там три ужаса найдешь ты,
Три погибели для мужа.

221-230 Но когда туда дойдешь ты,
Чудеса найдешь страшнее.
Ты пройдешь еще немного
Похъёлы там двор увидишь:
Частокол в нем из железа,
А вокруг из стали стены,
От земли идут до неба
И к земле идут от неба,
И стоят, как колья, копья
Змеи в них переплелися,

231-236 Вместо прутьев там гадюки,
Ящерицы вместо связок
И играют там хвостами
Да шипят все головами,
Дол шипеньем оглашают,
Головы приподымают.

237-240 На земле простерлись змеи,
Растянулися гадюки,
Вверх подняв язык шипящий,
А хвосты внизу качают.

241-248 Но одна, что всех страшнее,
Залегла у входа прямо.
Подлинней она, чем балка,
Перекладины потолще,
Языком шипит высоко,
Пасть раскрыла, угрожая
Не кому-нибудь другому,
Одному тебе, несчастный».

249-252 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Пусть так дети умирают,
Но не это смерть героя.

253-256 Колдовством огонь уйму я,
Утомить сумею пламя,
Змей сгоню я чародейством,
Отгоню гадюк оттуда.

257-259 Пропахал же поле прежде,
Что все змеями кишело,
И с гадюками поляну;

260-262 Змей я голыми руками,
Змей держал я просто пальцем,
Пальцем я держал гадюку;

263-270 Змей десятки убивал я
И гадюк до сотни черных;
Кровь змеиная осталась,

Жир гадюки здесь на пальцах,
Пропаду не так-то скоро,
Никогда не попадусь я,
Как кусочек, в зев змеиный,
В пасть гадюки разъяренной.

271-274 Сам давить дрянных я буду,
Растопчу я этих скверных,
Загоню я змей, колдуя,
Прогоню гадюк с дороги;

275-280 Двор тот Похъёлы пройду я
И войду в избу свободно».
Лемминкяйнену мать молвит:
«Не ходи ты, мой сыночек,
В дом тот Похъёлы суровой,
В то жилище Сариолы!

281-286 Там герои все с оружьем,
Опоясаны мечами,
От питья хмельного шумны
И озлоблены от пьянства:
Заколдуют там бедняжку
На концах мечей огнистых.

287-292 Посильней тебя убиты,
Похрабрей от чар погибли».
Отвечает Лемминкяйнен,

Молодец тот, Каукомъели:
«Ведь уж я немало пожил
В этих избах Сариолы;

293-300 Не со мной лапландцу сладить,
Не побьет меня турьянец
Сам лапландцев заколдую,
Сам побью я там турьянцев,
Расколю в куски их плечи,
Продырявлю подбородки,
Распорю рубашки ворот,
Грудь разрежу на кусочки».

301-304 Лемминкяйнену мать молвит:
«О, несчастный мой сыночек!
Ты все думаешь о прошлом
И все хвастаешься прежним.

305-310 Ты, конечно, долго пробыл
В этих избах Сариолы.
Весь ты был в дремотных волнах,
В волнах, травами покрытых,
Побывал в пучине темной,
Там упал с потоком книзу.

311-314 Маналы измерил реку,
Черной Туонелы теченье,
Был бы там и посегодня,
Если бы не мать-бедняжка.

315-319 Ты послушай, что скажу я.
К избам Похъёлы пойдешь ты,
Там все колья на пригорке,
Огорожен двор столбами,
И по черепу на каждом.

320-322 Лишь один пока не занят,
Для того, чтобы на этом
Голова твоя сидела».

323-328 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Пусть глупцы на это смотрят
И бездельники боятся
Лет пяти, шести в сраженьях,
Даже лет семи военных;

329-332 Но герои не боятся
И нисколько не страшатся.
Дай военную рубашку,
Принеси вооруженье!

333-338 Подниму я меч отцовский,
Посмотрю клинок я старца;
Долго он лежал холодный,
Долго был он в темном месте,
Много плакал постоянно,
Тосковал, без дела лежа».

339-347 Взял военную рубашку,
Взял все старое оружье,
Взял клинок отцовский, верный,
Взял отцовскую секиру,
Острием ударил об пол,
В потолок концом ударил
И качнул клинок рукою,
Как черемушную ветку
Иль растущий можжевельник.

348-352 И промолвил Лемминкяйнен:
«Кто тут в Похъёле найдется,
На пространстве Сариолы,
Кто б свой меч померил с этим,
На клинок меча взглянул бы?»

353-362 Со стены он лук снимает,
Лук с гвоздя снимает крепкий,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Назову того героем
И того признаю мужем,
Кто мой лук согнуть сумеет,
Тетиву на нем натянет
Там, в жилищах Сариолы,
В избах Похъёлы суровой».

363-370 Вот веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Взял военную рубашку,
Он надел вооруженье
И потом рабу промолвил,
Говорит слова такие:
«Ты, мой купленный работник,
Раб, доставшийся за деньги!

371-374 Снаряди скорее лошадь,
Снаряди коня для битвы,
Чтоб я мог на пир поехать,
К людям Лемпо на пирушку!»

375-381 И, послушный приказанью,
Раб пошел на двор поспешно,
Он ретивую запряг там,
Красно-пламенную лошадь
И, пришедши, так промолвил:
«Я исполнил приказанье
И лошадку приготовил;

382-384 Конь стоит уже в запряжке».
Лемминкяйнену пора бы
И в дорогу отправляться.

385-388 Так одна рука велела,
Но противилась другая;
И пошел, как думал раньше,

Вышел смело, без боязни.

389-394 Сыну мать совет давала,
Так дитяти мать-старушка
У дверей, у самой печки,
У сиденья говорила:
«Мой единственный сыночек,
Ты, дитя, моя опора!

395-402 Поспешаешь на пирушку
И придешь, куда ты хочешь.
Пей ты кружку вполовину,
Пей ты чашку до средины,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже:
В чашке черви копошатся,
Там на дне сосуда змеи!»

403-412 И еще сказала сыну,
Наставления давая
На окраине поляны,
На околице в калитке:
«Коль пойдешь ты на пирушку
И придешь, куда придется,
Ты сиди на полсиденье,
Занимай полполовицы,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже.

413-418 Только так ты будешь мужем,
Будешь истинным героем,
Чтоб пройти тебе толпою,
Чтоб пройти под говор шумный
Чрез толпу героев сильных,
Через множество бесстрашных!»

419-424 Поспешает Лемминкяйнен,
Чтобы сесть скорее в сани;
Он коня кнутом ударил,
Бьет его жемчужной плеткой,
И летит оттуда лошадь,
Шумно вдаль несет героя.

425-430 Лишь немного он отъехал,
Лишь часочек он проехал,
Чернышей увидел стаю:
Поднялася стая кверху,
Отлетели быстро птицы
Перед лошадью ретивой.

431-434 Перьев несколько осталось
От их крыльев на дороге.
Поднял перья Лемминкяйнен
И в карман себе запрятал.

435-438 Он не знал, что статься может,
Что случится по дороге:
Все ведь может пригодиться,

При нужде всему есть место.

439-442 Чуть подальше он проехал,
Лишь частичку той дороги,
Конь зафыркал средь дороги,
Испугался, вислоухий.

443-452 Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Поднялся повыше в санках
И вперед нагнувшись, смотрит:
Вот, как мать и говорила,
Как старушка уверяла,
Перед ним река пылает,
Пред конем среди дороги
Водопад горит в потоке,
Средь него скала пылает,

453-455 На скале сверкает холмик,
А на нем орел горящий
Изрыгает пламя горлом;

456-458 Так и бьет огонь из глотки,
Пышут огненные перья,
Мечут огненные искры.

459-462 Увидал вдали он Кауко,
Лемминкяйнену промолвил:
«Ты куда стремишься, Кауко,
Держишь путь свой, Лемминкяйнен?»

463-466 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Еду в Похъёлу на свадьбу,
Там на тайную пирушку.

467-470 Повернись, орел, немного,
Отойди чуть-чуть с дороги,
Дай ты путнику дорогу,
Лемминкяйнену тем боле;

471-476 Пусть он тронется сторонкой,
Пусть он краешком проедет!»
Так орел ему ответил,
Крикнул огненною глоткой:
«Дам я путнику дорогу,
Лемминкяйнену тем боле;

477-480 Пусть пройдет моей он глоткой,
Пусть по горлу погуляет;
Вот куда тебе дорога,
Вот куда ты мчаться должен;

481-484 Долгий пир там приглашенным,
Бесконечное безделье».
Думал Ахти тут недолго,
Был он очень озабочен.

485-489 Он в карман поспешно лезет,
В кошельке своем он ищет,
Вынул перья чернышей он,

Сбил поспешно их в комочки,
Трет обеими руками;

490-492 Между пальцами потер их
Глухарей возникло стадо,
Стая рябчиков явилась;

493-496 Он орлу их в глотку бросил,
В пасть ему, как корм, направил.
Кинул в огненное горло,
В зубы огненной той птицы;

497-500 Так отправился он дальше,
В первый день от смерти спасся.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной;

501-506 Конь бежит оттуда прямо,
Скачет дальше жеребенок.
Вот немного он проехал,
Лишь частичку той дороги,
Снова лошадь испугалась
И заржала, стала снова.

507-516 Поднялся он на сиденье
И, вперед нагнувшись, смотрит.
Вот, как мать и говорила,
Как старуха уверяла:
Перед ним пылает пропасть,
И как раз среди дороги

Широко лежит к востоку,
Без конца идет на запад,
Вся полна камней горящих,
Глыб огромных раскаленных.

Думал Ахти тут недолго,
Обратился к Укко с просьбой:
«О ты, Укко, бог верховный,
Дорогой отец небесный!

С севера пошли мне тучу,
С запада пошли другую,
Третью ты пошли с востока,
Также с северо-востока.

И ударь ты их краями,
Пустоту меж них заполни,
Снег пошли ты толщей в сажень,
Вышиной с копье героя
На горящие каменья,
На пылающие глыбы!»

Укко, этот бог верховный
И творец небесной тверди,
С севера тут гонит тучу,
Гонит с запада другую,
Третью гонит он с востока,
Также с северо-востока,
Их ударил друг о друга,

Пустоту меж них заполнил,
Снег послал он толщей с сажень,
Вышиной с копье героя

541-544 На горящие каменья,
На пылающие глыбы:
Озеро из снега вышло,
А на нем бушуют волны.

545-548 Чародейством Лемминкяйнен
Ледяной там мост устроил
Через озеро со снегом
С одного конца к другому.

549-554 Спасся он и во второй день
От погибели, от смерти.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной,
Быстро едет конь оттуда,
Мчится дальше по дороге.

555-558 Мчится он версту, другую,
Проскакал еще немного,
Вдруг скакун остановился,
Точно вкопанный, на месте.

559-564 Сам веселый Лемминкяйнен
Соскочил с саней и смотрит:
Волк стоит как раз при входе,

Там медведь стоит в проходе,
В самом въезде в Сариолу
И как раз в конце проезда.

565-572 И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Тут в карман рукою лезет,
Ищет быстро в кошельке он,
Вынимает шерсть овечью,
Быстро трет ее в комочки,
Трет обеими руками,
Растирает между пальцев.

573-576 Только раз он в руки дует
И овец из рук пускает,
Стадо целое ягняток,
Много ярочек веселых.

577-580 Волки тут к стадам стремятся,
Их ловить медведи мчатся
А веселый Лемминкяйнен
Скачет дальше по дороге.

581-584 Лишь немного поотъехал,
Похъёлы он двор увидел.
Из железа там ограда,
И забор из стали сделан.

585-594 Тот забор — в земле сто сажен,
Сажен тысячу до неба;
Копья были там столбами,
Змеи были там жердями,
Их гадюками скрепили,
Ящерицами связали,
И хвосты у них висели,
С свистом головы шипели,
Черепа вверху качались,
А хвосты мотались снизу.

595-598 Тут веселый Лемминкяйнен
Призадумываться начал:
«Это — как мне мать сказала,
Мне родимая твердила.

599-601 Вот забор стоит тот самый,
Глубоко ползут гадюки,
А забор еще поглубже;

602-611 Высоко летают птицы,
А забор еще повыше».
Все же вышел Лемминкяйнен
Из беды и затрудненья:
Тотчас вынул нож из ножен,
Вынул страшное железо,
Колет яростно ограду,

Разломал ее в кусочки,
Расколол забор железный,
Ту змеиную ограду;

612-615 Пять жердей ее ломает,
Семь шестов ее высоких;
Сам потом поехал дальше,
К тем воротам Сариолы.

616-619 На пути змея лежала,
Поперек дороги самой;
Подлинней она, чем балка,
Всякой притолки потолще;

620-625 Сотней глаз змея глядела,
Жал до тысячи имела;
Шириной глаза с решета,
А язык с копье длиною,
Как зубцы у грабель — зубы,
Шириной спина в семь лодок.

626-629 Не посмел тут Лемминкяйнен
Проезжать прямой дорогой
Мимо той змеи стоглазой,
Мимо тысячеязычной.

630-637 И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ты, змея, что под землею,
Туонелы червяк ты черный,

Ты, что ползаешь в колосьях
И в корнях растений Лемпо,
Извиваешься по дерну
И ползешь в корнях деревьев!

638-641 Кто же выслал из колосьев,
Кто послал с корней растений,
Чтобы здесь могла ты ползать,
По дороге извиваться?

642-645 Кто твой зев высоко поднял,
Кто тебе дал приказанье,
Чтоб ты голову вздымала,
Шею высоко держала?

646-649 Это мать твоя, отец твой,
Иль, быть может, брат старейший,
Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?

650-653 Зев закрой, главой поникни
И язык сокрой свой легкий,
Ты свернись клубком плотнее,
Там в один клубок ты свейся.

654-661 Ты оставь мне полдороги,
Пропусти скитальца дальше
Иль уйди совсем с дороги,
Уползи, змея, в кустарник,
Уходи ты, злая, в вереск,

Удались, во мху сокройся,
Уходи, как клок из шерсти
И как стружка от осины.

662-665 Головой в траву уткнися,
Устреми ее на холмик,
В дерне лишь твое жилище
И убежище под кочкой;

666-669 Если голову поднимешь,
Разобьет ее там Укко
Закаленною стрелою,
Тем железным страшным градом!»

670-675 Так промолвил Лемминкяйнен.
Не послушалась гадюка,
Все шипит ужасным жалом,
Высоко, шипит, поднявшись,
Угрожает страшным зевом,
Голове грозит героя.

676-679 И промолвил Лемминкяйнен,
Слово древности припомнил,
Что он слышал от старушки,
Что от матери узнал он.

680-685 Так промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Коль ослушаешься слова

И отсюда не уйдешь ты,
Так своей болезнью вспухнешь
И раздуешься от боли;

686-689 Ты растрескаешься, злая,
На три части ты, дрянная,
Если мать твою найду я,
Отыщу твою старуху.

690-692 Знаю я начало толстой,
Знаю изверга рожденье:
От земли идет до неба;

693-696 Мать твоя ведь — людоедка,
Мать твоя — из глуби моря.
Мать твоя плевала в воду
И слюну пускала в волны.

697-699 Шесть годов ее качало
И баюкало теченьем:
Шесть годов она качалась.

700-702 Все семь лет она носилась
На хребте блестящем моря,
На вздымающихся волнах.

703-706 Там вода слюну тянула,
Ей давало гибкость солнце,
И потом прибой отбросил,
Волны к берегу погнали.

707-710 Вот три дочери творенья
Вышли к берегу морскому,
К краю шумного теченья,
И слюну там увидали;

711-720 Так они сказали слово:
„Из слюны что может выйти,
Если ей творец даст душу
И глаза он ей дарует?“
Услыхал творец те речи,
Говорит слова такие:
„Только дрянь из дряни выйдет,
Из дурных отбросов злое,
Если я вложу в них душу,
Если им глаза дарую“.

721-726 Услыхал слова те Хийси,
Он готов к дурному делу;
Приступил он сам к созданью,
Даровал слюне он душу,
Той, что Сюэтар бросала,
Что выплевывала злая.

727-729 Из слюны змея явилась,
Вышла черная гадюка.
Из чего ей жизнь досталась?

730-732 Из углей, из груды Хийси.
У змеи откуда сердце?
Сюэтар дала ей сердце.

733-735 Из чего мозги гадюки?
Из морской кипучей пены.
Чувства изверга откуда?

736-738 Из пучины водопада.
Голова дрянной откуда?
Из боба дрянного вышла.

739-741 Из чего глаза гадюки?
Из зерна льняного Лемпо.
Уши изверга откуда?

742-744 Из листов березы Лемпо.
Из чего же рот змеиный?
Он — из пряжи людоедки.

745-747 Из чего язык гадюки?
Дал копье ей Кейтолайнен.
Что такое зуб гадюки?

748-750 С Туонелы ячменный усик.
Что такое десны злобной?
Десны девы бога смерти.

751-753 А спина змеи ужасной?
То — печной ухват у Хийси.
Хвост откуда появился?

754-756 Из косы нечистой силы.
Из чего гадюки чрево?
То бог смерти дал свой пояс.

757-762 Вот твое происхожденье,
Вот, змея, твоя украса!
Ты, подземная ползунья,
Туонелы червяк ты черный,
Цвет земли и цвет осины,
Пестрой радуги цвета все.

763-766 Ты уйди скорей с дороги
Перед едущим героем,
Дай мне, путнику, дорогу,
Лемминкяйнена пусти ты;

767-772 Едет в Похъёлу на свадьбу,
Мчится он на пир великий!»
Вот свивается гадюка,
Та стоглазая сползает,
Лезет толстая гадюка
По другой ползет дороге;

773-776 Мог пройти свободно путник,
Лемминкяйнен мог проехать.
Мчит он в Похъёлу на свадьбу,
Мчит на тайную пирушку.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXVII

✦

1-6 Миновал теперь мой Кауко,
Ахти, мой Островитянин,
Пасть смертей свирепых многих,
Глотку гибельного Калмы,
Прибыл в Похъёлы жилище,
В дом на тайную пирушку.

7-14 Должен я теперь поведать,
Продолжать рассказ я должен,
Как веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомьели,
В Похъёлы селенье прибыл,
В Сариоле появился,
Как пришел незваный в гости
И на пир без приглашенья.

15-20 Вот веселый Лемминкяйнен,
Удалец, цветущий жизнью,
Подойдя, в избу проходит,
Вышел он на середину
Пол из липы покачнулся,
И гудит изба из елей.

Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Ну, здорово, вот и я здесь!

Здравствуй тот, кто сам так скажет!
Слышишь, Похъёлы хозяин,
На твоем дворе найдется ль
Ячменя на корм лошадке,
Пива доброго мне выпить?»

Сам тут Похъёлы хозяин,
На углу стола сидевший,
Отвечает так оттуда,
Говорит слова такие:
«На дворе моем нашлось бы
Твоему коню местечко,
Я тебе не отказал бы,
Если б ты вошел, как должно,
У дверей остановился,
У дверей бы, у порога,

Там, где наш котел поставлен,
Возле трех крюков котельных».
Обозлился Лемминкяйнен,
Кудри черные откинул,
Как котел, черны те кудри;

44-48 Говорит слова такие:
«Пусть придет сюда сам Лемпо,
У дверей у этих станет,
Перепачкается в саже,
В черных пятнах постоит здесь!

49-52 Никогда отец мой прежде,
Никогда мой милый старец
Не стоял на этом месте,
Под стропилами у входа.

53-58 На скамье имел он место,
Для коня имел он стойло,
Для людей избу имел он,
Для своих перчаток угол,
Гвоздь, где обувь мог он вешать,
Для мечей имел он стены.

59-66 Отчего же мне нет места,
Как отцу бывало прежде?»
Он прошел в избу подальше,
У конца стола садится,
На краю скамейки длинной,
На конце скамьи сосновой:
Хрустнула в ответ скамейка,
Сильно вся под ним погнулась.

67-70 И промолвил Лемминкяйнен:
«Видно, я пришел некстати,
Что мне пива не приносят,
Мне, сидящему, как гость, здесь».

71-73 Ильпотар, сама хозяйка,
Так в ответ сказала слово:
"О ты, юный Лемминкяйнен!

74-76 Ты, по мне, не смотришь гостем!
«Головы моей ты ищешь,
Раскроить виски мне хочешь!

77-80 В ячмене пока здесь пиво,
А ячмень пока лишь солод,
Не замешана пшеница,
Мясо вовсе не готово.

81-85 Что б тебе вчера приехать
Иль приехать хоть бы завтра».
Пуще злится Лемминкяйнен,
Так, что рот перекосился,
Набок волосы все сбились.

86-92 Говорит слова такие:
«Значит, кушанье поели,
Уж окончили пирушку,
Поделили вы все пиво,

Мед весь выпили до капли,
Унесли уже все кружки
И убрали все кувшины!

93-96 Ну, ты, Похъёлы хозяйка,
Длиннозубая, послушай!
Уж и справила ты свадьбу,
По-собачьи люд созвавши.

97-106 Испекла большие хлебы,
Наварила много пива,
По шести местам сзывала,
Девять наняла дружков ты:
Позвала убогих, бедных,
Позвала навоз, отбросы,
Позвала людей последних,
Всех поденщиков в лохмотьях,
Позвала народ ты всякий
Лишь меня не пригласила!

107-114 Как могло со мной случиться,
Что я сам ячмень просыпал?
Все его несли ковшами,
Все умеренно ссыпали,
Я ж его большою кучей
Четверть целую просыпал,
Собственный ячмень хороший,
Из зерна, что я посеял.

115-122 Но не будет Лемминкяйнен
Гостем с именем хорошим,
Коль ему не будет пива
И котла пред ним не будет,
И в котле не сварят пищи,
Фунтов на двадцать свинины,
Не дадут ни есть, ни выпить
После дальней той дороги».

123-126 Ильпотар, хозяйка дома,
Говорит слова такие:
«Эй ты, девочка-малютка,
Ты, слуга моя, рабыня!

127-136 Принеси в котле съестного,
Поднеси ты гостю пива».
Эта малая девчонка,
Что посуду быстро мыла,
Что все ложки вытирала,
Все ковши там вымывала,
Принесла в котле съестного,
Рыбьи головы да кости,
Да ботвы увядшей репы,
Да сухую корку хлеба.

137-140 Принесла в кувшине пива,
Пива жидкого, дрянного,
Чтобы выпил Лемминкяйнен,
Чтобы жажду утолил он.

141-144 Говорит слова такие:
«Если муж ты настоящий,
Выпьешь разом это пиво,
Весь до дна кувшин осушишь».

145-150 Тут веселый Лемминкяйнен
Посмотрел на дно кувшина,
А на дне лежат гадюки,
Змеи плавают в середке,
Черви ползают по краю,
Видны ящерицы в пиве.

151-156 И сказал ей Лемминкяйнен,
Обозлившись, Каукомьели:
«В Туонелу — за это пиво,
В Маналу — за эту кружку
Раньше, чем взойдет здесь месяц,
Раньше, чем зайдет здесь солнце!»

157-160 И затем сказал он слово:
«Пиво, ты дрянной напиток!
Набралось теперь ты сраму
И таким ты гадким стало!

161-164 Это пиво все ж я выпью!
Но всю нечисть наземь брошу,
Безымянным брошу пальцем,
Левым пальцем побросаю!»

165-170 Опустил в карман он руку,
Поискал в своем мешочке
И крючок оттуда вынул,
Из мешка крючок удильный,
Опустил его он в кружку,
В пиво он крючок забросил.

171-174 На крючок попались змеи,
Зацепилися гадюки,
Сотню вытащил лягушек,
Тысячи червей попались.

175-178 Побросал он их на землю,
Покидал все это на пол;
Вынимает острый ножик,
Лезвие из ножен злое;

179-182 Змеям головы отрезал,
Разрубил гадюкам шеи,
Темный мед охотно выпил,
С удовольствием все пиво.

183-192 Говорит слова такие:
«Видно, гость я нежеланный,
Что не подали мне пива,
Не дали питья получше,
Не дали питья побольше,
Не дали в большом сосуде,
Не зарезали барана

И быка мне не убили,
Не внесли вола в избу мне,
Двухкопытного в жилище».

193-196 Сам тут Похъёлы хозяин
Говорит слова такие:
«Ты зачем сюда явился,
Кем сюда ты зван, ответь-ка?»

197-200 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Званый гость хорош, конечно,
А незваный гость дороже.

201-204 Слушай ты, сын похъёланца,
Слушай, Похъёлы хозяин!
Дай за деньги пива выпить,
За наличные продай мне!»

205-209 Злится Похъёлы хозяин,
Обозлился, стал свирепым,
Обозлился, рассердился,
Колдовством прудочек сделал
Лемминкяйнену под ноги.

210-212 Говорит слова такие:
«Вот река, пей сколько хочешь,
Похлебай воды из пруда».

213-218 Не задумываясь долго,
Отвечает Лемминкяйнен:
«Не теленок я у бабы,
Я совсем не бык хвостатый,
Чтобы пить речную воду,
Чтоб лакать ее из лужи».

219-224 Сам он начал чародейство,
Приступил к волшебным песням:
На полу быка он сделал,
С золотыми бык рогами:
Бык тот выхлебал всю лужу,
Без остатка выпил воду.

225-228 Похъёлы сын долговязый
Сделал волка чародейством;
На полу избы он сделал,
Чтоб тому быку погибнуть.

229-232 Но веселый Лемминкяйнен
Сделал беленького зайца,
Чтобы по полу он прыгал
Перед пастью злого волка.

233-236 Похъёлы сын долговязый
Сделал жадную собаку,
Чтоб она убила зайца,
Чтоб косого растерзала.

237-240 Но веселый Лемминкяйнен
Сделал белку на стропилах,
Чтобы прыгала по балкам,
Лай собаки вызывала.

241-244 Похъёлы сын долговязый
Сделал желтую куницу:
Погнала куница белку
И поймала на стропилах.

245-248 Но веселый Лемминкяйнен
Сделал бурую лисицу:
Чтоб она куницу съела,
Чтоб красивую убила.

249-252 Похъёлы сын долговязый
Сделал курицу тотчас же,
Чтобы по полу летала
Перед пастью той лисицы.

253-256 Но веселый Лемминкяйнен
Сделал ястреба с когтями,
Заклинаньем его сделал:
Чтобы курицу убил он.

257-260 Сам тут Похъёлы хозяин
Говорит слова такие:
«Этот пир не будет пиром,
Коль гостей не поубавим;

261-264 Уходи ты, чужеземец,
Убирайся-ка с пирушки!
Прочь иди, исчадье Хийси,
От мужей иди подальше!

265-272 В дом свой скройся, тварь дрянная,
Возвратись домой ты, злобный!»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Так никто ведь не позволит,
Даже муж меня похуже,
Чтоб его сгоняли с места,
Чтоб с сиденья прогоняли».

273-278 Тут уж Похъёлы хозяин
Со стены свой меч хватает,
Меч свой огненный рванул он,
Говорит слова такие:
«Ахти, ты, Островитянин,
Молодец ты, Каукомъели!

279-282 Ну, померимся мечами,
На клинки посмотрим наши,
Мой ли меч получше будет,
Или твой, Островитянин!»

283-286 Отвечает Лемминкяйнен:
«Мой клинок не очень годен,
Черепами он изрублен,

На костях почти поломан!

287-290 Но пусть будет, кто как хочет,
Если так зовешь ты в гости,
Так померимся, посмотрим,
Чей-то меч получше будет!

291-294 Мой отец, бывало, прежде
Храбро мерился мечами:
В сыне род не изменился,
И в дитяти он не хуже!»

295-298 Взял он меч, схватил железо,
Меч свой огненный он вынул
Из ножон, покрытых шерстью,
С кушака перевитого.

299-304 Оба мерили, смотрели
На длину мечей обоих:
Меч у Похъёлы владельца
Оказался подлиннее,
Подлинней на кончик ногтя,
Лишь на полсустава пальца.

305-308 И сказал Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«Меч твой больше оказался,
И удар твой первым будет».

309-318 Нападать хозяин начал,
Сыплет яростно удары,
Хочет он попасть — не может,
Метит в голову он Кауко,
Полосует по стропилам,
Попадает между балок,
Изломал в куски стропила,
Исщепал у балок связки,
И сказал Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:

319-322 «В чем стропила согрешили,
В чем тут балки провинились,
Что ты бьешь мечом стропила,
Разбиваешь в щепки балки?

323-326 Ты послушай, северянин,
Слушай, Похъёлы хозяин:
Трудно здесь в избе сражаться,
Здесь нам женщины мешают.

327-331 Здесь мы горницу испортим,
Обольем полы мы кровью;
Выйдем лучше из жилища,
Будем мы сражаться в поле,
На поляне будем биться!

332-334 На дворе ведь кровь красивей,
На открытом месте лучше,
На снегу еще прекрасней».

335-338 Вот они на двор выходят,
Там нашли коровью шкуру,
На дворе же растянули,
И на шкуру стали оба.

339-346 Говорит Островитянин:
«Ты послушай, похъёланец!
Твой клинок ведь подлиннее,
Меч твой много пострашнее,
Так воспользуйся им раньше,
Чем простишься ты со светом,
Чем ты шею потеряешь,
Бей смелее, похъёланец!»

347-349 И ударил похъёланец.
Раз ударил, два ударил,
Третий раз еще ударил;

350-352 Но не мог попасть он верно,
Оцарапать тело Ахти
Иль содрать кусочек кожи.

353-356 Говорит Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ну, теперь я попытаюсь,
Уж давно черед за мною!»

357-360 Только Похъёлы хозяин
Ничего не хочет слышать,
Ударяет беспрерывно,
Ударяет, но напрасно.

361-363 Бьет уж пламя из железа.
Из клинка струятся искры,
Из меча в руках у Ахти;

364-366 Искры сыплются все дальше,
Блеск их шею озаряет
Сыну Похъёлы туманной.

367-370 Молвит юный Лемминкяйнен:
«Слушай, Похъёлы хозяин!
Вижу блеск на подлой шее,
Словно утренняя зорька!»

371-374 Повернулся северянин,
Смотрит Похъёлы хозяин
Блеск на шее видеть хочет,
Смотрит собственную шею.

375-378 Тут ударил Лемминкяйнен,
Быстро он клинком ударил,
И попал мечом он в мужа,
Бьет оружием железным.

379-381 Вот один удар наносит:
С плеч он голову снимает,
С шеи череп отрезает;

382-384 Так у корня режут репу,
Со стебля так режут колос,
Так плавник от рыбы режут.

385-388 Голова к земле упала,
На дворе свалился череп,
Так, сраженная стрелою,
С ветки падает тетерка.

389-392 Сто столбов там возвышалось,
Больше тысячи стояло,
Сотни там голов на кольях,
И один лишь был свободен.

393-396 Взял высокий Лемминкяйнен
Эту голову, приподнял,
Насадил он этот череп
Там на колышек свободный.

397-404 Ахти, мой Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели,
Вновь тогда в избу вернулся,
Говорит слова такие:
«Принеси воды, девчонка,
Дай воды — от рук отмыть мне
Кровь хозяина дрянного,
Кровь из раны злого мужа!»

405-408 В гневе Похъёлы старуха
Разозлилась, разбесилась.
Создала людей с мечами,
Все мужей вооруженных.

409-412 Сто мужей с мечами вышло,
Вышла тысяча с оружьем
Лемминкяйнену на шею,
Каукомъели на погибель.

413-420 И тогда настало время,
Отступать пора настала.
Трудно сделалось тут Ахти,
Даже вовсе невозможно
Лемминкяйнену младому
В Сариоле оставаться,
В Похъёле, на славном пире,
На пирушке этой тайной.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXVIII

✦

1-6 Ахти, тот Островитянин,
Тот веселый Лемминкяйнен,
В путь стремительно собрался,
Он поспешно покидает
Села Похъёлы туманной,
Той суровой Сариолы.

7-10 Из избы бежит, как буря,
Ко двору, как дым, стремится,
Чтоб спастись от злодеяний
И сокрыть свои проступки.

11-16 Но когда во двор он вышел,
Двор обыскивает взглядом,
Чтоб коня найти в дорогу,
Он нигде коня не видит:
Лишь один на поле камень,
Только ива на поляне.

17-22 Кто бы мог его наставить,
Кто бы дал совет хороший,
Чтоб главы он не лишился,
Чтоб волос не потерял он,
Чтоб они не разлетелись
По двору той Сариолы?

23-26 Гул донесся из деревни,
Пыли облако поднялось,
Уж глаза сверкают в окнах,
Блеск по всей деревне виден.

27-30 Должен был тут Лемминкяйнен,
Ахти, тот Островитянин,
Новое принять обличье,
В облике другом явиться.

31-34 Полетел орлом высоко,
Долететь до неба хочет,
Обжигало щеки солнце,
Освещал височки месяц.

35-44 И взмолился Лемминкяйнен,
Он, веселый, молит Укко:
«О ты, Укко, бог верховный,
Ты, благой мудрец на небе,
Ты, кто правит туч грозою,
Облаками управляет,
Облачка мне в небе сделай
И сокрой меня в туманах,
Чтобы я под их защитой
Мог на родину вернуться,

45-52 К милой матери поближе,
К ней, моей седой старушке!»
Он летит по небу дальше,

Вдруг назад он оглянулся,
Видит: мчится серый ястреб,
И глаза его пылают,
Точно очи похъёланца,
Что был в Похъёле хозяин.

53-56 Так промолвил старый ястреб:
«Ой ты, Ахти, милый братец!
Не забыл ты нашу битву,
Наше в поле состязанье?»

57-64 Отвечал Островитянин,
Молодец тот, Каукомъели:
«Ястреб-птица, ты мой птенчик,
Поверни полет свой к дому
И, когда туда прибудешь,
В Похъёлу, в страну тумана,
Расскажи там всем, как трудно
Взять орла и съесть на небе».

65-68 Он спешит прямой дорогой
К дому матери любимой;
На лице его забота,
В сердце туча огорченья.

69-71 Вышла мать ему навстречу
Там, где шел он по дорожке,
Возле изгороди шел он.

72-74 Прежде мать его спросила:
«Ты, сыночек самый младший,
Мальчик самый мой надежный!

75-78 Отчего такой ты мрачный
Вдруг из Похъёлы вернулся?
Или обнесен ты кружкой
В мрачной Похъёле на свадьбе?

79-82 Если обнесен ты кружкой,
Так возьми получше кружку,
Что в войну отец твой добыл,
Что принес он с поля битвы».

83-88 Отвечает Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Был бы обнесен я кружкой,
Я хозяина б обидел,
Проучил бы сто героев,
Всю бы тысячу обидел».

89-92 Лемминкяйнену мать молвит:
«Отчего ж такой ты мрачный?
Или конь твой опозорен,
На бегу ты осрамился?

93-96 Если конь твой опозорен,
Должен ты купить другого
На отцовское богатство,
На большой достаток старца!»

97-104 Отвечает Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Был бы конь мой опозорен,
На бегу бы осрамился,
Я хозяина б обидел,
Ездоков бы опозорил,
Этих сильных с их конями,
С лошадьми героев этих».

105-108 Лемминкяйнену мать молвит:
«Отчего ж такой ты мрачный
И с таким печальным сердцем
Вдруг из Похъёлы вернулся?

109-114 Иль там женщины смеялись
И девицы над тобою?
Если женщины смеялись
И девицы насмехались,
Высмеять самих их можно,
Отплатить им всем насмешкой».

115-122 Отвечает Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Если б женщины смеялись
Иль девицы надо мною,
Я б хозяина обидел,
Всех девиц я осмеял бы,
Насмеялся бы над сотней
И над тысячею женщин».

123-126 Но на это мать сказала:
«Что ж с тобой, сыночек, было?
Иль случилось что дорогой,
В Похъёлу пока ты ехал?

127-130 Или много ты покушал,
Ты покушал или выпил?
Или сны дурные видел
На местах твоих ночлегов?»

131-134 Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Пусть обдумывают бабы,
Что им ночью темной снится.

135-137 Знаю сны свои ночные,
Сновидения дневные.
Мать, старушка дорогая!

138-140 Наложи в мешок припасов,
Положи муки мне в сумку,
Положи в мешочек соли;

141-144 Должен сын твой ехать дальше,
Из страны своей уехать,
Бросить милое жилище,
Двор чудесный свой покинуть.

145-148 На меня мечи уж точат
И навастривают копья».
Быстро мать его спросила:

«Что так скоро ты уходишь?

Для чего мечи уж точат
И навастривают копья?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Вот на что мечи уж точат
И навастривают копья
Мне, несчастному, на гибель,
На мою главу готовят:
Вышел спор у нас и битва
В поле Похъёлы туманной,

И убил я похъёланца,
Что был Похъёлы хозяин.
Похъёла идет войною,
Север весь идет войною,
На усталого идет он,
Я один, а их так много».

Вот что мать ему сказала,
Сыну молвила старушка:
«Я тебе ведь говорила,
Я тебя предупреждала,
Я тебе ведь запрещала
Отправляться в Сариолу.

171-176 Ты ведь мог бы здесь остаться,
Жить у матери в жилище,
Под защитою старушки,
На дворе твоей родимой,
И война б не разгорелась,
Без борьбы ведь обошлось бы.

177-184 Но куда ж ты, мой сыночек,
Ты куда спешишь, несчастный,
Чтоб спастись от страшной мести,
Чтоб избегнуть злодеянья,
Чтоб главы твоей не сняли,
Чтобы шеи не рассекли,
Чтоб волос не повредили,
Не развеяли по ветру?»

185-188 Отвечает Лемминкяйнен:
«Я еще не знаю места,
Где б убежище найти мне
И спастись от мести страшной.

189-194 Мать родная, дорогая!
Ты куда велишь укрыться?»
Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Где укрыть тебя, не знаю,
И куда тебя отправить.

195-202 Стань на горке ты хоть елкой,
Можжевельником на поле,
Все ж и там беда настигнет,
Там тебя найдет несчастье:
Часто елочку на горке
Расщепляют на лучину,
Также часто можжевельник
Облупляют для подпорок.

203-210 Коль березкою в долине
Иль ольхой ты встанешь в роще,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Ведь березу, что в долине,
Часто режут на поленья,
А ольху в зеленой роще
Часто рубят, жгут под пашню.

211-218 Если ягодой нагорной,
Станешь ягодой лесною,
Земляничкою в отчизне
Иль в чужих краях черникой,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Там сорвут тебя девицы
В оловянных украшеньях.

219-226 Станешь щукой в синем море
Иль сигом в реке глубокой,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Молодец, что ловит рыбу,
Там закинет в воду сети
И тебя поймает в сети,
Иль поймает старец в невод.

227-234 Если в лес пойдешь ты волком
Иль медведем в дебри леса,
То и там беда настигнет,
То и там найдет несчастье:
Молодец, покрытый сажей,
Там копье свое наточит,
Чтоб охотиться на волка,
Чтоб убить того медведя».

235-240 Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Сам места дурные знаю,
Те места, что хуже прочих,
Те, где смерть меня настигнет,
Где судьба отыщет злая.

241-244 Мать, ты жизнь мне даровала,
Молоком дитя питала!
Ты куда велишь бежать мне,
Мне куда бежать, укрыться?

245-248 Уж у рта стоит погибель,
К бороде идет несчастье
Головы лишусь я завтра,
И несчастье совершится».

249-257 Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Назову тебе, пожалуй,
Подходящее местечко,
Где укроется виновный,
Избежит беды преступный,
Знаю я клочок землицы,
Очень малое местечко,
Где ни споров, ни раздоров;

258-264 Меч туда и не заходит.
Поклянись мне вечной клятвой,
Клятвой истинной и страшной,
Что пройдет шесть лет и десять,
А в сраженье не пойдешь ты,
Хоть и золота захочешь,
Серебра ты пожелаешь».

265-270 Отвечает Лемминкяйнен:
«Я клянуся страшной клятвой,
Что ни в первое я лето
И затем ни во второе
Не отправлюсь на сраженье,
В место, где мечи сверкают.

271-276 У меня плечо все в ранах,
На груди остались язвы
От последних славных схваток,
От последних состязаний
На полях обширных битвы,
Где мужи Друг с другом бьются».

277-280 Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Так возьми челнок отцовский
И спеши, чтоб там укрыться.

281-284 Проплыви морей ты девять;
Полдесятого проедешь
Прямо к острову пристанешь
И к утесу над водою.

285-290 В дни былые там отец твой
Укрывался и спасался.
В год, когда война шумела,
Целый год велись сраженья,
Прожил он, беды не зная,
Прожил там прекрасно время.

291-294 Год, другой ты там скрывайся,
Приезжай домой на третий,
К дорогой избе отцовской,
На родительское поле!»

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXIX

✦

1-4 Вот веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Положил в мешок запасов,
Масла летнего в лукошко.

5-8 На год маслом он запасся,
На другой берёт свинины
И уходит укрываться,
Удаляется поспешно.

9-16 Говорит слова такие:
«Ухожу теперь отсюда,
Ухожу я на три лета,
На пять лет страну оставлю
На съеденье злобным змеям,
Рысям отдыхать здесь — рощи,
Здесь поля — резвиться лосям,
Для жилья поляны — гусям.

17-24 Ты прощай, о мать родная!
Коль из Похъёлы прибудет
Племя Пиментолы злое
И меня искать захочет,
Ты скажи, что прочь ушел я,

Что отсюда удалился,
Как устроил ту подсеку,
Где теперь снимают жатву».

25-28 Он челнок спускает в воду,
На теченье вывел лодку
С тех катков, обитых сталью,
С тех валов, богатых медью.

29-34 Натянул на мачте парус,
Полотно вознес на рее,
На корме в челне уселся,
Сел он там, чтоб править лодкой,
Сам вперед он наклонился,
У кормы весло он держит.

35-42 Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ты повей в мой парус, ветер,
Ты гони весь остов лодки,
Пусть ладья сильней стремится,
Пусть идет челнок сосновый
Вдаль, на остров неизвестный,
На мысочек без названья».

43-46 Раскачали лодку ветры,
Погнало теченье моря
По хребту воды прозрачной,
По открытому теченью;

47-56 Там два месяца качает
Да без малого и третий.
На мыске девицы были,
На мыске при синем море
Во все стороны смотрели,
Взоры к морю обращали:
Та ждала, что брат подъедет,
Эта — батюшку родного,
Жениха с дороги третья
Всего больше поджидала.

57-60 Увидали в море Кауко,
Прежде лодку увидали:
Лодка облаком казалась
Между небом и водою.

61-64 И подумали девицы,
Девы острова сказали:
«Что тут странное на море,
Незнакомое на волнах?

65-72 Если ты, корабль, из наших,
Если с острова ты, парус,
Поверни домой сейчас же,
Прямо к острову на пристань:
Чтобы новости с чужбины
И известья мы узнали,
Как народ приморский — в мире
Или в войнах пребывает».

73-78 Гонит лодку ветер дальше
И качают сильно волны,
Гонит лодку Лемминкяйнен,
Мчит он лодку на утесы,
Приближается мысочек,
Берег острова крутого.

79-84 И, подплыв туда, спросил он,
Появившись, так промолвил:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы вытащить мне лодку,
На сухом поставить месте?»

85-90 Девы острова сказали,
Так девицы отвечали:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где втащить ты можешь лодку,
На сухом поставить месте.

91-94 Здесь катки тебе готовы,
Полон пристанями берег,
Будь с тобой хоть сотня лодок,
Хоть бы тысячу привел ты».

95-104 Тут веселый Лемминкяйнен
Лодку вытащил на землю,
На катки челнок поставил,

Говорит слова такие:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой,
От большого шума битвы,
От игры мечей звенящих?»

105-110 Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой;

111-114 Есть и крепости, и много
Для жилья домов просторных,
Пусть хоть сто мужей приходят,
Пусть хоть тысяча героев».

115-122 Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Часть березового леса
Иль другой земли кусочек,
Где б леса подсечь я смог бы,
Приготовить землю к пашне?»

123-132 Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Нет на острове местечка,
Нет земли в полянах этих
Даже в кадку шириною,
В ширину спины не будет,
Где бы лес подсечь ты смог бы,
Приготовить землю к пашне:
Остров весь уж поделили,
Все размерены поляны,

133-140 Лес по жребию раздали,
Все луга уж у хозяев».
Так спросил их Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Есть на острове местечко,
Есть пространство на полянах,
Где бы мог пропеть я песни,
Мог начать надолго пенье?

141-150 На устах слова уж тают,
Уж из десен вырастают».
Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где пропеть ты можешь песни

И начать искусно пенье,
Где играть ты можешь в роще
И плясать ты можешь в поле».

151-160 И веселый Лемминкяйнен
Тотчас песнь свою заводит:
На дворе рябин наделал,
На поляночке дубочков,
На дубах большие ветви,
Желудей на ветках сделал,
Золотые с веток кольца,
А на кольцах по кукушке:
Как начнет кукушка кликать,
Выйдет золото из клюва,

161-164 А с боков все медь стекает,
Серебро сбегает книзу
На холмочки золотые,
На серебряные горки.

165-170 Пели дальше Лемминкяйнен,
Пел и делал заклинанья:
Обращал песок он в жемчуг,
Камни делал с чудным блеском,
А деревья — с красным цветом
И цветочки золотые.

171-176 Пел все дальше Лемминкяйнен:
На дворе колодец сделал
С золотой прекрасной крышкой,
А на крышке сделал ковшик,
Чтобы юноши здесь пили,
Чтоб глаза девицы мыли.

177-180 Сделал он пруды в полянах,
На прудах же — синих уток,
Златощеких, среброглавых,
Пальцы медные у уток.

181-184 Девы острова дивились,
Те девицы изумлялись
Лемминкяйнена напевам,
Чарованьям этих песен.

185-190 И сказал им Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Я прекрасно спел бы песню,
Прозвенел бы я чудесно,
Если б был я где под крышей,
На углу стола сидел бы.

191-194 Коль избы здесь не найдется,
Если на пол я не стану,
Все мои заклятья в рощу,
Песни в лес я побросаю».

195-200 Девы острова сказали,
Так надумали девицы:
«Для жилья найдутся избы
И дворы, где жить удобно,
Чтобы взять со стужи песню,
Чтоб укрыть слова в жилище».

201-210 Начал пенье Лемминкяйнен:
Как вошел в избу, тотчас же
Сделал кружки чародейством,
По краям стола расставил,
Эти кружки с пивом были,
Кувшины с питьем медовым,
Блюда полные до верху,
Чашки в уровень с краями:
Много было в кружках пива,
В кувшинах довольно меду.

211-214 Был большой запас там масла,
Много было там свинины,
Чтоб наелся Лемминкяйнен,
Сытым стал бы Каукомъели.

215-218 Важный вид тут принял Кауко:
Он иначе есть не может,
Как чтоб в золоте был ножик
И с серебряною ручкой.

219-221 Взял серебряную ручку,
Золотой клинок напел ей;
Ел он сколько захотелось;

222-226 Попивал в охотку пиво.
И прошел тут Лемминкяйнен
Все деревни по порядку
Девам острова на радость,
Длиннокосым — на отраду.

227-230 Головой лишь повернется,
Поцелуй ему навстречу,
Лишь куда протянет руку,
А ее уж и хватают.

231-240 Он приходит на ночевку
В час, когда совсем стемнело.
Деревень там было много
И дворов с десяток в каждой,
На дворах же этих в каждом
Дочерей с десяток было,
И хотя б одна осталась
Из девиц прекрасных этих,
Чтоб он с ней не поразвлекся,
Руки ей не утомил бы.

241-246 Сотни вдов ему достались,
Целой тысячей невесты.
Двух в десятке не осталось,

Не осталось трех из сотни
Там девиц не обольщенных
И тех вдов не увлеченных.

247-250 Веселится Лемминкяйнен,
Жизнь проводит он в веселье,
Жил на острове три лета,
В деревнях больших скрывался;

251-254 Девам острова на радость,
Многим вдовам на отраду.
Не порадовал одну лишь
Только старую девицу.

255-261 Та жила в селе десятом,
На конце большого мыса.
Он уж думал о дороге,
Чтоб на родину вернуться,
Вдруг пришла старуха-дева,
Говорит слова такие:
«Кауко, миленький красавчик!

262-264 Если ты меня забудешь,
Пожелаю, чтоб в дороге
Твой челнок на риф наехал».

265-268 Не вставал он темной ночью,
До петушьей переклички,
Не ходил на радость с девой,
На забаву с той девицей.

269-272 Наконец, однажды поздно,
Как-то вечером решил он
Встать до месяца восхода,
До петушьей переклички.

273-278 Даже раньше он поднялся,
До назначенного часа.
Он решил пройти немедля
Все деревни по порядку,
Заглянуть на радость даже
К старой деве, посмеяться.

279-282 Он один проходит ночью
Все деревни по порядку
На конец большого мыса,
В ту десятую деревню.

283-286 Проходя деревню, видит
На дворах везде три дома,
А в домах он там увидел
В каждом доме три героя.

287-290 Из героев этих каждый
Меч оттачивает острый
И топор свой навостряет
Лемминкяйнену на гибель.

291-296 Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«День, ты светлый лик поднимешь,

Солнце, ты взойдешь сияя,
Для несчастнейшего мужа,
Злополучному на шею!

297-302 Разве Лемпо спрячет мужа,
Защитит своей рубашкой,
Иль своим плащом покроет,
Иль в свою запрячет шапку
Против ста мужей враждебных,
Против тысячи напавших!»

303-308 Так он девушек не обнял,
С ними он не попрощался.
Повернул скорее к лодке,
К челноку пошел несчастный:
А челнок его спалили,
Весь в золу он превратился!

309-312 Видит он: несчастье близко,
Время бедствий наступает.
Хочет он челнок наладить,
Лодку новую построить.

313-318 Но деревьев нет для стройки,
Нет досок, чтоб сделать лодку.
Видит дерева кусочки,
Вовсе малые дощечки:
Пять кусочков от катушки,
Шесть осколков веретенца.

319-322 Он из них челнок устроил,
Лодку новую сготовил.
Все своим искусством сделал,
Мудростью своей устроил;

323-326 Раз ударил — и пол-лодки,
Два ударил — всю достроил,
В третий раз тогда ударил
Лодка новая готова.

327-332 Он толкнул ее на волны,
Свой челнок спускает в воду.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Как пузырь, плыви по волнам,
Как цветочек, по теченью!

333-336 Дай три перышка, орел, мне,
Три — орел и два — ворона,
Пусть на лодку будут крышей,
На плохой челнок брусками!»

337-344 Он на дно садится в лодку,
В задней части поместился,
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась,
Уж не смел теперь он ночью,

Днем не смел он оставаться
Девам острова на радость,
Где кудрявые плясали.

И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Должен молодец проститься,
Бросить здешние жилища,
Бросить девичьи забавы,
Пляски девушек прекрасных.

При моем прощанье с ними,
При моем отъезде скором
Здесь не радуются девы,
Не играют молодые,
Здесь полны печали избы
И дворы полны несчастья».

Девы острова горюют,
На мыске девицы плачут:
«Что ты едешь, Лемминкяйнен,
Отчего, жених, уходишь?

Иль здесь много дев стыдливых,
Или женщин тебе мало?»
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Нет, здесь девы не стыдливы,

Женщин вовсе мне не мало:
Сотню женщин мог бы брать я,
Дев хоть тысячу имел бы.

369-376 Оттого я, Кауко, еду,
Оттого, жених, скрываюсь,
Что меня желанье мучит
Снова родину увидеть,
У себя рвать землянику,
На своей горе малину,
Дев на собственном мысочке,
Кур иметь в своем жилище».

377-382 И поехал Лемминкяйнен
На кораблике по морю.
Вьется ветер, поддувает,
Волны лодку погоняют
По спине по синей моря,
По открытому теченью.

383-386 А по бережку, бедняжки,
На камнях стояли девы,
Плачут острова девицы
И горюют золотые.

387-390 До тех пор горюют девы,
До тех пор девицы плачут,
Там пока виднелась мачта
И железные колечки.

391-394 Не о мачте плачут девы,
Не о кольцах из железа,
А о муже, что у мачты,
Женишке под парусами.

395-398 Плакал также Лемминкяйнен,
Он печалился от горя,
Там пока был виден остров
И еще виднелись горы.

399-402 Не об острове он плакал,
Не оплакивал он горы:
Дев на острове жалел он,
Он жалел гусынь нагорных.

403-405 Проезжает Лемминкяйнен
По волнам на синем море.
Едет день, другой день едет.

406-412 Но на третий день внезапно
Загудел вдруг сильный ветер,
Зашумел прибрежный воздух,
Буря с острова несется,
Ветры резкие с востока:
Разорвали борт у лодки,
Челнока изгиб расшибли.

413-416 И свалился Лемминкяйнен,
Он упал руками в воду,
Быстро пальцами гребет он,

И ногой в волнах он правит.

417-420 И плывет и день и ночь он,
Изо всей гребет он силы.
Вдруг на западе увидел,
Словно облачко нависло.

421-425 Облачко землею стало
И мысочком обратилось.
Стал на землю, в дом он входит,
Там печет хозяйка хлебы,
Дочки дружно тесто месят.

426-430 «Ох ты, добрая хозяйка!
Если б знала ты мой голод,
Про беду мою узнала,
Ты б в амбар пошла скорее,
Ты б сошла в подвал за пивом;

431-436 Принесла бы кружку пива,
Принесла б кусок свинины,
Ты изжарила б свинину,
Масла щедро положила,
Чтоб насытился усталый,
Чтоб герой здесь пива выпил.

437-440 Плавал я и дни и ночи
По волнам широким моря,
Охраняли меня ветры,
А ласкали волны моря».

441-444 Вышла добрая хозяйка
В тот амбар, что на пригорке,
Забрала в амбаре масла,
Принесла кусок свинины;

445-448 И изжарила свинину,
Чтоб насытился голодный,
Принесла кувшинчик пива,
Чтоб испил герой усталый.

449-452 Лодку новую подводит,
Челночок вполне готовый,
Чтоб он мог оттуда ехать
На места свои родные.

453-462 Вот приехал Лемминкяйнен
На места свои родные,
Узнает он землю, берег,
Острова, проливы видит,
Видит пристань, как и прежде,
Видит все места жилые,
Видит сосны на пригорке,
По холмам все те же ели,
Но избы своей не видит,
Не стоят уж больше стены:

463-466 Где изба была когда-то,
Там черемуха ветвится,
Где был двор, там встали ели,

У колодца — можжевельник!

467-472 И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомьели:
«Я играл вот в этой роще,
По каменьям этим прыгал,
По траве я здесь катался,
Здесь валялся я на пашне.

473-476 Кто ж унес избу отсюда,
Кто сломал здесь нашу кровлю?
Сожжено мое жилище,
Разнесли весь пепел ветры».

477-482 И заплакал он от горя,
Плачет день, другой день плачет.
Не оплакивает дом свой,
Плачет он не о жилище,
Но о милых в том жилище,
Дорогих, в том доме живших.

483-486 Видит он: орел слетает,
Птица в воздухе несется.
Повернулся и спросил он:
«Ты, орел, большая птица!

487-490 Ты не можешь ли поведать,
Где же мать моя осталась,
Что меня в себе носила
И любя меня вскормила?»

491-496 Ничего орел не помнил,
Птица глупая не знала:
Знала только, что скончались,
Знает только, что погибли,
Меч отточенный сразил их
И секира зарубила.

497-500 И промолвил Лемминкяйнен
Молодец тот, Каукомъели:
«Мать, ведь ты меня носила,
Дорогая, ты вскормила!

501-506 Умерла моя родная,
Нет тебя, моя голубка,
Прахом тело твое стало,
На главе растут уж ели,
Можжевельник там, где пятки,
Ветлы выросли меж пальцев!

507-512 Вот мне, глупому, награда,
Вот несчастному возмездье,
Все за то, что меч я мерил,
Что понес мое оружье
К избам Похъёлы суровой,
За черту земли туманной.

513-518 Род мой весь погиб за это,
Мать моя лежит убита!»
Он кругом повсюду смотрит:

Видит след едва заметный,
Вот трава прижата следом,
Злаки сильно попримяты.

519-522 Он пошел, дорогу ищет,
Смотрит в этом направленье.
В лес следы идут тропинкой,
Направляются дорожкой.

523-526 Он версту идет, другую
И еще прошел немного
Посреди тенистой чащи,
Посреди густого леса.

527-532 Видит: хижинка ютится,
Чуть заметная избушка
Меж двух скал стоит в ущелье,
В середине меж трех елей,
А в избушке мать он видит,
Седовласую старушку.

533-538 Очень рад был Лемминкяйнен,
Радовался всем он сердцем.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Мать любимая, родная,
Ты меня ведь воспитала!

539-544 Ты жива еще, родная,
Не уснула ты, старушка!
Я уж думал, ты скончалась,
Думал я, что ты убита,
Что мечом тебя сразили,
Что копьем тебя пронзили!

545-552 Я уж выплакал все очи,
Все слезами залил щеки».
Лемминкяйнену мать молвит:
«Я жива еще, как видишь,
Я должна была спасаться,
В тайном месте укрываться
Здесь во мраке этой чащи,
В темноте густого леса.

553-558 Люди Похъёлы собрались
И пришли ко мне с войною,
Всё тебя они, бедняжку,
Злополучного искали:
Превратили дом наш в пепел,
Весь наш двор опустошили».

559-562 И сказал ей Лемминкяйнен:
«Мать родная, дорогая!
Ты забудь теперь про горе,
Прогони свои печали!

563-566 Я избу тебе поставлю,
Вновь построю я получше,
Снова в Похъёлу отправлюсь,
Уничтожу племя Лемпо».

567-574 Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Долго, сын, ты оставался,
Долго, Кауко, там ты пожил,
В отдаленных этих странах,
У чужих дверей скитался,
На мысочке безыменном,
Там, на острове далеком».

575-578 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Хорошо мне жить там было
И играть весьма приятно.

579-584 Там краснеются деревья,
Там поляны голубые,
Там серебряные ели,
Золотистые цветочки,
Там из меду были горы,
Из яиц куриных скалы;

585-588 Мед стекал по веткам елей,
Молоко текло из сосен,
Из плетней лилося масло,

По жердям стекало пиво.

589-598 Хорошо мне жить там было,
Оставаться там приятно.
Только плохо мне пришлося,
Проживать там неудобно:
Стали там за дев бояться,
Будто женщины все эти,
Эти жалкие бедняги,
Весь дрянной народец этот,
От меня терпели горе,
Будто ночью я ходил к ним.

599-602 От девиц я только бегал,
Дочерей я лишь боялся,
Вот как волк свиней боится
Иль как кур боится ястреб»

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXX

✦

1-6 Раз веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Вышел самым ранним утром,
Только зорька занималась,
Стал на лодочную пристань,
Корабельную стоянку.

7-14 Лодка с крючьями стонала,
Так челнок дощатый плакал:
«Должен я лежать, несчастный,
Должен, жалкий, только сохнуть:
На войну не едет Ахти,
Шесть лет, десять лет не хочет
Серебра искать войною
Или к золоту стремиться».

15-20 Тут веселый Лемминкяйнен
Хвать челнок тот рукавицей,
Рукавицею расшитой,
Говорит слова такие:
«Ты, сосновый, не тревожься,
С превосходными боками!

21-24 На войну еще пойдешь ты,
Ты поедешь на сраженье,
Полон будешь ты гребцами,
Прежде чем минует завтра».

25-30 Ахти к матери подходит,
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, о мать родная,
Не горюй, моя старушка,
Если я уйду сражаться,
Если снова ринусь в битву.

31-34 Мне на ум пришло внезапно,
Мысль мозгами овладела
С людом Похъёлы сразиться,
Истребить весь род негодный».

35-38 Мать сдержать его хотела,
Говорит ему старушка:
«Не ходи, сыночек милый,
В Похъёле ты не сражайся!

39-48 Смерть тебя постигнуть может,
Скоро можешь ты погибнуть».
Но недолго думал Ахти,
Он туда идти решился,
Все разрушить там поклялся,
Говорит слова такие:
«Где бы мне найти другого,

Где с мечом найти мне мужа,
Чтобы в битве был подмогой,
Стал бы помощью в сраженье?

49-51 Хорошо знаком мне Кура,
Тиара смелый предан крепко.
Вот его возьму я лучше;

52-54 Он с мечом пойдет за мною
И поможет мне в сраженье,
Будет сильному подмогой».

55-60 Он прошел через деревню,
К Тиаре он во двор приходит,
И, придя туда, промолвил,
Так сказал он, появившись:
«Тиара, ты мой друг сердечный,
Мой любезный, дорогой мой!

61-64 Помнишь ты былое время,
Как мы оба вместе жили,
Как с тобою мы ходили
На поля больших сражений?

65-68 Деревень прошли мы много,
Десять изб в деревне было,
В этих избах все герои,
По десятку было в каждой;

69-72 Ни один из тех героев,
Из мужей никто не спасся,
Всех с тобой в бою убили,
Всех мы в битве поразили».

73-76 У окна родитель Тиары
Вырезал для копий древки;
У амбара на пороге
Мать сбивала масло в кадке;

77-80 У ворот трудились братья,
Там сколачивали сани;
У мосточка были сестры
И стирали там платочки.

81-88 От окна отец ответил,
Мать с порога у амбара,
От калитки молвят братья,
Сестры молвили с мосточка:
«Нет, не время биться Тиэре,
Воевать с копьем не время:
Тиэра сделку заключает,
По рукам уже ударил;

89-92 Он ведь только что женился,
Взял недавно он хозяйку
И грудей еще не тронул,
Не прижал ее он к груди».

93-99 Тиэра тот лежал на печке,
На краю лежал тот Кура;
На печи обул он ногу,
На скамье обул другую,
На дворе надел он пояс,
У калитки застегнулся,
И копье схватил потом он.

100-106 То копье не из великих,
Но не очень чтоб из малых,
Так оно длиной из средних:
На конце стоит лошадка,
Скакунок по древку скачет,
А на ручке воют волки,
На кольце рычат медведи.

107-109 Вот копьем он потрясает,
Потрясает и качает,
Бросил древко он на сажень.

110-112 В пашню с глинистою почвой,
В твердый луг копье вонзает,
В землю ровную, без кочек.

113-116 И потом копье он бросил
Близ копья у Каукомьели
И поспешно устремился,
Как товарищ Ахти, в битву.

117-120 Ахти, тот Островитянин,
Оттолкнул челнок свой в воду,
Как змею между колосьев,
Как живучую гадюку.

121-126 И поехали на север,
В море Похъёлы помчались.
Тут хозяйка Сариолы
Вызвала мороз ужасный
В Похъёлу — на зыбь морскую,
На открытое теченье;

127-130 Говорит слова такие
И такие наставленья:
«Ты, морозец, мой сыночек,
Мною вскормленный малютка!

131-136 Ты иди, куда пошлю я
И куда тебя отправлю.
Заморозь ты лодку Ахти,
Челночок у Каукомъели
На хребте блестящем моря,
По открытому простору!

137-142 Пусть замерзнет сам хозяин,
Пусть веселый сгинет в море,
Пусть оттуда он не выйдет

Никогда, пока живешь ты,
Коль сама я не избавлю,
Коль ему не дам свободы!»

143-146 Сын дрянного поколенья,
Юный, с нравами дурными,
Стал мороз морозить море,
Стал он сковывать теченье;

147-150 А пока он шел до цели,
По земле пока влачился,
Покусал листы деревьев,
У травы забрал все семя.

151-158 А когда ступил на берег,
Берег Похъёлы широкий,
На морское побережье,
То сначала заморозил
Ночью бухты и озера,
Сделал твердым берег моря
Моря самого не тронул,
Не сковал еще теченья.

159-162 На хребте морском был зяблик,
На волнах там трясогузка:
Когти зяблика не мерзли,
Голова не цепенела.

163-166 Но второю ночью начал
Он все дальше простираться
И совсем уж стал бесстыдным,
Вырос с дерзостью ужасной;

167-172 Все сполна он стал морозить,
Леденить с ужасной силой:
Лед он сделал выше лося,
Набросал на сажень снегу,
Заморозил лодку Ахти,
На волнах челнок у Кауко.

173-176 Самого хотел он Ахти
В страшных льдинах заморозить:
На руках уж тронул пальцы,
Стал до ног он добираться.

177-180 Рассердился Лемминкяйнен,
Рассердился, обозлился,
Он в огонь мороз толкает
И теснит его к горнилу.

181-186 Он схватил мороз руками,
Кулаками держит злого,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Сын ты северного ветра,
Сын зимы, мороз знобящий!

187-190 Пальцы рук не смей морозить,
Пальцев ног моих не трогай,
До ушей ты не дотронься,
Головы не смей касаться!

191-194 Есть и так тебе работа,
Можешь многое морозить,
Ты оставь людскую кожу,
Тело матерью рожденных;

195-202 Ты морозь болота, землю
И холодные каменья,
На воде морозь ты ивы,
Пусть расколются осины,
Облупи кору с березы,
Раздирай большие сосны,
Но не тронь людскую кожу,
Волосы женой рожденных.

203-208 Если этого все мало,
Ты морозь еще другое:
Раскаленные каменья
И горячие утесы,
Скалы, полные железом,
Горы дикие со сталью;

209-212 Вуокси пусть оцепенеет,
Иматра пусть онемеет.
Ты заткни пучине глотку,

Укроти ее свирепость!

213-222 Иль сказать твое начало,
Объявить происхожденье?
Знаю я твое начало,
Верно знаю, как ты вырос,
Родился на ивах холод,
Сам мороз пошел с березы
В Сариоле возле дома,
У избы страны туманной,
От отца, что был злодеем,
И от матери бесстыдной.

223-226 Кто ж вспоил мороз на ивах,
Кто же придал злому силы?
Мать его была без груди,
Молока совсем не знала.

227-230 Там его вспоили змеи,
Там гадюки насыщали.
Не свежо их вымя было,
Без концов у змей сосочки.

231-234 Там мороз качала буря,
Ветер северный баюкал
На дурной воде меж ветел,
На источниках болотных.

235-238 Был воспитан мальчик плохо,
Перенял дурные нравы,
Рос без имени мальчишка,
Тот злокозненный ребенок.

239-248 Наконец уж дали имя:
Стал Морозом называться.
Жил потом он по заборам,
По кустарникам таскался,
Летом плавал он в трясинах
По верхам болот широких,
А зимой трещал он в елях,
Бушевал в сосновых рощах
Иль гудел в лесах, в березах,
Иль неистовствовал в ольхах.

249-254 Мерзнут травы и деревья,
Выровнял мороз поляны,
Покусал листы деревьев,
Снял у вереска цветочки,
Покусал кору у сосен,
Пощипал у елок корку.

255-260 Ты велик уж что-то слишком:
Чересчур высоко вырос.
Ты меня морозить хочешь,
Чтоб мои распухли уши,
Хочешь ты отнять мне ноги
И концы похитить пальцев?

261-268 Перестань меня морозить,
Перестань знобить со злобой,
Я огонь в чулки засуну,
В башмаки же головешки,
Наложу углей по складкам,
Под ремни напрячу жару
И мороз меня не схватит,
Холод тронуть побоится.

269-278 Прогоню тебя заклятьем
К дальним северным пределам.
И когда туда прибудешь,
Только родины достигнешь,
Застуди котлы немедля,
В очаге печном все угли,
Руки женщин в вязком тесте,
На груди у жен младенцев,
Молоко у всех овечек,
Жеребенка в кобылице!

279-282 Если ж этого все мало,
Прогоню тебя отсюда
В кучу угольев у Хийси,
На печной очаг у Лемпо.

283-288 Ты в огонь туда проникни
И садись на наковальню,
Чтоб кузнец тебя помял там

Молотком и колотилом,
Молотком чтоб бил сильнее,
Раздробил бы колотилом!

289-298 Если ж этого все мало,
Ты послушаться не хочешь,
Знаю я другое место,
Подходящее местечко:
Я твой рот направлю к лету,
Твой язык в его теплицу,
Чтоб навек ты там остался,
Никогда б назад не вышел,
Если я не дам свободы,
Сам не выпущу оттуда».

299-306 Тут сын северного ветра,
Сам мороз беду почуял;
Он взмолился о пощаде,
Говорит слова такие:
«Так давай мы сговоримся
Не вредить друг другу больше
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц.

307-316 Коль услышишь, что морожу,
Что веду себя я дурно,
Ты в огонь меня направишь
И толкнешь в большое пламя,
Меж кузнечными углями

К Ильмаринену в горнило,
Ты мой рот направишь к лету,
Мой язык в его теплицу,
Чтоб всю жизнь я там остался,
Никогда б назад не вышел!»

317-322 Так веселый Лемминкяйнен
Лодку там во льду оставил,
Свой челнок военный в льдинах,
Сам пошел дорогой смело,
Тиэра вслед за ним шагает,
Вслед за другом, за веселым.

323-328 Вот по льду ступает Ахти,
Он идет по ровной глади,
День идет так и другой день,
Наконец, уже на третий,
Показался мыс Голодный:
Там дрянная деревушка.

329-334 В замок мыса входит Ахти,
Говорит слова такие:
«В крепости найдется ль мясо,
На дворе найдется ль рыба
Для героев утомленных,
Для мужей, ослабших сильно?»

335-340 Только не нашлось тут мяса,
Только не нашлось тут рыбы.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Пусть огонь спалит всю крепость,
Пусть снесет ее водою!»

341-344 И пошел оттуда дальше,
По густым лесам идет он,
Где совсем жилья не видно,
По дорогам неизвестным.

345-348 Собирает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Мягкий пух по всем каменьям
И волокна по утесам;

349-352 Он связал чулки поспешно,
Рукавицы быстро сделал,
Чтоб мороза *** бояться,
Всей его свирепой стужи.

353-356 Он пошел искать дорогу
И разведать направленье:
Путь прямой тянулся к лесу,
В лес дорога направлялась.

357-360 И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
«Тиэра, братец мой любезный,

Плохо нам с тобой пришлося!

361-366 Дни и месяцы блуждая,
Вечно странствовать мы будем».
Тиэра так ему ответил,
Он такие речи молвил:
"Месть нам, бедным, угрожает
И погибель нам, несчастным;

367-372 Для войны сюда пришли мы,
В Похъёлу, в страну тумана,
Чтоб своей лишиться жизни,
Навсегда самим погибнуть
На местах, совсем негодных,
На неведомых дорогах.

373-380 Никогда мы не узнаем,
Не узнаем и не скажем,
По какой идем дороге,
По какой пошли тропинке,
Чтоб погибнуть здесь, у леса,
Умереть здесь, на равнинах,
Здесь, где ворон лишь родится
И живут в полях вороны.

381-388 Смело вороны потащут,
Понесут здесь злые птицы,
Тело наше расхватают,
Жадно выпьют кровь вороны,

Клювы вороны запустят
В трупы мертвецов несчастных,
Понесут на камни кости,
На скалистые утесы.

389-398 Мать, бедняжка, знать не будет,
Мать несчастная, родная,
Где ее осталось тело
И где кровь ее сбегает:
На равнинах ли болотных,
Иль в сражении жестоком,
На хребте ль большого моря,
По обширному теченью,
На горе ль, где много сосен,
По дороге ли к кусточкам.

399-402 Ничего мать не узнает
О несчастнейшем сыночке:
Будет думать, что он умер,
Будет думать, что погиб он.

403-408 Мать тогда заплачет горько,
Причитать начнет старушка:
«Там теперь мой сын, бедняжка,
Там любимец мой несчастный:
Туонелы посев он сеет,
Боронует поле Калмы.

409-412 Дал мой сын теперь, бедняжка,
Дал сыночек мой несчастный
Отдыхать в покое луку,
Благородным дугам — сохнуть.

413-416 Птицы могут откормиться,
Куропатки жить в кусточках,
Без боязни жить медведи
И играть на поле лоси!»

417-420 Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
"Мать несчастная, родная,
Ты меня в себе носила!

421-426 Кур ты выходила много,
Лебедей большую стаю;
Вдруг их всех развеял ветер,
Вдруг их всех рассеял Лемпо,
Ту сюда, туда другую
И загнал куда-то третью.

427-430 Помню я былое время,
Помню дни, что были лучше:
Выступал цветком я дома,
Точно ягодка ходил я.

431-438 Кто на нас, бывало, взглянет,
Удивится, как растем мы.
Но совсем иначе стало

В это бедственное время:
Знаем мы теперь лишь ветер,
Видим мы теперь лишь солнце,
Но его скрывают тучи,
Дождь собою закрывает.

439-446 Но все это мне не страшно,
А моя о том забота:
Хорошо ль живут девицы,
Как прекрасные играют,
И как женщины смеются,
Как невесты распевают,
И не плачут ли от горя,
Не страдают ли от скорби?

447-452 Нет пока здесь чародейства,
Нет и против нас заклятий,
Чтоб мы умерли в дороге,
Чтоб в пути мы здесь погибли,
Чтобы юные свалились
И столь бодрые пропали.

453-456 Коль чаруют чародеи,
Колдуны коль здесь колдуют,
Пусть их чары обратятся
На жилища их родные;

457-460 Пусть колдуют друг на друга,
На детей наводят чары,
Род свой быстро умерщвляют
И родных уничтожают!

461-464 Никогда отец мой прежде,
Этот старец седовласый,
Колдунам не поклонялся
И не чтил сынов лапландских.

465-474 Так говаривал отец мой,
Так и я теперь промолвлю:
«Защити, могучий Укко,
Огради, о бог прекрасный,
Охрани рукою мощной
И твоей великой силой
От мужских коварных мыслей,
От коварства злобных женщин,
От злословья бородатых,
От злословья безбородых!

475-480 Будь мне вечною защитой,
Будь надежною охраной,
Чтоб дитя не заблудилось,
Чтоб сын матери не сбился
На пути благого Укко,
На дороге, богом данной!»

481-486 Тотчас сделал Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Из забот коней рысистых,
Вороных коней из скорби,
А узду из дней печальных
И седло из тайных бедствий.

487-489 На спине коня уселся,
На лошадке этой пегой,
Едет он тяжелым шагом.

490-494 С ним Тиара едет рядом.
Он с трудом по взморью едет,
По песку едва плетется,
Едет к матери любезной,
К ней туда, к седой старушке.

495-500 Я теперь бросаю Кауко,
Долго петь о нем не буду;
В путь отправил я и Тиэру
Пусть на родину он едет,
Сам же пенье поверну я,
Поведу другой тропою.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXXI

✦

1-4 Воспитала мать цыпляток,
Лебедей большую стаю,
Привела цыплят к насести,
Лебедей пустила в реку.

5-9 Прилетел орел, спугнул их,
Прилетел, рассеял ястреб,
Разогнал крылатый деток:
В Карьялу унес цыпленка,
Взял другого он в Россию, Дома третьего оставил.

10-15 Тот, кого он взял в Россию,
Вырос там и стал торговцем.
Тот, кого он взял к карелам,
Имя Калерво там принял,
А оставленный им дома
Унтамойненом был назван.

16-19 Он принес отцу несчастье,
Сердцу матери печали.
Ставит сети Унтамойнен,
Где у Калерво затоны.

20-23 Калервойнен видит сети,
В свой мешок берет всю рыбу.
Унтамо исполнен злобы,

Сильно сердится на брата.

24-27 В бой свои пускает пальцы
И в борьбу пускает руки
За остатки этой рыбы,
За окунью эту мелочь.

28-31 Оба бились и боролись,
Не могли побить друг друга:
Сильно бьет один другого,
Получая — сам ответно.

32-35 Наконец, уже в другой раз,
На второй день иль на третий,
Калерво овес посеял
Рядом с Унтамо жилищем.

36-39 Унтамойнена овечка
Всходы Калерво поела,
Но у Калерво собака
Унтамо овцу пожрала.

40-45 Угрожает Унтамойнен
Калерво, родному брату,
Род весь Калерво прикончить,
Всех от мала до велика,
Уничтожить всех домашних
И пожечь у них жилища.

46-51 Он мужей снабдил мечами,
Храбрецам дает оружье,
Молодым на пояс копья,
Топоры дает красавцам,
И пошел он, чтоб сражаться
Против собственного брата.

52-59 Калерво сноха-красотка
У окна как раз сидела;
Вот в окно она взглянула,
Говорит слова такие:
«Дым ли это заклубился,
Туча ль темная находит
На краю вон той поляны,
На конце дороги новой?»

60-63 То не туча поднималась,
То не дым густой стелился:
Войско Унтамо поднялось,
Шло на Калерво с войною.

64-69 Вот пришли мужи с мечами,
Войско Унтамо явилось,
Всех у Калерво убили,
Все его большое племя,
И дотла весь двор спалили,
Весь с землей его сровняли.

70-75 Дева Калерво одна лишь
Там спаслась с плодом во чреве.
Люди Унтамо схватили,
Увели ее с собою,
Чтоб мела она там избы,
Пол почище подметала.

76-78 Мало времени проходит
Родился малютка-мальчик,
Сын той матери несчастной.

79-81 Как теперь назвать малютку?
Куллерво,- так мать прозвала,
Воин,- Унтамо промолвил.

82-85 Положили тут малютку,
Вез отца того ребенка,
Чтоб качался в колыбели,
Чтобы двигался он в люльке.

86-88 Вот качается он в люльке,
Волосами повевает.
День качается, другой день;

89-95 Но когда настал и третий,
Вдруг толкнул ногами мальчик,
Взад, вперед толкнул он люльку,
С силой сбросил свой свивальник

И ползет на одеяло,
Люльку надвое сломал он,
Разорвал свои пеленки.

96-103 Обещает выйти мужем
И как будто будет храбрым.
В Унтамоле ожидают,
Что, когда войдет он в возраст
И получит смысл и силу,
Будет мужем, как и надо,
Сотни он рабов заменит
Или тысячи, пожалуй.

104-111 Два, три месяца растет он,
Но уже на третий месяц,
Ставши ростом по колено,
Так раздумывать он начал:
«Если б вырос я побольше,
Получил бы в теле силу,
За отца я отомстил бы
И за скорбь моей родимой!»

112-115 Унтамо ту речь услышал,
Сам сказал слова такие:
«В нем семье моей погибель,
Новый Калерво растет в нем».

116-119 Размышлять мужи тут стали,
Стали женщины тут думать,
Мальчика куда бы спрятать,
Как бы вовсе уничтожить.

120-123 Вот его сажают в бочку,
Вот запрятали в бочонок,
Отнесли ребенка в воду
И на волны опустили.

124-127 Посмотреть потом приходят,
Как три ночи миновало,
Погрузился ль мальчик в воду,
Не погиб ли он в бочонке.

128-133 Но в воде не утонул он,
Не погиб в своем бочонке!
Из бочонка мальчик выполз,
На хребте волны уселся,
Удочку из меди держит,
Палку с шелковою леской;

134-137 Ловит мальчик в море рыбу,
Измеряет в море воду:
В море там воды немного,
На два ковшика, быть может;

138-143 Если ж все его измерить,
Хватит, может быть, на третий.
Унтамо тут думать начал:

«Деть куда теперь ребенка,
На него навлечь несчастье,
Чтобы смерть его настигла?»

144-149 Вот рабам своим велит он
Взять березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Чтобы сжечь на них ребенка,
Куллерво чтоб уничтожить.

150-155 Вот собрали, наложили
Там березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Тысячу саней бересты,
Ясеня сто сажен полных.

156-159 Был огонь в поленья брошен
И по куче разошелся;
В кучу бросили ребенка,
В пекла самого середку.

160-169 День там жгут его, другой день,
Жгут его еще и третий.
Вот пришли туда и видят:
До колен сидит он в пепле,
До локтей в золу зарылся,
Кочергу руками держит,

Увеличивает пламя,
Разгребает ею угли,
И волос он не лишился,
Ни единой даже пряди!

170-173 Рассердился Унтамойнен:
«Деть куда теперь ребенка,
На него навлечь несчастье,
Чтобы смерть его постигла?»

174-177 И на дерево повесил,
Притянул ребенка к дубу.
Вот проходит уж три ночи,
Столько ж дней проходит также.

178-181 Унтамо тут думать начал:
«Не пора ль пойти проверить,
Жив ли Куллерво на дубе,
На суку он не погиб ли».

182-185 И раба он посылает.
Так ответ слуга приносит:
«Куллерво и тут не умер,
Не погиб на этом дубе!

186-191 Он в коре рисунки режет,
У него в ручонках гвоздик,
Все стволы стоят в рисунках,

Ствол дубовый изрисован:
Он мужей с мечами сделал,
По бокам приделал копья».

192-197 Ничего не может сделать
Унтамойнен с тем ребенком!
Как бы смерть ни приготовил,
Как бы гибель ни измыслил,
Все не гибнет этот мальчик,
Нет погибели на злого.

198-201 Наконец он утомился,
Погубить его желая:
Куллерво растить решил он
Как дитя своей рабыни.

202-207 Унтамо тогда промолвил,
Говорит слова такие:
«Поведешь себя пристойно,
Будешь жить как подобает,
Так останься в здешнем доме
И рабом моим работай.

208-211 Будешь ты иметь и плату,
По заслугам ты получишь:
Поясок себе на тело
Или по уху удары».

212-219 Куллерво подрос побольше,
Он на четверть стал повыше,
Тут ему работу дали,
Чтобы он имел занятье
Малого ребенка нянчить,
Крошку ростом только с палец:
«Ты смотри за ним прилежно,
Дай поесть и сам поешь с ним!

220-227 Постирай в реке пеленки,
Вымой платьице ребенка!»
Нянчит день, другой день нянчит:
Вырвал ручки, колет глазки,
А на третий день больного
Доконал совсем ребенка,
Побросал пеленки в реку,
Сжег дитяти колыбельку.

228-231 Унтамо тогда подумал:
«Вижу, что не будет годен
Куллервойнен нянчить деток
И качать ребенка с палец!

232-234 И на что он только годен
И к чему его приставить.
Подсечет лесочек разве?»

235-243 Посылает в лес на рубку.
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Вот тогда я стану мужем,
Как топор дадут мне в руки,
Буду лучше я, чем прежде,
Посмотреть приятно будет:
Пятерых мужчин сильнее,
Шестерых я крепче буду».

244-246 К кузнецу пошел к горнилу,
Говорит слова такие:
«Ты, кузнец, послушай, братец!

247-249 Скуй получше мне топорик!
Как герою, мне секиру,
Мне железную по силам!

250-253 В лес иду я на подсечку,
Там хочу рубить березы».
Тут кузнец, что нужно, сделал,
Он топор сковал поспешно.

254-257 И топор по мужу вышел,
По работнику железо.
Калервы сын, Куллервойнен,
Свой топор железный точит;

258-263 Целый день топор готовит,
К ночи занят топорищем.
В лес затем идти собрался
Старые рубить деревья,
Строевого ищет лесу,
Самых крепких из деревьев.

264-267 Топором деревья рубит,
Лезвием их режет ровным:
Крепкий ствол одним ударом,
А похуже — в пол-удара.

268-272 Пять деревьев повалил он,
Восемь там стволов огромных,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Пусть работает здесь Лемпо!

273-281 Пусть разрубит Хийси балки!»
Он воткнул топор в колоду,
Поднял шум большой по лесу,
Засвистал по лесу громко,
Говорит слова такие:
«Пусть дотуда лес валится,
Лягут стройные березы,
Голос мой докуда слышен,
Свист докуда раздается!

282-287 Пусть ни веточка не выйдет,
Ни один не выйдет стебель,
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц,
Где сын Калервы рубил здесь,
Где молодчик новь расчистил!

288-293 Коль ячмень посеют в землю,
Выйдут новые посевы,
Выйдут всходы молодые,
Всходы станут стебелиться,
Пусть они не колосятся,
Никогда не выйдут в колос!»

294-299 Унтамойнен, муж отважный,
Посмотреть тогда приходит,
Как у Куллерво подсечка,
Новый раб прилежно ль рубит:
Не годилась та работа,
И плоха была подсечка.

300-303 Вновь подумал Унтамойнен:
«И на это не годится!
Бревна лучшие испортил,
Строевые все деревья!

304-306 Для чего он только годен
И к чему его приставить,
Заплетет плетень, быть может?»

307-309 Заплести плетень велит он.
Калервы сын, Куллервойнен,
Заплетать плетень собрался.

310-313 Взял стволы огромных елей
И как колья их поставил,
Сосны целые лесные
Для плетня жердями сделал;

314-317 А для этих кольев связки
Из рябин огромных сделал;
И плетень сплошной устроил,
Без ворот его оставил.

318-323 Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Кто летать не может птицей
И на двух подняться крыльях,
Тот войти сюда не сможет
Через Куллерво ограду!»

324-331 Унтамо из дому вышел,
Посмотреть сюда приходит,
Как тут Куллерво работал,
Раб его, в войне добытый:
Вот плетень сплошной он видит,
Без прорубок, без отверстий
На земле плетень поставлен
И до облака поднялся.

332-339 Говорит слова такие:
«И на это не годится!
Он плетень сплошной мне сделал
И поставил без калитки,
От земли довел до неба,
К облакам его он поднял:
Чрез плетень нельзя пройти мне,
Нет отверстия для входа!

340-342 Для чего он только годен,
Для какой такой работы?
Разве пусть мне рожь молотит?»

343-347 Молотить его заставил.
Калервы сын, Куллервойнен,
По приказу рожь молотит:
В пыль он зерна обращает
И в мякину всю солому.

348-353 Вот приходит сам хозяин,
Посмотреть туда приходит,
Как сын Калервы молотит,
Как там Куллерво цепом бьет:
Рожь летит тончайшей пылью,
А солома вся трухою!

354-357 Рассердился Унтамойнен:
«Никуда слуга не годен!
Что ни дам ему работать,

Всю работу он испортит.

358-361 Отвести ль его в Россию
Или в Карьялу продать мне
Ильмаринену на кузню,
Чтоб там молотом махал он?»

362-365 Продал Калервы он сына,
Продал в Карьяле на кузню,
Ильмариненом он куплен,
Славным мастером кузнечным.

366-373 Цену дал кузнец какую?
Цену дал кузнец большую:
Два котла он отдал старых,
Ржавых три крюка железных,
Кос пяток он дал негодных,
Шесть мотыг плохих, ненужных
За негодного парнишку,
За раба весьма плохого.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXXII

✦

1-5 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Стройный, золотоволосый,
В башмачках красивой кожи,
К кузнецу пришел в жилище;

6-12 У хозяина он просит
Тотчас на вечер работы,
У хозяйки же на утро:
«Мне бы надо дать работу,
Указать работу надо:
Что я должен здесь работать
И какое делать дело?»

13-16 Ильмаринена хозяйка
Размышлять об этом стала:
Что раба заставить делать,
Дать ему какое дело?

17-24 Пастухом его послала,
Сторожить стада велела.
На смех сделала хозяйка,
Кузнечиха для обиды:
Пастуху готовит хлебец,

Хлеб печет довольно толстый,
Верх пшеничный, низ овсяный,
И кладет в середку камень.

25-28 Мажет хлеб негодным маслом,
Мажет жиром корку хлеба
И слуге тот хлеб вручила,
Пастуху на пропитанье.

29-32 Так сама слугу учила,
Говорит слова такие:
«Этот хлеб ты ешь не раньше,
Чем ты стадо в лес загонишь!»

33-42 Ильмаринена хозяйка
Выпускает скоро стадо,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«В лес коров я выпускаю,
Я гоню молочных в поле,
По березам криворогих,
По осинам пряморогих,
Чтобы жиру набирались,
Чтобы салом запасались

43-48 На лесных полянах чистых,
Посреди широких рощиц,
Средь березняков высоких,

Средь осин, растущих туго,
В золотых лесах сосновых
И в серебряных дубравах.

49-56 Ты возьми воды в потоке,
Чтоб стада мои омылись,
Чтоб стада получше стали,
Чтоб хозяйкин скот удался
Раньше, чем придет хозяйка,
Чем увидит их пастушка,
Та неловкая хозяйка,
Неумелая пастушка.

57-66 Миэликки, хозяйка леса,
Попечительница стада!
Ты пошли рабынь повыше,
Ты пошли служанок лучших,
Чтоб смотрели за стадами,
За скотом чтоб наблюдали
Непрестанно этим летом,
Что творец дал на тепло нам,
Что дарует нам всевышний,
Что дает нам милосердный!

67-71 Тапио красотка дочка,
Теллерво, ты дочка леса,
В нежном платье из тумана,
С золотом кудрей прекрасных,
Ты, что стадо охраняешь!

72-74 Сохрани стада хозяйки
Среди Метсолы радушной,
Среди бдящей Тапиолы!

75-82 Охраняй стада получше,
Прилагай заботы больше!
Охраняй рукой прекрасной,
Пальцами чеши и гладь их,
Пусть их шерсть блестит, как рысья,
Пусть блестит, как рыбьи перья,
Пусть блестит, как шерсть тюленя,
Словно шерсть овечки дикой!

83-88 Как стемнеет, свечереет,
Сумрак вечера настанет,
Проведи стада домой ты,
Подведи к очам хозяйки,
Чтоб вода была на спинах
И молочные озера!

89-94 А домой уйдет лишь солнце,
Птичка к ночи защебечет,
Ты стадам тогда промолви,
Ты скажи им, криворогим:
„Ну, домой вы, рогоносцы,
Молоко домой несите!

95-98 Хорошо вам будет дома,
На земле вам спать там мягко;
По лесам блуждать вам страшно,
Топать шумно по прибрежью.

99-102 А когда домой придете,
Разведет огонь хозяйка
На траве, богатой медом,
На земле, где много ягод“.

103-112 Нюурикки, сын Тапиолы,
Ты, сын леса в синей куртке!
Ты поставь стволов еловых
И с верхушкой стройной сосен,
Постели на грязь мосточки,
По мосточкам неудобным,
По трясинам, жидким топям,
По трясущимся болотам
Проведи ты криворогих,
Погони ты двухкопытных

113-116 К облакам густого дыма
Без вреда и без блужданья,
Чтоб не вязли по болотам,
Чтоб в грязи не утонули!

117-126 Не послушается стадо
И не будет дома ночью,
Ты тогда, рябины дева,

Можжевельника девица,
Срежь березовую розгу,
Прут березовый в кусточке,
Хлыст рябиновый в лесочке,
Можжевеловую плетку
Там, где Тапиолы крепость,
За черемушной горою.

127-130 Ко двору гони ты стадо,
Как топить начнут там баню,
Скот домашний — прямо к дому,
Скот лесной весь — в Тапиолу!

131-140 Отсо, яблочко лесное,
Гнешь медовую ты лапу!
Мы с тобою сговоримся,
Вечный мир с тобой устроим,
Мир на время нашей жизни,
На года, что проживем мы:
Не губи ты двухкопытных,
Скот молочный ты не трогай
Во все время, долгим летом,
Что творец дал на тепло нам!

141-148 Коль услышишь колокольчик
И призыв рожка узнаешь,
Ты ложись тогда на дерне,
Ты улягся на лужайке
И уткни в былинки уши,

Головой уткнися в кочки
Иль беги оттуда в чащу,
В кучу моха удалися;

149-152 Убегай в места другие,
Убегай к другим холмочкам,
Чтоб бубенчиков не слышать,
Ни пастушьих разговоров!

153-156 Слушай, Отсо мой любезный,
Ты, краса с медовой лапой!
Я тебе не запрещаю
Там хвостом махать у стада;

157-160 Языком не смей лишь трогать,
Ртом не смей хватать противным,
Разрывать мой скот зубами
И душить своею лапой.

161-164 Обходи кругом лужайку,
Ту молочную поляну,
От бубенчиков же бегай
И страшись рогов пастушьих!

165-168 Если стадо на поляне,
Должен ты бежать к болоту;
Если стадо на болоте,
Должен ты бежать в дубраву;

169-172 На горе пасется стадо
Ты останься у подошвы;
Ходит стадо под горою,
Ты ходи там по вершине;

173-176 Если в поле выйдет стадо,
Удаляйся ты в лесочек;
Ходит стадо по лесочку
Уходи оттуда в поле.

177-180 Ты стремись златой кукушкой,
Голубочком серебристым;
Как сижок, ходи сторонкой,
Точно рыбка водяная;

181-186 Ты катись клубочком шерсти,
Как льняной клубочек легкий;
В волосы попрячь ты когти,
Зубы спрячь поглубже в десны,
Чтобы стадо не пугалось,
Скот бы малый не страшился!

187-192 Ты оставь все стадо в мире,
Двухкопытных тех в покое.
Пусть они гуляют мирно,
Пусть в порядке выступают
По полям и по болотам,
По лесным полянам тихим;

193-198 Только ты их там не трогай,
Не хватай своею лапой!
Вспомни, как ты прежде клялся
Там, у Туонелы потока,
При шумящем водопаде,
Пред всевышнего коленом;

199-202 Там тебе ведь разрешили
Трижды в лето приближаться
К колокольчикам звенящим,
К месту, где звучит бубенчик.

203-206 Но тебе не разрешали,
Позволенья не давали
Продолжать дурное дело,
Им всецело заниматься.

207-210 Если злоба одолеет,
Если злость к зубам подступит,
Обрати на лес ты злобу,
Злость свою на зелень елок!

211-214 Их грызи стволы гнилые,
Ствол прогнивший у березы,
К водяным пойди растеньям
И к холмам, где много ягод!

215-222 Если ты поесть захочешь,
Пожелаешь что покушать,
То питайся ты грибами,

В муравейнике поройся,
Ешь стеблей ты красных корни,
В Тапиоле — мед кусками,
Но не ешь мою скотину,
Что питается травою!

223-228 И когда кадушка с медом
Зашипит, забродит бурно,
На холмах, покрытых златом,
На пригорках серебристых,
Там ты, алчный, напитайся,
Там ты, жаждущий, напейся;

229-234 Той еде конца не будет,
Тот напиток не иссякнет.
Так с тобой мы сговоримся,
Вечный мир с тобой устроим,
Чтобы жили мы в довольстве,
Чтоб все лето славно жили;

235-240 Вместе мы землей владеем,
И у нас прекрасны яства.
Если битвы пожелаешь,
Воевать со мной захочешь,
Воевать зимой мы будем,
На снегу сражаться станем!

241-244 А когда вернется лето,
Стают речки и болота,
Ты проваливай оттуда,
Где стада златые слышны!

245-247 Если ж ты сюда вернешься,
Подойдешь ты к этим рощам,
То тебя здесь встретят стрелы.

248-256 Если тут стрелков не будет,
То у нас они найдутся,
Да при доме есть хозяйка,
Что тебе пути испортит,
Что беду пошлет дороге,
Чтобы ты вреда не делал,
Не принес стадам погибель
Против божьей вышней воли,
Против божьего решенья.

257-264 О ты, Укко, бог верховный!
Слышишь, я прошу о важном:
Зачаруй моих коровок,
Преврати мое все стадо,
Милых всех моих в деревья,
Дорогих моих в каменья,
Коль чудовище пройдет там,
Эта глыба будет близко!

265-268 Если б я была медведем
И жила с медовой лапой,
Никогда б я не вертелась
Под ногами старой бабы.

269-272 Есть еще места другие,
Есть подальше загородки,
Где лентяй таскаться может
И прохаживаться праздный.

273-276 Наколи, пойди ты, лапы,
Чтоб сошло все мясо с икор
Средь синеющего леса,
В лоне чудного лесочка.

277-282 Ты иди по кочкам поля,
По песку, веселый, бегай:
Есть готовая дорога,
Чтоб тебе идти по взморью
К дальним Похъёлы пределам,
На лапландские пространства;

283-288 Там тебе прожить приятно,
Хорошо навек остаться:
Башмаков не нужно летом,
Ни носков не нужно в осень
Топать по просторным топям,
По широким днам болотным.

289-294 Если ж ты пройти не можешь,
Не найдешь туда дороги,
Так спеши другой дорогой,
Ты беги скорей тропою
В чащи Туонелы лесные,
Калмы дальние поляны!

295-300 Там найдешь себе болота,
Даже боры для прогулок;
Там и Кирьё, там и Карьё,
И других коров там много
В крепких путах из железа,
В десяти цепях на шеях;

301-304 Наживают жир худые,
Набирают мясо кости.
Будьте добры, лес и роща,
Благосклонна будь, дубрава!

305-308 Успокой мой скот рогатый,
Дай покой ты двухкопытным,
Дай им отдых долгим летом,
Что творец дал на тепло нам!

309-312 Куйппана, властитель леса,
Ты, добряк седобородый!
Псов своих держи покрепче,
Брехунов своих отважных!

313-316 Вставь в ноздрю им по грибочку
И по ягодке в другую,
Не почуяли бы носом,
Не пронюхали бы стада!

317-320 Завяжи глаза им шелком,
Завяжи повязкой уши,
Чтоб не видеть им ходящих,
Чтоб не слышать им бродящих!

321-328 Если ж этого им мало,
Если слушаться не станут,
То гони детей оттуда,
Прогони семью подальше:
Пусть уходят из дубравы,
Пусть бегут отсель, с прибрежья,
С луговинок нешироких
И с полей весьма обширных!

329-334 Спрячь собак своих в пещерах,
Брехунов свяжи проворных
Золотистыми цепями,
Серебристыми ремнями,
Чтоб не сделали злодейства
Иль бесстыдного поступка.

335-340 Если ж этого все мало,
Если слушаться не станут,
Золотой мой царь ты, Укко,

Ты, серебряный защитник,
Ты услышь слова златые
И мои от сердца речи!

341-344 Дай рябиновые узы
На тупые эти морды;
Коль не сдержат эти узы,
Ты отлей из меди узы;

345-350 Если ж медь годна не будет,
Выкуй узы из железа!
Коль железо разорвется,
Коль оно не будет годно,
Ты продень златую палку
Чрез костлявые их морды;

351-358 Ты концы закуй покрепче,
Ты стучи по ним сильнее,
Чтоб не двигалися щеки,
Чтобы зубы не разжались,
Если цело то железо,
Коль его не режут сталью,
Ни ножом его не портят,
Топором его не рубят!»

359-364 Ильмаринена супруга,
Эта умная хозяйка,
Погнала коров из хлева,

Скот на пастбище пустила,
Пастуха ж пустила сзади,
Чтобы раб погнал скотину.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXXIII

✦

1-4 Калервы сын, Куллервойнен,
Положил еду в котомку
И погнал коров болотом,
Их погнал сосновым лесом;

5-8 На ходу он так промолвил,
Говорил слова такие:
«Ах, я парень горемычный,
Самый жалкий я мальчишка!

9-14 И куда теперь попал я,
Лишь на праздную дорогу,
Сторожить хвосты бычачьи,
За телятами тащиться,
По болотам лишь влачиться,
По плохой земле лишь ползать!»

15-21 Он на кочке там уселся,
Сел, где солнышко пригрело,
Стал слагать он песнопенья,
Так запел свои он песни:
«Дай тепла мне, божье солнце,
Колесо господне, света
Пастуху пошли, бедняге.

22-24 Кузнецу стада пасу я;
Кузнецу же не свети ты,
Ни ему и ни хозяйке!

25-34 Хорошо живет хозяйка,
Хлеб печет себе пшеничный,
Пироги себе готовит,
Их намазывает маслом,
А пастух берет хлеб черствый
И сухую корку гложет,
Овсяной грызет он хлебец,
Хлеб с мякиной разрезает,
Хлеб съедает из соломы,
Хлеб жует с корой сосновой,

35-38 Воду черпает берестой,
Пьет ее из-под кореньев.
Солнце, скройся ты, пшеничка,
Исчезай ты, божье время!

39-42 Уходи за сосны, солнце,
Ты, пшеничка, за лесочек,
Поспеши за можжевельник,
За ольховые верхушки!

43-46 Пастуха домой сведи ты,
На хлеба, где много масла,
Чтобы хлеб жевал он свежий,
В пирогах бы ел середку!»

47-56 Ильмаринена хозяйка,
Шел покуда пастушонок,
Пел покуда Куллервойнен,
Соскоблила масло с чашки,
В пирогах середку съела,
Ковырять взялась лепешки,
Уж сготовила похлебку,
Щей для Куллерво холодных,
Где весь жир собака съела,
Жир весь черная слизала,

57-62 Сыто пестрая поела,
Вдоволь серая наелась.
Из леска запела птичка,
Из куста певец-малютка:
«Уж рабу поесть бы время,
Сироте бы пообедать».

63-68 Калервы сын, Куллервойнен,
Посмотрел на тень от солнца,
Говорит слова такие:
«Да, уж время и поесть бы,
За обед пора приняться,
Поискать запас дорожный».

69-78 Отогнал коров на отдых,
Чтоб соснули на лужайке,
Сам на кочке он уселся,
На траве зеленой, свежей,

Со спины он снял котомку,
Вынул хлебец из котомки,
Повернул его и смотрит,
Говорит слова такие:
«Часто хлеб хорош снаружи
И гладка снаружи корка,

79-84 А внутри с корой сосновой
Да под ней еще мякина».
Из ножон он вынул ножик,
Чтобы хлеб себе разрезать:
И уперся ножик в камень,
Лезвием в голыш претвердый;

85-91 У ножа конец сломался,
На куски клинок распался.
Калервы сын, Куллервойнен,
Увидал, что ножик сломан,
Увидав, он начал плакать,
Говорит слова такие:
«Этот ножик был мне дорог.

92-94 Он один был мой любимый,
От отца он мне достался,
Он был собственностью старца;

95-98 Вот сломал его о камень,
О голыш он разломался,
Здесь о хлеб дрянной хозяйки,

Испеченный злою бабой!

99-102 Как отмщу за осмеянье,
За насмешку злую бабы,
Отомщу за хлеб негодный,
Испеченный злобной тварью?»

103-106 С ветки каркает ворона,
Ворон каркает и кличет:
«Бедный, золотая пряжка,
Калервы ты сын единый!

107-114 Отчего ты так печален,
Что ты грустен так, бедняжка?
Ты возьми из лесу ветку,
Сук березовый из дола,
Загони коров в болото,
Грязноногих на трясину,
Дай медведям половину,
А волкам большим другую!

115-120 Собери волков по лесу,
Собери медведей стадо!
Обрати волков в коров ты,
Обрати в коров медведей
И на двор гони, как стадо,
Точно пестрый скот, гони их!

121-125 Отплати за смех хозяйке,
За насмешку скверной бабе».
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Подожди ж, блудница Хийси!

126-128 О ноже отца я плачу,
Ты сама побольше будешь
О своих коровах плакать».

129-134 Отломил он прут в лесочке,
Можжевеловую ветку;
И погнал коров в болото,
Всех быков в тальник он гонит,
Дал медведям половину
И волкам большим другую.

135-138 Из волков телушек сделал,
Обратил в коров медведей,
Стали волки как телята
И коровами медведи.

139-141 Солнце за полдень спустилось.
Уж идет оно на вечер,
На верхушки сосен сходит;

142-146 Уж пора доить подходит.
Калервы сын, Куллервойнен,
Тот пастух несчастный, в злобе

Подогнал медведей к дому,
Ко двору волков подводит.

147-152 И свое он стадо учит,
Говорит слова такие:
«Рвите вы хозяйке бедра,
Ей прокусывайте икры,
Лишь на вас она посмотрит,
Лишь доить она нагнется!»

153-156 Из коровьей кости дудку,
Из бычачьей рог он сделал
Кости Туомикки для рога,
Бедра Кирьё взял для дудки.

157-160 Заиграл тогда на дудке,
Затрубил в свой рог пастуший
На горе близ дома трижды,
На конце прогона шесть раз.

161-164 Ильмаринена хозяйка,
Кузнеца жена-красотка,
Молока ждет не дождется,
Масла летнего желает.

165-169 Чу, играют на болоте,
Шум с зеленой луговины.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Будь прославен, бог верховный!

170-176 Рог звучит, подходит стадо!
Где взял раб рожок пастуший,
Из чего он сделал дудку,
Он во что трубит так громко,
И трубит и дует сильно,
Звуком уши раздирая,
Шумом голову мне полня?»

177-180 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Раб нашел рожок в болоте,
Вынес дудку из трясины.

181-184 Стадо все уж на прогоне,
Уж коровы в загородке,
Разведи огонь дымящий,
Подоить коров отправься!»

185-188 Ильмаринена хозяйка
Позвала доить старуху:
«Мать, пойди-ка подои их,
Позаботься о скотине!

189-196 Мне же некогда, пожалуй,
Замесить мне надо тесто».
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Ведь хорошая хозяйка,

Женщина с рассудком добрым,
Подоит сама коровок,
За скотом сама присмотрит».

197-199 Ильмаринена хозяйка
Тут сама огонь разводит
И идет доить коровок.

200-208 Стадо разом осмотрела,
Скот рогатый оглядела;
Говорит слова такие:
«Хорошо по виду стадо,
Цвет скота совсем не дурен,
Шерсть у стада — словно рысья,
Словно шерсть лесной овечки,
Вымя толсто и припухло,
Переполнились сосочки».

209-218 Тут коров доить нагнулась,
Молоко сбирать присела.
Потянула раз, другой раз,
В третий раз тянуть собралась:
Быстро волк ее кусает,
И медведь терзать принялся,
Волк хватает пастью икры,
И медведь кусает пятки,
Прокусили мясо в икрах,
У бедра сломали кости.

219-222 Калервы сын, Куллервойнен,
Так отмстил насмешку бабы,
Смех ее и осмеянье,
Злобной женщины обиду.

223-226 Ильмаринена хозяйка,
Эта гордая, тут плачет,
Говорит слова такие:
«Злой пастух, ты что наделал?

227-232 К дому ты пригнал медведей
И волков на двор обширный!»
Калервы сын, Куллервойнен,
Ей на это отвечает:
«Как пастух, я сделал дурно,
Ты же дурно — как хозяйка!

233-238 Запекла ты в хлебе камень,
Голыша кусок в запасе;
Я ножом уперся в камень,
О голыш сломал я ножик
От отца он мне достался,
Рода нашего железо!»

239-244 И хозяйка так сказала:
«О пастух, пастух мой милый!
Измени свои ты мысли

И возьми назад заклятье,
Ты избавь от волчьей пасти,
От медвежьих лап хозяйку!

245-248 Дам тебе рубашек лучших,
Дорогих штанов достану,
Хлеб пшеничный с свежим маслом,
Молока дам посвежее;

249-254 Год ты будешь без работы,
На другой кормиться даром.
Коль меня ты не избавишь
И не дашь сейчас свободы,
Я погибну злою смертью,
Обращусь в сырую землю».

255-258 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Умирать, так умирай уж,
Погибай ты поскорее!

259-262 Под землей тебе найдется
Место славное у Калмы:
Там сильнейшие в покое,
Там могучие в дремоте».

263-268 И сказала тут хозяйка:
«Ой ты, Укко, бог верховный!
Натяни свой лук великий,

Приготовь свое оружье,
Приложи стрелу из меди
К огневому луку сверху!

269-276 Целься огненной стрелою,
Что из самой твердой меди,
Пусть пройдет стрела под мышки,
Через мясо на лопатке,
Сына Калервы свали ты,
Пусть падет дрянной на землю
От стрелы с стальной головкой,
От оружия из меди!»

277-279 Калервы сын, Куллервойнен,
Сам сказал слова такие:
«Ой ты, Укко, бог верховный!

280-284 Не меня рази стрелою!
Ильмаринена хозяйку,
Что всех женщин в мире хуже,
Бей, пока она на месте,
Не ушла пока отсюда!»

285-288 Ильмаринена хозяйка,
Кузнеца жена, упала
Мертвою на этом месте,
Как с котла спадает сажа;

289-296 У избы своей свалилась,
На дворе упала тесном.
Так та женщина скончалась,
Так красавица погибла,
А ее так долго ждали,
Ведь шесть лет ее искали
Ильмаринену на радость,
Кузнецу тому на славу.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXXIV

✦

1-10 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Стройный, золотоволосый,
В башмачках красивой кожи,
Кузнеца собрался бросить,
Ильмаринена оставить
Раньше, чем кузнец узнает,
Что жена его скончалась:
Он вскипит великой злобой,
С Куллерво он станет биться.

11-18 Он, играя, шел оттуда,
Веселясь, от дома Ильмы,
По лесам трубил веселый,
Шел, играя, новой пашней,
Потрясал болота, земли,
И земля вся откликалась
Сына Калервы веселью,
Куллерво злорадным кликам.

19-24 Стало в кузнице уж слышно;
Там кузнец работу бросил,
На дорогу вышел слушать,

Посмотреть во двор выходит,
Что там из лесу за звуки,
Кто там в рог в песках играет.

25-28 Тут он истину увидел,
Без прикрас, что там случилось;
Видит он: жена уснула,
Там красавица упала;

29-32 На дворе она лежала,
Там на травушку свалилась.
И кузнец стоял недвижим,
Тяжело ему на сердце;

33-36 Он провел всю ночь, рыдая,
Проливая долго слезы.
Мысль его чернее дегтя,
Не белее угля сердце.

37-42 Куллерво идет все дальше,
Он блуждает где попало.
День идет он частым лесом,
По земле деревьев Хийси,
А как к ночи потемнело,
На земле он там уселся.

43-48 На земле сидит сиротка.
Так покинутый размыслил:
"Кто меня, бедняжку, создал,

Кто родил на свет сиротку,
Чтоб по месяцам блуждал я
Здесь под воздухом пространным?

49-54 Кто на родину стремится,
Кто идет в свое жилище;
Мне же родина — лес темный,
На полях — мое жилище:
Очагом мне служит ветер,
Дождик баней мне бывает.

55-64 «Ой ты, Укко, бог верховный,
Никогда на этом свете
Не твори дитя несчастным,
Чтоб дитя сироткой было,
Без отца бы проживало
И без матери осталось,
Как меня ты создал, Укко,
Сотворил меня, бедняжку,
Точно чайку в синем море,
Точно птицу на утесе.

65-67 Солнце ласточке сияет,
Воробью оно блистает,
Веселит воздушных птичек;

68-70 Только мне оно не светит,
Никогда не светит солнце,
Никогда мне нет веселья.

71-76 Кто родил меня, не знаю,
Кто носил меня во чреве;
Может, утка при дороге
Принесла меня в болото
И покинула на взморье
Там, в расщелине утеса.

77-80 Потерял отца я в детстве,
В раннем детстве мать родную;
Унесла их смерть навеки,
Весь погиб наш род великий.

81-86 Башмаки из льда мне дали
Да чулочки снеговые
И пустили в гололедку
На качающийся мостик,
Чтоб свалился я в болото,
Чтоб упал в гнилую воду.

87-94 Но в мои ли, право, годы
Мне лежать мостком в трясине,
Лечь мостом в болотной луже,
Как мосток в трясине зыбкой,
Не хочу упасть в болото:
Две руки ведь я имею,
Все пять пальцев я сгибаю
И ногтей имею десять».

95-100 Вот ему на ум приходит,
И в мозгах засела дума
К Унтамо пойти в деревню,
Отомстить отцовы раны,
Слезы матери родимой
И свое несчастье злое.

101-103 Говорит слова такие:
«Подожди же, Унтамойнен,
Моего губитель рода!

104-106 Я приду с тобою биться,
Разорю твое жилище
И сожгу твой двор широкий».

107-112 Вот идет лесная баба,
В синем платье та старуха,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Куллерво, куда идешь ты,
Калервы сынок, спешишь ты?»

113-122 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«А вот мне на мысли вспало
И в мозгах засела дума
Отправляться на чужбину,
К Унтамо пойти в деревню,
Отомстить погибель рода,

Смерть отца, родимой слезы,
Разорить его жилище,
Обратить жилище в пепел».

123-126 Так промолвила старуха,
Говорит слова такие:
«Нет, ваш род не уничтожен,
Калерво еще не умер.

127-132 Жив еще старик отец твой,
Мать твоя еще здорова».
«Ты, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Где отец мой проживает,
Мать моя живет родная?»

133-136 «Там отец твой проживает,
Там и мать твоя родная:
На земле живут лапландской,
Где пруды богаты рыбой».

137-140 «Ты, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Как мне той земли достигнуть,
Как найти туда дорогу?»

141-146 «Хорошо дойти ты можешь,
И совсем пути не зная:
Ты пройди сначала лесом,

Берегом реки отправься,
День пройдешь ты и другой день,
Так и третий день пройдешь ты;

147-151 Поверни потом на север,
Встретишь гору на дороге,
Ты иди ее подошвой,
Обогни налево гору
И придешь к реке оттуда.

152-156 Вправо будет эта речка;
Ты по берегу отправься,
К трем тогда придешь порогам,
На конце косы ты будешь,
На довольно длинном мысе.

157-162 Там ты хижину увидишь,
На мыске рыбачью хату:
В ней живет отец доселе
И живет твоя родная,
Две твоих живут сестрицы,
Две прекраснейшие девы».

163-166 Калервы сын, Куллервойнен,
Собрался идти в дорогу.
День идет он и другой день,
И уже проходит третий;

Повернул тогда на север,
Гору встретил на дороге,
Он пошел ее подошвой,
От горы пошел налево,
Подошел тогда к потоку,
Берегом реки пошел он,
Левым берегом потока,
Подошел он к трем порогам,
На конец косы приходит,
К краю самому подходит;

Там он хижину увидел.
На мыске избу рыбачью.
Он вошел в избушку эту,
И его там не узнали:
«С моря прибыл ты откуда,
Из какого ты семейства?»

«Сына вы не узнаете?
Я дитя родное ваше.
Мужи Унтамо когда-то
Увели меня из дома,
Был я в пядь отца росточком,
Был не выше веретенца».

Мать сперва ему сказала,
Так промолвила старушка:
«О мой бедный сын, мой милый,
Бедный, золотая пряжка!

193-196 Ты живой сюда явился,
Ты прошел чрез эти страны!
Как по мертвом я рыдала,
По тебе лила я слезы!

197-202 У меня два сына было,
Две прекраснейшие дочки;
Вот из них пропали двое,
Старших двое вовсе сгибли:
На войне пропал сыночек,
Дочка без вести пропала;

203-208 Вот сыночек возвратился,
Дочь еще не появлялась».
Калервы сын, Куллервойнен,
Так спросил свою родную:
«Но куда ж она пропала,
Где сестра моя погибла?»

209-214 Мать ему сказала слово
И такие молвит речи:
"Вот куда она пропала,
Где сестра твоя погибла:
В лес за ягодой ходила,
Под горою за малиной;

215-218 Там-то курочка исчезла,
Птичка сгибла смертью тяжкой.
Там-то без вести пропала,

Как погибла — неизвестно.

Кто по дочери тоскует?
Ведь никто, как мать родная!
Мать ее всех больше ищет,
Ищет мать и к ней стремится;

Так пошла и я, бедняжка,
Отыскать хотела дочку:
Как медведь, я мчалась лесом,
Точно выдра, мчалась рощей,
День искала и другой день,
Третий день еще искала,
Но когда прошел и третий,
Как неделя миновала,
На горе вверху я стала,
На холме весьма высоком,

Там звала я громко дочку,
Там ушедшую искала:
«Где ты, дочка дорогая?

Воротись домой скорее!»
Так звала я громко дочку,
О пропавшей горевала;

Мне в ответ сказали горы,
Так ответили дубравы:
«Не зови свою ты дочку,
Не зови ее так громко!

243-246 Не вернется больше дочка,
Никогда она не сможет
Быть у матери в жилище,
Быть у пристани отцовской».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXXV

✦

1-4 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
С этих пор и поживает
Под родительскою кровлей;

5-10 Он не сделался умнее,
Не обрел рассудка мужа,
Ибо дурно был воспитан,
Глупо в люльке был укачан,
Воспитатель был неумный
И укачиватель глупый.

11-14 Начал юноша работать,
Брал он разную работу.
Рыб ловить он снарядился,
Расставлять снаряд для ловли.

15-20 Говорил слова такие,
Так с веслом в руках промолвил:
«Что есть сил тянуть мне невод,
Изо всей грести мне мочи,
Иль тянуть его не сильно
И грести, насколько нужно?»

21-26 Рулевой промолвил с лодки,
Говорил слова такие:
«Хоть тяни со всею силой,
Хоть греби по-молодецки,
Ты разбить не сможешь лодки,
Ей уключин не сломаешь».

27-32 Калервы сын, Куллервойнен,
Стал грести со всею силой,
Приналег по-молодецки
И сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновую лодку.

33-35 Калерво взглянуть приходит,
Говорит слова такие:
«Ты грести совсем не можешь!

36-38 Ты сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновую лодку!

39-42 Ты поди гнать рыбу в невод!
Может, в этом ты получше».
Калервы сын, Куллервойнен,
Собрался гнать рыбу в невод.

43-48 Гонит рыбу, рассуждая,
Говорит слова такие:
«Со всего ль плеча работать,

Гнать ли рыбу с полной силой,
Иль работать осторожно,
Рыбу гнать, насколько нужно?»

49-52 И сказал тащивший невод:
«Что ж была бы за работа,
Если гнать не с полной силой,
Не работать молодецки!»

53-58 Калервы сын, Куллервойнеи,
Со всего плеча тут гонит,
Гонит рыбу молодецки:
Воду в кашу превращает,
Растрепал весь невод в паклю,
Рыбу сделал просто слизью.

59-61 Калерво взглянуть приходит,
Говорит слова такие:
«Рыбу гнать ты не годишься!

62-64 Растрепал весь невод в паклю,
Поплавки разбил в кусочки,
Разорвал на части сети!

65-68 Ты пойди плати-ка подать,
Поземельные налоги!
Ты в дороге, может, лучше,
На пути умнее будешь».

69-74 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Статный, золотоволосый,
В башмаках красивой кожи,
Уплатить поехал подать,
Поземельные налоги.

75-78 Уплатил, как нужно, подать,
Отдал зерна все, как надо,
И в своих санях уселся,
На сиденье занял место;

79-84 И домой оттуда едет,
Сам на родину стремится.
С шумом сани заскользили
И в дороге измеряли
Вяйнямёйнена поляны,
Прежде вспаханное поле.

85-88 Златокудрая девица
Едет, лыжней измеряя
Вяйнямёйнена поляны,
Прежде паханное поле.

89-94 Калервы сын, Куллервойнен,
Останавливает сани;
Говорить девице начал,

Говорит и приглашает:
«Ты войди, девица, в сани,
Отдохни на этой шкуре!»

95-98 На бегу девица молвит,
Проскользнувши, отвечает:
«Смерть к тебе пусть в сани сядет
И болезнь на эту шкуру!»

99-102 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут коня кнутом ударил,
Бил коня жемчужной плетью.

103-108 Мчится конь, бежит дорога,
И скрипят по снегу сани.
С сильным шумом он понесся,
Спешно едет по дороге,
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдистым.

109-112 Вот девица повстречалась,
В башмаках идет хороших
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдистым.

113-118 Калервы сын, Куллервойнен,
Удержал коня поспешно,
Рот сложил, как мог, красивей,

Молвил вежливо девице:
«Ты садись, красотка, в сани,
Красота страны, со мною!»

119-122 А девица отвечает,
В башмачках хороших молвит:
«Туони пусть в те сани сядет,
Маналайнен там с тобою!»

123-126 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут коня кнутом ударил,
Бьет его жемчужной плетью.

127-132 Мчится конь, бежит дорога,
И скрипят по снегу сани.
Шумно едет он дорогой,
И в пути он проезжает
Гладью Похъёлы песчаной,
Той Лапландии полями.

133-136 Едет девушка навстречу
В оловянных украшеньях
Гладью Похъёлы песчаной
И лапландскими полями.

137-144 Калервы сын, Куллервойнен,
Удержал коня вожжами,
Рот сложил, как мог, красивей,
Молвил вежливо девице:

«Ты садись, девица, в сани,
Ляг под полостью, красотка,
В санках яблочков поешь ты,
Погрызешь моих орешков!»

145-148 Так ответила девица
В оловянных украшеньях:
«Я плюю тебе на сани,
На сиденье негодяя!

149-156 Мне под полостью морозно,
Мне в санях твоих противно».
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Подхватил девицу в сани,
Подтащил ее к сиденью,
На меху сажает в санках,
Тянет девушку под полость.

157-166 Зло промолвила девица
В оловянных украшеньях:
«Отпусти меня с сиденья,
Выпусти из рук малютку,
Чтоб мне слов дурных не слушать,
Не слыхать бы просьбы злого,
Иль я сани разломаю,
Выбью длинные брусочки,
На куски сломаю сани,
Разобью бока их в щепки!»

167-174 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут открыл сундук с деньгами,
Стукнул пестренькою крышкой,
Серебро ей показал он,
Расстелил платки цветные,
С золотой каймой чулочки,
Пояски посеребрены.

175-178 Манит золото девицу,
Ей платок меняет мысли,
Серебро несет ей гибель,
Портит золото ей думы.

179-184 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Тут ласкать девицу начал,
Увещает, обольщает,
Держит вожжи он рукою,
А другою грудь девицы.

185-188 Утомляет он девицу
В оловянных украшеньях
Там, под полостью расшитой,
На мехах прекрасных, пестрых.

189-194 Вот уж бог послал и утро,
День уж следующий выслал.
Говорит ему девица,

Увещает, вопрошает:
«Из какой семьи ты, смелый,
Из какого рода будешь?

195-204 Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный».
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Сын я Калервы несчастный,
Сын, лишенный разуменья,
Глупый, ни к чему не годный.

205-208 Ты сама откуда родом,
Из какой семьи, красотка,
Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный».

209-216 Так ответила девица,
Говорит слова такие:
«Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Калервы я дочь, бедняжка,
Неразумная я дева,
Я негодная девица.

217-222 Как была еще ребенком
В доме матери любимой,
В лес по ягоды пошла я,
Там у горки, за малиной,
Собирала землянику,
У холма брала малину;

223-228 Собирала день, заснула,
Собирала день, другой день;
Наконец, уже на третий,
Не нашла домой дороги:
Дальше в лес вела дорога,
В чащу все вели тропинки.

229-234 Там я плакала, сидела,
День проплакала, другой день;
Наконец, уже на третий,
Поднялась высоко в гору,
На горе высокой стала,
Там аукала, кричала.

235-240 Отвечал мне лес зеленый,
Мне в ответ холмы звучали:
„Дева глупая, не кликай,
Не кричи так безрассудно,
Твоего не слышно крика,
Он до дома не доходит“.

241-244 Третий день я шла, четвертый,
Пятый день, шестой блуждала.
Умереть я покушалась
И погибели искала;

245-254 Но никак не умирала,
Не могла никак погибнуть!
Если б умерла, бедняжка,
Если б, слабая, погибла,
На другой бы год, быть может,
Иль на третье, может, лето
Зеленела бы я травкой,
Зацвела бы я цветочком,
Вышла б ягодкой на землю,
Вышла б красною брусничкой,

255-262 Этих ужасов не знала б,
Не узнала бы позора».
И едва она сказала,
Только вымолвила слово,
Как с саней вдруг соскочила,
Быстро бросилася в реку,
Прямо в пену водопада,
В эту огненную бездну.

263-266 Там нашла себе кончину,
Обрела себе погибель;
В Туонеле нашла забвенье,
Мир в потоках этих водных.

267-272 Калервы сын, Куллервойнен,
Из саней поспешно вышел,
Начинает горько плакать,
Очень громко причитает:
«О, как я несчастен в жизни,
Как судьба моя ужасна!

273-276 Я сестру мою родную,
Дочь родимой обесчестил!
Горе батюшке родному,
Горе матушке-старушке!

277-282 Вы к чему меня вскормили,
Для чего на свет пустили?
Мне б гораздо лучше было
Не расти и не рождаться,
Не рождаться в этом мире,
На земле не появляться.

283-286 Смерть неверно поступила
И болезнь несправедлива,
Что меня не умертвила,
На вторую ж ночь от роду».

287-290 Он хомут ножом разрезал,
Режет он ремни из кожи,
И на лошадь он садится,
На крестец у белолобой.

291-294 Он спешит, дорогой скачет
И в пути недолго побыл,
Ко двору отца приехал,
На поляну он домчался.

295-304 На дворе там мать стояла.
"Мать родная, дорогая!
Если б ты меня, родная,
Только я на свет родился,
В дымной бане положила,
Двери крепко затворила,
Там бы в дыме задушила,
На вторую ж ночь от роду,
С одеялом и с пеленкой
Ты меня бы утопила,

305-309 Люльку бросила бы в печку,
На огне ее сожгла бы!
На деревне бы спросили:
«Отчего в избе нет люльки,
Заперта так крепко баня?»

310-312 Ты тогда бы им сказала:
«На огне сожгла я люльку,
В печку бросила качалку.

313-318 В бане зерна прорастают,
Я из них готовлю солод».
Мать тогда его спросила,

Седовласая старушка:
«Что с тобой, сынок мой, сталось,
О каком твердишь ты чуде?

319-326 Словно в Туонеле ты побыл,
Как из Маналы ты вышел!»
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Верно, что случилось чудо,
Совершилось злодеянье,
Я сестру мою родную,
Дочь родимой обесчестил!

327-329 Как я выплатил всю подать,
Все зерно, как надо, отдал,
Повстречалась мне девица;

330-332 И ласкал я эту деву:
То была моя сестрица,
То — дитя моей родимой!

333-336 Уж нашла она кончину,
Обрела себе погибель
В страшной глуби водопада,
В той пылающей пучине.

337-344 Не могу никак понять я,
Не могу никак постигнуть,
Где найду себе кончину,
Где я смерть найду, несчастный:

В пасти ль воющего волка,
В зеве ль страшного медведя,
У кита в огромном чреве
Иль в зубах свирепой щуки?»

345-350 Мать на это отвечает:
«Не ищи, сыночек, смерти
В пасти воющего волка,
В зеве страшного медведя,
У кита в огромном чреве
Иль в зубах свирепой щуки!

351-358 Ведь обширен берег Суоми,
Широки пределы Саво,
Где преступный скрыться может,
Чтоб оплакать злодеянье,
На шесть лет укрыться можно,
Даже на девять лет сряду,
Время мир ему дарует,
Скорбь ему утишат годы».

359-362 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Не пойду я укрываться,
От стыда бежать не буду!

363-372 А пойду я к пасти смерти,
Я пойду к воротам Калмы,
На поля больших сражений,

Где храбрейшие воюют:
На ногах еще Унтамо,
Не погиб, не умер изверг,
Раны батюшки отмщу я,
Слезы матушки родимой,
Все страдания припомню,
Что я сам на свете вынес».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXXVI

✦

1-6 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Собрался идти войною,
Снарядился для сраженья,
Наточил клинок блестящий,
Навострил у пики кончик.

7-10 Мать ему тогда сказала:
«Не ходи, сыночек милый,
Не ходи туда войною,
Где мечей железных много!

11-16 Кто воюет без причины,
Сгоряча вступает в битву,
Тот и жизнь в войне теряет,
Тот в сраженье погибает,
От железа смерть находит,
От меча свою кончину.

17-22 На козе ль ты едешь в битву,
На козе ль сражаться едешь,
Та коза побита будет,
Упадет козел немедля,
На собаке ты вернешься,
На лягушке в дом ты въедешь».

23-28 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Не паду я на болоте,
На песках я не погибну,
Там, где ворона жилище,
Где вороны ищут пищу.

29-32 Я паду на поле битвы,
Я погибну в битве храбрых.
Хорошо погибнуть в битве,
Умереть под звон оружья!

33-36 На войне скончаться славно:
Жизнь герой кончает скоро,
Он отходит, не болея,
Не худея, свет бросает».

37-40 Мать ему сказала слово:
«Если ты умрешь в сраженье,
Кто отцу защитой будет,
Кто останется при старом?»

41-44 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Пусть умрет он на прогоне,
На дворе пусть жизнь окончит».

45-48 «Кто ж при матери защитой,
Кто останется при старой?»
«На снопе пусть погибает,

Задохнется в грязном хлеве».

49-52 «Кто ж останется при брате,
Чтоб помочь ему в несчастье?»
«Пусть в лесу он истомится,
Пусть он свалится на поле!»

53-56 «При сестре твоей кто будет
Утешать ее в несчастье?»
«У колодца пусть погибнет
Иль умрет, стирая платье!»

57-60 Калервы сын, Куллервойнен,
Поспешил уйти из дома,
И отцу сказал он слово:
«Ты прощай, отец мой добрый!

61-64 Ты поплачешь ли о сыне,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»

65-70 И отец промолвил слово:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер:
Приживу другого сына,
Будет он тебя получше
И умней тебя намного».

71-74 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
Как услышу, что ты умер;

75-80 Сам себе отца устрою:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Борода — сухие стебли,
Ноги — ивовые сучья,
Мясо — сгнившие деревья».

81-86 Так потом промолвил брату:
«Ты прощай, мой милый братец!
Ты поплачешь ли о брате,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»

87-92 Брат ему промолвил слово:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер:
Я себе добуду брата:
Будет он тебя получше,
Вдвое будет он красивей».

93-96 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,

Как услышу, что ты умер;

97-102 Я себе устрою брата:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса — сухие стебли,
Ноги — ивовые сучья,
Мясо — сгнившие деревья».

103-108 Он сестре потом промолвил:
«Ты прощай, моя сестрица!
Ты поплачешь ли о брате,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»

109-111 Так промолвила сестрица:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер;

112-114 Отыщу другого брата:
Будет он тебя получше
И умней тебя намного».

115-118 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
О твоей узнавши смерти;

119-124 Я себе сестру устрою:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса — сухие травы,
Из цветов болотных — уши,
Из кленовых сучьев — тело».

125-128 Тут он матери промолвил:
«Мать родная, дорогая,
Ты в себе меня носила,
Ты ребенка воспитала!

129-132 Ты поплачешь ли о сыне,
Как услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?»

133-136 Мать ему сказала слово,
Мать такие молвит речи:
«Ты не знаешь мыслей старой,
Сердце матери, бедняжки!

137-140 Горько, горько я заплачу,
Как умрешь ты, мой сыночек,
Из числа людей исчезнешь,
В нашем роде уж не будешь.

141-148 Я залью избу слезами,
На полу потоки будут,
Я на улицах поплачу,

Я от слез согнуся в хлеве,
Снег от слез обледенится,
Лед землею талой станет,
Порастет земля травою,
А трава от слез повянет.

149-154 Если плакать я устану,
Утомлюся я от воплей,
На глазах у всех рыдая,
В бане тихо я поплачу,
Так что лавки все и доски
Поплывут в потоках слезных».

155-162 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
На войну пошел, играя,
Шел он с кликами на битву,
Он трубил, идя болотом,
По лесу он громко топал,
По лугам шумел он громко,
С громом шел он по полянам.

163-166 По следам дошло известье,
До ушей достигла новость:
«Твой отец уже скончался,
Отошел навеки старый.

167-171 Приходи домой — посмотришь,
Как умершего хоронят!»
Калервы сын, Куллервойнен,
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончался, так скончался;

172-174 Дома там найдется мерин,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы».

175-180 И трубит, идя болотом,
И гудит, идя пожогом.
По следам идет известье,
До ушей достигла новость:
«Братец твой недавно умер,
Сын родителей скончался;

181-185 Приходи домой — посмотришь,
Как умершего хоронят!»
Калервы сын, Куллервойнен,
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончался, так скончался;

186-188 Жеребец найдется дома,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы!»

189-194 И гудит, идя болотом,
И трубит в свой рог по лесу.
По следам пришло известье,

До ушей достигла новость:
«Умерла твоя сестрица,
Дочь родителей скончалась;

195-199 Приходи домой — посмотришь,
Как умершую хоронят!»
Калервы сын, Куллервойнен,
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончалась, так скончалась;

200-202 Дома есть у нас кобыла,
Чтоб свезти ее в могилу,
Опустить в жилище Калмы!»

203-210 По жнивью идет, ликуя,
И гудит, идя лугами,
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
«Мать твоя уже скончалась,
Эта добрая старушка,
Приходи домой — посмотришь,
Как умершую хоронят!»

211-213 Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
«Горе бедному мне сыну!

214-218 Мать моя уже скончалась,
Что готовила постель мне,
Одеяло украшала,

Что пряла на прялке пряжу,
Что вертела веретенцем;

219-222 Я же не был при кончине,
Не видал души исхода.
Может, с холоду скончалась
Или с голоду погибла!

223-230 В доме мертвую обмойте,
Мойте самым лучшим мылом,
В шелк умершую оденьте,
Полотном ее прикройте,
Отвезите так в могилу,
Опустите в лоно Калмы,
Отвезите с скорбным пеньем,
Опустите с горьким воплем!

231-234 Не могу я возвратиться:
Унтамо мной не наказан,
Не погиб противник злобный,
Не сражен еще преступный».

235-238 Он идет, трубя, на битву,
К Унтамо в страну победно,
Говорит слова такие:
«Ой ты, Укко, бог верховный!

239-242 Ты пошли мне меч получше,
Дай ты мне клинок прекрасный,
Чтоб он мог с толпой бороться,

Устоял бы против сотни».

243-247 Меч нашел себе по мысли,
Взял клинок из самых лучших,
Толпы он мечом сражает,
Род весь Унто истребляет,
Обращает избы в пепел;

248-250 Только пыль одна осталась,
Лишь остались в печке камни
Да рябина у забора.

251-254 Калервы сын, Куллервойнен,
Повернул в страну родную.
Шел к отцовскому жилищу,
На поля родного старца;

255-258 Но пустой нашел избушку,
И вошел он, как в пустыню:
Ни обнять никто не вышел,
Ни руки никто не подал.

259-262 Протянул он руку к углям:
В печке уголья остыли;
Потому-то и узнал он,
Что уж мать его скончалась.

263-266 Приложил он к печке руку:
Холодны у печки камни;
Потому-то и узнал он,
Что отец его скончался.

267-270 Пол тогда окинул взглядом:
Пол не подметен в избушке;
Потому-то и узнал он,
Что сестра его скончалась.

271-274 Он пошел затем на пристань:
На катках не видно лодок;
Потому-то и узнал он,
Что и брат его скончался.

275-278 Начинает горько плакать,
Плачет день, другой день плачет,
Говорит слова такие:
«Мать ты, добрая, родная!

279-284 Что оставила ты сыну,
На земле живя на этой?
Но ты, мать, меня не слышишь:
На глазах твоих стою я,
На бровях твоих горюю
И на темени тоскую!»

285-294 Мать во гробе пробудилась,
Из могилы отвечала:
«Черный пес тебе остался,
Чтоб ходил ты с ним по лесу,
Ты возьми его с собою
И в леса ты с ним отправься
По ту сторону дубравы,

К дочерям лесным приблизься,
К синим девам, к их подворью,
На конце лесного замка;

295-300 Там поищешь пропитанья,
Там попросишь подаянья!»
Калервы сын, Куллервойнен,
В лес отправился с собакой,
Шел далеко по дороге
И прошел сквозь чащу леса;

301-306 Там прошел еще немного,
Очень малое пространство,
И пришел к тому лесочку,
На ужасное то место,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.

307-312 Плачет там и луг прекрасный,
Плачет жалобно и роща,
Травки юные горюют,
На песках цветы тоскуют,
Что он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.

313-318 Не взошла трава младая,
На песках цветы не вышли,
Не росли на этом месте,

Там, на месте преступленья,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.

319-321 Калервы сын, Куллервойнен,
Меч вытаскивает острый,
Повернул кругом железо;

322-326 У меча тогда спросил он,
Хочет знать его желанье:
Не захочет ли оружье
Мяса грешного отведать
И напиться злобной крови?

327-334 Понял меч его желанье,
Он учуял мысли мужа,
Говорит слова такие:
«Отчего же не желать мне
Мяса грешного отведать
И напиться злобной крови,
Коль пронзаю я безгрешных,
Пью я кровь у неповинных?»

335-342 Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Рукояткой меч втыкает,
Глубоко вонзает в землю,
Острие на грудь направил,

Сам на меч он повалился,
Поспешил навстречу смерти
И нашел свою кончину.

343-346 Так скончался этот юный,
Куллерво погиб бесстрашный,
Такова кончина мужа,
Смерть несчастного героя.

347-354 Слышит старый Вяйнямёйнен
О кончине той известье,
Что так Куллерво скончался,
И такие речи молвит:
«Не давай, народ грядущий,
Ты детей на воспитанье
Людям глупым, безрассудным,
Не давай чужим в качалку!

355-360 Если дурно нянчат деток
И качают безрассудно,
То дитя не выйдет умным,
Не получит мудрость мужа,
Хоть окрепнет мощным телом
И состарится с годами».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXXVII

✦

1-4 Каждый вечер Ильмаринен
О своей супруге плачет,
Все без сна проводит ночи,
Днем не ест, а только плачет;

5-8 Ранним утром причитает,
День начнется, он вздыхает,
Ибо нет его супруги,
Умерла его красотка;

9-12 Не берет он в руки молот,
Молот с медной рукояткой,
Не слыхать его кованья,
Не слыхать уж целый месяц.

13-15 Так промолвил Ильмаринен:
«Горе молодцу-бедняге,
Как мне быть теперь, не знаю.

16-18 Сплю ли, бодрствую ли ночью,
Ни о чем не в силах думать,
И от горя ослабел я.

19-22 Вечерами мне так скучно,
Мне тоскливо ранним утром,
Ночь еще того тяжело,

А проснусь, так станет горше.

23-28 Я не жду, как прежде, ночи,
Поутру не жаль вставать мне,
День ли, ночь ли — все равно мне:
Я печалюсь о прекрасной,
Я тоскую по желанной,
Я грущу по чернобровой.

29-34 Часто в середине ночи,
На перине мягкой лежа,
Вижу милую во сне я,
Тщетно руки простираю,
Тщетно ощупью скольжу я
В обе стороны рукою».

35-40 Без жены кузнец страдает.
Постарел он без супруги.
Два-три месяца проплакал,
Но, когда настал четвертый,
Взял он золота из моря,
Серебра в морских теченьях;

41-44 Кучу дров нагромоздил он,
Тридцать раз за ними ездил;
Пережег дрова на угли,
Наложил углей в горнило.

45-48 Взял он собранное злато,
Серебра он взял обломок
В рост осеннего ягненка
Или зимнего зайчонка.

49-52 Бросил золото расплавить,
Серебро в горнило бросил
И к мехам рабов поставил
За поденную оплату.

53-56 Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Голыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.

57-60 Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли
Изваяние из злата,
Из сребра невесту сделать.

61-64 Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо.
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.

65-70 Раз качнул, качнул другой раз
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,

На края горящей печки,
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?

Вот овца из печки вышла,
Побежала из горнила,
Шерсть из золота, из меди,
Шерсть серебряная также.

Все любуются овечкой,
Но кователь недоволен.
И промолвил Ильмаринен:
«Это волку нужно только!

Я жены хотел из злата,
Ждал из серебра супруги».
И кователь Ильмаринен
Вновь овцу в огонь кидает,
Прибавляет больше злата,
Серебра еще бросает,
Вновь рабов к мехам он ставит
За поденную оплату.

Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Голыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.

91-94 Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли
Изваяние из злата,
Из сребра невесту сделать.

95-98 Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо.
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.

99-104 Раз качнул, качнул другой раз,
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки,
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?

105-108 Из огня бежит жеребчик,
И к мехам он подбегает,
Златогривый, среброглавый,
А копытца все из меди.

109-112 Все жеребчиком довольны,
Но кователь недоволен.
И промолвил Ильмаринен:
«Это волку только нужно!

113-120 Я жены хотел из злата,
Ждал из серебра супруги».
И кидает Ильмаринен

Вновь жеребчика в горнило,
Прибавляет больше злата,
Серебра еще бросает,
Вновь рабов к мехам он ставит
За поденную оплату.

121-124 Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Голыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.

125-128 Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли
Изваяние из злата,
Из сребра невесту сделать.

129-132 Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо;
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.

133-138 Раз качнул, качнул другой раз,
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки,
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?

139-144 Из горнила вышла дева
С золотыми волосами
И с серебряной головкой,
С превосходным чудным станом,
Так что прочим стало страшно,
Ильмаринену не страшно.

145-148 Стал трудиться Ильмаринен,
Сам кузнец над изваяньем,
Он ковал, не спавши, ночью,
Днем ковал без остановки.

149-152 Ноги сделал этой деве,
Ноги сделал ей и руки,
Но нога идти не может,
И рука не обнимает.

153-158 Он кует девице уши,
Но они не могут слышать.
Он уста искусно сделал
И глаза ей, как живые,
Но уста без слов остались
И глаза без блеска чувства.

159-162 И промолвил Ильмаринен:
«Хороша была бы дева,
Если б речью обладала,
Дух и голос бы имела».

163-166 И повлек красотку деву
На пуховую перину,
На покойные подушки,
На постель свою из шелка.

167-169 Вот кователь Ильмаринен
Истопил, напарил баню,
Приготовил в бане мыло;

170-174 Он связал ветвистый веник
Да воды принес три кадки,
Чтобы зяблица купалась,
Подорожничек омылся
От нагара золотого.

175-180 Вдоволь сам кузнец помылся,
С наслажденьем искупался.
Лег он рядом с этой девой
На пуховую перину,
На стальной своей кровати,
На подставках из железа.

181-188 Взял кователь Ильмаринен,
Взял он первою же ночью
Одеял число большое,
Да принес платков он кучу,
Две иль три медвежьи шкуры,

Одеял пять-шесть суконных,
Чтобы спать с своей супругой,
С золотой женою рядом.

189-196 Он с того согрелся боку,
Где покрыли одеяла;
Но с другого, где лежало
Изваянье золотое,
Только холод проникает,
Лишь мороз проходит страшный,
Этот бок уж леденеет,
Уж твердеет, словно камень.

197-202 И промолвил Ильмаринен:
«Негодна такая в жены!
В Вяйнёлу ее свезу я,
Вяйнямёйнену в подарок:
Пусть ему подругой будет,
Сядет курочкой любезной».

203-206 В Вяйнёлу отвез он деву
И, придя туда, промолвил,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!

207-210 Вот возьми красотку деву,
Эту видную девицу,
Рот ее широк не будет,
Не надуты будут щеки».

211-216 Старый, верный Вяйнямёйнен
То увидел изваянье,
Бросил взор на это злато,
Говорит слова такие:
«Ты зачем привез мне это,
Это чудище златое?»

217-220 Отвечает Ильмаринен:
«Чтоб тебе же было лучше,
Я привез тебе супругу,
Эту курочку в подарок».

221-228 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«О кузнец, мой милый братец!
Брось в огонь ты эту деву
И накуй вещей различных
Иль вези ту куклу к немцам,
Как диковинку, к венецам,
Пусть ее богатый любит,
Пусть к ней сватается знатный!

229-232 Неприлично в нашем роде,
Самому мне точно так же,
Брать невесту золотую,
Брать серебряную в жены».

233-238 Запретил тут Вяйнямёйнен,
Не велел Сувантолайнен
Поколениям грядущим,

Возрастающему роду
Перед золотом склоняться,
Серебру уступки делать.

239-248 Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Дети бедные, смотрите
Вы, растущие герои,
Будете ли вы с достатком
Иль совсем без достоянья,
Берегитесь в вашей жизни,
И пока сияет месяц,
Сватать деву золотую,
Брать серебряную в жены!

249-250 Блеск у золота холодный,
Серебро морозом дышит».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXXVIII

✦

1-4 Вот бросает Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Золотое изваянье,
Из сребра свою невесту.

5-8 На коня надел он сбрую,
Он коня запряг как надо,
Сел тут в сани расписные,
Поместился на сиденье.

9-12 Он отправиться решился,
И намеренье имел он
Снова в Похъёле посватать
Похъёлы вторую дочку.

13-16 День проехал Ильмаринен,
И второй потом он мчится,
Наконец, уже на третий,
В Похъёлу во двор въезжает.

17-24 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
На дворе сама стояла.
Говорить тут начинает
И все выведать желает:
Хорошо ль ее дитяти,

Хорошо ль живется дочке
С мужем в доме у свекрови,
Как хозяйке и невестке?

25-27 И кователь Ильмаринен
Головой поник печально.
Шапка на сторону сбилась.

28-32 Сам сказал слова такие:
«И не спрашивай ты, теща,
Не расспрашивай ты больше,
Хорошо ль живется дочке,
Хорошо ль живет родная!

33-38 Смерть ее уже схватила,
Был конец ее суровый;
В землю ягодку зарыли
И в песочек положили
Чернобровую под стебли,
Серебристую под травы.

39-44 Вот за дочерью второю
Я пришел, за младшей девой.
Ты отдай мне деву, теща,
Отпусти вторую дочку
В дом моей супруги первой,
На скамью сестрицы милой!»

45-54 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Плохо прежде поступила,
Дурно сделала я раньше,
Что дитя тебе вручила,
Отдала тебе ту дочку,
Чтобы юная скончалась,
Чтобы нежная погибла,
Точно в пасти злого волка,
В глотке страшного медведя.

55-58 Не отдам тебе вторую,
За тебя я дочь не выдам,
Чтоб с тебя смывала сажу,
Очищала бы от гари.

59-64 Я скорее брошу дочку,
Это детище родное,
В водопад, шумящий бурно,
В пасть пылающей пучины,
В страшный зев налима Маны,
В пасть зубастой щуки Туони».

65-74 Тут кователь Ильмаринен
Рот скривил, поник главою,
Волосы все набок сбились,
Головой махнул курчавой
И в избу прошел поспешно,
Сам прошел под кровлю быстро,

Говорит слова такие:
«Ты пойди ко мне, девица,
На скамью своей сестрицы,
В дом моей супруги первой,

Чтобы печь мне хлебы с медом,
Чтоб варить получше пиво!»
На полу запел ребенок,
Он запел и так промолвил:
«Уходи отсюда, лишний,
Уходи от нашей двери!

Повредил ты раньше дому,
Причинил ты дому горе,
Как пришел сюда впервые,
У дверей здесь появился.

Дева, милая сестрица!
Не влюбляйся в жениха ты.
Не смотри на ноги мужа,
На румянец уст не зарься:
У красавца — зубы волка,
Он припрятал лисьи когти,
Когти острые, медвежьи;

Нож его лишь крови жаждет,
Им он головы срезает,
Им, негодным, режет спины».

95-98 И промолвила девица,
Ильмаринену сказала:
«За тебя не выйду замуж,
За такого негодяя!

99-108 Ты убил свою супругу,
Погубил мою сестрицу,
И меня убить ты можешь,
Сам меня лишишь ты жизни,
Ведь заслуживает дева,
Чтобы муж ее был лучше
И имел бы рост хороший,
Чтоб поехать в лучших санках,
Ехать к лучшему жилищу,
К дому лучшему, побольше,

109-114 А не к кузнице с углями,
Не к огню дрянного мужа».
Рассердился Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Рот скривил, поник главою,
Волосы все набок сбились;

115-124 Подбежал, схватил девицу;
Обхватил ее руками,
Из избы бежит метелью,
Подбежал к саням поспешно,
Посадил девицу в сани,
Бросил в сани расписные,

Собрался оттуда ехать,
Отправляется оттуда
И рукою держит вожжи,
А другою грудь девицы.

125-128 Горько плакала девица,
Говорит слова такие:
«Я иду к болотной клюкве,
На прибрежную осоку;

129-131 Там я, курочка, погибну,
Там умру я, птичка, с горя.
О кователь Ильмаринен!

132-136 Если ты меня не пустишь,
Разобью я эти сани,
Расщеплю их по кусочкам,
Их коленями сломаю,
Разобью я их ногами».

137-142 Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Так кузнец устроил сани,
Что бока их из железа,
Чтобы их не повредила
Этим тоганьем красотка».

143-150 Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшеньях,
И свои ломает пальцы,

Стискивает больно руки,
Говорит слова такие:
«Если ты меня не пустишь,
Обращусь тогда я в рыбу
И сигом уйду под волны».

151-154 Но кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой пущусь я щукой».

155-162 Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшеньях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,
Говорит слова такие:
«Если ты меня не пустишь,
Убегу я в лес зеленый
Горностаем на утесы».

163-166 Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой пущусь я выдрой».

167-174 Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшеньях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,

Говорит слова такие:
«Если ты меня не пустишь,
То я жаворонком стану,
От тебя я спрячусь в туче».

175-178 Но кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой орлом помчуся».

179-182 Лишь отъехали немного,
Небольшую часть дороги,
Начинает лошадь фыркать,
Вислоухая пугаться.

183-186 Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»

187-192 Отвечает Ильмаринен:
«Заяц здесь бежал дорогой».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, девице бедной!

193-200 Было б мне гораздо лучше,
Лучше, если б мне пришлося
Побежать за этим зайцем

И уйти за косолапым,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы у зайца лучше,
Рот у зайца покрасивей».

201-203 Сам кователь Ильмаринен,
Смотрит вниз, кусает губы,
Едет шумно по дороге;

204-206 Но немного лишь отъехал,
Очень громко конь зафыркал,
Вислоухий испугался.

207-210 Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»

211-216 Отвечает Ильмаринен:
«Здесь лисица пробежала».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, девице бедной!

217-224 Мне жилось бы много лучше,
Лучше, если б мне пришлося
Ехать в саночках лисицы,
На сиденье лиски быстрой,

А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы лисицы лучше,
Рот лисицы покрасивей».

225-227 Сам кователь Ильмаринен,
Смотрит вниз, кусает губы,
Шумно едет по дороге;

228-230 Но немного лишь отъехал,
Очень громко конь зафыркал,
Вислоухий испугался.

231-234 Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»

235-244 Отвечает Ильмаринен:
«Это волк бежал дорогой».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, несчастной деве,
Мне жилось бы много лучше,
Бели бы пришлось мне, бедной,
Побежать за этим волком,
Что всегда лишь в землю смотрит,

245-248 А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы у волка лучше,
Рот у волка покрасивей».

249-252 Сам кователь Ильмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Шумно едет по дороге
Ночью в новую деревню.

253-256 Здесь, усталый от дороги,
Он уснул тотчас же крепко,
А жена с другим смеялась
Над своим уснувшим мужем.

257-260 Как кователь Ильмаринен
Поутру тогда проснулся,
Рот скривил, главу понурил,
Волосы все набок сбились;

261-266 И промолвил Ильмаринен,
Вымолвил такое слово:
«Не приняться ль мне за пенье,
Не заклясть ли мне невесту,
Обратить в лесного зверя
Или в зверя водяного?

267-272 Если в лес ее пущу я,
То весь лес перепугаю;
Коль пущу ее я в воду,

Убегут оттуда рыбы,
Я возьму клинок мой острый
И мечом я с ней покончу».

273-278 Чует меч его решенье,
Угадал клинок желанье,
Говорит слова такие:
«Не на то ведь я устроен,
Чтоб губить бессильных женщин,
Чтоб лишать несчастных жизни».

279-286 Вот кователь Ильмаринен
Начал сильные заклятья,
Громко начал заклинанья:
Обратил жену он в чайку,
Чтоб скакала по утесам,
Чтоб пищала по скалистым,
Чтоб вертелась по прибрежью
И носилась в непогоду.

287-292 Тут кователь Ильмаринен
Быстро вновь уселся в сани.
Шумно мчится по дороге,
Головой поник печально,
Едет к родине обратно,
На знакомые поляны.

293-296 Старый, верный Вяйнямёйнен
На пути его встречает,
Говорит слова такие:
«Брат, кователь Ильмаринен!

297-299 Отчего ты так печален,
Шапка на сторону сбилась?
Ты из Похъёлы вернулся?

300-302 Как же Похъёла живет там?»
Отвечает Ильмаринен:
«Что ж ей, Похъёле, не жить там!

303-307 Сампо мелет неустанно,
И шумит немолчно крышка,
Мелет день для пропитанья,
А другой день для продажи,
Третий мелет для пирушки;

308-311 Говорю я справедливо,
Повторяю это снова:
Сладко в Похъёле живется,
Если в Похъёле есть Сампо!

312-314 Там и пашни и посевы,
Там и разные растенья,
Неизменные там блага».

315-317 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Брат, кователь Ильмаринен!
Где ж супругу ты оставил;

318-320 Знаменитую девицу,
Что один ты возвратился,
Без жены назад приехал?»

321-328 Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Обратил в морскую чайку
Я жену свою дрянную,
И теперь на море чайкой
Все кричит она, все кличет,
Все шумит там по утесам,
Оглашает криком скалы».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XXXIX

✦

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«О кователь Ильмаринен!

Едем в Похъёлу с тобою,
Чтоб добыть оттуда Сампо,
Крышку пеструю увидеть!»

Тут кователь Ильмаринен,
Отвечая, так промолвил:
«Невозможно взять нам Сампо,
Крышку пеструю похитить
Из той Похъёлы туманной,
Сариолы вечно мрачной!

Сампо в Похъёле убрали,
Крышку пеструю укрыли
В каменной скале высокой,
В медном Похъёлы утесе,
Там — за девятью замками;

И пошли от Сампо корни
В глубину на девять сажен;
И один проходит в землю,
На берег другой проходит,
Третий в гору, что при доме».

23-26 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Брат, кузнец ты мой любезный!
Едем в Похъёлу со мною,
Чтоб добыть оттуда Сампо!

27-32 Мы корабль большой построим,
Чтоб на нем поставить Сампо,
Крышку пеструю похитить
В скалах Похъёлы туманной
Из горы, где много меди,
Из-за девяти замочков!»

33-36 Отвечает Ильмаринен:
«Путь по суше безопасней.
Лемпо морем пусть поедет,
Смерть пусть тащится по волнам!

37-40 Там нагнать нас может ветер,
Может буря опрокинуть,
Как бы не пришлось грести нам
Там — как веслами — руками».

41-44 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Путь по суше безопасней,
Безопасней, но не легче,
Он извилистей и дальше.

45-52 Хорошо по морю в лодке,
В челноке приятно плавать,
По равнинам вод стремиться,

Ехать прямо по теченью:
Ветры лодочку качают,
Волны двигают кораблик,
Ветер западный качает,
Южный ветер подгоняет.

53-56 Но пусть будет, как кто хочет,
Ты не хочешь ехать морем,
Так поедем мы по суше,
Мы поедем по прибрежью!

57-64 Только ты клинок мне выкуй,
Огневой мне меч устрой ты,
Чтоб собак я разогнал им,
Похъёлы народ рассеял,
Ибо я иду брать Сампо
В деревнях, морозом полных,
В Похъёле туманно-мрачной,
В той суровой Сариоле».

65-70 Стал у горна Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
На огонь железо бросил,
Бросил сталь на кучу углей,
Бросил золота пригоршню,
Серебра пригоршню тоже.

71-78 Раздувать рабов заставил
За поденную оплату.
Тут рабы мехи качают,
Раздувают сильно воздух:
Точно тесто, сталь размякла,
Точно кашица — железо,
Как вода, сребро блистает,
Как волна, струится злато.

79-84 И нагнулся Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки:
Там клинок образовался
С золотою рукояткой.

85-88 Смесь из пламени он вынул,
Положил металл прекрасный
Из горна на наковальню,
Чтоб стучал веселый молот.

89-92 Сделал меч, какой хотелось,
И клинок был самый лучший.
Меч он золотом украсил,
Серебром отделал славным.

93-96 Старый, верный Вяйнямёйнен
Посмотреть туда приходит.
Огневой клинок берет он,

Взял его рукою правой.

97-100 Поворачивает, смотрит,
Говорит слова такие:
«А придется ль меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу?»

101-108 И пришелся меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу,
На конце сияет месяц,
Посредине светит солнце,
В рукоятке блещут звезды,
В нижней части ржет жеребчик,
Наверху кричит котенок,
На ножнах собачка лает.

109-114 Там и тут мечом он рубит
По железному утесу,
Говорит слова такие:
«Лезвием я этим мог бы
Горы твердые разрезать,
Расколоть на части скалы!»

115-120 Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Чем же я могу, несчастный,
Чем, отважный, защищаться,
Опоясаться, закрыться
От всех бед морей и суши?

Не в броню ли мне одеться,
Взять железную рубашку
Да стальной на чресла пояс?
Всякий муж в броне сильнее,
Богатырь в железе лучше,
Крепче в поясе из стали».
Вот пришла пора уехать,
Час приблизился отъезда.
Должен ехать Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен.
И пошли искать лошадку,
С колосистой гривой лошадь,
Обмотались поводами,
Сбруи на плечи взвалили.
Вот высматривают лошадь,
Морду лошади средь леса,
Смотрят пристально сквозь чащу,
По лесной опушке темной:
Наконец нашли в дубраве
Желтогривую лошадку.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен
На коня ремни надели,
Повод лошади на морду.

145-148 И, стуча, дорогой едут,
Оба едут по прибрежью:
Услыхали вопль на взморье,
Крики с пристани несутся.

149-152 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Это девушка там плачет,
Это курочка рыдает!

153-156 Не подъехать ли поближе,
Посмотреть, что там такое?»
Сам подъехал он поближе,
Посмотреть, что там такое.

157-160 То не девушка там плачет,
То не курочка рыдает:
Это лодочка там плачет,
То челнок печально стонет.

161-164 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Стоя сбоку этой лодки:
«Что ты плачешь, челн дощатый,
Ты, с уключинами лодка?

165-172 Иль груба твоя работа,
Тяжелы крюки для весел?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«В море выйти хочет лодка

С тех катков, смолой покрытых,
Точно в мужнино жилище
Хочет девушка из дома.

173-176 Вот я плачу, челн несчастный,
Лодка бедная, горюю:
Чтоб меня столкнули в воду,
Чтоб меня спустили в море.

177-184 Мне, как строили, сказали,
Как сколачивали, пели:
Быть мне лодкою военной,
Быть корабликом для битвы,
Чтоб возить на дне богатство,
Чтоб с сокровищами плавать:
На войне еще я не был,
За добычею не ездил!

185-190 А другие лодки, хуже,
Ездят все-таки на битву,
На войне они бывают,
Трижды в лето выезжают,
Возвращаются с деньгами
И на дне везут богатство.

191-194 Я ж, построенный прекрасно
Из досок, из целой сотни,
Здесь гнию на этих щепках,
На катках, смолой покрытых;

195-200 Земляные только черви
Подо мной живут спокойно,
Да противнейшие птицы
На моей гнездятся мачте,
Да лягушки из лесочка
На бока мои садятся.

201-206 Вдвое было бы мне лучше,
Вдвое лучше, даже втрое,
Если б я был горной елью,
На песочке был сосною:
Там по мне б скакала белка,
Подо мною пес скакал бы».

207-210 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, челнок дощатый,
Ты, с уключинами лодка!

211-214 На войну пойдешь ты скоро,
Ты поедешь на сраженье.
Только создана ль ты, лодка,
Мастером своим искусно?

215-220 Боком сможешь ли проехать,
Стороною по теченью,
Чтоб тебя рукой не трогать,

Не касаться даже пальцем,
И плечом тебя не двигать,
Не тащить тебя руками?»

221-228 Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Мой обширный род не ходит,
Челны, братья дорогие,
Не столкнут пока их в воду,
Не погонят их на волны,
Не дотронутся руками
И не сдвинут силой с места».

229-234 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Коль столкну тебя я в воду,
Побежишь ли ты без весел,
Чтоб не двигалися весла,
Руль тебе не помогал бы,
В паруса не дули б ветры?»

235-242 Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Мой обширный род не ходит,
И никто из нас не едет,
Коль грести не будут пальцы,
Если весла не помогут,
Если руль служить не будет,
Не подуют в парус ветры».

243-248 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Побежишь ли ты при гребле,
Если весла будут двигать,
Если руль тебя погонит,
В паруса подуют ветры?»

249-256 Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Весь обширный род мой ходит,
Челны, братья дорогие,
Если руки держат весла,
Если весла помогают,
Руль подвижный направляет,
Если дуют в парус ветры».

257-266 Оставляет Вяйнямёйнен
На песках свою лошадку,
Привязал к суку за повод,
К деревцу на недоуздок
И столкнул челнок на волны,
Пеньем гонит лодку в воду,
Так у лодки вопрошает,
Говорит слова такие:
«Челн, изогнутый прекрасно,
Ты, с уключинами лодка!

267-274 Так же ль ты пойдешь прекрасно,
Как ты выглядишь, дощатый?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Я могу ходить прекрасно,
Поместить на дне могу я
Сто мужей, держащих весла,
Или тысячу сидящих».

275-278 Начал старый Вяйнямёйнен
Напевать тихонько песни:
На одном боку той лодки
Молодцы-красавцы сели;

279-284 В кулаках их много силы;
На ногах у них сапожки;
На другом боку той лодки
Сели девушки в колечках,
В оловянных украшеньях,
В поясках блестящей меди.

285-288 Пел и дальше Вяйнямёйнен;
Занял все скамьи мужами;
Там, на дне, уселись старцы,
Что всю жизнь свою сидели;

289-298 Посадил их потеснее,
Молодежь расселась раньше.
Сам он сел в конце на лодке,

У кормы, что из березы,
Свой кораблик направляет,
Говорит слова такие:
«Ты беги, мой челн, по волнам,
По пространству без деревьев,
Ты беги, как пузыречек,
Как цветочек, по теченью!»

299-306 Молодцов грести заставил,
А девиц сидеть без дела:
Молодцы гребут прилежно,
Но пути не убывает,
Он девиц грести заставил,
Молодцов сидеть без дела:
И гребут девицы сильно,
Но пути не убывает.

307-310 Стариков грести заставил,
Молодых сидеть без дела:
Старики гребут усердно,
Но пути не убывает.

311-314 Наконец уж Ильмаринен
Сам грести туда уселся;
Побежал челнок дощатый,
И дорога убывает.

315-317 Лишь звучат удары весел,
Визг уключин раздается.
Он гребет с ужасным шумом;

318-324 И качаются скамейки,
Стонут весла из рябины,
Ручки их, как куропатки,
Их лопатки, как лебедки,
Носом челн звучит, как лебедь,
А кормой кричит, как ворон,
И уключины гогочут.

325-328 Сам же старый Вяйнямёйнен
Лодку с плеском направляет,
На корме на красной сидя,
У руля занявши место.

329-332 Вдруг мысочек показался,
На мысочке — деревушка.
Ахти жил на том мысочке,
Кауко жил у этой бухты.

333-336 Плачет он, что нету рыбы,
Не хватает ему хлеба,
Больно мал амбар дощатый,
Что живется плуту плохо.

337-340 Он бока устроил лодке,
Челноку он дно приделал
На голодном этом мысе,

У несчастной деревушки.

341-346 Слух у Ахти превосходный,
А глаза того получше:
Осмотрел он север, запад,
Повернул на солнце взоры,
Видит радугу далеко,
А еще подальше — тучу.

347-352 Но не радугу он видит
И не тучу дождевую:
Это лодка проезжает,
Это челн дощатый едет
На хребте прозрачном моря,
По открытому теченью;

353-360 У руля сидит отважный,
Славный муж налег на весла.
Молвит юный Лемминкяйнен:
«Этой лодки я не знаю,
Челнока такой постройки,
Что из Суоми к нам стремится,
Весла воду бьют с востока,
Руль направился на запад».

361-366 Громким голосом он кличет,
Крик его раздался всюду;
Он кричит с конца мысочка,

Через воду громко кличет:
«Это чья на море лодка,
Чей кораблик здесь на волнах?»

367-374 Молодцы сказали с лодки,
Так девицы отвечали:
«Что за муж ты в этой роще,
Что за храбрый в этой чаще,
Коль не знаешь нашей лодки,
Лодки Вяйнёлы дощатой,
И не знаешь рулевого
И гребца того на веслах?»

375-380 Отвечает Лемминкяйнен:
«Рулевого-то я знаю,
И гребца я знаю тоже:
Старый, верный Вяйнямёйнен
У руля сидит и правит,
А гребец — сам Ильмаринен.

381-390 Вы куда, мужи, плывете,
Направляетесь, герои?»
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Едем прямо мы на север,
Против сильного теченья,
По волнам, покрытым пеной:
Мы себе добудем Сампо,

Крышку пеструю захватим
В скалах Похъёлы туманной,
В недрах медного утеса».

391-396 И промолвил Лемминкяйнен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Ты меня возьми как мужа
И как третьего героя,
Ибо ты идешь взять Сампо,
Крышку пеструю похитить!

397-400 Окажусь еще я мужем,
Если драться будет нужно:
Дам рукам я приказанье,
Поучу еще я плечи».

401-403 Старый, верный Вяйнямёйнен
Взял с собой в дорогу мужа,
Молодца с собою в лодку.

404-408 Вот веселый Лемминкяйнен
Входит в лодку торопливо,
Поспешает легким шагом
И несет бруски с собою
Вяйнямёйнену для лодки.

409-412 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Есть уж дерево на лодке,
Есть в челне моем брусочки,
Все устроено, как надо.

413-420 Ты зачем принес брусочки,
Бревна нам сюда на лодку?»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Не чрез помощь тонет лодка,
Тонет не чрез осторожность,
В море Похъёлы нередко
Бури сносят брусья лодок,
Ветры доски отрывают».

421-426 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Для того в военной лодке
Выгиб сделан из железа
И обит он сверху сталью,
Чтобы ветры не вредили,
Бури лодку не разбили».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XL

✦

1-4 Старый, верный Вяйнямёйнен
Направляет лодку дальше,
От конца большого мыса,
От несчастной деревушки.

5-10 По волнам он правит с пеньем,
Полный радости, по морю.
Смотрят с берега девицы,
Смотрят, слушают и молвят:
«Что за клики там на море,
Что за песни над волнами?

11-16 Эти клики лучше прежних,
Пенье лучше, чем бывало!»
Направляет Вяйнямёйнен
В первый день по речке лодку,
Во второй же по болотам,
В третий правит по порогам.

17-20 Вспоминает Лемминкяйнен,
Как он прежде слушал речи
Возле огненных потоков,
У святой речной пучины.

21-24 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, порог, не пенься бурно,
Ты, вода, не колыхайся!

25-27 Дева рек, девица пены,
Сядь на камнях средь пучины,
На скале среди шипенья;

28-32 Захвати ты волны в руки,
Ты сожми прибой руками,
В кулаках сожми ты пену,
Не пускай на грудь нам брызги
И на головы шипенье!

33-40 Ты, старуха, в глуби моря,
Ты, что в пене обитаешь!
Ты всплыви наверх, на волны,
Поднимись над пеной грудью,
Ты свяжи покрепче пену,
Стереги получше волны,
Чтобы тот от них не сгинул,
Кто безгрешен и невинен!

41-46 Вы, среди реки каменья,
Опененные утесы!
Вы чело нагните ваше,

Головы склоните ниже
На дороге лодки красной,
На пути ладьи смоленой!

47-54 Если этого все мало
Киви-Киммо, ты, сын Каммо!
Буравом ты щель проделай,
Пробуравь дыру побольше
Сквозь утес среди потока,
Сквозь подводный злобный камень,
Чтобы лодка не застряла,
Пробежала невредимо!

55-60 Бели этого все мало,
Ты, хозяин вод текущих!
Обрати ты в мох каменья,
А челнок в дыханье щуки,
Как пройдет он через волны,
Через горы водяные!

61-70 О ты, дева водопада,
Что в реке живешь, девица!
Ты скрути помягче нитку,
Нить скрути-ка из тумана,
Протяни сквозь воду нитку,
Сквозь потоки голубую,
Чтоб по ней мой челн стремился,

Осмолённым дном проехал,
Чтоб неопытные даже
Здесь по ней нашли дорогу!

71-76 Мелатар, жена благая,
Руль возьми свой благосклонно,
Чем ты лодку направляешь
В зачарованных потоках
Мимо злобного жилища,
Мимо окон чародеев!

77-82 Если этого все мало,
О ты, Укко, бог верховный!
Проведи мечом ты лодку,
Ты направь клинком блестящим,
Чтоб бежал челнок дощатый,
Чтоб спешил челнок сосновый!»

83-86 Старый, верный Вяйнямёйнен
Правит дальше через волны,
Меж подводными скалами,
Через пену с диким ревом.

87-91 Там челнок не зацепился,
Лодка мудрого не стала.
Но когда она уж вышла
На открытое теченье,
Вдруг свой бег остановила;

92-94 Быстрый челн вперед не мчится,
На одном застрял он месте,
Он подвинуться не может.

95-100 Сам кователь Ильмаринен,
С ним веселый Лемминкяйнен
Весла в море упирают,
Жердь еловую в теченье,
Напрягают все усилья,
Чтобы дать свободу лодке.

101-110 Лодка сдвинуться не может,
Челн не стронулся дощатый.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Ты, веселый Лемминкяйнен,
Посмотри туда, нагнися:
Что такое держит лодку,
Что наш челн остановило
В распростершихся потоках,
В успокоившихся глубях?

111-120 Что там: пень какой, иль камень,
Иль другая там преграда?»
Сам веселый Лемминкяйнен
Посмотреть туда нагнулся,
Смотрит вниз под лодку быстро,
Говорит слова такие:
«Не на пне сидит челнок наш,

Не на пне и не на камне:
На плече сидит он щуки,
На бедре морской собаки».

121-124 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Все в воде возможно встретить:
Есть там пни, и есть там щуки.

125-128 На спине сидим у щуки,
На бедре морской собаки;
По воде мечом ударь ты
И разрежь на части рыбу».

129-136 Тут веселый Лемминкяйнен,
Молодец здоровый, ловкий,
Из-за пояса меч вынул,
Острый меч, что кости рубит,
По воде мечом ударил,
Да свалился с края лодки,
С борта в воду повалился
И упал руками в море.

137-142 Ильмаринен быстро тащит
Тотчас за волосы мужа,
Из потоков его поднял,
Говорит слова такие:
«Все повыросли мужами,
Бородатыми все стали.

143-147 И таких, пожалуй, сотня,
Даже тысяча найдется!»
Взял кователь с подпояски,
Меч свой выхватил из ножен,
Чтоб покончить с хищной рыбой;

148-150 Ударяет вниз под лодку;
Но клинок в куски разбился,
Щука же того не чует.

151-154 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вы в полмужа не годитесь,
В вас героя нет и трети!

155-158 Если надобность есть в муже,
Если разум мужа нужен,
Тут ума и не хватает,
Исчезает ваш рассудок».

159-164 Сам клинок свой вынимает,
Вынул острое железо:
Он клинок вонзает в волны,
С края лодки вглубь вонзает,
В спину той огромной щуки,
В ребра той морской собаки.

165-172 Меч, однако, там остался
И застрял у рыбы в теле.
Старый, верный Вяйнямёйнен

Рыбу вытащил наружу,
Из воды он щуку поднял,
Та на части развалилась:
Рыбий хвост на дно свалился,
Голова свалилась в лодку.

Снова мог челнок проехать,
Лодка стронулася с места.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Повернул челнок к утесу,
Лодку к берегу он гонит.

Повернулся он и видит
Щучью голову в обломках.
Говорит слова такие:
«Кто из юношей постарше?

Распластал бы мне он щуку,
Разделил на части рыбу,
Щучью голову разрезал!»

Отвечали с лодки мужи,
С борта женщины сказали:
«У ловца прекрасней руки
И его святее пальцы».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Ножик свой из ножен вынул,
Сталь холодную взял сбоку,
Чтоб разрезать эту щуку,

Распластать на части рыбу,
Сам сказал слова такие:
«Кто из дев здесь всех моложе?

196-198 Пусть мне сварит эту щуку,
Приготовит мне на завтрак,
Приготовит на обед мне».

199-202 И взялись варить девицы,
Десять дев на спор взялися,
И сварили эту щуку,
Приготовили на завтрак.

203-212 На скале остались кости,
Рыбьи кости на утесе.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Посмотрел на эти кости:
Он со всех сторон их смотрит,
Говорит слова такие:
«Что б могло отсюда выйти,
Из зубов огромной щуки
И из челюстей широких,
Если бросить их в горнило,

213-220 Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу?»
И промолвил Ильмаринен:
«Ничего из бесполезных
Рыбьих косточек не выйдет,

Если бросить их в горнило,
Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу».

221-226 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Из костей, однако, может
Выйти кантеле, пожалуй,
Веселящая услада,
Звонкий короб многострунный».

227-229 Где же мастер, чтобы сделать
Веселящую усладу,
Звонкий короб многострунный?

230-234 Начал старый Вяйнямёйнен
Сам скреплять те рыбьи кости,
Сам он мастером явился,
Кантеле он сам устроил,
Вещь на вечную усладу.

235-237 Короб кантеле откуда?
Он из челюсти той щуки.
Гвозди кантеле откуда?

238-240 Из зубов огромной рыбы.
Струны кантеле откуда?
Из волос коня у Хийси.

241-244 Создан короб многострунный,
Кантеле давно готово,
Короб тот из щучьей кости,
Кантеле из рыбьих перьев.

245-252 Собралися холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
С ними девочки-малютки,
И старухи и девицы,
Также с ними молодицы,
Чтобы кантеле увидеть,
Чтоб игру на нем послушать.

253-258 Старый, верный Вяйнямёйнен
Дал и юным, дал и старым,
Людям средних лет дозволил,
Чтобы пальцами играли
На том кантеле из щуки,
Коробе из рыбьей кости.

259-264 Старики и молодые,
Люди средних лет играли:
У младых ломались пальцы,
Старых головы тряслися,
Но веселье не вскипало
И игра не разгоралась.

265-268 И промолвил Лемминкяйнен:
«Полоумные вы дети,
Тупоумные девчонки,
Вы — народ совсем негодный!

269-274 Извлекать искусно звуки,
Вы играть ведь неспособны,
Мне вы короб этот дайте,
Мне вы кантеле несите,
Мне поставьте на колени,
Под мои под десять пальцев».

275-278 Вот веселый Лемминкяйнен
Держит кантеле руками,
Ставит короб пред собою
И кладет на струны пальцы.

279-282 Вот он кантеле потрогал,
Так и сяк переставляет,
Не звучат, однако, струны,
Не дают они услады.

283-288 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ни средь тех, кто помоложе,
Средь растущего народа,
Ни средь старцев не найдется,
Кто на кантеле сумел бы
Заиграть и дать усладу.

289-292 Может, в Похъёле найдется,
Кто на кантеле сыграет,
Извлечет из струн отраду,
Коль их в Похъёлу пошлю я?»

293-298 В Похъёлу послал он короб,
Кантеле туда направил.
Там и юноши играли,
Там и девушки играли,
И замужние играли,
И женатые мужчины;

299-302 Даже старая хозяйка
Поворачивала короб,
Крепко пальцами хватала,
Ноготками струн касалась.

303-306 В Похъёле все поиграли,
Люди возрастов различных:
Там веселье не вскипало,
Не была игра приятна.

307-310 Струны все перекосились,
Жалко волосы стонали,
Звуки грубо рокотали,
Дурно кантеле звучало.

311-318 Спал слепой, в углу свернувшись,
Там лежал на печке старый.
Вот на печке он проснулся,

Пробудился на лежанке,
Забурчал, на печке сидя,
Заворчал, в углу приткнувшись:
«Перестаньте вы играть там,
Прекратите шум несносный!

319-322 Вы мне голову развили,
Мне в ушах продули щели
И сквозь волосы прорвались,
Сон мой надолго отбили!

323-332 Коль игра столь многих финнов
Не приносит нам отрады,
Не дает дремоты сладкой,
Сна приятно не наводит,
Кантеле вы бросьте в воду,
В глубину морей забросьте
Иль назад его снесите,
Положите эти струны
На создавшие их руки,
Их создателю на пальцы!»

333-336 Тотчас струны отвечали,
Кантеле в ответ сказало:
«Не хочу идти я в воду,
Погрузиться в глубь морскую;

337-342 Пусть на мне играет мастер
Сам своей рукой искусной».
Отнесли тихонько струны,
Осторожно положили
На создавшие их руки,
Мастеру их на колени.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XLI

✦

1-5 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
Свои пальцы разминает,
Два больших смочил слюною,
На скалу отрады вышел;

6-8 Сел на камень песнопенья,
На серебряном пригорке,
На холмочке золотистом.

9-16 Кантеле берет он в руки,
Ставит выгиб на колени,
Держит кантеле руками,
Говорит слова такие:
«Приходи сюда послушать,
Кто еще не слышал раньше
Этих вечных рун усладу
Вместе с кантеле напевом!»

17-20 Под рукою старца Вяйнё
Издает искусно звуки
Этот короб многострунный,
Кантеле из рыбьей кости.

21-24 Плавно вскидывал он пальцы,
Высоко большой он поднял.
Шло веселье за весельем,
Радость с радостью сливалась;

25-28 Это было впрямь игрою,
Песня с песнею сплеталась,
Напевали рыбьи кости,
Тон давали щучьи зубы;

29-36 Струны толстые — звук сильный,
Конский волос — звук высокий.
Вот играет Вяйнямёйнен
И в лесу не стало зверя
Изо всех четвероногих,
Кто скакать и бегать может,
Чтоб не шли туда послушать
И, ликуя, восторгаться.

37-40 Белка весело цеплялась,
С ветки прыгала на ветку;
Подбежали горностаи
И на изгороди сели;

41-46 Лось запрыгал на поляне,
Даже радовались рыси,
Волк проснулся на болоте,

На песчанике поднялся
Сам медведь в сосновых чащах,
Средь густых зеленых елей.

47-56 Волк бежит широким полем,
По песку медведь несется
И садится у забора,
У калитки он уселся:
Повалил забор на камни,
На песок свалил калитку,
На сосну тогда влезает,
Он вскарабкался на елку,
Чтобы ту игру послушать
И, ликуя, восторгаться.

57-62 Бодрый Тапиолы старец,
Тот, кто в Метсоле хозяин,
С ним и Тапио народец,
Все, и девушки и парни,
Влезли на гору повыше,
Чтобы ту игру послушать.

63-70 И сама хозяйка леса,
Эта бодрая старуха,
Вышла в синеньких чулочках,
Подвязав их красным бантом,
На нарост березы села,

На изгиб ольхи зеленой,
Чтобы кантеле послушать,
Чтоб услышать эти звуки.

71-76 Все воздушные летуньи,
Все с двумя крылами птицы
Запорхали, прилетели,
Прилетели и уселись
Слушать радостные звуки
И, ликуя, восторгаться.

77-82 Вот орел услышал дома
Суоми дивную усладу;
Он птенцов в гнезде оставил,
Сам, собравшись, улетает,
Чтоб игру героя слушать,
Вяйнямёйнена напевы.

83-92 С высоты орел спустился,
Из-за туч спустился ястреб,
Из потоков вышли утки,
Снялись лебеди с болота,
Даже зяблики-малютки,
Что так весело щебечут,
Сотни чижичков слетелись,
С ними жаворонки вместе
Тысячей вверху шумели,
На плечах возились старца.

93-98 Так играл отец почтенный,
Восхищал всех Вяйнямёйнен.
Даже дочери творенья,
Девы воздуха явились
И, ликуя, восторгались,
Слыша кантеле звучанье;

99-102 А одна в небесном своде
Там на радуге уселась,
А на облаке другая,
На краю сияя красном.

103-110 Дочь Луны, красотка дева,
И прекрасная дочь Солнца
Берда, что в руках держали,
Ниченицы поднимали,
Золотую ткань тут ткали,
Ткать серебряную стали,
На краю румяной тучки,
На краю большого свода.

111-116 Но как только услыхали
Звуки песни многострунной.
Берда выпали из ручек,
Ускользнул челнок из пальцев,
Нить из золота порвалась,
Нить серебряная тоже.

117-122 И в воде не оставалось
Никого, кто шесть имеет
Плавников на теле рыбьем,
Не осталось рыбьей стаи,
Чтоб не шла туда послушать
И, ликуя, восторгаться.

123-132 Собрались, приплывши, щуки,
Псы нескладные морские;
Собрались от рифов семги,
Из глубин сиги приплыли,
Выплыл окунь красноглазый,
Корюшки приплыли стаей,
Вместе все в камыш уткнулись,
Стали в ряд, чтобы послушать
Вяйнямёйнена напевы
И игрою восторгаться.

133-136 Ахто, этот царь потоков,
С бородой из трав зеленых,
Выплыл тоже на поверхность,
На цветке морском он выплыл.

137-142 Слышит дивной песни звуки,
Говорит слова такие:
«Не слыхал ни разу в жизни
Ничего, чтоб так звучало,
Как играет Вяйнямёйнен,
Как поет певец чудесный».

143-149 Дочки-уточки у моря,
Тростниковые сестрицы,
На морском прибрежье сидя,
Волосы свои чесали,
Локоны свои ровняли
Гребнем, золотом богатым,
Серебром обитой щеткой.

150-152 Услыхали эти звуки:
Соскользнула щетка в воду,
Быстро в волны опустилась;

153-162 Так волос не расчесали,
Разве только вполовину.
Наконец, воды хозяйка,
Вся покрытая травою,
Поднялась из глуби моря,
Выплыла она из зыби:
Проползла в тростник прибрежный
И на риф облокотилась,
Чтоб послушать эти звуки,
Вяйнямёйнена напевы.

163-168 Звуки дивно раздавались,
И игра была чудесна,
Задремала вод хозяйка,
Вниз лицом она заснула
На спине скалы высокой,
На краю большого камня.

169-176 Старый, верный Вяйнямёйнен
День играет и другой день.
Не осталось там героя,
Ни единого из храбрых,
Не осталось там ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто б от той игры не плакал,
Чье не тронулось бы сердце.

177-184 Плачут юноши и старцы,
Плачут люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачут также и девицы,
Плачут девочки-малютки,
Так чудесны эти звуки,
Так играет дивно старец.

185-188 Плачет старый Вяйнямёйнен,
Слезы катятся обильно,
Из очей сбегают капли,
Вниз жемчужные стекают;

189-192 Покрупней они брусники
И горошины потолще,
Покрупней яйца пеструшки,
Головы касатки больше.

193-202 Из очей водица каплет,
Сильно каплями сбегает
И на челюсти стремится,
По щекам стекает книзу,
А со щек бежит прекрасных
На широкий подбородок,
С подбородка же струится
По груди высокой старца,
А с груди высокой старца
На крепчайшие колени,

203-206 А с колен крепчайших этих
На подъем ноги высокой,
А с ноги высокой старца
Уж на землю под ногами;

207-210 Через пять струится курток,
Шесть златистых подпоясок,
Через семь кафтанов синих,
Через восемь верхних платьев.

211-216 Так роняет Вяйнямёйнен
Водяные капли, старый,
На морское побережье,
А с морского побережья
В глубину воды блестящей,
На чернеющую тину.

217-224 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Не найдется ль кто из юных,
Из цветущей молодежи,
В этом племени обширном
Из сынов его отважных,
Кто б собрал мне эти слезы
Из глубоких вод блестящих?»

225-232 Отвечали молодые,
И в ответ сказали старцы:
«Не найдется тут меж юных,
Средь цветущей молодежи,
В этом племени обширном
Из сынов его отважных,
Кто б собрал тебе те слезы
Из глубоких вод блестящих».

233-238 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Кто мои добудет слезы,
Водяные вынет капли
Из глубоких вод блестящих,
Дам тому из перьев шубу».

239-242 Подошел, закаркав, ворон.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Принеси мне, ворон, слезы
Из глубоких вод блестящих!

243-246 Дам тебе из перьев шубу».
Не достал те слезы ворон.
Утка синяя то слышит,
Утка синяя подходит.

247-252 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Утка синяя, ты часто
В глубину ныряешь с клювом,
Любишь свежую водицу:
Собери пойди мне слезы
Из глубоких вод блестящих!

253-257 Будет славная награда:
Дам тебе из перьев шубу».
Собирать уходит утка
Эти слезы старца Вяйнё
Из глубоких вод блестящих.

258-260 Там на черном, темном иле
Собрала по морю слезы,
Принесла их в руки Вяйнё.

261-266 Слезы вид другой имели
И чудесно изменились:
Заблестели жемчугами,
Голубым сверкали блеском,
Королевскою украсой
И могучего утехой.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XLII

✦

1-10 Старый, верный Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен,
Третьим с ними Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
По морю спокойно едут,
По равнине вод открытых,
В ту холодную деревню,
В сумрачную Сариолу,
Где героев топят в море
И мужей уничтожают.

11-16 Кто ж гребет у них на лодке?
Первый был там Ильмаринен,
Он гребет на этой лодке,
Он гребет веслом передним,
А второй был Лемминкяйнен,
Он гребет веслом последним.

17-24 Старый, верный Вяйнямёйнен
На корме к рулю садится,
Направляет челн по морю,
Направляет чрез потоки,
Через пенистые волны,

По теченью с бурной пеной,
К пристани той Сариолы,
К тем знакомым перекатам.

Вот туда они подходят,
Путь окончивши далекий,
И челнок на сушу тащат,
Уставляют челн смоленый
На катках, обитых сталью,
На катках, богатых медью.

Челн поставив, входят в избу,
Быстро внутрь избы проходят.
И хозяйка Сариолы
Расспросила у прибывших:
«Что, мужи, пришли поведать,
Что расскажете, герои?»

Старый, верный Вяйнямёйнен
Дал в ответ слова такие:
«Речь героев здесь о Сампо,
Речь мужей о пестрой крышке.

Поделить пришли мы Сампо,
Крышку пеструю увидеть».
Но тут Похъёлы хозяйка
Говорит слова такие:
«Меж тремя не делят белку
И не делят куропатку.

47-50 Хорошо вертеться Сампо
И шуметь здесь пестрой крышке
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса.

51-58 Хорошо мне быть владыкой,
Обладательницей Сампо».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Если ты делить не хочешь,
Чтоб мы взяли половину,
Все тогда возьмем мы Сампо,
Унесем насильно в лодку».

59-64 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Очень сильно обозлилась,
Похъёлы народ сзывает,
Молодых людей с мечами,
Всех героев с их оружьем
Вяйнямёйнену на гибель.

65-67 Старый, верный Вяйнямёйнен
Тотчас к кантеле подходит
И на нем играть садится.

68-74 Начал он играть прекрасно:
Все заслушалися люди,
Удивлялись чудным звукам,
Все мужи развеселились,

На устах у жен улыбка,
Влажны очи у героев,
На коленях все ребята.

75-80 Весь народ ослабил старец:
Все, уставши, повалились,
И, кто слушал, тихо дремлет,
Кто дивился, засыпает,
Детям, старцам — сон навеян
Вяйнямёйнена игрою.

81-90 Тотчас мудрый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
В свой карман полез поспешно,
Ищет в кожаном мешочке,
Вынул стрелы сна оттуда:
На глаза навел дремоту,
Крепко запер всем ресницы,
На замок он запер веки
Утомленному народу,
Погруженным в сон героям.

91-94 Крепкий сон на них навел он,
Чтоб они проспали долго,
Похъёлы все населенье,
Весь народ со всей деревни.

95-100 Он пошел тогда за Сампо,
Крышку пеструю увидеть
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса,
Где замков висело девять,
Десять где засовов было.

101-106 Начал старый Вяйнямёйнен
Тихим голосом напевы
Возле медного утеса,
Перед крепостью скалистой,
Покачнулись там ворота,
И крюки их затрещали.

107-112 Сам помазал Ильмаринен,
Мажут вместе с ним другие
Жиром те замки у входа,
Салом те крюки дверные,
Чтобы дверь не заскрипела,
Чтоб крюки не завизжали.

113-116 Повернул замок он пальцем,
Поднял он засов рукою,
Без труда замки он отпер
И легко открыл ворота.

117-120 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«О веселый Лемминкяйнен,

Всех друзей моих ты выше!

121-130 Захвати пойди ты Сампо,
Крышку пеструю в утесе!»
И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без поощренья,
Устремился взять там Сампо,
Крышку пеструю в утесе,
И, идя туда, промолвил,
На ходу он похвалился:

131-136 «Говорит во мне мужчина,
Богатырь, что создан Укко;
Я собью в утесе Сампо,
Крышку пеструю сверну я
Только правою ногою,
Только пяткою я двину!»

137-142 Вот сбивает Лемминкяйнен,
Он сбивает, ударяет,
Ухватил руками Сампо
И упер колено в землю,
Но не сдвинулося Сампо,
Крышка пестрая не сбилась.

143-145 Сампо корни запустило
В глубину на девять сажен.
В Похъёле бычище вырос.

146-148 Был он рослый и могучий,
С очень крепкими боками
И с хорошим сухожильем;

149-156 Каждый рог его был в сажень,
В полторы сажени морда.
Взял быка с полей зеленых,
Взял он плуг с окраины поля,
Корни выпахал у Сампо,
Корешки у пестрой крышки,
И подвинулося Сампо,
Крышка пестрая качнулась.

157-164 Взял тут старый Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен,
Третьим с ними Лемминкяйнен,
Взяли так большое Сампо
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса,
Отнесли его на лодку,
В корабле его укрыли.

165-168 Наконец-то Сампо в лодке,
В лодке пестрая та крышка.
Челн мужи толкают в море,

На теченье — стодощатый.

169-176 С шумом в воду челн спустился
На течение боками.
И спросил тут Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Но куда свезем мы Сампо
И куда его мы денем,
Чтоб его подальше спрятать,
Скрыть от злобной Сариолы?»

177-184 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Вот куда свезем мы Сампо,
Крышку пеструю упрячем:
На туманный мыс далекий,
На покрытый мглою остров,
Чтоб всегда там счастье было,
Чтоб оно там вечно жило.

185-188 Там ведь есть еще местечко,
Там клочок земли остался
Невредимый и спокойный
И мечом не посещенный».

189-196 Едет старый Вяйнямёйнен
Тут из Похъёлы суровой,
Едет он с покойным сердцем,
Едет к родине веселый,

Говорит слова такие:
«Отвернись от Сариолы,
Повернись ты, челн, к отчизне,
А к чужбине стань спиною!

197-202 Ветер, ты качай кораблик;
Ты, вода, гони мне лодку,
Окажи ты веслам помощь,
Легкость дай лопаткам весел
На равнинах вод широких,
По открытому теченью!

203-210 Коль малы у лодки весла,
Коль гребцы здесь малосильны,
Невелик на лодке кормчий,
Если дети правят лодкой
Дай твои нам весла, Ахто,
Ты, хозяин, дай и лодку,
Весла новые получше,
Дай и руль, вполне пригодный!

211-216 Сам тогда садись у весел,
Сам иди, чтоб двинуть лодку;
Пусть челнок бежит скорее,
Пусть уключины гогочут
Средь прибоя волн шумящих,
Средь воды, покрытой пеной!»

217-224 Гонит старый Вяйнямёйнен
Свой челнок прекрасный дальше.
Сам кователь Ильмаринен
И веселый Лемминкяйнен
Там гребут на этой лодке,
Там гребут и поспешают
По волнам прозрачным, чистым,
По равнинам вод открытых.

225-228 И промолвил Лемминкяйнен:
«Сколько я ни греб, бывало,
Заняты гребцы водою,
А певцы искусным пеньем.

229-232 А сегодня я не слышу
Ничего у нас такого:
Нету песен в нашей лодке,
Нету пения на волнах».

233-238 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Петь не следует на море,
Начинать в потоках пенье:
Пенье лишь приносит леность,
Песни лишь мешают гребле.

239-242 Свет златого дня исчезнет,
Темнота нас здесь застанет
На равнинах вод широких,

На открытом их теченье».

243-250 Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
«Все равно уходит время,
Исчезает день прекрасный,
Ночь торопится на море,
Набегает ночи сумрак,
Хоть бы ты не пел и вовсе,
Хоть всю жизнь не распевал бы».

251-260 Едет старый Вяйнямёйнен
По волнам на синем море,
Правит день, другой день правит,
Наконец, уже на третий,
Встал веселый Лемминкяйнен,
Говорит слова такие:
«Отчего же, Вяйнямёйнен,
Лучший муж, ты петь не хочешь,
Ты же завладел ведь Сампо
И уже домой стремишься?»

261-264 Старый, верный Вяйнямёйнен
Так разумно отвечает:
«Слишком рано петь нам песни,
Торжеству еще не время;

265-268 Лишь тогда запеть пристойно,
Торжеству тогда лишь время,
Как свои увидишь двери,
Заскрипит своя калитка».

269-274 Молвил юный Лемминкяйнен:
«Если бы сидел я кормчим,
Изо всех я сил запел бы,
Всею глоткой зашумел бы,
Даже вовсе не умея,
Напевая очень дурно.

275-280 начать не хочешь пенье,
Сам я к пенью приготовлюсь».
Тут веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Рот сложил, как было надо,
И налаживает звуки;

281-284 Начинает сам он пенье,
Жалкий шум он поднимает:
Пел он голосом осипшим,
Напевал он горлом грубым.

285-292 Так веселый Лемминкяйнен
Расшумелся, Каукомъели.
Борода и рот трясутся,
Подбородок закачался,
Далеко несется пенье,

По волнам оно несется,
До шестой дошло деревни,
За семью морями слышно.

293-296 На пеньке журавль уселся,
На сыром холме зеленом;
В пальцах он считает кости,
Поднимает кверху ноги;

297-302 Он ужасно испугался
Лемминкяйнена напева.
Поднял крик журавль, услышав,
Испугался, страшно крикнул,
Полетел тотчас оттуда,
В Похъёлу он быстро мчится.

303-308 Прилетев туда, на север,
На болоте он остался,
Крикнул голосом противным,
Что есть силы закричал он:
Похъёлы народ он поднял,
Пробудил людей негодных.

309-316 Встала Похъёлы хозяйка,
От дремоты пробудилась,
В хлев пошла стада проведать
И к овину побежала,
Осмотрела в хлеве стадо,

Перечла зерно в амбаре:
Не потеряны коровы,
И зерна не уменьшилось.

317-320 Тут к скале она подходит,
К двери медного утеса,
И, придя туда, сказала:
«Горе, горе мне, несчастной!

321-326 Здесь была рука чужая,
Все поломаны замочки,
И открыта дверь твердыни,
Все крюки совсем разбиты:
Неужель исчезло Сампо
И похищено насильем?»

327-332 Уж похищено то Сампо,
Крышка пестрая исчезла
Там, из глыбы Сариолы,
Там, из медного утеса,
Где замков висело девять,
Десять где засовов было.

333-336 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Вся от злобы распалилась,
Видит: власть ее слабеет,
Пропадает также слава.

337-346 Удутар она так просит:
«Дева мглы, тумана дочка!
Ты просей туман сквозь сито,
Ниспошли ты мглу густую,
С неба дай сгущенный воздух,
Ты пусти пары густые
На хребет морей блестящих,
По открытому простору,
Чтоб засел там Вяйнямёйнен,
Чтоб застрял Сувантолайнен!

347-354 Если ж этого все мало,
Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Подними главу из моря,
Подними из волн макушку,
Калевы мужей низвергни,
Утопи друзей потоков,
Пусть те злобные герои
В глубине валов погибнут;

355-360 В Похъёлу верни ты Сампо,
Захватив его с той лодки!
Если ж этого все мало
Ой ты, Укко, бог верховный,
Золотой мой царь воздушный,
Мой серебряный владыка!

361-366 Сделай бурю, непогоду,
Силу воздуха ты вышли,
Подними волненье, ветер
Против этой лодки в море,
Чтоб засел там Вяйнямёйнен,
Чтоб застрял Сувантолайнен!»

367-374 Надышала дочь тумана,
Нагустила мглу на волны,
Плотно воздух мглой застлала,
Чтобы старый Вяйнямёйнен
Простоял подряд три ночи
Посреди морей широких,
Никуда не мог бы выйти,
Никуда не мог отъехать.

375-382 Простояв подряд три ночи
Посреди морских потоков,
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Даже муж совсем негодный,
Из героев самый слабый,
Не потонет средь тумана,
Не погибнет в испареньях».

383-388 Он клинком прорезал воду,
Он мечом ударил море:
Мед с клинка его струится,

Сладкий мед с меча сбегает,
Испаренья всходят к небу,
Поднимаются туманы;

389-392 Скоро воды стали чисты,
Прояснились все потоки,
Приоткрылись дальше воды,
И кругом все стало видно.

393-396 Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье,
Шум послышался ужасный
На волнах, у красной лодки;

397-406 Пена так и брызжет кверху,
Вяйнямёйнену на лодку.
Тут кователь Ильмаринен
Очень сильно испугался,
Кровь со щек внезапно спала,
Вниз с лица его сбежала,
С головою он накрылся
И с обоими ушами,
Закрывает обе щеки,
А еще плотнее очи.

407-414 Тотчас старый Вяйнямёйнен
Посмотрел на море с лодки,
Бросил в сторону он взоры,
Видит маленькое чудо:

Ику-Турсо, тот сын Старца,
Поднялся у бока лодки
Головой своей из моря,
Из воды своей макушкой.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Турсо за уши хватает,
Поднял за уши повыше
И спросил его сурово,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!

Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся
Пред очами человека,
Пред сынами Калевалы?»

Ику-Турсо, тот сын Старца,
Не обрадовался очень
И не очень испугался,
Но ответа так и не дал.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Во второй раз вопрошает,
В третий раз он молвит строго:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!

Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся?»
Ику-Турсо, тот сын Старца,

Отвечал при третьем разе,
Дал в ответ слова такие:
«Я затем из моря вышел,
Я затем из вод поднялся,
Что намеренье имел я
Калевы весь род прикончить,
Отнести на север Сампо.

443-446 Коль меня отпустишь в воду,
Жизнь мне жалкую оставишь,
Не явлюсь уже в другой раз
Пред очами человека».

447-450 Тотчас старый Вяйнямёйнен
Отпустил его обратно,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!

451-454 Выходить не смей из моря,
Никогда не поднимайся
Пред очами человека,
От сегодня и до века».

455-460 Никогда теперь не смеет
Выходить из моря Турсо
Пред очами человека,
Никогда, пока нам месяц,
Солнце, свет дневной и воздух
Радость светлую даруют.

461-468 Правит старый Вяйнямёйнен
Лодкой по морю все дальше.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье
Посылает Укко с неба,
Сам он, воздуха властитель,
Сильный ветер им навстречу
И бушующие бури.

469-476 Ветры сильные подули,
Бури страшно загудели,
Ветер с запада бушует,
С юго-запада пронзает,
Напирает он с восхода,
Воет с северо-восхода,
Воет с северо-заката,
Страшно с севера ревет он.

477-482 Он сорвал с деревьев листья,
Оторвал у сосен иглы,
Оборвал с лугов цветочки,
Оборвал у злаков стебли
И погнал пески земные
На просторы вод блестящих.

483-488 Сильно дули эти ветры,
Захлестали лодку волны,
Унесли тот короб щучий,

Это кантеле из кости,
На веселье всем у Ахто,
Всем у Велламо живущим.

489-492 Ахто ловит короб в волнах,
Дети Ахто — на потоках,
Взяли кантеле с собою
Унесли с собою в воду.

493-498 Плачет старый Вяйнямёйнен.
На глазах у старца слезы,
Сам слова такие молвит:
«Вот исчезло, что я создал,
Сгибла вся души отрада,
Утонула радость старца!

499-502 Никогда теперь уж больше,
Никогда, пока живу я,
Не придет из зуба щуки,
Из костей моя утеха».

503-510 Сам кователь Ильмаринен
Очень сильно испугался,
Говорит слова такие:
«Горе мне, что я поехал,
Что я вышел в это море,
На открытое теченье,
На колеблющихся бревнах,
На ветвях, дрожащих сильно!

511-514 Волосы мои знавали
Ветры и большие бури;
Борода моя видала
Злые дни в пространствах водных;

515-518 Но видал я редко бурю,
Чтоб была подобна этой:
Страшны бурные потоки,
Эти пенистые волны.

519-526 Хоть бы ветер тут помог мне,
Пощадили волны моря».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут высказывает мненье:
«В лодке плакать не годится,
Горевать в челне не должно:
Плач в несчастье не поможет
И печаль в годину бедствий!»

527-534 И потом промолвил слово,
Говорит такие речи:
«Удержи сынов ты, море,
Чад своих, волна морская,
Вниз спусти ты, Ахто, волны,
Велламо, народ свой сбрось ты,
Чтоб он мой челнок не трогал
И не брызгал в ребра лодки.

535-538 Поднимись на небо, ветер,
Уходи туда на тучи,
В те места, где ты родился,
Где живут твои родные!

539-542 Не вали дощатой лодки,
Не крути мой челн сосновый
Ты вали в лесу деревья,
Нагибай на высях ели!»

543-550 Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Говорит слова такие:
«Прилетай, орел турьянец,
Принеси мне тройку перьев,
Принеси мне пару, ворон,
Для защиты лодки малой,
Для боков ее негодных!»

551-556 На края бруски набил он,
Боковые делал доски,
Новые бока он делал,
Вышиной их сделал в сажень,
Чтоб чрез них большие волны
Не могли прорваться в лодку.

557-562 Хорошо челнок устроен,
Хорошо подправлен сбоку,
Чтоб его качать мог ветер,

Чтоб могли бросать и волны,
Если он средь пены моря
По волнам пойдет высоким

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XLIII

✦

1-6 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Северный народ сзывает,
Раздает тугие луки,
Собирает меченосцев,
Снаряжает челн военный,
Похъёлы корабль готовит.

7-12 На корабль мужей сажает,
Снаряжает их на битву,
Как птенцов выводит утка
И ведет детей в порядке:
Сели сотни меченосцев,
Тысяча державших луки.

13-22 Утверждает мачту в лодке,
Ставит парусные стеньги;
Парус к мачте прикрепляет,
Полотно на эти стеньги
Точно облако спустилось
Иль нависла туча в небе,
Собралась оттуда ехать
И поспешно уезжает
Отбивать обратно Сампо,
Взять его из лодки Вяйнё.

23-28 Старый, верный Вяйнямейнен
Правит лодкой в синем море,
Говорит слова такие,
На корме поднявшись, молвит:
«О ты, сын веселый Лемпи,
Ты друзей моих всех лучше!

29-34 Ты взойди наверх, на мачту,
Влезь на парусные стеньги!
Посмотри вперед на воздух,
Посмотри назад на небо,
Ясны ль воздуха границы,
Все ли ясны иль туманны!»

35-38 Влез веселый Лемминкяйнен,
Молодец здоровый, ловкий,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без поощренья.

39-43 Влез на верх высокой мачты,
Влез на парусные стеньги.
На восток, на запад смотрит,
Он на юг глядит, на север,
И на Похъёлу глядит он.

44-46 Говорит слова такие:
«Впереди нас воздух ясен,
Но за нами небо мутно;

47-50 Мчится с севера к нам тучка,
Облачко идет с заката».
Молвит старый Вяйнямейнен:
«Ты сказал несправедливо!

51-53 Это вовсе там не тучка
И не облако несется:
Это — лодка с парусами.

54-58 Посмотри-ка ты получше».
Смотрит пристально второй раз,
Говорит слова такие:
«Там вдали как будто остров,
С юга будто остров в море;

59-62 Соколы там на осинах,
Глухари там на березах».
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ты сказал несправедливо;

63-65 Соколов там не бывало,
Глухарей там вовсе нету:
Похъёлы мужи там едут.

66-72 В третий раз взгляни получше!»
Тут веселый Лемминкяйнен
В третий раз прилежно смотрит,
Говорит слова такие

И такие молвит речи:
«Лодка с Похъёлы подходит,
Сотней весел бьет по морю!

73-76 Сто мужей сидят у весел,
Тысячи сидят там в лодке!»
Тут-то старый Вяйнямёйнен
Наконец узнал всю правду.

77-82 Говорит слова такие:
«Налегай-ка, Ильмаринен,
Ты, веселый Лемминкяйнен,
Люди, побыстрей гребите,
Чтоб умчалась дальше лодка,
Чтоб челнок ушел подальше!»

83-85 Налегают Ильмаринен
И веселый Лемминкяйнен,
И гребут все люди с ними.

86-88 Ходит руль еловый с треском
И уключины со стуком,
И затрясся челн сосновый;

89-92 Нос его ревел тюленем,
А корма шумит, как омут,
Вся вода кипит волнами,
Пена движется клубами.

93-98 Что есть сил гребут герои,
Все мужи легли на весла,
Но напрасны их усилья,
Не ушел челнок дощатый
От той лодки с парусами,
Лодки с Похъёлы туманной.

99-101 Видит старый Вяйнямёйнен,
"Что теперь беда приходит,
Что грозит ему несчастье.

102-106 Он подумал и размыслил,
Как же быть и что же делать,
Говорит слова такие:
«У меня исход найдется,
Знаю маленькое чудо».

107-110 Он полез в мешочек с трутом,
Он полез туда поспешно,
Взял в мешке кремня кусочек,
Взял он там немного трута;

111-120 Бросил тот кусочек в воду,
Чрез плечо налево бросил.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Из кремня возникни, отмель,
Появись, утес подводный,
Лодка Похъёлы, разбейся

С ста крюками об утесы
Средь морских прибоев диких,
Среди волн морских громадных!»

121-124 И подводный камень вырос,
Под водой утес поднялся;
Он в длину идет к востоку,
В ширину идет на север.

125-134 Лодка Похъёлы несется,
По волнам белеет парус;
Натолкнулась вдруг на отмель,
На подводный этот камень,
Раскололся челн дощатый,
Челн стореберный распался,
Мачта в воду повалилась,
Паруса упали в волны,
Их отнес далеко воздух,
Подхватил их резкий ветер.

135-142 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Входит в воду по колено,
Хочет сдвинуть лодку с места,
Приподнять свой челн повыше,
Но поднять его не может
И не может лодку сдвинуть:
Ребра все переломались,
Все крюки ее распались.

143-146 Долго думала, гадала,
Говорит слова такие:
«Кто совет подать мне может,
Кто помочь мне в состоянье?»

147-154 Быстро облик свой меняет,
Принимает облик новый.
Старых кос пяток приносит,
Шесть мотыг, давно ненужных:
Служат ей они как пальцы,
Их, как горсть когтей, сжимает,
Вмиг пол-лодки подхватила:
Подвязала под колена;

155-160 А борты к плечам, как крылья,
Руль, как хвост, себе надела;
Сто мужей на крылья сели,
Тысяча на хвост уселась,
Села сотня меченосцев,
Тысяча стрелков отважных.

161-166 Распустила Лоухи крылья,
Поднялась орлом на воздух.
В высоте крылами машет
Вяйнямёйнену вдогонку:
Бьет одним крылом по туче,
По воде другое тащит.

167-169 Мать воды, жена-красотка,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!

170-172 Поверни глаза на солнце,
Обрати на запад взоры,
Посмотри назад немножко!»

173-180 Тотчас старый Вяйнямёйнен
Повернул глаза на солнце,
Обратил на запад взоры,
Посмотрел назад немножко:
Видит Похъёлы старуху,
Птицу страшную в полете,
Головою — словно ястреб,
На орла похожа телом.

181-184 Вяйнямёйнена настигла.
К самой мачте подлетела,
Уцепилася за стеньги,
На верхушке мачты села;

185-194 Уж грозит паденьем лодке,
Уж корабль склонила набок.
Прибегает Ильмаринен
К богу с жаркою мольбою,
Укко он усердно просит,
Говорит слова такие:
«Укко, защити, всесильный,

Огради, о бог прекрасный,
От погибели злой сына,
Чадо матери от смерти,

195-198 Защити свое творенье,
Охрани свое созданье!
Ой ты, Укко, всюду славный,
Ой ты, Укко, бог верховный!

199-206 Дай мне огненную шубу,
Дай горящую рубашку,
Чтоб я бился под защитой,
Под охраною сражался,
Голова б моя не пала,
Волосы б не повредились
В играх острого железа,
В столкновеньях злобной стали!»

207-209 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«О ты, Похъёлы хозяйка!

210-212 Хочешь, мы разделим Сампо
На краю земли туманной,
Там, на острове тенистом?»

213-216 Молвит Похъёлы хозяйка:
«Не хочу делить я Сампо,
Не хочу с тобой, несчастный,
Поделиться, Вяйнямёйнен!»

217-222 А сама хватает Сампо,
Тащит Сампо с лодки Вяйнё.
Тут весёлый Лемминкяйнен
Меч свой с пояса хватает,
Тащит острое железо
С бока левого поспешно.

223-230 По когтям орла ударил,
По когтям ударил сильно.
Бьет веселый Лемминкяйнен,
Бьет мечом и прибавляет:
«Ну-ка, вниз, мужи, валитесь,
Вниз, мечи, и вниз, герои,
Сто героев с этих крыльев,
С коготочков по десятку!»

231-234 Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит с вершины мачты:
«О веселый Лемминкяйнен,
Кауко жалкий, муж преступный!

235-240 Мать родную обманул ты:
Лживо клялся ей, старухе,
Что лет шесть, а то и десять
Не пойдешь ни с кем сражаться,
Хоть бы золота возжаждал,
Серебра хотя б желал ты!»

241-244 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Тут решил — настало время,
Наступил уж час удобный.

245-250 Тащит руль из глуби моря,
Руль дубовый из теченья;
Им чудовище ударил,
Отрубил орлице когти:
И все когти обломались,
Только маленький остался.

251-254 Все мужи упали с крыльев,
В волны падают герои,
С крыльев сотня повалилась,
С тела тысяча упала.

255-258 А сама орлица с шумом
На края свалилась лодки,
Точно с дерева тетерка,
Точно белка с ветки ели.

259-264 Ухватилася за Сампо,
Тащит пальцем безымянным,
Тащит Сампо прямо в воду,
Крышку пеструю роняет
Прямо с края красной лодки
В глуби синие потоков.

265-270 Так разбилось в море Сампо,
Крышка пестрая сломалась.
Потонули те обломки,
Те куски большие Сампо,
В глубине потоков синих,
В темной тине дна морского;

271-276 Там от них в воде богатство
И сокровища у Ахто.
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц,
Не погибнет вод богатство
И сокровище у Ахто.

277-286 Полегли куски другие,
Те обломки, что поменьше,
На хребте воды лазурной,
На волнах морских широких,
Чтоб морской качал их ветер,
Колыхало б их теченье
И качал их в море ветер,
Колыхало их теченье
На хребте воды лазурной,
На волнах морских широких;

287-294 Их на берег гонит ветер,
Их к земле несет теченье.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Видит волны от прибоя,

Видит, как на берег моря,
На прибрежье волны гонят
И влекут обломки Сампо,
Те осколки пестрой крышки.

295-300 Он обрадовался очень,
Говорит слова такие:
«Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало,
Выйдут пашни и посевы
И различные растенья!

301-304 Блеск луны отсюда выйдет,
Благодетельный свет солнца
В Суоми на больших полянках,
В Суоми, сладостной для сердца».

305-314 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«У меня найдется выход,
У меня найдется средство
Против пашни и посевов,
Против пастбищ и растений,
Против месяца сиянья,
Против солнечного блеска:
Заточу в утес я месяц,
Я в горе упрячу солнце;

315-318 Я морозом заморожу,
Застужу я сильной стужей
Все, что вспашешь и посеешь,
Все посевы и запасы.

319-322 Я направлю град железный,
Набросаю град из стали
На твои большие пашни,
На прекраснейшее поле.

323-328 Вышлю из лесу медведя,
Редкозубого из чащи;
Пусть жеребчиков терзает,
Пусть кобыл он разрывает,
Пусть стада твои пожрет он,
Пусть коров твоих погубит.

329-332 Изведу народ твой мором
И весь род твой уничтожу,
Чтоб, пока сияет месяц,
Не было о нем и слуху».

333-336 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ни лапландские мне чары,
Ни турьянские не страшны!

337-340 Укко лишь — в погоде властен,
Он ключи судьбы имеет.
Не чудовищу иметь их,

Не врагу держать руками.

341-348 Если я творцу доверюсь,
На благого понадеюсь,
Он червей с посевов сгонит,
Сгонит он злодеев с жатвы,
Чтоб не портили посевов,
Не губили бы растений,
Чтоб стеблей не истребляли,
Ни от семени побегов.

349-354 О ты, Похъёлы хозяйка!
Ты в скалу сажай лишь беды,
В гору прячь одну лишь злобу,
Заключай страданье в камни,
А не лунный свет прекрасный
И не солнце золотое!

355-358 Ты морозь своим морозом,
Ты студи своею стужей
То, что ты сама посеешь,
Семена, что в землю бросишь!

359-362 Шли туда свой град железный,
Эти градины стальные,
Где твои же пашут плуги,
К пашням Похъёлы направь их!

363-368 Вышли из лесу медведя,
Из чащобы злую кошку,
Косолапого из леса,
Редкозубого из рощи
Выгон Похъёлы тревожить,
Стаду Похъёлы угрозой!»

369-374 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Власть моя отныне гибнет
И могущество слабеет:
Под водой мое богатство,
В глубине у моря — Сампо».

375-382 Тут домой уходит с плачем,
В Похъёлу идет со скорбью;
Не пришлось ей взять от Сампо
Ничего, что было 6 ценно,
Но взяла с собой немножко
Безымянным только пальцем:
В Похъёлу приносит крышку,
В Сариолу лишь щепотку.

383-390 Бедность в Похъёле отсюда,
Мало хлеба у лапландцев.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Вышел сам тогда на берег,
Там нашел куски от Сампо,

Щепочки от пестрой крышки,
Он собрал на побережье,
На песчаном мягком месте.

391-398 Посадил осколки Сампо,
Щепочки от пестрой крышки
На мысочке средь тумана,
Там, на мглистом островочке,
Чтоб росли и умножались,
Чтоб могли преобразиться
В рожь прекрасную для хлеба
И в ячмень для варки пива.

399-405 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ой ты, Укко, бог верховный,
Дай нам счастьем насладиться,
Провести всю жизнь счастливо
И ее окончить с честью
На полянах Суоми светлых.

406-410 В этой Карьяле прекрасной,
Укко, защити, всесильный,
Огради, о бог прекрасный,
От мужей со злою мыслью
И от жен с недоброй думой!

411-416 Укроти земных злых духов,
Водяные злые силы!
Будь сынам своим защитой,
Будь для чад своих подмогой,
Ночью будь для них опорой,
Будь и днем для них охраной!

417-422 Пусть не светит дурно солнце,
Не сияет дурно месяц,
Пусть не веют злые ветры,
Пусть не льется вредный ливень,
Холода не повредят нам
Или злая непогода!

423-432 Ты поставь забор железный,
Выстрой каменную крепость
Вкруг того, чем я владею,
С двух сторон родного края,
Чтобы шли с земли до неба,
Чтоб с небес к земле спускались,
Были нашему жилищу
И защитой и охраной,
И злодей не смог бы тронуть,
Враг плодов не смог похитить

433-434 Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц!»

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XLIV

✦

1-6 Старый, верный Вяйнямёйнен
Так подумал и размыслил:
«Хорошо вот поиграть бы,
Хорошо б повеселиться
И пожить бы жизнью новой
В ослепительных палатах.

7-12 Только кантеле пропало,
Унеслась моя утеха
В те места, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги,
На утеху водяному
Да у Велламо живущим.

13-15 Мне она его не выдаст,
Не отдаст обратно Ахто.
О кователь Ильмаринен!

16-25 Ты вчера ковал, работал,
Ты покуй еще сегодня,
Скуй мне грабли из железа,
Частозубые мне грабли,
Зубы с длинной рукояткой,
Чтоб я мог сгребать в потоках,
Чтоб сгребал я волны в кучу,

Чтоб тростник собрал я вместе
По всему прибрежью моря
И нашел утеху в море,

26-28 Взял бы кантеле обратно
Из глубин, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги!»

29-34 И кузнец тот Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Сделал грабли из железа
С рукояткою из меди,
По сто сажен в каждом зубе,
Ручку впятеро длиннее.

35-40 Принял старый Вяйнямёйнен
Эти грабли из железа
И прошел весьма немного,
Путь прошел весьма короткий
По каткам, обитым сталью,
По каткам, где много меди.

41-44 Два челна там находились,
Две совсем готовых лодки
На катках, покрытых сталью,
На катках, где много меди.

45-52 И один челнок был новый,
А другой челнок был старый.
Молвил старый Вяйнямёйнен,

Сам сказал он новой лодке:
«Ты, сойди на воду, лодка,
Поспеши, челнок, на волны,
Чтоб без рук тобою править
И большим не трогать пальцем!»

53-58 Тотчас лодка вышла в море,
Там спустилась на теченье.
Старый, верный Вяйнямёйнен
На конце уселся лодки,
И пошел он чистить море,
Подметать его теченье.

59-62 Смел цветочки водяные,
Смел весь мусор у прибрежья,
Тростника кусочки даже,
Водяных растений крохи.

63-68 Он сучок сгибает каждый,
Рифы граблями цепляет,
Но нигде найти не может
Кантеле из щучьей кости:
Навсегда его утеха,
Это кантеле пропало.

69-72 Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут домой пошел обратно,
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась;

73-76 Он опять промолвил слово:
«Никогда уж не найду я
Прежних звуков в рыбьей кости,
Утешенья в щучьем зубе!»

77-82 Вот лесочек он проходит,
Вот идет опушкой рощи,
Слышит: плачет там береза,
Суковатая горюет,
Он подходит к ней поближе,
Близко к дереву подходит.

83-85 Спрашивает он березу:
«Что, краса-береза, плачешь?
Что, зеленая, горюешь?

86-88 Белый пояс, что ты стонешь?
Не ведут тебя на битву
И к войне не принуждают».

89-94 И березка отвечает,
Так неторопливо молвит:
«Может, многие наскажут,
Может, кто и насудачит,
Будто весело живу я,
Шелестя, смеюсь листвою.

95-98 Я ж, бедняжка, вся в заботах,
Только скорбь — мое веселье,
О себе в часы несчастья

Я печалюсь и жалею.

99-104 Плачу я от малосилья
И от бедности горюю.
Я, бездольная бедняжка,
Так несчастна без опоры,
На дрянном на этом месте,
Я на выгоне стою здесь.

105-108 У других так много счастья,
Много счастья от надежды,
Что вернется радость лета,
Время теплое наступит.

109-112 Я же, слабая береза,
Я должна терпеть, бедняжка,
Чтоб с меня кору сдирали,
Эти ветки обрубали.

113-118 Часто к бедненькой березе,
К этой нежной очень часто
Дети краткою весною
К белому стволу приходят,
Острый нож в него вонзают,
Пьют из сердца сладкий сок мой!

119-122 Злой пастух в теченье лета
Белый пояс мой снимает,
Ножны он плетет и чаши,
Кузовки плетет для ягод.

123-128 Часто под березкой нежной,
Часто под березкой белой
Собираются девицы,
Вкруг ствола красотки ходят,
Листья сверху обрезают,
Вяжут веники из веток.

129-132 Часто тонкую березку,
Горемычную частенько
При подсечке подсекают,
На поленья расщепляют.

133-138 Вот уж трижды в это лето,
В эту солнечную пору,
У ствола мужи стояли,
Топоры свои точили,
Чтоб головушку срубить мне,
Чтоб я с жизнью распростилась.

139-142 Вот и вся от лета радость,
Вся от солнышка отрада.
И зимою мне не лучше,
Время снега не милее.

143-148 Уж всегда кручина злая,
Горе облик мой изменит,
Низко голову наклонит,

И лицо мое бледнеет,
Лишь, бывало, только вспомню
День мой черный, время злое.

149-158 Тут и боль приносит ветер,
Иней — горькие заботы,
Вихрь уносит зелень шубы,
Иней — всю мою одежду,
И тогда-то я, бедняжка,
Я, несчастная береза,
Остаюсь совсем раздетой,
И стою я обнаженной,
И дрожу я в лютой стуже,
На морозе горько плачу».

159-162 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Ты не плачь, моя березка,
Не горюй, дружок зеленый,
Белый пояс, не печалься!

163-166 Ты еще узнаешь счастье
В жизни новой, наилучшей,
Ты от радости заплачешь,
Зазвучишь от наслажденья».

167-172 Сделал старый Вяйнямёйнен
Из березы той утеху,
Целый летний день строгал он,

За день кантеле устроил,
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке.

173-176 Короб кантеле он режет,
На утеху ящик этот,
Короб делает он прочный,
Весь в прожилках этот ящик.

177-180 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Короб кантеле закончен,
Всем на радость этот ящик.

181-184 Где же гвоздиков достану,
Где возьму колков хороших?»
На дороге дуб поднялся,
На дворе высоко вырос.

185-188 Ветви ровные на дубе,
С желудями были ветки,
И на желуде по шару,
И на шаре по кукушке.

189-194 И кукушка куковала;
Пять тонов там раздавалось,
Золото текло из клюва,
Серебро текло обильно
На пригорки золотые,
На серебряные выси.

195-200 Взял для кантеле гвоздочки,
Взял он колки для утехи.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Есть для кантеле гвоздочки,
Есть и колки для утехи.

201-204 Все же кантеле не полно,
Струн пяти в нем не хватает.
Где возьму я эти струны,
Где я звучные достану?»

205-208 Он идет искать те струны
И проходит по поляне.
Видит: девушка в лесочке,
Видит — девица в долине.

209-214 Эта девица не плачет
И не очень веселится:
Просто так запела песню:
Поскорей бы вечер минул
Поскорей бы друг явился,
К ней пришел ее желанный.

215-224 Старый, верный Вяйнямёйнен
Без сапог бежит поспешно,
Без чулок туда стремится,
Добежал он до девицы
И волос у девы просит,

Говорит слова такие:
«Дай волос своих, девица,
Дай кудрей твоих нежнейших,
Чтоб они пошли на струны,
Стали вечною усладой».

225-228 И дала волос девица,
Подала волос тончайших,
Подала пять шелковистых,
Шесть и семь ему достала.

229-231 Струны кантеле явились,
Голоса отрады вечной.
Было кантеле готово.

232-234 Сел тут старый Вяйнямёйнен,
Сел на самый нижний камень,
На ступеньку возле двери.

235-240 В руки кантеле берет он,
Взял к себе свою отраду,
Повернул он выгиб к небу,
А основу на колени
И настраивает струны,
Он настроил их как надо.

241-244 Вот настроил эти струны,
Музыки родник наладил.
Кантеле взял на колени,
Поперек его поставил;

245-248 Вот бегут по струнам пальцы,
Все пять пальцев пробегают,
Пальцы струны рвут с весельем,
Перепрыгивают быстро.

249-252 Начал старый Вяйнямёйнен;
Он на кантеле играет.
Пальцы тонкие он выгнул,
Приподнял большие пальцы.

253-256 Зазвенела тут береза,
Тут зеленая запела,
Пела золото-кукушка,
Нежно пел девичий волос.

257-262 Заиграл сильнее старец.
Струны кантеле ликуют,
Скачут горы, рвутся камни,
Скалы все загрохотали,
Рифы треснули морские,
Хрящ на волнах закачался;

263-266 Сосны с радости плясали,
Пни скакали на полянах.
И все Калевалы жены
Тут работу побросали;

267-272 Как река, текут на звуки,
Как поток, туда стремятся.
Молодицы шли со смехом,

Шли веселыми хозяйки,
Чтоб игру его послушать
И, ликуя, восторгаться.

273-276 Все мужчины, сколько было,
Все стояли снявши шапки,
Сколько ни было там женщин,
Все рукой подперли щеки;

277-280 Девушки все прослезились,
Парни стали на колени,
Звукам кантеле внимали,
Звону чудному дивились.

281-286 Как одни уста, все люди,
Как один язык, сказали:
«Мы доселе не слыхали
Здесь игры такой прекрасной,
Никогда в теченье жизни,
С той поры, как светит месяц».

287-292 Чудный звон летит далеко,
Мчится через шесть селений:
Никого там не осталось,
Кто б не шел игру послушать,
Ту игру с прекрасным звоном,
Это кантеле звучанье.

293-296 Все, как есть, лесные звери,
Когти подобрав, расселись,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.

297-300 И воздушные летуньи
Разместились все на ветках;
Разные морские рыбы
К берегам плывут поближе;

301-306 Из земли выходят черви,
Из земли ползут наружу,
Извиваются, чтоб слушать
Кантеле тот звон прекрасный,
Вечную его отраду,
Вяйнямёйнена искусство.

307-309 Старый, верный Вяйнямёйнен
Удивительно играет,
Издает он чудно звуки.

310-314 День играл он и другой день,
Он играл без передышки,
На заре поевши хлеба,
Подпоясанный все так же
И в рубашке той же самой.

315-318 Он в своем играл жилище,
В собственном сосновом доме:
И звучала кровля дома,

И дрожал весь пол жилища.

319-322 Потолок пел, пели двери,
Восклицали все окошки,
Каменная печь качалась,
Притолоки все звучали.

323-326 Он пошел еловым лесом,
Он побрел сосновой рощей
Кланялись ему все ели,
И к земле склонялись сосны;

327-332 Шишки с них упали наземь,
Иглы их к корням упали.
И проходит ли по рощам,
Приближается ль к кусточкам,
Рощи весело играют,
И кусточки веселятся.

333-334 Все цветы с любовью смотрят,
Нагибаются сучочки.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XLV

✦

1-6 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Весть услышала однажды,
Весть о Вяйнёлы расцвете,
Калевалы процветанье
Через те обломки Сампо
И кусочки пестрой крышки.

7-12 Позавидовала сильно,
Стала думать неустанно,
Смерть какую уготовить
И наслать какую гибель
Людям, в Вяйнёле живущим,
Детям Калевы отважным.

13-15 Обратилась с просьбой к Укко,
Умоляет бога грома:
«О ты, Укко, бог верховный!

16-18 Калевы народ сгуби ты,
Погуби железным градом,
Стрелами с концом из стали!

19-22 Им пошли болезней лютых,
Уничтожь их род противный,
Чтоб мужи погибли в поле,
В хлеве женщины погибли!»

23-32 Дочка Туонелы слепая,
Ловьятар, старуха злая,
Гаже всех рожденных Маной,
Всех ее детей противней,
Бедствий всех была истоком,
Целой тысячи пороков,
Лик она имела черный
С кожей мерзковолосатой,
Дева Туонелы слепая,
Черноликая девица

33-38 На тропе постель постлала,
Ложе в месте неудобном,
И легла она под ветром,
Улеглась под непогодой,
На сквозном ветру холодном,
На ветру холодном, раннем.

39-44 Поднялся ужасный вихорь,
От востока зашумел он,
Плод надул он глупой деве,
Чрево бременем наполнил
На полянах без деревьев,
На лугах, травы лишенных.

45-52 И носила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью;
Два, три месяца носила
И четвертый месяц, пятый

И седьмой, восьмой носила
И девятый также месяц,
А по счету старых женщин,
Полдесятого носила.

53-56 Вот истек девятый месяц,
И десятого в начале
Твердой сделалась утроба,
Мучит деву сильной болью;

57-66 Но родов не получалось:
Не зачатый — не рождался.
С места тут она уходит,
На другом ложится месте,
И пошла родить блудница,
Непотребная, от ветра,
Меж двух скал в средине самой,
Где пять гор сошлись в ущелье,
Но родов не получалось:
Не зачатый — не рождался.

67-72 Вновь подыскивает место,
Облегчить утробу хочет
Около болот зыбучих,
У источников ревущих:
Но найти не может места,
Чтоб от плода разрешиться.

73-80 Хочет скинуть порожденье,
Бремя выпустить желает
В пену бурного теченья,
В страшные водовороты,
В глубь пучины трех порогов,
К девяти крутым стремнинам,
Но родов не получалось:
Не зачатый — не рождался.

81-86 Стала скверная тут плакать:
Страшно чудище ревело,
И куда идти — не знала,
И куда бы ей деваться,
Чтоб свободным сделать чрево,
Чтоб детей родить скорее.

87-96 С облаков сказал всевышний,
Так создатель молвил с неба:
«Есть изба с тремя углами
У прибрежия морского,
В Похъёле, в стране тумана,
В Сариоле, вечно мрачной,
Ты туда родить отправься,
Там оставишь бремя чрева,
Там тебя уж поджидают,
Там детей твоих желают!»

97-102 Дева Туонелы слепая,
Маны скверное отродье,
К Похъёле избе подходит,
Прямо к бане Сариолы,
Чтоб детей родить скорее,
Чтобы выпустить потомков.

103-108 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Тотчас деву в баню вводит,
Тайно в банное строенье,
Чтоб деревня не узнала,
Не слыхала б ни словечка.

109-114 Натопила Лоухи баню,
Приготовила все быстро:
Двери вымазала пивом,
Брагою — задвижку в бане,
Чтобы дверь не заскрипела,
Не запела бы задвижка.

115-120 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Дева древняя творенья,
С золотым красотка блеском,
Ты, старейшая из женщин,
Мать, древнейшая на свете!

121-130 По колени стань ты в море,
Ты войди по пояс в воду,
У ерша слюну возьми ты,
Собери ты слизь налима
И помажь ей меж костями,
Намочи бока ей слизью,
Женщину избавь от боли,
От родильных мук девицу,
От мучений, слишком сильных,
От жестокой боли чрева.

131-134 Если ж этого все мало,
Укко, ты, творец верховный!
Опустись сюда скорее,
Поспеши, к тебе взываю!

135-138 Есть здесь женщина в страданьях,
Есть девица с болью чрева,
Здесь она, средь дыма бани,
В этой бане деревенской.

139-146 Ты возьми рукою правой
В золотой оправе палку!
Устрани ты все преграды,
Сокруши столбы у входа,
И замок творца открой ты,
Поломай там все задвижки,
Чтоб пролез большой и малый,
Чтоб прошел и слабосильный!»

147-149 Выпускает та дрянная,
Дева Туонелы слепая
Полноту своей утробы.

150-152 Злых детей своих сложила
Под узорным покрывалом,
Под хорошей занавеской.

153-158 Всех сынов рождает девять
В продолженье летней ночи,
В продолженье топки бани,
Там, пока она купалась,
Родила их силой чрева
Из наполненного брюха.

159-168 Сыновьям дала названья,
Назвала она рожденных
Кличками по их деяньям,
По тому, что каждый делал:
И один был назван раной,
Колотьем другой был назван,
Ломотой был назван третий,
Звать четвертого сухоткой,
Пятый назван был водянкой,
Был шестой коростой назван,

169-172 Зван седьмой — гниющей язвой,
А восьмой — заразой чумной.
Был без имени девятый,

Что родился позже прочих;

173-176 Мать его тотчас послала
Заклинателем на воду,
Чтоб заклял он побережье
И везде посеял зависть.

177-184 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Всех их вместе созывает
На мысочек, скрытый мглою,
На туманный островочек,
Посылает этих злобных,
Беспримерные болезни,
Против Вяйнёлы народа,
Роду Калевы на гибель.

185-190 В Вяйнёле народ болеет,
Калевы лежат герои
В неизвестных им болезнях,
Там неведомых дотоле,
Так что пол гниет под ними,
Потолок покрылся гнилью.

191-194 Вышел старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Чтоб их головы избавить,
Чтоб спасти болящих души.

195-200 В Туонелу идет он биться,
Сам с болезнями сражаться.
Нагревает жарко баню,
Накаляет в бане камни
Лишь чистейшими дровами,
Принесенными водою.

201-204 Воду он принес покрытой,
Чистых веников принес он,
Парит веники для бани,
Густолистые смягчает.

205-208 Сделал в бане жар медовый,
И медовый пар поднялся
От каменьев раскаленных,
От кусков каменьев жгучих.

209-214 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"В банный жар сойди, создатель,
В теплоту, отец небесный,
Чтобы нам подать здоровье,
Чтоб спокойствие вернуть нам!

215-220 Затопчи здесь злые искры,
Погаси здесь тленье злое,
Уничтожь чрезмерность жара,

Жар дурной отсюда вышли,
Чтоб детей твоих не сжег он,
Не убил твоих творений!

221-224 Вот я прыскаю водою
На горячие каменья,
Пусть вода здесь станет медом,
Пусть стекает сладким соком!

225-228 Потечет рекой медовой,
Станет озером медвяным
На каменьях этой печи,
Посреди замшелой бани!

229-232 Пусть невинные — не гибнут,
Пусть не гибнут без болезни,
Что пошлет на них создатель,
И без смерти, данной богом.

233-236 Кто ж губить нас, правых, будет,
Пусть от слов своих погибнет,
Пусть главу свою он сложит
От своих же злобных мыслей!

237-244 Коль не силен я настолько
И не столь герой могучий,
Чтоб избавить от несчастья,
Чтоб спасти от тяжких бедствий,
Пусть придет сюда сам Укко,

Тот, кто тучи направляет,
В облаках кто восседает,
Облачка по небу водит.

245-252 О ты, Укко, бог верховный,
Ты, на тучах высочайший!
Опустись сюда скорее,
Поспеши, к «тебе взываю,
Отыми мученья эти,
Прогони ты эту хворость,
Отошли несчастья злые,
Уничтожь болезни эти!

253-258 Меч мне огненный даруй ты,
Огневой клинок пошли мне,
Чтоб сразил я этих злобных
И прогнал бы этих скверных,
На стезю ветров — болезни,
В поле дальнее — мученья!

259-264 Я туда сгоню болезни,
Я туда пошлю мученья,
В погреба внутри утесов,
В горы, полные железа,
Чтобы камни заболели,
Чтоб узнали муку скалы.

265-268 Не заплачут камни, скалы
От болезней и мучений,
Если их и много мучить,
Если их терзать безмерно.

269-274 Туони дочка, дева болей!
Ты живешь в горе болезней
При теченье трех потоков,
При разделе трех течений,
Ты вращаешь камни болей,
Крутишь скалами болезней!

275-280 Приходи, возьми болезни
К пасти камня голубого,
Иль сведи ты их на море,
Погрузи в морские глуби,
Где ни ветер не подует,
Ни луч солнца не заблещет!

281-286 Если ж этого все мало,
Болей дочь, душа-хозяйка,
Дочка ран, всех женщин краше,
Появись, приди скорее,
Чтоб вернуть нам здесь здоровье,
Даровать успокоенье!

287-292 Отними у болей силу,
Прогони от нас мученья,
Дай больным заснуть спокойно

И не знать заботы слабым,
Чтоб ослабший снова ожил,
Храбрый на ноги поднялся!

293-298 Заключи в бочонок боли,
В медный ящик все мученья,
Чтоб могла ты взять болезни,
Унести от нас мученья
На главу утеса болей,
В глубину горы болезней.

299-302 Там свари болезни эти
В самом малом котелочке,
Что никак не больше пальца
И куда войдет лишь ноготь!

303-312 Посреди горы есть камень,
Посреди ее отверстье.
Просверлил бурав отверстье,
Чрез него прошло железо:
Побросай туда болезни,
Брось туда все злые муки,
Ты сдави там диких тварей,
Ты сожми там все несчастья,
Чтоб в ночи они не вышли,
Чтоб и днем не появлялись».

313-318 Мажет старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Мажет все места больные,
Где болезни те засели,
Девятью из лучших мазей,
Восемью из средств волшебных.

319-322 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«О ты, Укко, бог верховный
Ты, древнейший небожитель!

323-325 Ты пошли с востока тучу,
Тучу с севера ты вышли,
Тучу с запада направь ты!

326-328 Капай медом, капай влагой,
Чтоб смягчить болезни эти,
Успокоить здесь мученья!

329-336 С ними я один не слажу,
Если бог мне не поможет.
Ты, творец, приди на помощь,
Ты помочь, всевышний, должен,
Чтоб я видел то, что нужно,
Чтоб рукой, что нужно, трогал,
Чтоб, что нужно, говорил я
И творил своим дыханьем!

337-340 Где моя рука не тронет,
Пусть рука творца коснется;
Где мои персты не тронут,
Пусть персты коснутся божьи!

341-345 Ведь персты творца нежнее
И способней руки божьи.
Приходи, творец, заклять их,
Заклинать явись, создатель,
Поглядеть сойди, могучий!

346-354 В ночь пусть люди исцелятся,
Днем найдут себе здоровье,
Голова чтоб не болела,
Чтобы тело не страдало,
Чтоб не знали страха в сердце,
Чтоб болезней не имели,
Ни малейшего страданья
Никогда, пока на небе
Золотой сияет месяц!»

355-358 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Так несчастье прогоняет,
Изгоняет все болезни.

359-362 Отвращает скорбь людскую,
Лечит тяжкие недуги,
От конца людей спасает,

Род весь Калевы от смерти.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XLVI

✦

1-6 Слышны вести в Сариоле,
Слышны новости в деревне:
В Вяйнёле все исцелились,
Калевала избежала
Наколдованных ей бедствий
И несчастий беспримерных.

7-16 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Весть услышав, обозлилась,
Говорит слова такие:
«Знаю я другое средство,
Знаю я пути иные:
Выгоню из чащ медведя,
Косолапого из леса
К Вяйнёле на скот рогатый,
На богатства Калевалы».

17-20 Погнала из чащ медведя,
Косолапого из леса
К Вяйнёле на скот рогатый,
На поляны Калевалы.

21-23 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Брат, кователь Ильмаринен!

24-26 Выкуй новую мне пику,
Сделай то копье трехгранным,
С рукояткою из меди!

27-32 Надо бы убить медведя,
Зверя с мехом драгоценным,
Чтоб кобыл моих не трогал,
Жеребцов не задирал бы,
Чтобы не валил мне стадо,
Не губил моих коровок».

33-35 И кузнец сковал ту пику:
Не мало копье, не длинно,
То копье размеров средних;

36-40 На рубце там волк уселся,
Острие медведь все занял,
Лось бежит по основанью,
Жеребец по рукоятке,
Сел олень там у головки.

41-44 Свежий снег поутру выпал,
Нежный снег устлал дорогу,
Белый снег, как зимний зайчик,
Как осенняя овечка.

45-48 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Мне пришло одно желанье,
В Метсолу меня торопит;

49-52 Я пойду к девицам леса,
Ко двору девицы синей.
От мужей иду я к лесу,
От героев на работу;

53-56 Лес, прими меня как мужа:
Тапио, хозяин леса,
Помоги, пошли мне счастье,
Чтоб красу лесов поймал я!

57-62 Мизликки, хозяйка леса,
Теллерво, дочь Тапиолы,
Удержи своих собачек,
Привяжи ты псов покрепче
На пути, где много веток,
Где навес стоит дубовый!

63-66 Отсо, яблочко лесное,
Красота с медовой лапой!
Слышишь ты, что я явился,
Что к тебе иду я храбро.

67-70 В мех густой запрячь ты когти,
Зубы деснами прикрой ты,
Чтоб они мне не грозили,

Чтоб и двинуться не смели!

71-76 Мой возлюбленный ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!
Ляг, усни в траве зеленой,
На прекраснейшем утесе,
Чтоб качались сверху сосны,
Над тобой шумели ели.

77-80 Там покатывайся, Отсо,
Там вертись с медовой лапой,
Как в гнезде на яйцах рябчик,
Как в гнезде своем гусыня!»

81-85 Слышит старый Вяйнямёйнен:
Лает вдруг его собака,
Пес его вдруг громко брешет
На дворах, где малоглазый,
На местах, где тупомордый.

86-94 Молвит он слова такие:
«Думал я — кукушка кличет,
Птичка милая распелась,
Это вовсе не кукушка,
Это не распелась птичка:
То шумит моя собака,
То испытанный зверек мой
У дверей избушки Отсо,
На дворе красавца мужа!»

95-104 Старый, верный Вяйнямёйнен
Видит логово медведя,
Опрокинул его ложе,
Ту постельку золотую,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Да прославится всевышний,
Да восхвалится создатель,
Даровал он мне медведя,
Дал мне золото лесное!»

105-108 Золотого старец видит,
Говорит слова такие:
«Мой возлюбленный ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!

109-116 Не сердись ты понапрасну
Я не бил тебя, мой милый,
Сам ты с дерева кривого,
Сам ты ведь свалился с ветки,
Разорвал свою одежду
О кусты и о деревья:
Скользко осенью бывает,
Дни осенние туманны.

117-122 Ты, кукушечка лесная,
Что потряхиваешь мехом!
Брось холодное жилище

И оставь жилье пустынным,
Дом из веточек березы,
Свой шалаш из сучьев ивы!

123-130 Славный, ты пойди со мною,
Тронься, леса украшенье,
В башмаках своих легчайших,
В голубых своих чулочках,
Брось здесь малые пространства,
Эти узкие тропинки,
И пойдем к мужам, героям,
Поспешим к толпе огромной!

131-136 Там тебя не примут дурно,
Заживешь ты там не плохо:
Там медку дают покушать
И запить медком сотовым
Всем гостям, всем приходящим,
Всем бывающим там людям.

137-140 Уходи отсюда с места,
Брось гнездо свое дрянное
И иди под балки крыши,
В превосходное жилище;

141-144 По равнине снежной двинься,
Как цветочек по прудочку,
Через эти ветки шмыгай,
Точно белка по сучочкам!»

145-152 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
По полям идет, играя,
По пескам он распевает,
Он ступает рядом с гостем,
С гостем в шубе волосатой:
Та игра несется к дому,
Слышно пенье у жилища.

153-158 И в избе народ воскликнул,
В доме вся толпа сказала:
«Слышно, шум сюда несется,
Слышны звуки из дубравы,
Звон клеста из чащи сосен
И рожок лесной девицы!»

159-164 Старый, верный Вяйнямёйнен
Ко двору пришел поспешно;
Все навстречу побежали,
Люди добрые сказали:
«То не золото ль явилось,
Не пришло ли серебро к нам?

165-170 Мех ли ценный появился,
Золотая ли монета?
Лес дал лакомку до меда,
Рысь ли дал хозяин добрый,
Что приходите вы с песней,
С торжестом на лыжах мчитесь?»

171-174 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Выдру взял и воспеваю,
Божий дар я прославляю;

175-182 Оттого я прибыл с песней,
С торжеством на лыжах мчался.
Только здесь совсем не выдра,
Только здесь не рысь со мною
Это прибыл знаменитый,
Красота лесов явилась,
Это старый появился,
Сам в кафтане из суконца.

183-186 Отворяйте-ка калитку,
Если люб вам чужеземец,
Если ж он вам не по нраву,
Вы калитку затворите!»

187-192 Так народ ему ответил,
И такие слышны речи:
«Здравствуй, с лапою медовой,
Здравствуй ты, медведь, прибывший
К нам на выметенный дворик,
На украшенное место!

193-200 Я всю жизнь надеждой прожил,
С молодых годов все ждал я,
Чтоб рог Тапио раздался,

Дудка леса зазвучала,
Показалось злато леса,
Серебро тут появилось
На дворе, в пространстве малом,
На дороге узкой в поле.

201-206 Ждал я, словно урожая,
Словно лета, ожидал я.
Так ждет лыжа первопутка,
Сани ждут дороги ровной,
Жениха так ждет девица,
Краснощекая ждет мужа.

207-210 У окна сидел я к ночи,
У ворот сидел я утром,
По неделям у калитки,
Ждал по месяцам при въезде;

211-216 У овина ждал зимою,
На снегу стоял я твердом,
Я стоял, когда он таял
И земля в комки свалялась,
А комки покрылись пылью,
Пыль на них зазеленела.

217-221 Утро каждое я думал,
В голове моей держал я:
Где медведь так долго бродит,

Где застрял любимец леса,
Иль в Эстонию ушел он?

222-226 Видно, Суоми он оставил?»
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Но куда ж вести мне гостя,
Проводить куда златого?

227-236 Отвести ль его к овину,
Поместить в жилье соломы?»
Так народ ему ответил,
Люди добрые сказали:
«Отведи туда ты гостя,
Проведи-ка дорогого,
Под прославленную кровлю,
К нам в прекрасное жилище:
Там уж кушанье готово,
Там поставлены напитки,

237-242 Чисто выметены доски
И протерты половицы;
Там все женщины надели
Что ни есть прекрасней платья,
Головы их в украшеньях,
Белые на них платочки».

243-246 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Отсо, милая пичужка,
Красота с медовой лапой!

247-256 Есть земля тебе пройтися,
Есть поля тебе промерить.
Ты пройдись там, золотой мой,
По земле пройди ты, милый,
Ты пройди в чулочках черных,
Ты пройди в штанах суконных
По тропинке для синицы,
Воробьиною дорожкой,
Там, где пять стропил огромных,
Там, где шесть крепчайших балок.

257-262 Жены бедные, смотрите,
Чтобы стадо не пугалось,
Малый скот не разбегался,
Вся скотина не боялась,
Как в избу медведь полезет,
Как пойдет с косматой мордой!

263-266 Из сеней долой вы, парни,
От ворот долой, девицы!
Ведь герой в избу вступает,
Ведь краса мужей подходит!

267-272 Отсо! Яблочко лесное,
Ты, в дубраве ком красивый!
Этих девушек не бойся,
Не страшись прекраснокудрых,
Не пугайся ты и женщин,
Этих жен, чулки носящих!

273-276 Все вы, женщины в избушке,
Все скорей за загородку,
Коль в избу идут мужчины,
Молодец вступает гордый!»

277-280 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Боже, дай благополучье,
Ниспошли под эти балки,
Под прекрасной этой кровлей!

281-284 Но куда ж сведу любимца,
Где мохнатого оставлю?»
Люди старцу отвечали:
«Просим милости, пожалуй!

285-290 Пропусти свою пичужку,
Проведи ты золотую
На сосновое сиденье,
На железную скамейку,
Чтоб нам мех его потрогать,
Осмотреть всю шубу Отсо!

291-294 Отсо! Ты не беспокойся,
Не сердись на то нисколько,
Что осмотр начнется меха,
Шубу мы твою осмотрим.

295-298 Не погубим эту шубу
И твой мех не отдадим мы
Оборванцу на лохмотья,
Нищему на одежонку».

299-301 Тотчас старый Вяйнямёйнен
Шубу снял с того медведя,
Тут же спрятал в кладовую.

302-304 Положил в котел он мясо,
В золотистую посуду,
На котельное то донце.

305-314 На огонь котел поставлен,
В печке медная кастрюля,
Вся наполнена, набита
Мяса толстыми кусками
И обсыпанными солью,
Что из дальних мест везется,
Из земли идет немецкой,
С вод морских, что за Двиною:
По соленому проливу
В кораблях она приходит.

315-322 Как сварили это мясо,
Как котел с огня убрали,
Понесли тогда добычу
И поставили ту птичку
На сосновый стол огромный
В раззолоченной посуде,
Чтоб хлебнуть медку из кружки,
Получить бы в кружках пиво.

323-326 Этот стол был весь сосновый,
Блюда были все из меди,
Все серебряные ложки,
А ножи все золотые;

327-330 И все чашки были полны,
Переполнены все блюда
Тем богатым даром леса,
Золотою той добычей.

331-334 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Златогрудый дед холмочков,
Ты, хозяин Тапиолы!

335-342 Метсолы краса, супруга,
Добрая хозяйка леса!
Сильный Тапио сыночек,
Сильный муж ты в красной шапке,
Теллерво, дочь Тапиолы,

Также Метсолы народ весь
Приходите на пирушку,
К лохмачу на пир, на свадьбу!

343-346 Есть запасы, чтоб покушать,
Чтоб покушать здесь и выпить,
И останется довольно,
Чтоб раздать на всю деревню».

347-350 Тут народ промолвил слово,
Люди добрые сказали:
«Как медведь на свет родился,
Как он рос с прекрасным мехом?

351-356 На соломе ль он родился,
В бане ль он, косматый, вырос?»
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Он рожден не на соломе,
Не в овине на мякине.

357-362 Вот где он, медведь, родился,
Где рожден с медовой лапой:
Возле месяца и солнца
И Медведицы небесной,
Около воздушной девы,
Возле дочери творенья.

363-370 Шла по воздуху, по краю,
Посредине неба дева,
На краю какой-то тучки,
Шла по самой грани неба,
Шла она в чулочках синих,
В башмачках гуляла пестрых,
И в руке был ящик с шерстью,
Короб, полный волосами.

371-378 Шерсть бросает дева в воду,
Волосы бросает в волны.
Их укачивают ветры,
По воде их движет воздух,
Их качает там теченье,
Гонят их к прибрежью волны,
К мысу сладкому на берег,
Там к медвяному лесочку.

379-382 Миэликки, хозяйка леса,
Леса мудрая супруга,
На воде клочки сбирает,
Шерсть мягчайшую на волнах.

383-390 Быстро шерсть в комок скатала,
Спеленала, положила
В короб из коры кленовой,
В прехорошенькую люльку,
И цепями золотыми

Прикрепила эту люльку
К веткам, зеленью покрытым,
К сучьям прочным, очень крепким.

391-394 Там качался этот милый,
Там баюкали младенца,
Под цветущею сосною,
Под развесистою елью.

395-398 Так медведя и взрастила:
Вырос он с прекрасной шерстью
Посреди лесов медовых,
Посреди медовой рощи.

399-404 Там, в лесах, он жил прекрасно,
Он в хорошей жизни вырос,
Низконогий, косолапый,
Плоскомордый, тупоносый,
С головой весьма широкой
И с прекрасной, мягкой шубой;

405-412 Лишь не показались зубы
И не выросли лишь когти.
Миэликки, хозяйка леса,
Говорит слова такие:
„Я дала б ему и когти,
Даровала бы и зубы,
Бели б он их не на злое,
Не на вред употребил бы“.

413-418 Дал медведь большую клятву
У колен хозяйки леса,
Перед богом всемогущим,
Пред всезнающим владыкой,
Что он зла не будет делать,
Не свершит дурного дела.

419-422 Миэликки, хозяйка леса,
Леса мудрая супруга,
Ищет зубы для медведя,
Хочет также когти сделать.

423-428 Смотрит плотную рябину,
Смотрит твердый можжевельник,
Смотрит корни попрочнее
И стволы как можно тверже,
Но найти когтей не может
И зубов там не находит.

429-432 Там росла сосна в лесочке,
Елка там была на горке,
Серебро — в ветвях сосновых,
Золото — в ветвях у елки.

433-436 Их берет она с собою,
Создает медведю когти,
Зубы в челюсти сажает,
Прямо в десны помещает.

437-442 Отпускает тут любимца,
Молодца-красавца гонит,
Чтоб бежал он на болота,
Чтобы бегал он по рощам,
Чтоб бродил опушкой леса,
Чтобы прыгал по полянам.

443-452 Но идти велит пристойно,
Подвигаться осторожно,
Жить в веселье постоянном,
Золотые дни лелея,
На полях и на болотах,
На полянках, полных жизни,
Башмаков не зная летом
И чулок не зная в осень,
Отдыхая в непогоду,
Укрываясь зимою

453-458 Под навесом из черемух,
Возле крепости иглистой,
У корней прекрасной ели,
В можжевельника объятьях:
Пять на нем одежд из шерсти
И плащей прекрасных восемь.

459-468 Там я взял свою добычу,
Там охота удалася».
Так сказали молодые,
Так промолвили и старцы:

«Как же лес таким был добрым
И как милостива роща,
Ласков так хозяин леса,
Тапио так благосклонен,
Что он дал тебе любимца,
Выдал лакомку до меда?

469-476 Иль за ним с копьем бежали,
Иль стрелою напугали?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Лес ко мне вполне был добрым,
Очень милостива роща,
Ласков был хозяин леса,
Тапио, хозяин рощи.

477-486 Миэликки, хозяйка леса,
Теллерво, дочь Тапиоды,
Та красотка, дева леса,
Та малюточка лесная,
Мне дорогу показали,
Мне готовили тропинки,
Метки делали дорогой,
Чтобы знал я направленье,
Знаки делали на горках
И зарубки на деревьях

487-496 К двери знатного медведя,
К месту, где его берлога.
И когда туда я прибыл,
Подошел к его границам,
Я копьем своим не бросил,
Не стрелял я там из лука:
Сам скользнул он с возвышенья,
Сам упал со скользкой ветви,
Сучья грудь ему порвали,
Ветки брюхо распороли».

497-500 И затем сказал он снова,
Сам такие молвил речи:
«Мой возлюбленный ты, Отсо,
Пташка милая, любимчик!

501-504 С головы сними одежду,
Хищной пастью не кусайся,
Зубы редкие отдай нам,
Подари свою нам челюсть!

505-508 И смотри, не рассердися,
Коль мы так с тобой поступим,
Что твоя головка треснет,
Заскрежещут сильно зубы.

509-512 Вот беру я нос у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья

И беру не только это.

513-516 Вот беру у Отсо ухо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.

517-520 Вот беру я глаз у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.

521-524 Вот беру я лоб у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.

525-528 Вот беру у Отсо морду,
К прежде взятой в добавленье:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.

529-532 Вот беру язык у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.

533-538 Назову того я мужем
И почту того героем,
Кто сочтет здесь эти зубы,

Кто весь ряд зубов повынет
Тут из челюсти железной,
Вынет крепкими руками».

539-542 Никого там не нашлося,
Ни один храбрец не вышел.
Сам тогда считает зубы,
Сам ряды их вынимает;

543-548 Вынул крепкими руками,
Став коленом на медведя.
Вынул зубы у медведя,
Говорит слова такие:
«Отсо, яблоко лесное,
Круглый шар в лесах зеленых!

549-554 Ты пройдись еще немного,
Прошуми еще немножко,
Из гнезда, что очень тесно,
Из жилища, что так низко,
Перейди ты в дом высокий
И в широкие покои.

555-559 Выйди, золото, пройдемся,
Шубка милая, ступай-ка
По тропе, где свиньи бродят,
Где проходят поросята,
К соснам, ветками богатым;

560-562 Выйди к соснам стоветвистым,
На тот холм, покрытый лесом,
На высокую ту гору!

563-566 Там побыть тебе не дурно,
Там прожить тебе не плохо,
Где звенит бубенчик громкий,
Раздается колокольчик».

567-572 Старый, верный Вяйнямёйнен
В дом ушел к себе оттуда.
Молодежь тогда сказала,
Так промолвили красавцы:
«Ты куда отнес добычу,
Ты куда свой лов доставил?

573-576 Не на льду ль его оставил,
Не в снегу ли закопал ты,
Иль сложил в болотной тине,
Иль зарыл в песках глубоко?»

577-582 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Ни на льду его не бросил,
Ни в снегу не закопал я:
Рвали б там его собаки,
Замарали б скоро птицы.

583-586 Не сложил его я в топи,
Не зарыл в песок глубоко:
Там его проели б черви,
Муравьи бы повредили.

587-596 Вот куда я снес добычу,
Эту маленькую долю:
К золотой холма вершине,
На вершину горки медной,
Там на дереве повесил,
На сосне, на стоветвистой,
На ветвях ее крепчайших,
На верхушке на широкой,
Человеку на усладу
И прохожему на радость.

597-602 Я к востоку пасть направил,
К западу глаза медведя.
Слишком высоко не поднял:
Если б высоко их поднял,
Повредил бы их там ветер,
Вихрь испортил бы воздушный;

603-606 Я к земле их не приблизил:
Если б их к земле приблизить,
Утащили бы их свиньи,
Своротили бы их рылом».

607-610 Старый, верный Вяйнямёйнен
Тут запел прекрасно, громко,
Чтобы вечер был украшен,
День весельем был закончен.

611-614 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Ты свети, ставец с лучиной,
Чтоб я мог при пенье видеть;

615-624 Мой черед начать здесь пенье,
Зазвучат уста с отрадой».
Так и пел, играл он долго,
Чтобы вечер был веселым,
И сказал, окончив пенье,
Под конец промолвил слово:
«Дай на будущее время,
Дай нам навсегда, создатель,
Чтобы мы справляли праздник,
Чтобы мы не забывали

625-632 Молодцу устроить свадьбу,
Пир мохнатому устроить!
Подавай всегда, всевышний,
Подавай, благой создатель,
Знаки ясные в дороге
И пометки на деревьях
Молодцам геройски храбрым,
Молодецкому народу!

633-638 Ты позволь всегда, всевышний,
Ты позволь, благой создатель,
Слышать рог лесного царства,
Слышать дудочку лесную
На дворе, пространстве малом,
На жилых местечках узких!

639-644 Целый день пускай играют,
Вечерком пусть веселятся
На холмах и на полянах,
На больших просторах Суоми,
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XLVII

✦

1-4 Старый, верный Вяйнямёйнен
Все на кантеле играет,
Он поет, играет много,
Пеньем радость пробуждает.

5-12 Звуки к месяцу доходят,
Донеслись к окошку солнца.
Из избы тут вышел месяц,
На кривую влез березу,
Вышло солнышко из замка,
На сосновой ветке село,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.

13-18 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Тут же солнышко схватила
И взяла руками месяц,
Унесла с березы месяц
И с сосны стащила солнце.

19-24 Унесла домой с собою,
В Похъёлу, страну тумана.
Дома прячет светлый месяц

В недра пестрого утеса,
Солнце,- чтобы не светило,
В глубь горы, железом полной.

25-32 Говорит слова такие:
«Никогда светить не выйдет
Из горы на волю месяц,
Никогда не выйдет солнце,
Коли я не отпущу их,
Коль сама не дам свободы,
Жеребят доставя девять,
От одной рожденных матки!»

33-40 Только месяц был запрятан,
Только солнце было скрыто,
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах гор, железом полных,
Похищает Лоухи пламя,
Вяйнёлы огонь очажный,
Чтоб лишить огня жилища,
Чтоб лишить жилища света.

41-46 Ночь настала без просвета,
Мрак густой и бесконечный.
В Калевале ночь повсюду,
Темны Вяйнёлы жилища,
Даже там, вверху, на небе,
Темнота в жилище Укко.

47-50 Жить без света очень трудно,
Без огня и вовсе тяжко.
Люди все затосковали,
Встосковался даже Укко.

51-53 Укко, этот бог верховный
И творец небесной тверди,
Очень сильно удивился.

54-58 Он подумал-поразмыслил,
Что там с месяцем за чудо,
Что там с солнышком случилось,
Что совсем не светит месяц,
Не сияет вовсе солнце.

59-62 Стал на край он темной тучи,
На границу неба вышел,
Он стоит в чулочках синих,
В башмаках прекрасных пестрых;

63-66 Смотрит — не найдет ли месяц,
Не видать ли света солнца,
Но найти не может месяц,
Увидать не может солнце.

67-70 Тотчас Укко выбил пламя,
Искру вышиб он живую,
Выбил огненным мечом он,
Тем клинком, горящим ярко;

71-74 Выбил он огонь ногтями,
Выпустил его из пальцев
В верхней области небесной,
В небе за оградой звездной.

75-78 И когда огонь он высек,
Спрятал огненную искру
В шитом золотом мешочке,
В среброкованой шкатулке.

79-82 Искру дал качать девице,
Дал ее воздушной деве,
Чтобы вырос новый месяц,
Солнце новое явилось.

83-88 Дева в облаке уселась,
На краю высокой тучи,
Там огонь она качает,
Убаюкивает пламя
В золотой прекрасной люльке
На серебряных повязках.

89-94 Серебра повязки гнутся,
Золотая ходит люлька,
В туче шум, движенье в небе,
Перегнулась крыша неба:
Так огонь качался в люльке,
Колебалось в небе пламя.

95-98 Вот огонь качает дева,
Убаюкивает пламя
И огонь перстами гладит,
На руках то пламя нянчит.

99-102 Вдруг упал огонь у глупой,
Безрассудной этой девы,
Он упал из рук качавшей,
Из перстов его ласкавшей.

103-110 Потряслось, расселось небо,
Двери воздуха раскрылись,
Искра огненная мчится,
Капля красная слетает
И скользит сквозь крышу неба,
И шипит сквозь толщу тучи,
И небес прошла все девять,
Шесть покрышек этих пестрых.

111-120 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Брат, кователь Ильмаринен!
Мы пойдем с тобой посмотрим,
Мы пойдем и разузнаем,
Там какой огонь спустился
И сошло какое пламя
С верхней области небесной
Вниз на области земные,
Может, месяца кружочек
Или солнца шар, быть может!»

121-126 В путь пошли герои оба.
Зашагали, стали думать,
Как туда попасть вернее,
Как туда пройти прямее,
Где упало это пламя,
Где огонь свалился с неба.

127-131 Вот шумит река пред ними,
Разлилась широким морем.
Начал строить Вяйнямёйнен,
Начал ловко ладить лодку,
Мастерить в лесу принялся.

132-134 Сам кователь Ильмаринен
Руль еловый к лодке сделал,
Из сосны он сделал весла.

135-140 Так была готова лодка
Вместе с веслами, с крюками;
Лодку на воду спускают,
Смастерили, опустили,
По Неве-реке поплыли,
По Неве вокруг мысочка.

141-146 Ильматар, краса-девица,
Дочка первая творенья,
Появилась им навстречу,

Говорит и слово молвит:
«Из каких мужей вы двое,
Как вас люди называют?»

147-150 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Оба мы — мужи морские,
Сам я — старый Вяйнямёйнен,
А со мною — Ильмаринен.

151-158 Ты сама откуда родом,
И твое какое имя?»
Так им женщина сказала:
«Я — старейшая из женщин,
Первая из дев воздушных,
Мать древнейшая на свете,
Жен пяти не ниже честью
И шести невест красою.

159-166 Вы куда, мужи, идете,
Путь свой держите, герои?»
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Тут огонь пропал бесследно,
Пламя без следа исчезло,
Без огня мы долго жили,
Все во мраке оставались.

167-170 Потому и в путь мы вышли
Отыскать, где это пламя,
Что с небес сюда свалилось,
С края облака упало».

171-174 Так им женщина сказала,
Молвит им слова такие:
«Нелегко найти то пламя,
Увидать его трудненько.

175-184 Принесло забот немало,
Зла наделало порядком!
Пламя это искрой пало,
Каплей красною скатилось
Из полей творца огромных,
Где ее сам Укко выбил,
Сквозь небесные равнины,
Сквозь воздушные пространства,
Сквозь отверстие для дыма,
На сухие на стропила,

185-194 В новое жилище Тури,
То, что Палвойнен построил.
Как огонь туда свалился,
В новое жилище Тури,
Начал он дела дурные,
Принялся за преступленья:
Он хватает грудь девицы,

Разрывает груди девы,
Жжет он мальчику колено,
А хозяину бородку.

195-200 Мать дитя свое кормила,
Крошку в бедной колыбели.
А туда огонь стремится,
Совершает преступленье:
Жжет дитя он в колыбели,
Груди матери опаляет.

201-204 Так ребеночек несчастный
Отошел в жилище Маны,
Ибо создан был для смерти,
Предназначен для кончины;

205-208 От огня, от мук ужасных,
В красном пламени погиб он.
Мать имела больше знаний,
Не сошла мать в царство Маны;

209-214 Заклинать огонь умела,
Знала, как изгнать то пламя
Сквозь ушко иголки малой,
В топоре через отверстье,
Через дырочку в мотыге,
Подле паханого поля».

Старый, верный Вяйнямёйнен
Быстро деву вопрошает:
«Но куда та искра делась,
Это огненное пламя,
В лес ли бросилось зеленый?
Или в море покатилось?»
Так им женщина сказала,
Говорит слова такие:
"Искра бросилась оттуда,
Разнеслось далеко пламя
И сожгло поля сначала,
Жгло поля и жгло болота,
А потом упало в воду,
В волны Алуэ скатилось:
Это озеро вскипело,
В нем огнем блистают воды.
По три раза летней ночью,
Девять раз осенней ночью
Это озеро вздымалось
От брегов своих до елей,
Бушевал огонь в нем дико,
Пламя жгло и клокотало.
Рыб, кипя, бросали волны,
Малых окуней на скалы.
И обдумывали рыбы,
Окуньки там размышляли,

Как же быть и что же делать:
Рыбы плакали о доме,
Окунь — о своем подворье,
Ерш — о крепости скалистой.

245-247 Вышел окунь-кривошея,
Искру огненную ловит,
Но догнать ее не может.

248-250 Вышел синий сиг, погнался,
Ловит огненную искру,
Проглотил он злое пламя.

251-254 В берег Алуэ вступило,
Озеро с краев упало,
На привычное местечко
Опустилось летней ночью.

255-258 Мало времени проходит:
Проглотивший испугался,
Съевший искру боль почуял,
Сиг, пожравший пламя, страждет.

259-264 Шумно мечется повсюду,
День плывет он и другой день,
Где лежит сиговый остров,
Где стоят утесы семги,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.

265-272 Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Никого — убить беднягу,
Проглотить его, страдальца,
Уничтожить боль от жара,
От огня его страданья».

273-278 Вот пеструшка это слышит,
И сига она глотает.
Мало времени проходит:
Рыбу съевшей стало страшно,
Проглотившая болеет,
От огня она страдает.

279-284 Шумно мечется повсюду.
День плывет она, другой день,
Где стоят утесы семги,
Где стоят пещеры щуки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.

285-292 Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастную убил бы,

Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара,
От огня ее страданья».

293-298 Щука серая то слышит,
Проглотила ту пеструшку.
Мало времени проходит:
Рыбу съевшей страшно стало,
Проглотившая болеет,
От огня она страдает.

299-304 Шумно мечется повсюду.
День плывет она, другой день
Возле скал морской вороны,
Около утесов чайки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.

305-312 Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастную убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара
И от пламени страданья».

313-316 Старый, верный Вяйнямёйнен,
С ним кователь Ильмаринен
Можжевельник тотчас режут,
Вяжут сети из мочалы;

317-320 Красят ивовой водою,
Ивовой корой скрепляют.
Старый, верный Вяйнямёйнен
К тем сетям поставил женщин.

321-328 Стали женщины у сети,
Сестры сети потянули.
И, гребя, уж едут с ними
Возле кос и островочков,
Возле скал и гротов семги,
У сиговых островочков,
Где камыш стоит, серея,
Где тростник разросся стройно.

329-334 Едут дальше, рыбу ловят,
Тянут невод, погружают,
Держат наискось порою,
Наклонивши его тянут:
Не поймали этой рыбы,
Несмотря на все старанье.

335-342 Тут вступили в воду братья,
Подошли к сетям мужчины.
Сети тянут и толкают,

Невод дергают и тащат
Возле рифов, по заливам,
Возле Калевы утесов:
Но поймать не могут рыбы
Той, что так была нужна им.

343-346 Щука серая не вышла
Из воды, из тихой бухты,
Из большой равнины водной:
Малой рыбе — петли крупны.

347-356 Стали жаловаться рыбы,
Щука щуке говорила,
Сиг сигу вопросы задал,
Семга спрашивала семгу:
«Или храбрые уж мертвы,
Калевы сыны погибли
Те, что сеть из льна вязали,
Невод делали из ниток,
Что баграми рыб пугали,
Палкой длинною стучали?»

357-360 Слышит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Храбрецы не умирали,
Калевы герои живы.

361-364 Мертв один, а два родятся,
И у них багры получше,
Ловят палкой подлиннее,
Сетью вдвое пострашнее».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XLVIII

✦

1-6 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Вновь обдумал это дело,
Размышлять над ним он начал,
Как бы сеть связать льняную,
Невод свить во сто раз больше.

7-14 Наконец сказал он слово
И такие речи молвил:
«Ведь найдется же, кто вспашет,
Вспашет землю, лен посеет,
Чтоб я невод приготовил,
Сеть стопетельную сделал
И убил бы злую рыбу,
Уничтожил бы дрянную?»

15-18 Вот нашлось земли немного,
Несожженное местечко,
По обширному болоту,
Меж двух пней посередине.

19-22 Корень был тотчас же вырыт:
Там нашли льняное семя,
Туонелы червем хранимо,
Спрятано червем подземным.

23-26 Там золы осталась кучка,
Пепла кучечка сухого
От сожженной как-то лодки,
Уничтоженного судна.

27-30 Здесь-то лен и был посеян,
Погружен в золу сухую,
Близко к Алуэ посеян,
В почву глинистую пашни.

31-34 Хорошо взошло растенье,
Лен богато там поднялся,
Неожиданно он вырос
Лишь в теченье летней ночи.

35-40 Ночью был тот лен посеян,
При луне запахан в землю,
Был очищен и разобран,
Был обобран и ощипан,
Очень сильно был отрепан,
Очень быстро был очесан.

41-44 Вот снесли его для мочки;
Был он вымочен поспешно
И затем поспешно вынут,
Очень быстро был просушен.

45-48 Принесли его в жилище:
Тут толкли его усердно,
Со старанием помяли,

Растрепали все волокна.

49-54 Расчесали лен поспешно,
Расчесали ранним утром,
Разложили весь по связкам,
После лен на веретена
Намотали летней ночью,
Меж двух дней одною ночью.

55-58 Вот прядут тот лен сестрицы,
Нитки делают невестки,
Связывают невод братья,
А отцы веревки вяжут.

59-64 Взад-вперед вертелись спицы,
Петли делали прилежно,
Так что сеть была готова,
Невод изо льна был связан
Лишь в теченье ночи летней,
Даже в ночи половину.

65-68 Наконец-то сеть готова,
Изо льна уж невод связан,
И в длину та сеть сто сажен
И семьсот вокруг по краю.

69-74 Прикрепили к сети камни,
Прикрепили к сети доски.
Стали к сети молодые,

Дома старшие гадали:
Можно ль будет этой сетью
Захватить в воде ту рыбу?

75-78 Потянули, потащили,
Погрузили сеть для ловли:
Вдоль воды прилежно тянут,
В ширину воды проходят.

79-82 Ловят маленьких рыбешек:
Ловят ершиков несчастных,
Ловят окуней костлявых
И плотиц, богатых желчью;

83-86 Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть связали.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
«О кователь Ильмаринен!

87-96 Сами мы пойдем с тобою,
По воде потянем сети!»
И пошли вдвоем герои,
Тянут сеть в воде искусно
И один край повернули
Прямо к Вяйнёле на пристань,
А другою стороною
Повернули на мысочек
И бечевку натянули
Прямо к Вяйнёле на пристань.

97-103 Тянут сеть, вперед толкают,
Тянут, тащат этот невод,
Рыб достаточно поймали:
Окуней большую кучу,
И хорошеньких пеструшек,
И лещей, и разной семги,
Всяких рыб в воде поймали;

104-106 Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть вязали,
Невод в воду опустили.

107-111 К этой сети Вяйнямёйнен
Привязал еще другую;
И края к краям прибавил
В пятьсот сажен шириною,
С бечевою в семьсот сажен.

112-116 Говорит слова такие:
«Мы поглубже сеть оттащим,
Понесем ее подальше,
Через воду сеть потянем,
Мы опять потянем невод!»

117-119 Сеть к глубинам потащили,
Отнесли ее на волны,
Тянут дальше через воду;

120-124 Во второй раз тащат невод.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Велламо, воды хозяйка,
С тростниковой грудью в волнах!

125-130 Ты смени свою рубашку,
Свой кафтан смени скорее!
Ведь камыш — твоя рубашка,
Пена моря — покрывало,
Их дала тебе дочь ветра,
Дочка моря подарила;

131-134 Я же дам тебе льняную,
Полотняную рубашку;
Дочь Луны над ней трудилась,
Солнца дочь ее соткала.

135-144 Ахто, ты, глубин хозяин,
Сотни омутов владыка!
Ты возьми в пять сажен палку,
Кол возьми семиконечный,
По всему пройдися морю,
Перерой все дно морское,
В тростниках поройся палкой,
К нам гони ты рыбьи стаи,
К нам, туда, где тащим невод,
Поплавков волочим сотню,

145-150 Рыб гони ты из заливов,
Из лососьих ям гони их,
Из большой пучины моря,
Из его бездонной глуби,
Где совсем не светит солнце,
По песку никто не ходит!»

151-156 Поднялся из волн малютка,
Богатырь из моря вышел,
На волнах остановился,
Говорит слова такие:
Нужен вам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку?"

157-160 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Нужен нам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку».

161-168 Муж-малыш, герой-малютка
Тут срубил сосну большую,
Взял он длинную из леса,
К ней скалу вверху приделал
И, спросив, промолвил слово:
«Из всей силы гнать мне рыбу,
Со всего плеча работать
Или гнать насколько нужно?»

169-172 Старый, мудрый Вяйнямёйнен
Тут сказал слова такие:
«Будешь гнать насколько нужно,
Так и то довольно будет».

173-178 Муж-малыш, герой-малютка
Начал тут свою работу.
Гонит он насколько нужно:
Гонит рыб большие стаи
К месту, где тащили невод,
Поплавков тащили сотню.

179-182 У весла кузнец уселся;
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам повыше невод тянет,
Посильнее тащит сети.

183-186 Молвит старый Вяйнямёйнен:
«Уж попала рыбья стая,
Где я невод кверху поднял,
Где пустил пониже доски».

187-189 Тут уж вытянули невод,
Подняли его повыше,
Вытрясли на лодке Вяйнё.

190-192 Поймана была та рыба,
Для которой сеть вязали,
Заготавливали невод.

193-196 Старый, верный Вяйнямёйнен
Едет к берегу на лодке,
Едет к синему мосточку,
К красной пристани прибрежной.

197-200 Груду рыб из лодки вынул,
Взял он кучу рыб костлявых:
Щуку серую там выбрал,
Что давно поймать хотел он.

201-206 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Взять ли рыбу мне рукою,
Без железной рукавицы,
И без каменной перчатки,
И без варежки из меди?»

207-212 Солнца сын услышал это,
Говорит слова такие:
«Распластал бы здесь я щуку,
Взял бы я ее рукою,
Если б здесь был нож отцовский,
Заповедный нож от предков».

213-216 С неба выпало железо
С череночком золоченым,
С лезвием посеребренным,
Прямо к чреслам сына Солнца.

217-220 Храбрый Солнца сын тотчас же
Этот нож берет рукою,
Разрезает тело щуки,
Тело той широкоротой;

221-224 Там, в утробе серой щуки,
Оказалася пеструшка;
У пеструшки этой в брюхе
Гладкий сиг уже нашелся.

225-228 Вот сига он разрезает
Синий клуб оттуда тащит,
Из кишки сиговой тонкой,
Там, из третьего загиба.

229-231 Развернул клубочек синий:
А из синего клубочка
Выпал красненький клубочек.

232-238 Вскрыл он красненький клубочек
Изнутри того клубочка
Вынул огненную искру,
Что упала с высей неба,
Что проникла через тучи,
Что с восьми небес упала,
Из девятого пространства.

239-244 Вяйнямёйнен думать начал,
Как теперь доставить искру
К избам, пламени лишенным,

К обиталищам без света,
А она вдруг ускользнула
Из руки у сына Солнца.

245-248 Вяйнё бороду спалила,
Кузнеца сожгла сильнее,
Опалив бесстыдно щеки,
Опалив ему и руки.

249-252 И бежит огонь оттуда,
В волнах Алуэ мелькает,
Можжевельник обжигает,
Опаляет всю равнину;

253-258 Поднимается на ели:
Сжег еловые лесочки.
И бежит все дальше, дальше,
Уж пол-Похъёлы пожег он,
Опалил пределы Саво
И Карелии пределы.

259-262 Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам идти за ним собрался,
Чрез леса он там проходит,
По следам огня стремится.

263-266 Наконец его нашел он
Между двух пеньков у корня,
Был огонь в дупле ольховом,
Там, в изгибе пня гнилого.

267-270 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Ты, огонь, созданье божье,
Ты, светящее творенье!

271-274 В глубину идешь напрасно,
Вдаль идешь без основанья!
Лучше сделаешь, вернувшись
В избы, в каменные печки;

275-280 Там в своих ты ляжешь искрах,
Под свои укрывшись угли,
Чтобы днем ты пригодился
Для березовых поленьев,
Чтоб тебя скрывали на ночь,
В очаге тебя хранили».

281-285 Искру огненную взял он,
Положил на трут горючий,
На кусок сухой березы,
Положил в котел из меди
И в котле принес ту искру.

286-290 Он принес ее в бересте
На мысок, укрытый мглою,
На туманный островочек:
Получили пламя избы,
Получили свет жилища.

291-296 Сам кователь Ильмаринен
Побежал на берег моря,
Подошел к утесу быстро,
На скале остановился,
От огня терпел мученья
И от пламени страданья.

297-302 Пламя хочет он утишить,
У огня ослабить силу.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, огонь, созданье божье,
Сын небесного светила!

303-306 Чем разгневан ты так сильно,
Что мои обжег ты щеки,
Что ты бедра опалил мне
И бока обжег ужасно?

307-312 Как смогу унять я пламя,
У огня ослабить силу,
Сделать жар огня бессильным,
Это пламя обезвредить,
Чтоб не жгло меня сильнее,
Чтоб не мучиться мне больше?

313-318 Приходи, о дочка Турьи,
Из Лапландии девица,
В лед и в иней ты обута,

В замороженной одежде,
Носишь с инеем котел ты
С ледяной холодной ложкой!

319-322 Окропи водой холодной,
Набросай побольше льдинок
На места, где есть ожоги,
Где мне бед огонь наделал!

323-332 Если ж этого все мало
Сына Похъёлы зову я.
Ты, Лапландии питомец,
Длинный муж земли туманной,
Вышиной с сосну ты будешь,
Будешь с ель величиною,
У тебя из снега обувь,
Снеговые рукавицы,
Носишь ты из снега шапку,
Снеговой на чреслах пояс!

333-338 Снегу в Похъёле возьми ты,
Льду в деревне той холодной!
Снегу в Похъёле немало,
Льду в деревне той обилье:
Снега реки, льда озера,
Там застыл морозный воздух;

339-342 Зайцы снежные там скачут,
Ледяные там медведи
На вершинах снежных ходят,
По горам из снега бродят;

343-346 Там и лебеди из снега,
Ледяных там много уток
В снеговом живут потоке,
У порога ледяного.

347-350 Лед вези сюда на санках,
На возах доставь ты снегу,
Привези с вершины дикой
И с краев горы твердейшей!

351-354 Охлади холодным снегом,
Заморозь ты льдом холодным
Все, что мне огонь наделал,
Все, что здесь спалило пламя!

355-362 Если ж этого все мало,
О ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты, что правишь в тучах,
Облаками управляешь,
Вышли тучу от востока,
А от запада другую
И ударь ты их концами,
Пустоту меж них наполни!

363-366 Ты пошли и лед и иней,
Дай ты мне хорошей мази
На места, что опалились,
Где мне бед огонь наделал!»

367-369 Так кователь Ильмаринен
Пламя грозное утишил,
У огня он отнял силу.

370-372 И кузнец стал вновь здоровым,
Получил обратно крепость,
Исцелившись от ожогов.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА XLIX

✦

1-4 Не восходит больше солнце,
Золотой не светит месяц
Ни над Вяйнёлы домами,
Ни над полем Калевалы.

5-10 Охватил мороз посевы,
На стада болезнь напала,
Птицы все затосковали,
Люди чувствовали скуку
Без сиянья солнца в небе,
И без лунного сиянья.

11-13 Щука ведала свой омут,
Знал орел дороги птичьи,
Ветер знал челна дорогу;

14-18 И не знали только люди,
Утро ль серое вернулось,
Ночь ли темная спустилась
На мысок, укрытый мглою,
На туманный островочек.

19-24 Совещались молодые,
Старцы также рассуждали,
Как без месяца прожить им,

Как без солнца сохраниться
В областях, несчастьем полных,
В бедных северных пространствах.

25-27 Совещались и девицы,
Девочки полны заботы.
К кузнецу пошли, к горнилу.

28-32 Так они ему сказали:
«Поднимись, кузнец, с постели,
Где лежишь у теплой печки,
Нам ты выкуй новый месяц,
Сделай круглое нам солнце!

33-40 Плохо, коль не светит месяц,
Тяжело прожить без солнца».
Поднялся кузнец с постели,
Где лежал у теплой печки,
Стал ковать он новый месяц,
Солнце новое стал делать,
Чтоб из золота был месяц
И серебряное солнце.

41-44 Вышел старый Вяйнямёйнен,
У дверей уселся кузни.
Говорит слова такие:
«О кузнец, любимый братец!

45-52 Что там в кузнице стучишь ты,
Что колотишь беспрестанно?»
Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Золотой кую я месяц
И серебряное солнце,
В небесах вверху повесить,
Выше, чем шесть пестрых крышек».

53-55 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«О кователь Ильмаринен!

56-58 Ты предпринял труд напрасный!
Злато месяцем не станет,
Серебро не будет солнцем».

59-64 Сделал месяц Ильмаринен,
Также выковал и солнце,
Кверху снес их осторожно,
Высоко он их поставил:
На сосну отнес он месяц,
На вершину ели — солнце.

65-68 Пот со лба его катился,
С головы струилась влага:
Так трудна была работа,
Так подняться было трудно.

69-74 Вот наверх отнес он месяц
И отнес на место солнце,
На сосну повыше месяц,
На верхушку ели солнце:
Но сиять не хочет месяц,
И светить не хочет солнце.

75-80 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Ворожбу начать придется
И по знакам вызнать надо,
Где теперь укрылось солнце
И куда исчез наш месяц».

81-90 Сам он, старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Из ольхи лучинки режет,
Ставит их сперва в порядке,
А потом вертеть их начал,
Поворачивать перстами,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«У творца прошу я знака,
Жду настойчиво ответа.

91-96 Божий знак, открой мне правду,
Знак всевышнего, скажи мне:
Где теперь укрылось солнце

И куда пропал наш месяц,
Отчего все это время
В небесах мы их не видим?

97-100 Знаменье, открой мне правду,
Не скажи по мысли мужа,
А скажи правдивым словом,
Знанье верное даруй мне!

101-104 Если знак меня обманет,
Брошу я его на землю;
Знак в огонь тогда закину,
Пусть в огне тот знак сгорает».

105-110 Правду знаменье открыло,
Знак мужей тогда ответил:
Что сокрылось с неба солнце
И с небес сокрылся месяц
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса.

111-116 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Если в Похъёлу пойду я,
Похъёлы сынов тропою,
Засияет снова месяц,
Заблестит как прежде солнце».

117-119 Он отправился поспешно
В землю Похъёлы туманной.
День идет он и другой день;

120-122 Наконец, уже на третий,
Земли Похъёлы открылись,
Видны каменные горы.

123-126 Вот кричит он очень громко
В Похъёле у переправы:
«Лодку мне сюда доставьте,
Чтобы реку переплыл я!»

127-130 Крик его услышан не был,
Лодки старцу не послали,
Он собрал деревьев кучу
И сухих еловых веток;

131-134 Он зажег их на прибрежье,
Так что дым большой поднялся,
Пламя к небу восходило,
Дым собой наполнил воздух.

135-140 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Подошла сама к окошку.
На пролив, на устье смотрит,
Говорит слова такие:
«Что за пламя там пылает,
В устье этого пролива?

141-148 Для войны, пожалуй, мало,
Для костров рыбачьих много».
Житель Похъёлы выходит
Из избы на двор поспешно,
Чтоб увидеть и услышать
И получше все разведать:
«За рекой, на том прибрежье,
Виден мне герой могучий».

149-152 Крикнул старый Вяйнямёйнен,
Во второй раз молвил громко:
«Ты, сын Похъёлы, дай лодку,
Вяйнямёйнену челнок дай!»

153-155 Но сын Похъёлы промолвил,
Говорит слова такие:
«Нет незанятых здесь лодок.

156-158 Пальцы веслами ты сделай,
А рука рулем пусть будет
В Похъёлу доплыть водою».

159-162 Думал старый Вяйнямёйнен,
Так подумал и размыслил:
«Не сочтут того за мужа,
Кто с пути назад вернется».

163-166 И пошел он щукой в воду,
Он сигом пошел в потоки,
Переплыл пролив он скоро,

Перешел пространство быстро.

167-171 Сделал шаг, другой шаг сделал
И ступил на берег грязный.
Дети Похъёлы собрались,
Говорит толпа дрянная:
«В Похъёлы избу пожалуй!»

172-175 В Похъёле во двор он входит.
Дети Похъёлы сказали,
Говорит толпа дрянная:
«В Похъёлы избу пожалуй!»

176-180 В Похъёлы избу он входит;
Он ступил ногою в сени,
Взял рукою ручку двери
И тогда вовнутрь проходит,
Проникает он под кровлю.

181-186 Мед в избе мужчины пили,
Сладкий сок они глотали,
Были все они с оружьем,
Все у пояса с мечами
На погибель старца Вяйнё,
Чтоб погиб Сувантолайнен.

187-190 Так пришедшего спросили,
Говорят слова такие:
«Что, негодный муж, ты молвишь,
Что, герой-пловец, расскажешь?»

191-194 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Я о месяце скажу вам,
Чудеса скажу о солнце.

195-202 Где от нас укрылось солнце
И куда пропал наш месяц?»
Дети Похъёлы сказали,
Говорит толпа дрянная:
«Вот куда сбежало солнце,
Солнце скрылось, месяц скрылся
В грудь пятнистого утеса,
В грудь скалы, железом полной.

203-210 Уж не выйти им оттуда,
Не уйти, пока не пустят».
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«Если месяц из утеса,
Солнце из скалы не выйдет,
Так и бой начать мы можем,
На мечах тогда сразиться!»

211-216 Вынул меч, открыл железо,
Из ножон меч грозный тащит:
На конце сияет месяц,
Солнца блеск на рукоятке,
И конек стоит на спинке,
На головке кот мяучит.

217-220 Вот померились мечами,
Лезвия их осмотрели:
Только малую толику
Подлиннее меч у Вяйнё;

221-224 На зерно он подлиннее,
На обхват стебля соломы.
Вот на двор наружу вышли,
На просторную поляну.

225-230 Ударяет Вяйнямёйнен
Так, что искры засверкали,
Раз ударил и другой раз:
Посрубил он, словно репы,
Головы, как льна головки,
Гордым Похъёлы потомкам.

231-236 И собрался Вяйнямёйнен
Поглядеть на светлый месяц,
Унести с собою солнце
Из груди скалы пятнистой,
Из горы, железом полной,
Из железного утеса.

237-239 Вот проходит он немного,
Небольшое расстоянье,
Видит там зеленый остров.

240-244 А на нем растет береза,
Под березой этой камень,
И утес стоит у камня,
А дверей в утесе девять,
На дверях задвижек сотни.

245-252 Видит трещину в утесе,
В камне узкую полоску.
Меч из ножен вынимает,
Острый меч в скалу вонзает,
Колет он клинком огнистым,
Колет пламенным железом
Так, что камень раскололся,
Быстро натрое распался.

253-258 Старый, верный Вяйнямёйнен
Посмотрел чрез щели камня:
Змеи там хлебают сусло,
Пиво пьют в скале гадюки,
В недрах этого утеса,
Что похож на печень цветом.

259-264 Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
«То-то бедная хозяйка
Мало пива здесь имела,
Тут хлебают сусло змеи,
Пиво пьют в скале гадюки».

265-272 Змеям головы срубает,
Злым гадюкам рубит шеи.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Никогда в теченье жизни,
От сего дня впредь считая,
Да не пьют гадюки пива,
Не хлебают сусла змеи!»

273-278 Хочет старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Раскачать руками двери,
Силой слова снять задвижки:
Не открыл дверей рукою,
Слов не слушались задвижки.

279-282 Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
«Баба тот, кто безоружен,
Тот без сил, кто без секиры».

283-286 Тотчас он домой вернулся,
Головой поник печально,
Что ни месяца не добыл,
Что ни солнца не достал он.

287-290 И промолвил Лемминкяйнен:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!
Отчего меня не взял ты

Как товарища в заклятьях?

291-294 Я отбил бы все замочки,
Поломал бы я задвижки,
Я сиять пустил бы месяц
И светить я дал бы солнцу».

295-300 Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
«Не берут слова задвижек,
Не берут замков заклятья,
Кулаком их не подвинешь,
Не своротишь двери локтем».

301-303 К кузнецу пошел, к горнилу.
Говорит слова такие:
«О кузнец ты, Ильмаринен!

304-308 Выкуй мне трезубец твердый,
Выкуй дюжину мне копий
Да ключей большую связку,
Чтоб я месяц из утеса,
Из скалы достал бы солнце!»

309-316 И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Все сковал, что было нужно:
Дюжину сковал трезубцев
И ключей большую связку,

Связку копий приготовил,
Не больших, не очень малых,
Сделал среднего размера.

317-320 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
К бедрам крылья прикрепила
И на воздух вознеслася.

321-324 Возле дома полетала
И летит она подальше,
Море Похъёлы минуя,
К Ильмаринену на кузню.

325-328 Посмотрел кузнец в окошко,
Уж не буря ль там несется:
То не буря там несется,
То слетает серый ястреб.

329-332 И промолвил Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«Что тебе здесь нужно, птица,
У окна зачем ты села?»

333-338 Так ответила тут птица,
Так промолвил этот ястреб:
«О кузнец ты, Ильмаринен,
Замечательный кователь,
Ты, по правде, славный мастер,
Ты — кователь настоящий!»

339-344 Так ответил Ильмаринен,
Сам сказал слова такие:
«Никакого тут нет чуда,
Что кузнец я настоящий,
Если выковал я небо,
Кровлю воздуха устроил».

345-348 И сказала эта птица,
Так промолвил серый ястреб:
«Что куешь ты здесь, кователь,
Не оружие ль какое?»

349-354 Так промолвил Ильмаринен,
Дал в ответ слова такие:
«Я кую ошейник крепкий
Этой Похъёлы старухе,
Приковать старуху надо
Там, у твердого утеса».

355-358 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Видит, к ней беда подходит,
Ей несчастье угрожает.

359-362 И летит, стремясь чрез воздух
Дальней Похъёлы достигнуть.
Из скалы пускает месяц,
Солнце выслала из камня.

363-366 А сама свой вид меняет,
В виде голубя явилась:
Запорхала, прилетела
К Ильмаринену на кузню.

367-372 Подлетела к двери птицей,
Голубком у двери села.
И промолвил Ильмаринен,
Сам сказал слова такие:
«Ты зачем сюда явился,
Прилетел к порогу, голубь?»

373-378 Из дверей ему ответил,
От порога этот голубь:
«Я затем здесь у порога,
Чтоб принесть тебе известье:
Из скалы уж вышел месяц,
Из утеса вышло солнце».

379-384 Сам кователь Ильмаринен
Посмотреть тогда выходит.
Он подходит к двери кузни,
Смотрит пристально на небо:
В небе вновь сияет месяц,
В небе вновь блистает солнце.

385-390 К Вяйнямёйнену идет он,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вяйнямёйнен,

Вековечный песнопевец,
Посмотри пойди на месяц,
Погляди пойди на солнце!

391-398 Ведь они уже на небе,
На своих местах привычных».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам на двор тогда выходит,
Поднял голову он кверху,
Посмотрел на небо быстро:
Месяц там стоял, как прежде,
И свободно было солнце.

399-406 Смотрит старый Вяйнямёйнен,
Говорить он начинает.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Здравствуй, месяц серебристый,
Вновь ты кажешь лик прекрасный,
Здравствуй, солнце золотое,
Снова всходишь ты, сияя!

407-412 Из скалы ушел ты, месяц,
Ты ушло из камня, солнце,
Как кукушка золотая,
Как серебряный голубчик,
На своих местах вы снова,
Прежний путь свой отыскали.

413-418 По утрам вставай ты, солнце,
С нынешнего дня вовеки!
Каждый день приветствуй счастьем,
Чтоб росло богатство наше,
Чтоб к нам в руки шла добыча,
К нашим удочкам шла рыба!

419-422 Ты ходи благополучно,
На пути своем блаженствуй,
В красоте кончай дорогу,
Отдыхай с отрадой ночью!»

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

РУНА L

✦

1-4 Марьятта, красотка дочка,
Выросла в отцовском доме,
При отце жила, при знатном,
И при матери любимой.

5-8 Пять цепочек износила,
Шесть колец она истерла,
Что с отцовскими ключами
На груди ее блестели.

9-16 Полпорога вовсе стерла
Славно вышитым подолом,
Полстропила перетерла
Тонким головным платочком
И полпритолки истерла
Рукавом из мягкой ткани,
Протоптала половицы
Башмаков своих подошвой.

17-20 Марьятта, красотка дочка,
Эта девочка-малютка
Скромницей была отменной
И стыдливость сохраняла.

21-24 Рыбой вкусною питалась
И корой сосновой мягкой;
Никогда яиц не ела,
Так как с курицей петух жил;

25-34 От овцы не ела мяса,
Коль овца жила с бараном.
Мать доить ее послала,
Но она доить не хочет,
Отвечает ей словами:
«Никогда такая дева
Не возьмет коров за вымя,
Что с быками поиграли,
Молока же не бывает
У телят или у телки».

35-42 Жеребца отец запряг ей,
Но она на нем не едет.
Брат тогда привел кобылу,
А девица молвит слово:
«Не поеду на кобыле,
С жеребцом она играла,
Жеребенка запрягите,
Что лишь месяц как родился».

43-48 Марьятта, красотка дочка,
Чистою жила девицей,
Кроткою, прекраснокудрой

И красавицей стыдливой,
Выгоняла стадо в поле,
За ягнятами ходила.

49-54 Раз на холм взошли ягнята,
Овцы на гору взобрались,
Дева ходит по поляне,
Между ольх в лесу играет,
А сребристая кукушка
Кличет, птичка золотая.

55-64 Марьятта, красотка дочка,
Звуки слушая, уселась
На лугу, где много ягод,
На покатости пригорка,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Кличь, кукушка золотая,
Пой, серебряная птичка,
Кличь ты, с грудкой оловянной,
Молви, ягодка-красотка!

65-68 Ты скажи: я долго ль буду
Незамужнею пастушкой
По лесным бродить полянам,
По просторам этой рощи!

69-72 Буду лето, буду два ли,
Пять лет буду или шесть лет,
Или десять лет, быть может,
Или ждать совсем недолго?»

73-78 Марьятта, красотка дочка,
Долго уж была пастушкой.
Не сладка пастушья доля,
А особенно девице:
По земле ползут гадюки,
В травах ящериц довольно.

79-86 Но не ползают тут змеи,
В травах ящериц не видно
Кличет ягодка с пригорка,
Слово молвила брусника:
«Ты сорви меня, девица,
Подбери меня, младая,
В оловянных украшеньях,
С подпояскою из меди!

87-94 Или съест меня улитка,
Иль червяк проглотит черный,
Уж меня видали сотни,
Тут вот тысячи сидели,
Женщин тысяча, дев сотня
И большой толпою дети,
Но никто меня не тронул,
Не сорвал меня рукою».

95-100 Марьятта, красотка дочка,
По тропе прошла немного,
Чтобы ягодку увидеть,
Выбрать красную со стебля,
Выбрать кончиками пальцев,
Нежными сорвать руками.

101-106 Видит — ягодка на горке,
На полянке та брусника:
И на ягодку похожа,
Но стоит как будто странно,
Брать с земли — высоко слишком,
С дерева — так слишком низко!

107-114 Прутик тут взяла девица,
Сбила ягодку на землю.
Прыгнула с земли брусника
На башмак ее прекрасный,
С башмака она вскочила
К ней на чистое колено,
С чистого ее колена
На оборочку от платья.

115-118 Прыгнула потом на пояс,
С пояса на грудь девицы,
А с груди на подбородок,
С подбородка прямо в губы;

119-122 А оттуда в рот скользнула,
На язык там покатилась.
С языка же прямо в горло
И затем прошла в желудок.

123-126 Марьятта, красотка дочка,
От нее затяжелела,
Понесла от той брусники,
Полной сделалась утроба.

127-130 Одевалась без шнурочка
И без пояса ходила,
Удалялась тайно в баню,
В темноте там укрывалась.

131-138 Мать раздумывала часто,
Размышляла так старуха:
«Что-то с Марьяттой случилось,
С милой курочкою нашей,
Что шнурка не надевает,
Что без пояса гуляет,
Что украдкой в баню ходит,
Укрывается во мраке?»

139-144 И сказал один ребенок,
Он слова такие молвил:
«Видно, с Марьяттой случилось

Оттого такое горе,
Что бедняжка очень долго
Прожила со стадом в поле».

145-150 И носила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью
Так семь месяцев и восемь,
Девять месяцев носила,
По расчету старых женщин
Даже девять с половиной.

151-154 Так как в месяце десятом
Дева вовсе заболела,
Отвердело вовсе чрево
И томило деву мукой.

155-160 Просит мать устроить баню:
«Мать моя ты дорогая!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,
Чтоб могла я на свободе
Там избавиться от болей!»

161-163 Мать промолвила ей слово,
Так ответила старуха:
«Прочь уйди, блудница Хийси!

164-166 Отвечай мне, с кем лежала?
Холостой ли он мужчина?
Молодец ли он женатый?»

167-170 Марьятта, красотка дочка,
Ей в ответ сказала слово:
«Не была я с неженатым,
Ни с женатым я не зналась.

171-174 А пошла я на пригорок
И хочу сорвать бруснику.
Вижу — будто бы брусника,
На язык ее взяла я.

175-178 В горло мне она скользнула,
Проскочила в мой желудок:
От нее отяжелела,
Полноту я получила».

179-184 Так отца о бане просит:
«Дорогой отец любимый!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку!»

185-190 Ей отец промолвил слово,
Старый ей тогда ответил:
«Уходи ты прочь, блудница,
Ты, презренная, подальше,
На утес, в жилье медвежье,
К ворчуну в его пещеру.

191-196 Там родить, блудница, можешь,
Там погибнешь ты, дрянная!»
Марьятта, красотка дочка,
Слово мудрое сказала:
«Я нисколько не блудница,
Не презренная нисколько.

197-200 Но великого героя,
Благородного рожу я,
Даже сильного сразит он
Вяйнямёйнена седого».

201-203 Дева бедная не знает,
Где, в какую дверь стучаться,
У кого просить ей баню?

204-206 Говорит слова такие:
«Пилтти, девочка-малютка,
Ты всех лучше из служанок!

207-210 Попроси в деревне баню,
Баню у речушки Сары,
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку!

211-216 Ты беги, помчись быстрее,
Это нужно очень скоро!»
Пилтти, девочка-малютка,

Говорит слова такие:
«Но кого просить я буду,
У кого искать подмоги?»

217-220 Молвит Марьятта служанке,
Говорит слова такие:
«Прямо к Руотусу отправься,
Где впадает речка Сара!»

221-230 Пилтти, девочка-малютка,
Тем словам ее внимает,
И без просьб она готова
И скора без приказанья,
Точно пар, она выходит
И, как дым, на двор стремится,
Подбирает свой передник,
Платье верхнее руками,
Побежала скорым шагом,
Прямо к Руотусу помчалась.

231-234 Затряслись от бега горы,
И качались тут пригорки,
Шишки по пескам скакали,
Камни скачут по болоту.

235-240 Вот и к Руотусу приходит
И вошла в его жилище.
Этот Руотус безобразный

Ест и пьет с большою спесью,
За столом сидит в рубашке
Из льняной отличной ткани.

241-243 Так сказал он за обедом,
Опершись на скатерть гордо:
«Что, негодная, ты скажешь?

244-250 Ты откуда прибежала?»
Пилтти, девочка-малютка,
Говорит слова такие:
«Я пришла просить о бане,
Баню я ищу у речки,
Где б покой нашла бедняжка,
Где б была несчастной помощь».

251-258 Тут жена его приходит,
Упершись в бока руками,
Переваливаясь, ходит,
Посредине пола стала
И расспросы начинает,
Говорит слова такие:
«Для кого ты баню просишь,
Для кого подмоги ищешь?»

259-264 Пилтти, девочка, сказала:
«Я для Марьятты прошу вас!»
И ответила старуха,

Руотуса жена дурная:
«Нету бани здесь на речке,
Для чужой у нас нет бани.

265-270 Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет:
Лошадь там надышит пару,
В том пару вы и попарьтесь».

271-280 Пилтти, девочка-малютка,
Поспешила возвратиться,
Что есть силы побежала,
Прибежавши, так сказала:
«Не нашлось в деревне бани,
Не нашлось у речки Сары,
Мне та Руотуса хозяйка
Слово молвила такое:
„Нету бани здесь на речке,
Для чужой у нас нет бани.

281-288 Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет:
Лошадь там надышит пару,

В том пару вы и попарьтесь!“
Так сказала эта злая,
Так она мне отвечала».

289-296 Марьятта, малютка-дева,
Начинает горько плакать.
Говорит слова такие:
«Вот должна теперь идти я,
Как поденщица какая,
Как наемная рабыня,
На спаленную поляну,
На траву в лесу сосновом!»

297-300 Вот берет руками платье,
Подбирает край подола
И несет в руках метелку,
Веником живот прикрывши.

301-304 Так идет она поспешно,
При жестоких муках чрева,
В темный хлев в лесу сосновом,
В домик Тапио на горке.

305-310 Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Снизойди, творец, на помощь,
Милосердный, будь защитой
В этом очень трудном деле,
В этот час, такой тяжелый!

311-314 Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева,
Чтоб от болей ей не сгибнуть,
От мучений не скончаться!»

315-322 И, когда дошла до места,
Говорит слова такие:
«Надыши, конек мой милый,
Надыши, моя лошадка,
Сделай теплый пар, как в бане,
Теплоты побольше дай мне,
Чтоб покой нашла бедняжка,
Чтоб была несчастной помощь».

323-328 Надышал конек тот добрый,
Надышал тот жеребенок
На страдающее чрево:
И, когда дышала лошадь,
Стало жарко, словно в бане,
И пары сгустились в капли.

329-332 Марьятта, малютка-дева,
Та стыдливая девица,
Покупалась там довольно,
В том тепле омыла чрево.

333-336 Родила на свет сыночка,
И невинного младенца
К лошади кладет на сено,

В ясли к ней, прекрасногривой.

337-340 А затем сынка обмыла
И в пеленки спеленала,
Положила на колени,
На своем укрыла лоне.

341-344 Скрыла милого сыночка
И питала дорогого,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый.

345-350 На руках своих кормила,
На руках своих качала.
Положила на колени,
На своем укрыла лоне,
Начала головку гладить
И волосики чесала.

351-358 Вдруг исчез с колен ребенок,
Вдруг пропал тот мальчик с лона.
Марьятта, малютка-дева,
Та стыдливая девица,
Собралась искать ребенка,
Сына милого, родного,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый.

359-364 И под жерновом глядела,
Под полозьями у санок,
И под грохотом искала,
Посмотрела под ушатом,
Меж деревьев, между злаков,
Травы мягкие раздвинув.

365-372 Долго, долго ищет сына,
Ищет милого сыночка.
На горах и в роще ищет,
На песках, в полянах смотрит,
Смотрит каждый там цветочек,
Разрывает каждый кустик,
Можжевельник рвет с корнями,
У деревьев ломит ветки.

373-375 Собралась искать и дальше,
Отправляется поспешно:
Ей звезда идет навстречу.

376-380 Пред звездой она склонилась:
«Ты, звезда, созданье божье!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко златое?»

381-386 Так звезда ей отвечает:
«Бели б знала, не сказала б.
Это он, сынок твой, сделал,

Чтобы в эти дни плохие
Я на холоде блистала,
В темноте бы я мерцала».

387-389 Собралась идти подальше,
Отправляется поспешно:
Месяц ей идет навстречу.

390-394 Перед месяцем склонилась:
«Месяц, ты, созданье божье!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко златое?»

395-400 Говорит в ответ ей месяц:
«Бели б знал, так не сказал бы,
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы в эти дни плохие
По ночам ходил я стражем,
А в теченье дня я спал бы».

401-403 Собралась идти подальше,
Отправляется поспешно:
Солнце ей идет навстречу.

404-408 Солнцу дева поклонилась:
«Солнце, созданное богом!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко златое?»

409-414 Мудро солнце отвечает:
«Знаю я сынка девицы!
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы я по дням прекрасным
В светлом золоте ходило,
Серебром блистало чудным.

415-420 Знаю милого малютку!
Твоего сынка, бедняжка!
Вот где твой сынок-малютка,
Это яблочко златое:
Он увяз по пояс в топях,
Он в песке увяз по плечи».

421-424 Марьятта, малютка-дева,
Ищет сына по болоту,
Там в болоте и находит
И домой сынка приносит.

425-428 Вырос Марьятты сыночек,
Вырос мальчиком прекрасным.
Как назвать его, не знали,
Рос без имени малютка.

429-432 Мать его звала цветочком,
А чужие звали праздным.
Окрестить его хотели,
Окропить его водою.

433-440 Для крещенья прибыл старец,
Для моленья Вироканнас.
И промолвил старец слово,
Сам сказал такие речи:
«Бедный мальчик заколдован,
Я крестить его не стану,
Прежде чем его осмотрят,
И осмотрят и одобрят».

441-446 Кто же мальчика осмотрит,
Кто осмотрит и одобрит?
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Осмотреть его приходит,
Осмотреть его, одобрить!

447-454 Старый, верный Вяйнямёйнен
Приговор свой изрекает:
«Так как сын в болоте найден
И от ягоды явился,
То он должен быть оставлен
На лугу, где много ягод,
Или пусть ему в болоте
Разобьют головку палкой!»

455-460 Полумесячный ребенок,
Двухнедельный так промолвил:
«О ты, старец безрассудный,

Безрассудный старец, слабый,
Приговор изрек ты глупо,
Объяснил законы ложно!

461-468 Ты за большие проступки,
За дела глупее этих
Отведен в болото не был,
Головы ты не лишился,
А пожертвовал когда-то
Твоей матери дитятей,
Чтобы жизнь свою спасти им,
Чтоб себя от бед избавить.

469-474 Отведен тогда ты не был,
Да и позже, на болото,
А ведь в молодости давней
Заставлял девиц топиться
В глубине морских потоков,
В черном иле дна морского».

475-478 Крестит мальчика тот старец
И дитя благословляет:
«Карьялы король да будешь,
Власти всей ее носитель!»

479-482 Рассердился Вяйнямёйнен,
Рассердился, устыдился,
Собрался идти оттуда
И идет на берег моря.

483-486 Распевает громогласно,
Там в последний раз запел он:
Пеньем медный челн он сделал,
В медь окованную лодку.

487-496 На корме челна уселся,
В море выехал оттуда
И сказал он при отъезде,
Так промолвил на прощанье:
«Вот исчезнет это время,
Дни пройдут и дни настанут,
Я опять здесь нужен буду,
Ждать, искать меня здесь будут,
Чтоб я вновь устроил Сампо,
Сделал короб многострунный,

497-500 Вновь пустил на небо месяц,
Солнцу снова дал свободу:
Ведь без месяца и солнца
Радость в мире невозможна».

501-506 Едет старый Вяйнямёйнен,
Едет с парусом шуршащим
На челне, обитом медью,
На богатой медью лодке,
Едет он туда, где вместе
Сходятся земля и небо.

507-512 Там пристал с своею лодкой,
С челноком остановился.
Только кантеле оставил,
Суоми чудную усладу,
Радость вечную — народу,
Своим детям — свое пенье.

513-516 Я уста теперь закрою,
Завяжу язык свой крепко,
Прекращу я эту песню,
Распевать не буду больше.

517-524 Отдыхать должны и кони,
Если много пробежали,
И само железо слабнет,
Покосивши летней травки,
Опускаются и воды,
Коль бегут они рекою,
И огонь погаснуть должен,
Коль пылал он долго ночью;

525-528 Почему ж напев не должен,
Не должна ослабнуть песня,
Если пелась целый вечер,
С самого заката солнца?

529-534 Так, я слышал, говорили,
Очень часто повторяли:
«Водопад, и тот в паденье

Не всю воду выливает,
Точно так же песнопевец
Не споет всех песен сразу.

535-544 Лучше вовремя их кончить,
Чем прервать на середине».
Так бросая, так кончая,
Заключая, оставляя,
Я в клубок мотаю песни,
Их в одну вяжу я связку,
Как запас, в амбар слагаю,
За замок из крепкой кости,
Не уйдут они оттуда
Никогда в теченье жизни,

545-548 Коль замок не будет отперт,
Коли кость не отомкнется,
Не разжаты будут зубы
И язык не повернется.

549-552 Что бы было, если б пел я,
Распевал я очень много,
Пел бы я в долине каждой,
Пел бы в каждой синей роще!

553-560 Мать моя уже скончалась,
На земле уж нет старушки,
Золотая уж не слышит,
Дорогая уж не внемлет:

Здесь меня лишь сосны слышат,
Ветви ели мне внимают,
Клонятся ко мне березы
Да приветствуют рябины.

561-568 Мать меня еще ребенком
Здесь покинула, родная,
Я как жаворонок вырос,
На камнях как дрозд остался,
Чтобы жаворонком пел я,
Щебетал дроздом в лесочке,
Под надзором у чужой мне
И под мачехиной лаской.

569-574 Прогнала она бедняжку,
Нелюбимого ребенка,
К той стене, где дует ветер,
К стенке северной жилища,
Чтоб сгубил жестокий ветер
Беззащитного ребенка.

575-577 Я, как жаворонок, вышел,
Я блуждал, бедняжка, птичкой,
Я с трудом едва влачился.

578-582 Тихо шел своей дорогой,
И узнал я всякий ветер,
Познакомился я с бурей,

Стал дрожать я на морозе,
Научился плакать в стужу.

583-588 Нахожу теперь я многих,
Часто я людей встречаю,
Что меня ругают злобно
И меня словами колют,
За язык мой проклинают,
Заглушают криком голос;

589-592 Говорят, что я трещу лишь,
Что мое не нужно пенье,
Что пою я часто плохо
И не знаю лучших песен.

593-596 Люди добрые, прошу вас,
Не сочтите это странным,
Что пою я, как ребенок,
Щебечу я, как малютка!

597-600 Не был отдан я в ученье,
У мужей могучих не был,
Слов чужих не приобрел я,
Не принес речей с чужбины.

601-604 Ведь другие обучались,
Я ж не мог уйти из дома
Бросить матушку родную,
С ней одной я оставался.

605-610 Я учился только дома
За своим родным забором,
Где родимой прялка пела,
Стружкой пел рубанок брата,
Я ж совсем еще ребенком
Бегал в рваной рубашонке.

611-620 Как бы ни было, а все же
Проложил певцам лыжню я,
Я в лесу раздвинул ветки,
Прорубил тропинку в чаще,
Выход к будущему дал я,
И тропиночка открылась
Для певцов, кто петь способен,
Тех, кто песнями богаче
Меж растущей молодежью,
В восходящем поколенье.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0